

От редакции

С 1-м номером за 1930 год журнал вступает в 6-ой год своей работы.

Пять лет тому назад мы поставили задачей журнала: быть действенным органом, не только с достаточной яркостью и полнотой отражающим текущую социально-экономическую жизнь страны, но и руководящим органом, направляющим эту жизнь твердой рукой по классовой пролетарской линии, намечаемой руководящими органами партии.

Мы написали на своем знамени: «борьба с идейной бесхребетностью, экономическим ликвидаторством, буржуазно-реставрационными и мелко-буржуазными уклонами в экономике, обильно питающими свои корни от «стихий нэпа»! Беспощадная марксистско-большевистская оценка этих уклонов и извращений!

Специально в области плановой работы—борьба как против недооценки планового начала, так и против бюрократических извращений планирования.

Прошло пять лет, столь богатых содержанием в революционную эпоху, но нам не приходится пересматривать этих установок. Они остаются нашим *credo* и впредь.

К ним теперь мы должны прибавить ряд новых установок, невозможных тогда, но повелительно необходимых теперь.

Конец 1924 г. и начало 1925^{г.}, когда писались приведенные выше строки, были временем, когда страна лишь подымалась еще из разрухи, когда достигнуты были лишь на $\frac{2}{3}$ довоенные размеры хозяйства, когда только что был пережит кризис заговаривания, когда крестьянство противостояло еще государственному хозяйству, его социалистическому сектору, как грозная стихийная сила мелкотоварного менового хозяйства, выделяющего из себя капиталистические хозяйства, когда страна тянулась еще только к плану, но еще бессильна была не только его осуществить, а даже создать.

Какое это теперь уже отдаленное прошлое!

Годовые хозяйственные планы (так называемые, контрольные цифры) стали теперь уже неотъемлемой принадлежностью, непременным атрибутом развертывающегося хозяйства СССР. Пятилетний народно-хозяйственный план стал знаменем борьбы и победы пролетариата; каждый трудящийся СССР считает своим долгом знать его установку.

с т а л
э т а л
своего ш
1-го

бороться за них, осуществлять их, ускорять их достижения в своей повседневной работе. Пятилетка в четыре года—лозунг, выдвинутый самими трудящимися массами СССР!

Плановое овладение народным хозяйством, его рационалистическое руководство, укрепление и расширение материальной базы СССР сделали столь гигантские успехи, что страна пролетарской диктатуры может уже взять курс на ликвидацию частного сектора в своем хозяйстве в ближайшие уже годы.

Переход на 7-часовой рабочий день, введение многосменности, позволяющей в невиданной мере повысить использование наличных средств производства, ликвидация поповских праздников и введение непрерывной производственной пятидневной недели, с увеличением количества дней нормального отдыха в году, появление таких невиданных факторов роста производительности труда, как социалистическое соревнование рабочих, возникшее стихийно и выросшее в мощный поток пролетарской энергии, направленной к единой цели, бурное развертывание колхозного движения в деревне, сметающее на своем пути все преграды,—все это показатели того, что величайшая в мире революция, вопреки клевете ренегатов и всех представителей буржуазии, идет вверх, мощно развертывает свои силы, ставя перед собой, как реальную цель, такие задачи, которые многим и многим казались весьма отдаленными еще так недавно.

Ликвидация кулачества, как класса. Сплошная коллективизация целых экономических районов. Курс на полное вытеснение частника. Организованное снабжение населения.—Вот реально стоящие перед нами задачи сегодняшнего дня.

Они стали возможны и осуществимы благодаря правильно взятому и твердо выполняемому курсу на индустриализацию страны, благодаря гигантскому развертыванию промышленности, производящей средства производства, насаждению совершенно новых, невиданных доселе в СССР отраслей индустрии, включая в том числе такие, как тракторостроение, со строительством тракторных заводов в масштабах, которые в ближайшие же годы, тотчас по их окончании, сделают нас первой в мире страной по количеству выпускаемых ежегодно тракторов.

Решающие победы на решающем фронте труда!

великие завоевания рабочего класса, сумевшего по завету «бороться с крестьянством» и повести его за собой (вопреки всем вывихам «левых» и оппортунистическому «картинному» возможно переоценить.

массой в колхозы. Совершается второй этап революции: организация обобществленной уже в первом этапе борьбы с классового врага, его остатков, достигает своей высшей степени озлобленности, саботажа, порчи имущества, лишь предсмертные судороги

уходящего в область истории класса. Дни его сочтены, историческая судьба предрешена. На этой основе еще более решительными и ожесточенными становятся классовые бои.

Все наши достижения как материально-производственные, так и социально-экономические, чрезвычайно укрепляя экономическую и политическую мощь СССР, поднимают его народное хозяйство на такую высоту, которая знаменует собою уже сейчас принципиально новую ступень, чем та, на которой оно находилось еще год тому назад, до начала развертывания великого колхозного потока, до развертывания социалистического соревнования и сопутствующих ему явлений и до обнаружения уже в реконструктивный период темпов, ставших характерными для «хлебного года пятилетки».

Все это вместе взятое предъявляет новые требования в хозяйственном руководстве, делает его еще более ответственным. Стихийные факторы регулирования постепенно отходят в область преданий. План становится основным регулирующим началом в хозяйстве. Оперативная деятельность становится работой по выполнению плана.

Отсюда потребность в повышении качества плана, отсюда потребность в дальней плановой перспективе, охватывающей не только ближайшие годы, но и освещающей светом своего «пржектора» основные вехи развития и для более отдаленного будущего—потребность в генеральном плане развертывания народного хозяйства СССР, в плане построения социалистического общества.

Такой план стал уже насущной потребностью хозяйственной деятельности. Госплан СССР уже ощущает на себе каждодневно эти запросы, идущие со всех сторон и требующие ответа о путях развития далеко за пределами пятилетки. Таковы запросы Главметалла—о масштабах его продукции, запросы Главмашинстроя—о размерах пахотных и посевных площадей на 10—15 лет, без чего невозможно определить размеры необходимо сельско-хозяйственного машиноснабжения и трактороснабжения, а стало-быть и мощности и типы начинающихся постройкой заводов; таковы запросы НКПС, требующие определения грузооборота в пятилетие, следующие за ближайшим, без чего он не решается осуществлять проектирование крупного железнодорожного строительства и приступить к его осуществлению и т. д. и т. п.

Все это говорит о том, что крупнейшей задачей, на разрешение которой должно быть направлено основное внимание плановых и исследовательских органов страны, является наряду с повышением качества текущего планирования—задача построения генерального плана развертывания народного хозяйства СССР, как плана построения социализма.

Под знаком очерченных задач, в повседневной борьбе за ее скорейшее и притом марксистско-большевистское разрешение, и пойдет работа журнала на предстоящий 1930 год.

Буржуазные извращения в области планирования ¹

Товарищи, чтобы уложиться в предоставленное мне время, мне с самого начала придется максимально ограничить тему и материал, потому что тема сама по себе довольно обширная и материал огромный. Он затрагивает все вопросы или почти все вопросы нашего социалистического строительства и хозяйственного развития. Я в порядке «самоограничения» попрошу поэтому освободить меня от необходимости входить в объяснения различия между буржуазной и левые позиции и противопоставить себя пролетариату—ведет в конечном счете, попытка мелкой буржуазии, которая стоит между двумя классами, найти своих выразителей в лице определенных идеологов советского аппарата, попытка обосновать свои собственные критические позиции и противопоставить себя пролетариату, ведет в конечном счете, по существу, к оформлению идеологии буржуазии. В этом отношении при подведении окончательных итогов большой разницы между ними обоими нет. С точки зрения рабочего класса идеология мелкой буржуазии, как и идеология крупной буржуазии в одинаковой степени враждебны по отношению к нашим социалистическим задачам.

Этим, конечно, ни в коей мере не умаляется необходимость применения рабочим классом и коммунистической партией различной стратегии и различной политики по отношению к тому и другому классу на различных этапах своей революционной борьбы.

В вопросах же планирования, в частности, роль буржуазной и мелкобуржуазной идеологии не может не быть крайне консервативной. Более того, в моменты обостренной классовой борьбы эта роль превращается в контрреволюционную.

Для планирования народного хозяйства созданы предпосылки Октябрьской революцией. По мере укрепления пролетарской диктатуры и по мере роста наших экономических позиций, объективные условия для планирования увеличиваются.

Плановая работа и плановая идеология развиваются все время на основе нашей партийной программы, отображая на себе соответ-

¹ Дополненная стенограмма доклада на собрании специалистов Госплана СССР 15-го декабря 1929 г.

ствующие этапы в развитии народнохозяйственных задач партии и советской власти.

Плановая идеология — это идеология партийная, идеология коммунистическая.

Мы — материалисты и в политике. А «материализм», — как говорит Ленин, — включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и откровенно становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹.

И если нам сегодня приходится говорить о буржуазных установках в планировании, то это значит, что мы выделяем темные пятна на светлом фоне, мутную волну в огромном потоке бурного революционного моря.

Буржуазные воззрения нередко прорываются на заседаниях отдельных комиссий, в докладах и прениях в Президиуме Госплана или в коллегиях и других органах того или иного наркомата, в докладных записках отдельных работников и т. д. Имеется огромная вереница, так называемых, «рукописных» и стенографических материалов, таящих в себе не мало буржуазных «жемчужин». В меньшей, но все же в достаточно значительной степени взгляды эти проникают в нашу советскую печать, особенно в экономические издания.

Авторы буржуазных извращений стараются, конечно, замести следы и доказывают, что, во-первых, они того или иного положения не выдвигали, во-вторых, что, если и выдвигали, то они думали не то, что написано, а как раз наоборот и, в-третьих, — говорят некоторые из них — «стенографистка — враг мой», потому-де, стенограммы перевераны и т. д.

Во избежание всякого такого рода недоразумений, во избежание умышленной и неумышленной путаницы в таких вопросах, которая возможна со стороны моих противников, я с самого начала заявляю, что я не привлекаю к докладу ни одной рукописи, ничего из разговоров, имевших место по тому или иному случаю в частном или в официальном порядке. Я буду пользоваться только теми материалами, которые появились в печати и не буду пользоваться неопубликованными материалами, рукописями или стенограммами, хотя они сами по себе представляют огромный интерес.

Буржуазная идеология расцвела особенно пышным цветом в, так называемый, восстановительный период, особенно в первые годы его. Многие думали, что нэп — это непрерывное отступление, что нэп означает политику не только «надолго», но и «навек» и что он готовит возврат к капитализму. «Психоз реставрации», которым самообольщались многие из специалистов, вводил в заблуждение особенно тех, которые своими корнями наиболее крепко связаны со старым миром и в политическом отношении придерживаются враждебных пролетариату установок. Это неправильное понимание нэпа вводило

их в величайшее заблуждение и по ряду второстепенных вопросов. Они развивали идеи, диаметрально противоположные идеям пролетариата и социалистическому строительству.

Объективные корни этого ясны. Люди отражали — невольно или вольно — идеологию остатков городского капитализма, с одной стороны, и влияние крестьянского окружения, с другой стороны. Понятное дело, что крестьянская экономика не есть экономика капиталистическая, что последняя только выделяется, при благоприятных для этого условиях, из некапиталистической крестьянской среды. Но в своем совместном давлении на советский аппарат крестьянская и капиталистическая идеология идут рука об руку. Получается дурно пахнущая помесь народничества, эсэровства, меньшевизма, да еще сменовеховских, кадетских, а иногда просто черносотенных возрений.

Но почему нам приходится именно теперь особенно заострять эти вопросы? За годы восстановительного периода и первых лет нэпа накопилось так много извращений в плановой работе, что они являются одним из крупнейших тормозов в области планирования. В современной обстановке обостренной и обостряющейся классовой борьбы они всей своей тяжестью падают на ту чашу весов, где лежат гири наших классовых врагов.

Мы вступили в новый период — период реконструкции, который требует особой ясности, особой четкости в вопросах социалистического строительства. В такой период мы должны, так сказать, пересмотреть весь багаж, постараться очистить свое идеологическое богатство от скверной накипи, от влияний буржуазии во всех их проявлениях.

Можно сказать, перефразируя Маркса, что теперь, в период реконструкции, плановые идеи настолько овладевают массами, что становятся материальной силой. Именно поэтому, мы должны с особой четкостью, со строжайшей требовательностью подойти к тем установкам, которые у нас даются и в плановой работе. План в настоящее время имеет такое огромное значение, какого он никогда не имел еще до сих пор. Между тем, классовый враг тысячами незримых путей проникает в наши ряды и находит себе не только сознательных вредителей, но и таких носителей, которые субъективно как будто бы признают себя «на платформе» пролетариата, которые «в душе» субъективно полагают, что они против капиталистов, против старого мира, а по существу они, сами того не зная, творят буржуазную политику.

Ясно, что вопросами плана, вопросами плановой идеологии и политики занимаются не только у нас в Госплане. Мне придется несколько остановиться не только на тех извращениях, которые имеют место в стенах Союзного Госплана, но и на тех взглядах, с которыми они тесно связаны и которые находят место за стенами нашего учреждения.

¹ Ленин. Сочинения, т. I, изд. 2-е, 1928 г., стр. 276.

Те идеи, которые развиваются нашими буржуазными экономистами, выставляются обычно под флагом абстрактной методологии. Они по существу говорят политическим языком, политической прозой и стараются уверить себя, а еще больше других, будто они изясняются на языке «сверхклассовой», объективной, в небесах парящей, методологической поэзии. Обычно они не говорят о политике, а прикрываются положениями общей методологии и стараются выдвигать наиболее «беспартийные» соображения насчет нашей экономической политики. Нередко они поступают еще «скромнее»: не предлагая никаких экономических или политических мероприятий, они в то же время так «объективно» рисуют нашу действительность, что толкают на вывод о необходимости уступок со стороны пролетариата крупной и мелкой буржуазии. Они не дают экономико-политического ответа, но стараются подсказать его.

Разнообразие методов и приемов буржуазной профессуры, степень и формы ее мимикрии зависят, главным образом, от объективных условий, имеющихсЯ налицо в тот или иной период. По мере укрепления советской власти, они становятся более осторожными, выступают по эзоповски, не договаривают до конца и умышленно, а иногда и неумышленно, маскируются.

Но в те периоды, как, например, в 1921—1922 г.г., когда при переходе к новой экономической политике очень остро чувствовалась расшатанность народнохозяйственной системы, некоторые из буржуазных специалистов выступали открыто против советской власти и пролетарской диктатуры.

Мы имеем по этому вопросу в самом начале нэп'а столь ясные формулировки, которые не требуют никаких особых разъяснений. Я их вам просто зачитаю. В журнале «Вестник сельского хозяйства», издававшемся Московским Сельско-Хозяйственным Обществом, которое существовало 100 с лишним лет и которое ликвидировано совсем недавно, в органе, который имел надпись «Ora et Labora» («Молись и трудись»), работал ряд видных специалистов, как, например, Кондратьев, один из представителей буржуазной идеологии (он последнее время даже стал как-будто бы именовать себя марксистом). Там работали также Дояренко, Прянишников и другие. В этом органе мы имели со стороны Кондратьева такое заявление: «Провинция хочет независимого слова и более широкого освещения явлений»¹. Или чего, например, стоит такое откровение:

«Отсутствие спокойного, независимого обсуждения вопросов является для культурно-политически выросшей провинции мучительным препятствием для удовлетворения ее естественного, законного духовного интереса»².

Это Кондратьев писал в «Вестнике сельского хозяйства» в 1921 г. Другой его соратник по поводу доклада Осинского писал тогда следующее:

«Каким же образом нам организовать обмен между Западом и Россией? Для русского хозяйства будет тем лучше, чем теснее и многообразнее будет контакт между ним и Западной Европой. Поэтому все организации, которые могут явиться средостением между русским крестьянством и Западной Европой, должны быть устранены. Я хотел бы здесь поставить точку над «и» и сказать то, что не было сказано в докладе В. Н. Осинского. Я считаю, что важнейшим средостением здесь является Внешторг, что идея объединения всего экспорта в одной правительственной организации является не менее ошибочной, чем та главкократия, от которой отказалась уже Советская власть» (стр. 24—25).

Дальше: «Русская кооперация так же, как и Внешторг, функции внешней торговли выполнить не может. И здесь надо совершенно определенно сказать, нравится ли это нам или нет: без частного торгового капитала, без этого скупщика, который рассыплется по деревням, вы не организуете экспорта. Нигде в истории меновое хозяйство без участия частного торговца не возникало» (стр. 25).

Последние: «Есть буржуазия и буржуазия. Нэпманы есть накупь, выступающая на первый план при настоящих паталогических условиях. При более нормальных условиях творческая роль предпринимателей выступит в более симпатичном свете» (стр. 26).

Это писал Бруцкус, который тогда еще находился в Москве, а теперь он находится за-границей в стане белогвардейцев.

Товарищи, я привожу эти цитаты в связи с тем, что ряд работников, которые группировались вокруг этого Общества, были связаны и с другими учреждениями и в своих статьях тоже развивали, примерно, аналогичные идеи, и в связи с тем, что уже упоминавшийся мною Кондратьев в последующие годы стал претендовать на роль идеолога планирования, выступая в более сдержанной форме и проводя по существу ту же самую политику.

В чем заключается политика этой Кондратьевской группы в ее оголенном выражении? Во-первых, они требуют свободу слова и действия для своих контрреволюционных единомышленников в провинции, во-вторых, требуют уничтожения монополии внешней торговли, в-третьих, требуют того, чтобы советское правительство не поощряло кооперацию и дало бы полную свободу частному хищнику. В общем, они дают программу экономической и политической ликвидации советской власти, программу самой неприкрытой контррево-

¹ «Вестник сельского хозяйства» № 4 за 1921 г., стр. 14.

Там же.

люции. Ясно, куда такие установки, если бы их даже наполовину осуществить, могли бы привести.

Интересно было бы проследить картину постепенного развития этой идеологии в связи с укреплением позиций пролетариата, в связи с укреплением наших командных высот, когда начинаются попытки приспособления к нам и перехода на эзоповский язык. Но эта сторона дела заслуживает специального рассмотрения. Я на ней не останавливаюсь и перехожу прямо к позднейшим годам, к тому периоду, когда многие из нас уже знали Кондратьева, как планового работника, когда он выступал в Госплане, развивал свои идеи в разных учреждениях, развивал их в НКФине, НКЗеме, диктовал в НКФинском Бюллетене и т. д.

Беру прямо 1927 г. Как Кондратьев понимал тогда план? Он считает, что «построение всех основных элементов плана, весь план... как бы пронизан стоящей перед нами на каждом основном этапе работы над планом необходимостью практического разрешения проблемы предвидения». План он противопоставляет предвидению и считает это центральным вопросом.

Как он понимает предвидение? «Выдвигая те, а не иные перспективы, — поучает нас Кондратьев, — мы тем самым даем или точнее принимаем на себя определенную директиву в организации наших мероприятий и действий». Таким образом, нам по Кондратьеву нужно совершенно, так сказать, отвлекаясь от плановых заданий по устройству нашей экономики на социалистический лад, заниматься только предвидением и это предвидение подчинить плану. Он пишет: «Мы должны определить, в каком направлении пойдет развитие, к каким результатам оно может привести само по себе стихийно, вне нашего сознательного воздействия на него». Таким образом, предвидение должно быть установлено вне всякого планового воздействия, а затем этому предвидению следует подчинять все наши экономические мероприятия. Те, кто разделял взгляды Кондратьева и его установки, не всегда повторяли за ним эту теорию с такой ясностью и четкостью, но в практических выводах они ею руководствовались и старались внедрить этот вреднейший хвостизм в нашу плановую работу.

Отсюда и та Кондратьевская теория «реальности» планов¹, которая сводится к тому, что мы должны, мол, ориентироваться только на стихию. Я в этой связи назову человека, который когда-то занимался теорией, но к счастью забросил это дело. У него были в этом отношении потуги, однако, до смешного неудачные, но в практической повседневной работе он эти установки Кондратьева целиком и полностью принимает. Они у него чувствуются на каждом шагу. Это наш

общий знакомый — проф. Огановский. Если взять его работу над планом, если даже не обращаться к стенограммам Госплана, на заседаниях которого Огановский всегда выступал рыцарем «куриных» темпов, но если взять только те статьи, которые он от времени до времени писал в связи с его работой над контрольными цифрами и над пятилетним планом, то получается любопытная картина. Человек, начинает, примерно, с мизерных темпов роста посевной площади, а когда его подхлестывали, поднимал этот рост еще на 1/2 %, еще на 1 % и т. д. Не лучше у него было с урожайностью. Напомню его статью в «Сельско-хозяйственной газете», в связи с проектом повышения урожайности до 35 %. Там он доходил до 13 % — цифру, которую он называл в Госплане и выше которой никак не мог подняться. Огановский — один из кондратьевцев, которых наша реальность, т. е. действительность, существующая в Советском Союзе, а не та, которая существует в воображении буржуазных экономистов, и вся атмосфера плановой работы тщетно подтягивает, между тем, как он почти не двигается с точки замерзания. Получается такой разрыв:

13 и 35. Мы воочию видим здесь те прямые нити, которые непосредственно ведут от Кондратьева к Огановскому.

Я говорил о Кондратьеве далеко не все, что о нем следует сказать, но из того, что я сказал, мне кажется, ясно, что у него установка совершенно недвусмысленная.

Я считаю, что один из наших работников, проф. Громан, целиком и полностью копирует Кондратьева, только в несколько иных выражениях, в несколько иной словесности. Если Кондратьев употребляет русские слова «план» и «предвидение», то Громан употребляет, так сказать, слова заграничного происхождения «генетика», «телеология». Он выдвигает такое положение, что нам и в планах нужен примат генетики над телеологией. В такой квалифицированной аудитории, я думаю, излишне объяснять значение этих слов. Я только постараюсь вкратце остановиться на том содержании, которое Громан в это дело вкладывает, которое по существу еще хуже Кондратьевского.

По этому вопросу он выступал в разных вариациях. Я беру одно из его последних выступлений, а именно, его выступление в прошлом году по докладу тов. Ковалевского. Громан говорит так:

«Тов. Ковалевский назвал в докладе несколько человек, моей фамилии он не назвал, но намекнул, что он имеет в виду оратора, который говорит о примате генетической точки зрения. Мне пришлось при обсуждении методологии перспективного планирования в Госплане дать эту формулу; я продолжаю на ней стоять»¹.

Громан выступает против «фантазий». «Вот эту склонность к фантастическим построениям, — говорит он, — нужно тоже совершенно

¹ «Плановое Хозяйство» № 6 за 1928 г., стр. 159.

¹ Подробнее об этом ниже, при анализе взглядов Базарова на стихию.

уничтожить, нужна большая реальность в построении»¹.

Но к чему сводится вся его реальность? Она сводится к историческому учету тех объективных сил, которые выражают процессы развития народного хозяйства, при чем и Громан, и Кондратьев рассматривают объективные условия сами по себе, вне нашего планового воздействия. Все это он называет «генетикой» и противопоставляет ее нашим плановым устремлениям, так сказать, «телеологии», выражаясь этими немарксистскими терминами. При этом, если Кондратьев говорил только о стихии, взятой статически, то Громан, как человек, имеющий претензии на то, чтобы величать себя марксистом и почему-то пытающийся опираться на Маркса, берет экономическую стихию не просто, но с точки зрения ее исторического развития. Он берет ее так, как она нам дана в процессе развития всего народного хозяйства, не только советского, но и досоветского, дореволюционного периода, под властью царей, помещиков и капиталистов.

Получается таким образом, что над всеми нами должна непременно тяготеть та сумма факторов или те основные линии развития, которые даны нашему хозяйству дореволюционной экономикой, что те законы, которые были выявлены в процессе развития Российской империи, должны целиком и полностью существовать и в настоящее время. Их-то он и выдвигает в качестве «примата», в качестве диктующих, властвующих. Они должны подчинить себе всю нашу плановую работу, все целевые («телеологические») установки, связанные с социалистическим строительством. Надо ли доказывать, что примат громановской генетики — это не фактор, ускоряющий наше движение, но Дамоклов меч, который он пытается повесить над головой нашего хозяйственного развития?... К этому примыкает его известная теория о статических и динамических коэффициентах и теория эмпирических закономерностей, по которым он «выявил», что как бы мы ни старались развивать народное хозяйство, какой бы решительный курс на индустриализацию мы не брали — все равно, в конечном счете соотношение ценностей товарных масс между промышленностью и сельским хозяйством останется неизменно в той пропорции, в какой оно было до войны, т.-е. 63% и 37%. Он считает, что если продукция промышленности увеличивается, скажем, на 20—30%, то соответственно должна снижаться ценность всей товарной промышленности. Таким образом, по Громану получается, что, если в 1913 г. промышленность занимала в ценности товарной массы всей страны 63%, то в 1925 г. и теперь, в 1929/30 г., когда продукция составляет уже 150% по отношению к довоенному уровню, на ее долю остаются все те же 63% в ценности товарной массы, а 37% постоянно и неизменно на веки вечные принадлежат сельскому хозяйству.

¹ „Плановое хозяйство“ № 6 за 1928 г., стр. 160.

Насколько нам известно, Громан нерелигиозный человек, но в данном случае у него получается какой-то роковой фанатизм, как будто какая-то божественная судьба тяготеет над нами и все предопределяет. Громан выводит вот эту основную, якобы, совершенно объективную, «божественную», закономерность, которая по его мнению является абсолютно непреложной. Я считаю, что она неверна в своей основе, так как она не учитывает ни на йоту те огромнейшие реконструктивные сдвиги, которые произошли в социально-экономическом и техническом отношениях, и необъятные перспективы, стоящие у нас впереди.

Но интересно то, что если имеются люди, которые заявляют в настоящее время, что они раньше ошибались в своих теоретических и политических установках, что те огромные процессы, которые происходят за последние два года в нашей стране, те процессы, которые блестяще показывают, что мы идем быстрым темпом по пути социалистического строительства, многому научают их и заставляют производить «переоценку ценностей», то Громан к этим людям, очевидно, не принадлежит. Это ясно из известной многим товарищам полемики, которая у меня была с ним на страницах «Экономической Жизни»¹, где он еще раз подтвердил, что целиком и полностью стоит на своих старых позициях.

Это в смысле вопросов чисто экономических. Политически он пошел еще дальше и эти свои установки зафиксировал решительно в письме на имя тов. Рыкова, которое тоже было опубликовано в газетах². Так, что здесь, по-моему, позиция столь ясная, что она особых разъяснений не требует.

Благодаря своему письму «председателю и членам СНК и СТО», Громан вскрыл свое политическое лицо полностью. Если политическое содержание его «объективных» оценок и прогнозов было еще кой-кому до сих пор не ясно, то теперь оно сомнений ни у кого уже не оставит. Он сам называет себя «социалистом», который не разделяет «мировоззрения коммунистической партии». Таких «социалистов» обычно называют социал-демократами или эсэрами. Беспартийности в политике не бывает. С исчерпывающей ясностью т. Рыков указал через Горбунова, что Громан открыто солидаризуется со II Интернационалом, что «идеология «социализма» II Интернационала» и Амстердама самым непосредственным образом служит делу капитализма. Эту роль «социалистическая» идеология выполняет как в буржуазных странах, где социалистические партии являются орудием буржуазии против революционного движения рабочих, так и в СССР, где они являются идеологией тех остатков буржуазных классов, которые еще сохранились в нашей стране»³.

¹ См. № 261 (3282) от 13 ноября 1929 г.

² Письмо Громана т. А. И. Рыкову.

³ См. письмо В. Г. Громана и ответ Н. Горбунова в московских газетах от 10/X—1929 г.

В силу дикой Громановской концепции, которая, вообще говоря, является крайне наивной и механистически безграмотной, дело обстоит таким образом, будто, с одной стороны, имеется объективная тенденция, а, с другой стороны, воля класса; неизбывная коллизия между ними все губит и все пути к претворению в действительность нашей воли к социалистическому строительству закрыты. Нужно сказать, что мы строим социализм не потому только, что мы этого хотим, а потому, что для этого имеются объективные тенденции, которые мы используем. Из года в год эти объективные тенденции работают в пользу социализма, растут и увеличиваются. Эта основная, уже если выражаться по квази ученому, «генетическая» истина не принимается Громаном и теми, кто его в этом поддерживает. Азбучная истина, что в капиталистическом мире накопились противоречия, которые объективно ведут его к гибели и обуславливают необходимость и возможность построения социалистического общества, давным давно доказана Марксом и твердо усвоена коммунистами. Сие дело для нас доказано, оно является превзойденной ступенью, и если Громан катится в этом вопросе к своим социал-демократическим единомышленникам, то тем хуже для него: катитесь, господин Громан, поскорее.

Совершенно ясно вместе с тем, что в переходный период у нас назрели такие объективные силы, которые дают возможность решительно и твердо строить социалистическое общество, что наша «генетика» диалектически подкрепляет нашу «телеологию».

Один пример — наша пятилетка, пятилетний план, который был принят в оптимальном варианте «сверхмаксимально» и является документом, в основе своей «телеологическим», учитывающим вместе с тем и «генетику». Здесь дана твердая установка на строительство социалистического общества. Сам по себе пятилетний план является могучим стимулом для рабочего класса, поскольку он рисует ясные конкретные перспективы социалистического развития. Но после того, как пятилетний план начал вступать в действие, рабочий класс ставит себе целью выполнить пятилетний план в течение 4 и даже 3 лет, и он находит в себе силы реализовать эту задачу различными способами. Пути общеизвестны: социалистическое соревнование, непрерывное производство, ударные бригады и пр. Здесь — огромная масса скрытых сил и возможностей. Немало можно также получить в результате всеобщего улучшения качества работы и всемерной борьбы с потерями. Как мы идем? — Мы не отрываемся от действительности, мы опираемся на объективные возможности, на действительность и сознательно, с определенной целью усиливаем те стороны, которые ведут к социализму, ослабляя, подавляя и решительно ликвидируя те враждебные нам классовые силы, которые вредят этому делу, в том числе и такую силу, как влияние громановщины и кондратьевщины.

Громановская теория усиливает слабые стороны и ослабляет положительные стороны нашего развития.

Разве кто-нибудь из нас отрицает наличие затруднений и массы теневых сторон в нашей работе? Конечно, никто их не отрицает. Возьмите все решения и резолюции наших партийных организаций, пленумов ЦК, съездов и конференций: в них постоянно и неизменно говорится о ряде затруднений, но они вместе с тем указывают конкретные пути их ликвидации и изжития.

Громан же хочет просто задушить нас своей «генетикой». А кто посмеет выступить против Громана и его «школы», того они а priori ругают фантазерами и людьми, оторванными от действительности.

Я думаю, что последние годы показали, кто отрывается от действительности и кто правильно понимает исторический ход развития. Громан, исходя из генетики, хочет наш план подчинить без остатков крестьянской сохе и всей той отсталости, которая сохранилась еще от царского времени. Утонув по уши в своей злосчастной генетике, Громан пытается, основываясь на своих статических и динамических коэффициентах, повернуть план назад к довоенной экономике.

Для этого он проделывает такую операцию: вместо плана и цели, за которые надо бороться, вместо того, чтобы действительно бороться за план, он хочет сбалансировать все проблемы на принципе механического равновесия.

Конкретизируя принцип «равновесия», Громан крайне неудачно сводит его к довоенным отношениям:

«Мы, — пишет он, — возрождаемся из хозяйственной катастрофы, и достижения довоенных соотношений, в которых выражались условия хозяйственного равновесия, в огромной степени являются регулятивными нормами, в объективном смысле этого слова, и для нашего теперешнего хозяйственного процесса»¹.

Опять напутал наш «философ». Не в довоенных нормах дело, а как раз в том, чтобы их сломать и преодолеть. Его трактовка вопроса была неверна для 1924 г., когда он писал свою статью, и тем более неверна в настоящее время.

«Равновесие, хотя бы и подвижное, хозяйственного организма страны — есть высший постулат, всякое нарушение которого немедленно приводит к кризису и заставляет исправлять допущенные отступления от его требований»².

Враки, господин Громан. Не в механическом, по богдановски понятому, равновесии дело, уже если немного диалектически рассуждать, а в единстве противоположностей и в умелом использовании действительности во имя революционной цели.

Благо революции — высший закон, и, когда этот закон требует, мы обязаны идти на нарушение и разрушение равновесия.

Динамические коэффициенты Громана ставят голый принцип сохранения равновесия во что бы то ни стало. А мы, соблюдая опре-

¹ В. Г. Громан. «О некоторых закономерностях и т. д.», «Плановое Хозяйство», № 1, за 1925 г., стр. 98.

² Там же, стр. 91.

деленные пропорции, определенное соотношение частей, не топчемся на месте, но производим огромнейшие изменения во всех сторонах человеческой жизни и по-революционному вторгаемся и в силы природы, и в социальные человеческие отношения.

Мы основательнейшим образом вывели из равновесия господствовавшие до революции классы, мы настолько разрушили их равновесие, что довели их до экономического и политического небытия.

А в настоящее время мы выводим из равновесия крестьянскую экономику, всполошили целые районы сплошной коллективизацией. Трактор творит настоящую революцию и не только нарушает, но разрушает старое равновесие.

Мы подчиняем силы природы социализму. Вот несколько примеров.

Лермонтов, вместе с дворянскими барышнями, проливал слезы над неприступной красотой Кавказа; она казалась несокрушимой силой с «равновесием» тысячелетий, а пришли большевики и для такой цели, которая называется ЗАГЭС, заковали кавказскую реку в цемент и заставили ее изменить свое течение.

Гоголь умилялся над равновесием Днепра, а появился Днепро-строй и вывел «чудный Днепр» из равновесия.

Волга! Она будет впадать не в Каспийское, но в Черное море, ибо такова воля коллектива, ставящего Волго-Донской канал на службу нашим транспортным связям.

Пролетариату нужно, чтобы туркестанские дехкане ели сибирский хлеб и взвращивали хлопок. Он стремится побороть равновесие, установленное длиннейшей полосой исторического развития или, вернее, векового застоя.

Пролетариат строит для этого гигант Турксиб; осуществляются его коллективные социалистические задания.

Вот эти и многие другие наши активные действия вдребезги разрушают громановскую концепцию равновесия.

Свою теорию Громан защищал в клубе плановых работников буквально за несколько месяцев до окончания работы над пятилетним планом, идущим по совершенно иным путям, чем то намечает «генетическая» теория.

Грош цена таким плановым установкам и такой плановой идеологии, которая настолько ослеплена и ослепляет других, настолько не понимает действительности, и при том еще, втирая очки, говорит, что опирается на реальность.

Я не стану говорить о других. У нас имеются, например, такие, как Вишневский и Гухман, которые стараются иногда сесть между двух стульев, поддержать и тот и другой лагерь, а по-существу они подпевают Громану, являясь его выучениками и его рупором. Никто из этой «парочки» не выступал в ожесточенных спорах, имевших место в Госплане, на стороне тех, кто с Громаном спорил. Ученики не выступают против «учителя».

Еще одно замечание относительно Громана. Он говорит как будто бы только о развитии производительных сил. В большинстве случаев он вопросов классовых отношений не касается. Но когда он дает основную установку на сохранение и возврат в наших отношениях к довоенным экономическим пропорциям, то отсюда всякий грамотный марксист должен сделать тот вывод, что за экономикой логически следуют и всякие иные формы общественной жизни. Должны измениться существующие у нас классовые отношения, должен измениться и государственный строй, так как все должно, мол, подчиняться законам довоенного равновесия.

Может быть проф. Громан, в защиту своей теории, попытается пустить и в настоящее время ряд приемов, которые у нас в Госплане получили известность под названием «Рычи Китай». Но на какие бы ухищрения не пустился Громан и его единомышленники, им не удастся замазать тот факт, что его теория как в политическом отношении, так и во всех других отношениях, является в настоящее время самой реакционной, самой отсталой, самой предательски-подлой, самой враждебной для планового хозяйства, для коммунизма, для рабочего класса и для его задач. Если теперь, в период наиболее решительной, наиболее быстрой реконструкции, стоять на той же точке зрения Громана, которая и раньше была в корне неверной, если считать, что законы, данные довоенным развитием нашей страны, незыблемы, что ничего нового у нас не произошло, то право, не знаю, что человек видел в течение 12 лет революции и чему он научился?

Громан остался безнадежно слепым меньшевиком.

К эмпирическим закономерностям Громана примыкают и установки Владимира Александровича Базарова по ряду вопросов, причем в некоторых вопросах он как-будто бы стоит чуточку левее, а в других вопросах он стреляет гораздо дальше. Кроме того, он выступает по ряду таких проблем, по которым другие вовсе не высказываются.

Таким образом, Базаров многостороннее и «многоошибочнее», но вместе с тем, немного тоньше других, не говоря уже о том, что он вводит в заблуждение простачков своим «марксистствующим» миропониманием. При рассмотрении вопроса о методологии перспективного планирования он выдвигает для советского хозяйства, как одну из важнейших идей, безкризисное развитие нашего хозяйства. Идея эта — не оригинальная. Она не принадлежит Базарову. Казалось бы, идея в основе своей правильная и против нее не только не нужно спорить, но, наоборот, ее следует целиком и полностью принять. Однако, то конкретное содержание, которое Базаров вкладывает в эту идею, наводит на весьма грустные размышления.

Какое понятие вкладывает Базаров в безкризисное развитие? «Во-первых, — говорит он, — движение народного хозяйства от его

теперешнего состояния к конечной точке, указанной генеральным планом, должно протекать плавно, без перебоев, что, в свою очередь, предполагает и наличие определенных хозяйственных резервов. Во-вторых, народное хозяйство не только по завершении разработанной генеральным планом реконструкции, но и в любой точке перехода должно представлять собой стройное органическое целое — максимально устойчивую систему подвижного равновесия¹.

Базаров развивает это положение дальше:

«Требование «бесперебойности» характеризует лишь в самых общих чертах форму перспективной кривой и притом с отрицательной стороны, оно говорит нам, что искомая кривая должна иметь возможно меньше точек перегиба и вовсе не должна иметь ни острых углов, ни разрывов»².

Это он писал в 1926 г. Изменил ли Базаров свою точку зрения? Нет. В 1928 г., возвращаясь к тому же вопросу, он пишет следующее: «В самом деле, бескризисным народнохозяйственное развитие можно назвать лишь в том случае, если оно не только в конечном пункте запроектованной пятилетки, но и на всех промежуточных ступенях представляет собой систему динамического равновесия, чуждую сколько-нибудь резких диспропорций»³.

Мне не известно, как-будто я достаточно внимательно слежу за госплановской литературой, выступал ли где-нибудь В. А. по этому вопросу еще позднее, но, во всяком случае, в 1926 и 1928 г.г. мы имели аналогичные заявления. В чем заключается их смысл? Он заключается в том, что мы должны, как говорит В. А., стремиться к бесперебойному плану не только в отдаленной перспективе, но уже на отдельных отрезках выполнения плана — сегодня, завтра, послезавтра, в 1926, 1927, 1928 и 1930 г.г.

Правильная общая идея о бескризисном развитии советского хозяйства, в отличие от капиталистических стран (а этого отличия Базаров как раз и не понимает), превращается в устах нашего методолога в требование немедленного, бесперебойного, плавного спокойного существования.

Любопытно то обстоятельство, что как раз Базаров, Громан, Кондратьев и другие представители буржуазной мысли в области планирования больше всего кричат о наличии у нас диспропорции, разрывов, осрых углов, узких мест и т. д. Они только то и видят, что у нас все плохо, все из рук валится.

¹ „Плановое Хозяйство“, 1926 г., № 7, стр. 11.

² „Плановое Хозяйство“, 1926 г., № 7, стр. 12—13.

³ „Плановое хозяйство“, № 2, за 1928 г., статья „Принципы построения перспективного плана“.

Я уже указывал выше, что затруднения и острые углы в нашем народном хозяйстве действительно имеются. Мы имеем не кризисы, но затруднения.

Можно ли их изжить непосредственно, немедленно, одним росчерком плановых наметок на сегодняшний день? Конечно, нет.

И почему «универсальный» Базаров, который по-богдановски хочет обнять весь мир единой «организационной тарабарщиной», в данном случае «забывает» про затруднения сегодняшнего дня?

Почему он с таким легким сердцем требует плавного развития немедленно, ничего не дожидаясь?

Потому что в данном случае он идет, может быть, незаметно и для себя, по избитой кондратьевской дорожке.

Как ставит вопрос Кондратьев и как ставит его Базаров?

Мы видели выше, что Кондратьев считает, что у нас должен существовать план сам по себе, а действительность сама по себе, и что стихия последней диктует задания плану.

Более обстоятельно Кондратьев формулирует свою мысль в той же статье «Методы составления перспективных планов народного хозяйства» следующим образом:

«При построении перспектив, — говорит Кондратьев, — возможны два пути, но приемлем из них только один. Первый путь — построение перспектив в зависимости исключительно от наших более или менее отдаленных социально-экономических целей. Этот путь неприемлем для построения планов. Сам по себе он не в состоянии привести к такой системе планов, которая реально осуществима в течение интересующего нас в плане отрезка времени, которые могут быть, следовательно, руководящими указаниями реального плана. Наши отдаленные цели и устремления могут быть принципиально правильными. Однако, как таковые, они не укладываются в рамки того относительно короткого отрезка времени, на который составляется план. Но «человечество ставит себе только осуществимые задачи». И если мы строим реальные планы, то мы должны строить и осуществимые перспективы».

О Кондратьеве нельзя сказать, что он против плана. Принципиально он стоит за план и даже более того, он не отрицает перспектив, рассчитанных на далекое развитие, но он ставит вопрос таким образом, что те отрезки плана, которые мы должны ежегодно, ежемесячно осуществлять, обязаны подчиняться предвидению, игнорировать всякую цель и быть исключительно под влиянием стихии. Это Кондратьев называет реальным планом. Но ясно, что мы можем осуществлять план, рассчитанный на долгие годы, только при условии, если в повседневной работе его осуществлять, за него бороться. Если же говорить, что план сам по себе хорош, но в повседневной работе мы должны ориентироваться на прямо противоположное, идти по воле стихии, то при таком подходе никакого социалистического строительства, конечно, не получится.

Базаров говорит о бесперебойном и плавном плане в повседневной противоречивой действительности, а Кондратьев настаивает на реальных планах. И Базаров, и Кондратьев принципиально не отрицают длительных перспектив, но первый хочет идти ровным шагом, а второй наярывается в тогу «объективного критерия», лишаящего план целеустремленности и социалистического направления. Базаров апеллирует к повседневной плавности и бесперебойности, а Кондратьев к стихийной реальности, но оба разными словами говорят одно и то же.

Для них обоих в высокой степени безразлично, каково будет содержание отдельных планов. Им важно только, чтобы сегодня большевики не зарывались, чтобы немедленно ликвидировались все и всяческие диспропорции и чтобы нерушимой оставалась реальность в их Базаровско-Кондратьевском понимании, т.е. стихийная, бесплановая тенденция развития.

Ведь совершенно ясно (и это я думаю Базарову объяснять не приходится), что мы живем в обществе, которое еще страдает огромными противоречиями. Если мы говорим о построении социализма, то мы, очевидно, имеем в виду, что мы в дальнейшем придем, выражаясь базаровским языком, к этой самой определенной гармонии. Но ведь к ней же нужно притти. Ведь нельзя же требовать от плана, чтобы он уже сегодня был составлен, как план бесперебойный, как план без всяких острых углов. Нам это просто объективно не дано. Тезис о немедленной бесперебойности как раз и предполагает, что если идти робкими зигзагами, если задерживать наше движение вперед, то это бесперебойное развитие можно уже сегодня осуществить.

«Бесперебойность» Базарова и «стихийный реализм» Кондратьева ставят по существу вопрос так, как его поставил впоследствии правый уклон внутри партии.

Во всяком случае, отсюда не вытекает та политика, которую мы сейчас проводим, политика форсирования индустриализации и развития процессов обобществления. При поверхностном взгляде может показаться, что медленное движение действительно дает положительные результаты. Фактически же это только мираж, который ослепляет как буржуазных экономистов, так и нашу правую оппозицию, заимствующую у них очень много. Как раз, наоборот: если идти медленным темпом, то это будет путь наиболее болезненный, чреватый такими явлениями, которые исключают возможность нашего существования, как самостоятельного государства, строящего социалистическое общество. Те, которым нужны такие политические выводы, имеют достаточную опору в, якобы, совершенно абстрактных и формально аполитичных базаровских теоретических установках.

Нельзя представлять себе дело таким образом, будто мы теперь могли бы выпрыгнуть из наших противоречий. Конечно, у нас исключены те кризисы, которые имеют место в капиталистическом обществе. У нас система совершенно иная, но делать тот вывод, будто мы

можем уже на данной стадии социалистического развития идти совершенно без перебоев, было бы неправильно. Наоборот, программа индустриализации вызывает необходимость двигаться определенными скачками: в одном случае забегать, а в другом — отставать, не говоря уже о том, что объективная действительность, которая имеется, не дает возможности планового бесперебойного развития.

Та постановка вопроса, которую дает В. А., теснейшим образом связана с его небезизвестной триединой формулой относительно того, что мы должны учитывать в плане развитие производительных сил, рост потребления трудящихся масс и развитие процессов обобществления. Казалось бы, что плановик должен попытаться в плановой работе эти три элемента (я не вхожу в вопрос, насколько они исчерпывают все, насколько они достаточны, но, если взять эти три разреза) диалектически связать между собой и увязать основные положения. Следует дать действительно ту стройную концепцию, то «гармоническое целое» для конечной цели, которого тов. Базаров так упорно добивается от нашей действительности немедленно.

Какое конкретное содержание он вкладывает в свою формулу?

Разбирая вопрос о процессах обобществления, Базаров пишет: «В течение короткого срока может оказаться целесообразным, по тем или другим внеэкономическим соображениям, вовлечь в сферу обобществленного хозяйства такие отрасли, которые для этого еще не созрели, в которых обобществление на данной ступени их развития не стимулирует, а стесняет рост производительности труда. Но в рамках длительного периода такая политика ни при каких условиях не может быть целесообразной. Ибо превратить на 5, 10, 15 лет общественную организацию из формы хозяйственного развития в его «оковы», хотя бы для отдельных отраслей труда, значило бы дискредитировать самый принцип обобществления, подготавливать в грядущем частичное поражение и отступление социализации тем вернее, чем настойчивее проводится в настоящем ее нерациональное применение»¹.

Раньше, чем вскрыть политический смысл этой цитаты, необходимо указать на следующее. Наши ученые мужи страшно нервничают, когда им в свете современных экономических событий указывают на несостоятельность и полную безнадежность их политических позиций. Они кричат о том, что их противники, мол, собираются судить историю задним числом, они говорят, что их писания были великолепны в свое время.

Мы же, наоборот, считаем, что, во-первых, их неправильные формулировки были неправильны как раньше, так и теперь и что, во-вторых, даже правильное положение, продолженное дальше определенного предела во времени, становится в своем собственном логическом развитии ошибочным и вредным.

¹ „Плановое Хозяйство“, 1928 г., № 2, стр. 42.

Что же касается данного конкретного случая, т.е. мысли Базарова о том, что обобществление может стеснять развитие экономических сил, то оно было неверно как раз с точки зрения того текущего момента, для которого оно писалось, и оно тем более неверно для современных условий.

Базаров, применяя термины Маркса, направленные последним против капиталистического строя, говорит об оковах, в которые, якобы, превращается наша политика обобществления.

В 1928 г. мы имели в области взаимоотношений между классами такие явления: кулак начал проводить свою знаменитую хлебную забастовку и, в условиях недорода, нанес сильный удар нашему экспорту и ставил под угрозу голода наши города, а мы вынуждены были пойти на применение административных (или «внеэкономических») мер. До применения 37 статьи мы испытали и такого экономического порядка мероприятие, как повышение хлебных цен, не говоря уже о целой системе регулярно действующих экономических мер. В том же 1928 г. процесс ликвидации частной торговли пошел особенно быстро под влиянием наших как экономических, так и внеэкономических мероприятий. И в свете этих событий Базаров говорит о недопустимости «внеэкономических» мероприятий на протяжении коротких годовых отрезков плана, т.е. он выступает именно против той экономической политики, которая проводилась тогда партией, против которой выступили тогда наши правые внутри партии. Как известно, политика партии целиком и полностью оправдала себя.

По Базарову получается так, что, скажем, освоение 30 тыс. га земли под колхозами в 1929—30 г.г., без обеспечения их достаточным количеством тракторов, должно «дискредитировать самый принцип обобществления».

Против такой установки, которая фактически направлена против политики партии в деревне, можно привести длинный ряд довольно веских аргументов, из которых нам хотелось бы указать только на следующие: 1) даже обобществление наличного крестьянского инвентаря на конской базе или на машинно-конской базе (там, где тракторов не хватает) обеспечивает более высокую производительность труда и создает новые формы обобществленной организации, 2) создание колхозов с низким уровнем производительных сил является предпосылкой для их перерастания в более высокие социальные формы, связанные с механизацией труда и повышением его производительности.

Сам Базаров рассматривает производительные силы, обобществление и потребление трудящихся масс в качестве таких элементов, которые постоянно борются между собой. У него получается, что непременно кто-нибудь кого-нибудь должен задавить: если мы идем по пути быстрого развития производительных сил, то это исключает возможность развития процессов обобществления, или развитие процессов обобществления исключает возможность роста потребления трудя-

щихся масс. Он не видит ничего другого. Он не замечает того, что развитие производительных сил должно и может происходить в социалистических формах и что чем больше мы этого достигнем, чем больше у нас получается материальных результатов, тем больше у нас имеется возможностей и для дальнейшего капитального строительства и для дальнейшего расширения потребления.

Я только подчеркиваю коллизию между этими тремя элементами базаровской концепции. Он схоластически противопоставляет их друг другу и вопрошает: «какой же из этих трех критериев должен быть доминирующим, кому принадлежит примат?»

В 1926 г. он отвечал на этот вопрос следующим образом: «И поскольку проблема «темпа» является на ближайшие годы кардинальной проблемой, преддрежающей самый тип дальнейшего развития, постулат максимально быстрого развертывания производительных сил должен быть верховным критерием экономической политики»¹.

Тот же ответ он повторил в 1928 г., заявив, что «развитие производительных сил есть ведущее звено»².

Правые элементы обычно говорят о производительных силах, замазывая классовые вопросы. Но Базаров не «замазывает»: он прямо ставит вопрос и прямо отвечает, что голый принцип производительных сил должен отодвинуть на задний план классовые отношения.

Противоречие между ростом производительных сил и ростом потребления трудящихся масс является, по Базарову, делом, особенно отягчающим советское хозяйство в отличие от капиталистического. Здесь он договаривается до таких «откровений», что трудно своим глазам и ушам своим поверить. Мне придется привести в связи с этим довольно обстоятельную цитату: «Здесь, — пишет Базаров, — возникает, следовательно, проблема «темпа», колоссальная важность которой не раз уже отмечалась в нашей печати. Преимущества, которые в этом отношении присущи плановому хозяйству, по сравнению с хозяйством капиталистическим, бесспорны и сводятся к возможности более рационального использования той доли народного дохода, которая затрачивается на реконструкцию. Но относительные размеры этой доли в нашем плановом хозяйстве на теперешней ступени его развития отнюдь не больше, а скорее даже меньше, чем в капиталистическом хозяйстве, находящемся на том же уровне развития производительных сил. Как бы мы ни старались сжимать потребительский спрос широких масс населения в течение тяжелого переходного периода ближайших лет, мы в этом отношении ни в коем случае не сможем достигнуть норм капиталистического общества. До сих пор у нас считалось нормальным, если заработная плата, определяющая размеры потребительских спросов рабочих и служащих, росла пропорционально производительности труда. В период реконструкции, когда процесс

¹ „Плановое Хозяйство“, 1926 г., № 7, стр. 12.

² „Плановое Хозяйство“, 1928 г., № 8, стр. 43.

производительности труда будет вызываться, главным образом, техническими преобразованиями производства, а не уплотнением рабочего дня, допустимо некоторое замедление роста зарплаты по сравнению с производительностью, но и в этом периоде она в наших условиях должна расти несколько быстрее интенсивности труда. Между тем, при капитализме зарплата всегда растет медленнее интенсивности труда (сдельщина с соответственным понижением расценок, тейлоровские «премии» и т. п.). То же самое приходится сказать и о крестьянстве. Потребительский спрос его в советской деревне будет при прочих равных условиях расти быстрее, чем он рос бы при наличии помещичьего или капиталистически-фермерского хозяйства. С другой стороны, наши аппараты планового управления хозяйством требуют относительно больших издержек. Отчасти в этом сказывается просто наша неумелость и неопытность; но в известной степени относительная дороговизна аппарата является неизбежным последствием низкого уровня производительных сил и культуры. Сложнейшая и широко разветвленная плановая работа при капитализме отсутствует, отсутствуют, следовательно, и соответственные издержки управления, а та экономия, какая могла бы быть достигнута на почве концентрации и рационализации функций планового аппарата, ограничена очень скромными рамками на теперешнем низком уровне нашего хозяйственного развития. Поэтому достижение в период реконструкции более быстрых темпов роста, чем те, которые наблюдались в передовых странах капиталистического мира в годы их наиболее интенсивного развития, представляет задачу в достаточной степени трудную»¹.

Как, в самом деле, хорошо в «капиталистическом раю». Там за счет эксплуатации рабочих можно сколько угодно расширять производство. А мы находимся, мол, в таком «несчастном» положении, что отсутствие капиталистической эксплуатации не дает нам возможности «сжимать потребительский спрос». При этом он, образованный марксист, ничего не сообщает читателю о капиталистическом кризисе и о громадных «накладных расходах», «о трагедии расточительства капиталистического строя». Наоборот, источником непроизводительных затрат является для него наша плановая система, в которой он видит только «издержки управления».

Проливая слезы по поводу громадных издержек нашего планового аппарата, Базаров, конечно, никаких цифровых данных в доказательство того, будто плановая система в сравнении с капиталистической системой неимоверно дорога, не приводит и привести не может. «Относительная (заметим, ничем не доказанная Р. В.) дороговизна аппарата является — по Базарову — неизбежным последствием низкого уровня производительных сил и культуры». А при прочих равных условиях как обстоит дело? Может ли плановая система проявить свои преимущества перед капитализмом при одном и том же

уровне производительных сил? Базаров дает на этот вопрос отрицательный ответ, впадая в частичное противоречие с самим собой. С одной стороны, он считает, что наши «преимущества... бесспорны», а с другой, — что относительные размеры нашего накопления ниже даже, чем в капиталистическом обществе, даже «на одном и том же уровне развития производительных сил». Значит, по видимому, наша социальная структура не только не лучше, но хуже капиталистической.

Для того, чтобы товарищи не думали, будто это место исключительно, я напомним, что аналогичные мысли развивает В. А. и в прошлой его статье в «Экономическом Обозрении»¹.

К проблеме благосостояния масс примыкает вопрос о безработице, который в области труда является одним из важнейших (а этим вопросом В. А. больше всего занимался). У него получается так, что безработным можно считать всякого, кто хочет сняться с места и идти искать работу в другом месте.

«В хозяйственном планировании, — пишет Базаров, — «избыточным» должен быть признан всякий, кто настолько не удовлетворен своим положением, что при малейшей возможности готов сняться с насиженного места и предоставить свою рабочую силу к продаже. Разумеется, это объяснение мало облегчает отыскание точных признаков скрытой безработицы; из области социально-экономической проблема переносится в область социально-бытовую, но от этого не становится менее сложной»².

Остается поблагодарить Базарова за откровенность. Он сам считает, что его метод мало помогает изучению вопроса и что он перескакивает из «экономики» в быт. Что касается политического значения этой бытовой теории, то оно, примерно, таково. Выходит так, что если сын деревенского кулака отправляется в город для учебы или для того, чтобы расширить свое капиталистическое накопление, то он должен попасть в нашу статистику безработных.

Еще чудовищнее получается у Базарова с вопросом о благосостоянии населения и о развитии безработицы в связи с переходом от восстановительного периода к периоду реконструктивному. Здесь у Базарова такая философия:

«В самом деле, — пишет Базаров, — мы еще по-настоящему не приступили к процессу реконструкции; натуральное хозяйство и различные промыслы, носящие характер скрытой формы безработицы, не ликвидируются, а наоборот, поощряются у нас крайней дороговизной и недостаточностью промышленных продуктов широкого потребления. И тем не менее, уже в настоящее время мы вынуждены непроизводительно расходовать огромные суммы на поддержание избыточного населения в порядке, так сказать, социальной благотворительности. В нынешнем году будет затрачено около 120 млн. на денежные

¹ «Эконом. обозрение» за 1928 г., № 6, стр. 58—60.

² «Плановое Хозяйство», 1928 г., № 2, стр. 57.

пособия безработным, десятки миллионов на трудовую помощь им же; большие, но трудно учитываемые средства пойдут на разные виды помощи крестьянской бедноте. Что же будет в разгар реконструкции, когда масса дешевой промышленной продукции хлынет в деревню, освобождая рабочее время миллионов людей? Так как советский строй, оставаясь самим собой, не может ни предоставить их собственной участи, ни «ликвидировать» их методами раннего капитализма, то не останется никакого иного выхода, как затрачивать на помощь избыточному населению уже не сотни миллионов, а миллиарды рублей. Другими словами, для лечения социальных последствий реконструкции пришлось бы расходовать все большую и большую долю тех ресурсов, которые необходимы для самой реконструкции. Если бы встали на этот путь, то реконструкция должна была бы весьма быстро замереть, создав глубокий кризис, — не кризис хозяйственной «конъюнктуры», а кризис всей системы планового хозяйства»¹.

Ход рассуждения таков, что если у нас была огромная безработица в период восстановительный, то реконструкция, которая ведет к тому, что мы поднимаем производительность труда, что мы сокращаем необходимое рабочее время на единицу продукции — эта реконструкция должна вызвать такую безработицу, такую избыточную рабочую силу, с которой мы ни в коем случае не справимся. По Базарову выходит так, что если нам так тяжело сейчас, в первые годы реконструкции, то особенно тяжело будет в последующие годы.

Во всяком случае, «постановка» у Базарова получается такая, которая ни в каком случае не подкрепляет нашей программы технической и социальной реконструкции народного хозяйства, а заранее обрекает ее на неудачу, поскольку она, по Базарову, оказывается не в состоянии разрешить одну из основных проблем капиталистического строя, существующую пока еще также и у нас, — проблему безработицы и ее изжития.

У Базарова такая характеристика безработицы в период реконструкции увязана с его предположением о неизбежности сокращения темпов промышленной продукции. Но так как действительность идет против базаровщины, то наша промышленная продукция идет в повышающемся темпе и уже в 1929/30 г. у нас начинается сокращение абсолютных размеров безработицы.

Что же касается деревни, то В. А. Базаров не учитывает того, что реконструкция производительных сил и социальных отношений ведет к такому новому положению, когда мы можем поставить вопрос о сокращении рабочего дня, как мы это сделали в городе, и о целого ряда других мероприятий, которые связаны действительно с социалистическим строительством и с построением нового общества. Из тех условий, которые создает реконструкция, ни в какой степени не вытекает, что у нас безработица непременно должна возрастать.

¹ «Плановое Хозяйство», 1928 г., № 2, стр. 45.

В связи с этим любопытен вопрос о соотношении между промышленностью и сельским хозяйством. Как Базаров ставит этот вопрос? Здесь я должен обратиться к его брошюре «Методология перспективного планирования», в которой, я должен отметить, имеется одно правильное зерно. Заключается оно в том, что в 1924 г. В. А. Базаров довольно решительно говорил о необходимости перехода к реконструктивному периоду. Но уже его понимание реконструкции и целый ряд других мест, которых мне еще придется касаться, свидетельствуют о том, что методология реконструктивного планирования в понимании Базарова не подкрепляет, а наоборот, ослабляет нас и выдвигает ряд положений против нашей реконструкции.

Базаров пишет: «В противовес господствующему взгляду, мы рискнули бы защищать такой тезис: нэп является необходимой формой смычки города с деревней лишь постольку, поскольку сам промышленный город не в состоянии превзойти нэп в своей внутренней экономической структуре»¹.

Характеристика нэпа в основном как результат стихийных сил города является совершенно неверной. Азбучной истиной является то, что у нас нэп введен, главным образом, и преимущественно, в связи с тем, что мы имеем многомиллионное мелкотоварное крестьянское хозяйство и что главные стихийные силы нашей экономики отсюда, а не из города, растут. Даже в 1924 г. мы имели основание говорить о высокой степени организации наших социалистических производительных сил в городе. Ясно, что, поскольку мы живем в мелкобуржуазном окружении, имеется, конечно, и ряд стихийных явлений в городе, но это не является основой; это только затемняет вопрос о классовых отношениях. Базаров подменяет главную характеристику нэпа производной, подчиненной и создает совершенно искаженную картину действительного положения вещей.

Но и здесь могут сказать: помилуйте, ведь, прошло пять лет с тех пор, как Базаров эти строки написал. Можно ли человека ругать за прошлое? Сколько, мол, воды утекло с тех пор? Как много изменилось за это время?

Я считаю, что за такое «прошлое» можно и должно давать жесточайший отпор всякий раз, когда с ним сталкиваешься.

Делать это нужно потому, что и для того исторического периода точка зрения Базарова была неправильной и крайне ошибочной. Исключительно чудовищной она выглядит в настоящее время.

В другом месте получается у Базарова, что промышленность подчиняется сельскому хозяйству.

У него получается какая-то сверхаграрная экспансия сельского хозяйства по отношению к промышленности. Как может «марксист» дойти до жизни такой?

¹ «К методологии перспективного планирования», 1924 г., стр. 3.

Базаров опутывает свои рассуждения весьма туманной философией все из той же злосчастной оперы на счет генетики и телеологии. Надо вообще заметить, что термины эти в применении к планированию дьявольски неуместны. Но поскольку Громан — Базаров впутали нас в эту терминологию и для того, чтобы не усложнять вопроса (а им надо будет специально заняться, чтобы поставить проблему путаной буржуазной головы на марксистско-ленинские ноги), мы в данном случае пользуемся этой терминологией.

Подходя к вопросу крайне схоластически, Базаров кладет на одну полочку промышленность, а на другую — сельское хозяйство. При этом он записывает промышленность по штату «телеологии», а сельское хозяйство — по штату «генетики». Разделив, таким образом, весь экономический мир на две части, Базарову не нужно в дальнейшем никаких диалектических премудростей. Их остается соорудить, как добрый папаша Богданов велел.

Надо знать только, с чего начать. И Базаров знает. Вначале бе сельское хозяйство. «Перспектива сельскохозяйственного развития — поучает он — может быть построена лишь генетически; и несмотря на колоссальные трудности, зависящие от недостатка надежного статистического материала, выявление фактических тенденций развития в крестьянском хозяйстве гораздо менее промышленности, деформированной войной и революцией, сможет дать достаточно надежные коэффициенты, и во всяком случае представляет единственный путь к уяснению перспектив этой количественно доминирующей отрасли национального производства. Разумеется и при построении восстановительной программы сельского хозяйства нельзя ограничиться одной экстраполяцией эмпирически установленных коэффициентов роста, но необходимо осложнить работу допущением некоторых заранее заданных сдвигов, поскольку эти последние могут быть достигнуты определенной системой экономической политики. Но «телеологически» (в расчете на успешную экономическую политику) вносимые коррективы могут быть здесь лишь скромной надстройкой на широком базисе генетически установленных тенденций развития.

«Построенная таким образом схема возрожденного сельскохозяйственного производства должна учесть не только общие размеры этого последнего, но и степень его «товарность», а вместе с тем и емкость крестьянского рынка по отношению к продуктам городской промышленности. Следовательно, генетически выведенный перспективный план сельскохозяйственной продукции явится тем фундаментом, к которому должны быть принаровлены телеологически конструируемые перспективные планы отдельных отраслей промышленности»¹.

Как мы видим, ход мысли здесь крайне вульгарен. Вопрос решается простой арифметикой и возможностями довоенной статистики. Арифметика сводится к тому, что сельское хозяйство занимает место

«количественно доминирующей отрасли национального производства», а статистика обещает дать «достаточно надежные коэффициенты». Базаров милостиво допускает робкое прикосновение «телеологии» к сельскому хозяйству, но тут же напоминает, что она может быть «лишь скромной надстройкой на широком базисе генетически установленных тенденций развития».

И, наконец, генетически, сиречь стихийно, выведя сельскохозяйственные перспективы, он делает их «фундаментом» для телеологии промышленности.

Я думаю, что достаточно указать, что называется, пальцем на такие мыслишки, и нет надобности специально останавливаться на опровержении их. Действительность уже не оставила от них камня на камне.

Так мыслил Базаров в 1924 г. Через два года он уже допускает влияние промышленности на сельское хозяйство, однако крайне односторонне и в неправильном свете. Вот что он пишет:

«Сельское хозяйство, раздробленное на 20 слишком миллионов мелких самостоятельных единиц и в своей товарной продукции ориентированное в значительной мере на экспорт, является той областью, где генетическое исследование играет преобладающую роль. Прямое плановое воздействие на крестьянское хозяйство мы можем оказывать лишь в той мере, в какой государственная промышленность предъявляет определенный спрос на сельскохозяйственное сырье»¹.

По Базарову получается, что мы в состоянии касаться сельского хозяйства и его планировать или регулировать только в той степени, в какой сельское хозяйство поставляет сырье для промышленности. Он видит промышленность только как потребителя, но не как производителя. Самую важную сторону, а именно то, что промышленность является поставщиком средств производства для сельского хозяйства. Этого слона-то Базаров и не заметил. Наши мощные и многогранные кооперативные рычаги, как сильное орудие в наших руках, в смысле классовой переделки деревни, — вот эта часть у Базарова во всех его писаниях выпадает. Вот этого у него нет. И это, конечно, чревато рядом совершенно неверных и абсолютно неприемлемых выводов как в политическом, так и в экономическом отношениях.

С этим связан и другой вопрос — то, как Базаров понимает социальные отношения в деревне. Когда он в одном месте говорит о социальных отношениях деревни, то он упирается только на «патриархальщину». «По отношению к этим архаическим социальным формациям, унаследованным нашей деревней от средних веков и первобытно-родового быта, кулак имеет могучее и притом ускользающее от государственного контроля орудие эксплуатации в форме ростовщического капитала. Этот древнейший и наиболее паразитический способ капиталистического накопления, несомненно, практи-

¹ В. Базаров «К методологии перспективного планирования», 1924 г., стр. 8—9.

¹ «Плановое Хозяйство», 1926 г., № 7, стр. 10.

куется в современной деревне, обездоливая низшие слои крестьянства и сосредоточивая в руках высших его слоев ресурсы, позволяющие этим последним разворачивать широкую спекуляцию во всех тех случаях, когда просчеты или перебои в нашей экономической политике создают для этого благоприятную почву»¹.

Говоря о кулаке, он подчеркивает только ростовщический капитал, не учитывая того, что у нас имеются и явно выраженные капиталистические формы в виде наемного труда, в виде легальной, полуправильной и нелегальной аренды и субаренды. Такая постановка вопроса относительно эксплуатации, которая происходит в деревне, проходит у В. А. Базарова в ряде мест. Он не видит кулака так же, как и Кондратьев, и Бухарин. Пожалуй, единственным утешением для него в этой неправильной постановке может быть то, что другие понимают еще более неправильно классовые отношения, исходя также исключительно из той же «патриархальщины» и усматривая в крестьянском хозяйстве, примерно, те же стороны, что и Базаров. Например, Дояренко написал в 1921 г. следующее:

«Крестьянское хозяйство, руководимое хозяином с его волей, разумом, с его понятием о нуждах и технике хозяйства, почти недоступно внешнему воздействию, помимо воли хозяина, и во всяком случае такое воздействие не ведет хозяйство по пути устойчивого прогресса.

«Только воздействием на самого хозяина, через его волю, через его разум и внимание можно легко сдвинуть хозяйство на следующую, иногда весьма высокую ступень агрикультурного прогресса.

«Этим крестьянин резко отличается от своего собрата рабочего, который в процессе производства играет пассивную роль орудия, руководимого и управляемого чужой волей и чужим разумом»².

Очень легко дойти до такой точки зрения Дояренко, уважающему себя «марксисту», если он основных производственных отношений в сельском хозяйстве не видит, не улавливает и не понимает.

Я бы хотел подчеркнуть еще один тезис в позиции Базарова, который является, на наш взгляд, абсолютно неправильным. Это по вопросу о наших международных отношениях, по вопросу о планировании нашей экономики в международном капиталистическом окружении.

Базаров пишет: «Идея международного разделения труда, идея рационального районирования общественных производительных сил в мировом масштабе обязательна для генерального плана не в меньшей степени, чем принципы рационального районирования СССР. Исключения (например, при обсуждении вопроса о направлении некоторых железнодорожных линий) могут быть сделаны только в виду совершенно очевидных нужд самообороны Союза. Мы предполагаем и методологически вынуждены предположить, что в течение тех

10—15 лет, на которые рассчитывается генеральный план, структура капиталистического мира и его отношения к СССР останутся, примерно, такими же, как и в настоящее время. Если эта предпосылка не оправдывается, заканчивать генеральный план нам придется при новых условиях, не поддающихся сколько-нибудь отчетливому перспективному учету. Но мы не можем и не должны предполагать, что то вековое развитие, базис для которого мы закладываем генеральной реконструкцией, будет протекать в условиях национальной обособленности и борьбы за мировые хозяйственные ресурсы. В этой более отдаленной перспективе презумпция перехода от народнохозяйственной индивидуализации к мирохозяйственному плану является вполне допустимой и для социалиста обязательной»¹.

Базаров выдвигает ту мысль, что для каждого социалиста обязательна ориентация на международное разделение труда и при этом подчеркивает, что речь идет о том периоде, когда капиталистическое окружение еще сохраняется. Это сказано черным по белому. С этим связана другая установка относительно того, какие отрасли промышленности мы должны и можем у себя в стране развивать. Из того «постулата», что мы должны как «социалисты» (а не как «коммунисты»?) планировать хозяйство СССР и ставить его в зависимость от капиталистического окружения, Базаров умозаключает, что мы не вправе производить все необходимое для нашей страны у себя. «Рационализация в этой последней и самой эффективной ее форме осуществима только при гигантской массовости производства. Вот почему массовость есть тот основной критерий, которым должна определяться очередность наших реконструктивных начинаний. В первую очередь должны быть реконструированы отрасли, производящие предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже теперь носит достаточно массовый характер. Во всех прочих отраслях следует предпочесть, пока они не приобрели достаточно широкой базы внутри СССР, закупку необходимых продуктов за границей или предоставление концессий иностранным капиталистам»².

Базаров считает, что мы можем развивать только серийное производство, как имеющее массовое потребление. Но тут относительно самого понятия о «массовости» следует сказать, что при развитии социалистических отношений у нас в стране то, что было еще недавно роскошью, завтра начинает являться массовым потреблением, как, например, радио, телефон, автомобиль и т. д. Ставить нашу страну в такие условия, чтобы по ряду отраслей она находилась в зависимости от международного капитала, выдвигать голый принцип международного разделения труда политически крайне вредно и опасно. Понятно, что совершенно иную постановку этот вопрос получает при коренном изменении международного положения. Когда совершится социальная

¹ „Плановое Хозяйство“, 1928 г., № 2, стр. 43.

² „Вестник сельского хозяйства“, 1921 г., № 1, стр. 3.

¹ „Плановое Хозяйство“, 1926 г., № 7, стр. 15.

² „Плановое Хозяйство“, 1928 г., № 2, стр. 48.

революция в одной или нескольких капиталистических странах, этот вопрос встанет по иному и тогда мы, может быть, будем говорить об изменении своих путей и направления нашего развития.

Базаров же пишет, что речь идет об условиях, при которых капиталистическое окружение сохраняется. Он говорит, что в этих условиях мы массовое производство должны ориентировать либо на импорт, либо на концессию. Такая постановка вопроса, такая попытка поставить наше народное хозяйство в зависимость от международного капитала находится в вопиющем противоречии с генеральной линией партии и открывает путь для нашего экономического закабаления.

В корне гнила базаровская, якобы аполитичная, а по существу резко враждебная социалистическому строительству, методология.

Теперь переходжу к заключению.

Я остановился только на Кондратьеве, Громане и Базарове не потому, что они одиноки, но потому, что они выражают определенную концепцию, определенный ряд мыслей, которые засоряют нашу плановую идеологию и которые тормозят нашу плановую работу. Я остановился на них потому, что в них, как в фокусе, концентрируется ряд идей и идей, которые выросли за это время на нашей плановой идеологии. Товарищи, это далеко не исчерпывающий список проблем и вопросов, которые нужно было бы в этой связи поставить, и еще меньше я исчерпал список лиц, о которых можно говорить. Это тема, я бы сказал, для целого ряда докладов. Тот общий вывод, к которому следует прийти, заключается в том, что именно эти три лица являются выразителями наиболее опасных и вредных идей в планировании. Несмотря на то, что в отдельные моменты своей работы они вносили ряд приемлемых и правильных практических предложений, это не мешало им развивать концепцию, которая только подрывает плановую работу.

Все то, что группируется вокруг них — это разновидности, на которых можно не останавливаться в данный момент. Если я говорил несколько больше о Базарове, то не потому, что он хуже Кондратьева и Громана, а потому, что он высказывался по большему количеству вопросов и его материал в этом отношении более разносторонен и более интересен.

Что же касается политического «качества» их идей, то разницы большой между ними нет. Можно сказать, что Кондратьев и Громан больше выражают тенденции крестьянской стихии и ходят в мужицких лаптях. Базаров больше ориентируется на «Европу», на международное разделение труда в капиталистическом окружении, он больше подходит к «культурным европейцам», но вместе с тем нередко хлебает и крестьянские щи, которые подают Громан и Кондратьев.

Совершенно ясно, что ни та, ни другая идеология нас не устраивает, когда мы должны вырабатывать плановые позиции для нашей работы. Все их оппортунистические идеи должны

быть целиком и безоговорочно отвергнуты. От таких «идеологов планирования» и от тех, которые относятся к ним примиренчески и сочувственно, мы требуем полного и безоговорочного идейного разоружения.

В тот период, когда мы приступаем к составлению генплана, к составлению того плана, который должен быть планом социализма, мы с такими совершенно вредными взглядами в плановой работе мириться не можем. С ними нельзя было мириться и раньше, но они вдвойне вредны теперь, когда мы вступаем в новую фазу планирования.

Мы обязаны очистить плановую идеологию и пересмотреть весь багаж, который у нас имеется. Будет при этом немало растрепанных чувств, будет политическая истерия, будут крокодиловы слезы. Но большевизм вылит из стали. Логика классовой борьбы не может изменить себе из-за каких-нибудь побочных, не относящихся к делу, моментов.

Будут попытки прятать свое политическое лицо под флагом все той же хваленной беспартийности, под видом объективного методологического беспристрастия. Такую политическую гниль мы заранее отвергаем. Плановая работа, привлекая огромную массу беспартийных преданных делу работников, вместе с тем не терпит идеологической беспартийности, не терпит беспринципности, как природа не терпит пустоты. Можно быть за рабочий класс или против него, за социалистическое строительство или против него. Не ищите «золотой середины» — она сгорела в огне классовых боев.

С такими установками, которые скрываются за объективными, якобы безвредными, методологическими положениями, а по существу приводят к ряду совершенно бессмысленных буржуазных и мелкобуржуазных выводов, — с такими установками мы должны решительно покончить. Нужно весь арсенал плановой литературы, плановых идей, которые имеются, пересмотреть под этим углом зрения и основательнейшим образом его расчистить. Совершенно ясно и то, что никакая межеумочность, никакая промежуточность в этих вопросах, никакое стремление праздновать и на Антона, и на Ануфрия недопустимы. Есть только два полюса, есть только два лагеря, — можно быть с одним или с другим, но не с обоими сразу. Тех, которые стоят посередине, колесо истории обязательно раздавит.

Я не говорю уже о том, насколько вот эти установки Громана, Базарова и Кондратьева являются питательными соками, передаточными ремнями от крестьянской мелкобуржуазной среды в наш советский аппарат и частично в партию, насколько они питают правооппортунистическую идеологию — это особая тема, о которой тоже стоило бы специально поговорить. Я полагаю, что плановая работа во

всех своих частях должна быть большевистски непримиримой. Армия плановых работников должна стать на твердую, совершенно недвусмысленную позицию большевистской плановой политики, которая диктуется генеральной линией нашей партии, решениями XV Съезда, XVI Партконференции и решениями последующих пленумов ЦК партии. Только на этой позиции мы единым фронтом можем и должны приступить к той большой работе, которая падает на госплановских работников. Можно быть уверенными, что большинство специалистов Госплана станет именно на эту, единственно правильную позицию.

Я знаю, что многих может смутить резкая и прямая постановка вопроса, направленная против идей известных нам лиц, с которыми мы работали ряд лет. Но дело не в лицах. Люди могут ошибаться, могут исправлять свои ошибки, или могут углублять их, как это сделал, например, проф. Громан в письме тов. Рыкову и другим членам СНК. Мы говорили об идеях и о политических установках меньше всего потому, что два-три человека, взгляды которых я попытался разобрать, играют или играли определенную роль в нашем аппарате. Они требуют к себе внимания потому, что выражают взгляды не единиц, но групп, социальных слоев, враждебных по отношению к нашему социалистическому строительству.

Эти враждебные взгляды в сильнейшей степени вредят нашему строительству. Их надо с корнем вытравить, дабы освободить теорию и практику планирования от буржуазной и мелкобуржуазной завали. Не в том суть — откажется ли, скажем, Базаров или Огановский от своих ошибок. Это дело — относительно второстепенное. Задача заключается в том, чтобы критически заострить внимание на кондратьевско-громановско-базаровских ошибках, вскрыть чуждый и враждебный классовый дух этих ошибок, отместить эти заблуждения и очистить от них плановую работу. Надо пронизать всю нашу плановую работу сверху до низу марксистско-ленинским духом, на основе которого только и возможно социалистическое планирование.

Вопрос о лицах — это вопрос, хотя и интересный, но в достаточной степени второстепенный. Мы говорим, о взглядах, о политической концепции, которые, конечно, не витают в воздухе и неотделимы от живых своих носителей, но с которыми нужно бороться, кто бы их ни выражал. С буржуазными и мелкобуржуазными влияниями на планы мы должны вести самую беспощадную борьбу, твердо помня, что они могут сегодня иметь одних выразителей, а завтра — других. Действительно, «не взирая на лица», следует ударить по ошибкам, в ком бы они не воплощались. А кто захочет честно исправить свои ошибки — тому мы должны всячески помочь.

Против выразителей и носителей вредной неприемлемой идеологии, равно как и против межеумочных настроений, мы должны решительно выступить единым фронтом. Госплановские работ-

ники целиком осудят те неверные политические установки, которые даются в выступлениях отдельных плановых работников, и единой семьей встанут на ту большую, в высшей степени тяжелую и глубоко ответственную работу, которая сейчас на нас падает. Мы объединенными силами выполним те задачи, которые, к нашей чести, возложены на нас эпохой великой стройки, и донесем до конечной цели большой, но благодарный груз социалистического планирования.

С. И. Шаров.

Пятилетний план и плановая работа¹.

Задачи дальнейшего углубления и уточнения методологии планирования.

Методологический перелом и подъем, данный пятилетним планом, должен послужить исходным пунктом дальнейшей методологической работы, путь которой еще длинен и труден. Прежде, чем попытаться наметить здесь важнейшие очередные задачи, необходимо отвести один упрек, который делается пятилетнему плану со стороны некоторых экономистов-конъюнктуристов,—упрек тому напряжению,—без каких-либо резервов,—с которым даны его отдельные элементы, и отсутствию в нем точных балансов спроса и предложения, и, следовательно, недостаточной страховке в нем хозяйства от затруднений и даже кризисов, а его самого—от изменений.

Конечно, «в борьбе за плановое начало мы стремимся к такому построению народного хозяйства, при котором, во-первых, благодаря соразмерности частей и научной выработанности методов производства и распределения, при правильном согласовании с объективными материальными ресурсами и наличной рабочей силой, достигается максимальный производственный успех с минимумом затрат и в минимальные сроки времени, во-вторых, вся хозяйственная система конструируется таким образом, благодаря гармоничности своих частей, что обеспечивает плавный ход всего механизма, без кризисов и срывов»². Но на пути к такому построению мы находимся, если не «в первоначальном этапе», как было в 1924 г., когда т. Кржижановским были написаны цитированные строки, то во всяком случае в этапах, не так еще близких к цели.

«Опыт планового руководства»—говорит резолюция XV Партийного Съезда о директивах по составлению нашего пятилетнего плана,—«доказал, что плановые предположения не раз нуждались в более или менее существенных поправках, что реальный план неизбежно складывается органически и в меру действительного роста организованности народного хозяйства, и в меру увеличивающейся возможности точного учета и предвидения на основе растущего обобществления экономики страны. Зависимость от урожая и невозможность его предварительного точного статистического охвата; зависимость от рыноч-

ной стихии, которая все более взнуздывается плановым началом, но еще не укладывается целиком в его рамки; колебания конъюнктуры мирового рынка и зависимость от этого последнего; наконец, вне-экономические факторы, связанные, в первую очередь, с враждебным капиталистическим окружением и отражающиеся как на экономических отношениях с границей, так и на экономических отношениях внутри страны,—все это обуславливает собою относительность значения плановых и цифровых предположений».

«Плановость»—в смысле полной плавности и бесперебойности хода народного хозяйства, в смысле совершенно безболезненной динамики его элементов, не может быть еще обеспечена в настоящее время.

Но тем необходимее плановость в смысле четкости в формулировке задач и в смысле ясности в выборе путей и в расчете средств их разрешения.

В атмосфере, насыщенной электричеством великих социальных конфликтов, великих гроз, нет мер, гарантирующих бескризисность. Но мало того. Великие задачи вообще не разрешаются без напряжения, без затруднений и без колебания равновесия. И в планах, направленных на разрешение великих задач, вполне возможно и иногда необходимо сознательно идти не только на резкую напряженность, но и на частные кризисы и, в исключительных случаях, даже на риск некоторого общего кризиса, если помимо нет пути к цели.

Вопрос в том, на каких участках своего движения и при каких условиях можно и нужно решаться идти, не взирая на грозящие кризисы, и как преодолевать их и выходить из них?

План сложной технической реконструкции и сложной социальной реорганизации не может быть составлен с точностью расписания поездов. Исполнение такого плана есть в то же время его корректирование.

Возвращаясь к вопросу о балансе производства и потребления необходимо отметить, что в наших условиях кризис перепроизводства вообще не страшен. Да и в буржуазном строе, метод «продавать и производить» побит практическим методом «производить и продавать».

Кризис недопроизводства всегда неприятен, часто тяжел, иногда опасен, в отдельных случаях—губителен. Вопрос в важности фронта, который захватывается кризисом, в широте захвата, глубине и длительности кризиса. Частный кризис на второстепенном участке хозяйства часто не только не симптом и не предвестник общего расстройств, но единственный способ избежать кризиса на главном участке.

План, не сбалансированный в своем существе,—это, конечно, не план. Но в ряде случаев нет никакой надобности в количественных балансах по всему фронту спроса и предложения, а необходимо только указание организационных мероприятий по линии удовлетворения потребности. Баланс, необходимый плану в настоящих условиях народного хозяйства, есть баланс удовлетворения основных нужд страны на

¹ Продолжение. См. «Плановое Хозяйство» № 10, 1929 г.

² Отчет Госплана за 1921/23 г. «Введение» Г. М. Кржижановского, стр. 3—4.

фронте ее индустриализации. Конечно, чем полнее при этом будут удовлетворены и второстепенные ее нужды, чем меньше будет осложнений, перебоев, трудностей во всем движении народного хозяйства, тем лучше. Но вопрос в плановой работе, если ее понимаешь как организационно-хозяйственную, а не как конъюнктурно-прогностическую, ставится не о том, как сбалансироваться, т.е. сложатся в равновесие, производство и потребление, а о том, как их сбалансировать, т.е. с каким размещением центров тяжести установить их равновесие, удовлетворив одни нужды полностью, другие — скупой, третьи — оставив во все без удовлетворения.

Здесь вопрос переходит в плоскость оценки положения.

И вот как раз оценка положения представляется одним из тех элементов плановой работы, в отношении которых необходимо методологическое уточнение, хотя принципиальный вопрос и достаточно ясен.

Всякий план есть акт субъективный в том смысле, что он принадлежит определенному субъекту — единоличному или коллективному, преследующему свои субъективные цели. Всякий план есть непосредственная интеллектуальная подготовка данным субъектом его вмешательства в определенную среду и действий в ней, направленных к тому, чтобы изменить ее определенным образом.

И первым шагом этой подготовки является разведка этой среды, производимая с точки зрения данной цели, а затем ее оценка, т.е. фиксация ее существеннейших с точки зрения данной цели моментов, с одной стороны, благоприятных ей, с другой стороны, неблагоприятных, взвешивание их сравнительной силы и составление определенного вывода о их взаимоотношении и значении. В оценку входит и учет своих сил, и расчет их возможных дальнейших убыли и нарастания, и соображения о вероятном будущем «самотечном» развитии событий, если их представить самим себе без вмешательства в них.

Такая или иная оценка положения служит базой для наметки тех задач, которые в направлении к данной цели можно поставить себе в пределах пространства, поддающегося конкретному обзору, и в пределах времени, поддающегося конкретному исчислению, и базой для выбора путей, которыми эти задачи проще и скорее разрешить, для расчета тех сил и средств, которые надо ввести в действие, и для определения срока, который необходим для осуществления этих задач.

Оценка положения фактически лежала в основе всех великих планов разного содержания, которые знает история, будь то удавшиеся планы, называя по вождям, как планы Александра Македонского, Ленина, или неудавшиеся планы — Ганнибала, Спартака.

Ленин дал примеры оценки положения, изумительные по смелости и верности, как апрельские тезисы 1927 г., судьба которых очень ярко показала, что «вещи необыкновенные людям обыкновенным кажутся несбыточными, пока не сбываются», и как статья о продналоге 1921 г., особенно поучительная в методологическом отношении

с точки зрения уяснения принципов собственно хозяйственного, а не только политического планирования.

Отчетливой и твердой оценкой положения обычно начинаются и все послеленинские плановые документы наших высших директивных органов.

Как на образец составления и изложения оценки обстановки, можно указать на политический отчет Центрального Комитета XV Съезду Партии, постановления которого легли в основу нашей современной хозяйственной политики, отражаемой пятилетним планом, — отчета, где докладчик (тов. Сталин), приведя ряд наиболее важных фактических данных, с сравнительно не многочисленными цифрами о состоянии мирового хозяйства и о состоянии и движении народного хозяйства СССР, из сопоставления и анализа этих данных делает заключение, непосредственно подводящее к формулировке задач для ближайшего будущего.

Для правильной оценки сложной обстановки, какой является народное хозяйство целой страны, участвующей в мировом хозяйстве, нужно, конечно, очень большое знание, знание в двойном смысле — в объективном — как запас сведений, собранных относительно данной именно обстановки, и в субъективном — как общего запаса сведений у лиц, дающих оценку. Но и самого огромного знания, одного самого по себе, здесь недостаточно, а нужна специфически работающая, анализирующая и конструирующая мысль. Как говорил еще Демокрит — «важна не столько полнота знания, сколько полнота разумения». Необходимо подчеркнуть, что то знание хозяйственной обстановки, которое необходимо для ее правильной оценки, вовсе не укладывается в трафарете цифровых рядов за определенное количество лет: в одних случаях справочные данные за прошлые годы совсем не требуются, в других — необходимы углубленные экскурсии в историю и не только для прослеживания фактов, но и за готовыми уроками.

И еще необходимо подчеркнуть, что составление планов — это не спокойная исследовательская работа, которая делается до тех пор, пока с академической обстоятельностью и точностью изучит свой предмет, — это управленческая работа, которая должна охватить своим пониманием и своими расчетами время, не желающее и не могущее ждать, и которая требуется ко времени и при просрочке теряет смысл.

Пятилетний план, хотя его методология и не формулирована в нем, отправной своей частью имеет вдумчивую оценку исходного положения, широко и тщательно изученного. Но необходимо отметить, что эта оценка не суммирована и не систематизирована в особый раздел плана, а разбросана по отдельным главам и страницам его изложения.

Очень содержательная и прекрасно изложенная вторая часть вступления к плану — в 1-м его томе — «Общая оценка народно-хозяйственного уровня СССР» является шагом несомненного вступления на путь составления комплексной оценки всей хозяйственной обстановки,

с которой план имеет дело. Думается, что по опыту этого шага в дальнейшем нашей плановой работе необходимо твердо принять порядок целостного ее изложения и что в собственно методологических наших исканиях необходимо уделить самое тщательное внимание установлению стандарта ее изложения. Это установление—дело, конечно, не легкое. Как иллюстрацию подхода к нему, конечно, субъективного, можно дать такую наметку. Если бы план привел главные фактические данные о состоянии народного хозяйства и затем дал их анализ и сопоставление их связи и их значения с точки зрения интересов социалистического строительства и технической реконструкции, являющейся неотъемлемым элементом этого строительства, то указанная глава «Плана», конечно, разрослась бы и составила специальный раздел, но зато она подвела бы непосредственно к четкой формулировке задач пятилетия, и все дальнейшие части плана выиграли бы в ясности, которая в свою очередь является неотъемлемым элементом конструктивной убедительности. Упомянутое «Вступление» ярко указывает узкие места нашего народного хозяйства, совершенно правильно выдвигает задачи их преодоления, но обходит молчанием ряд геофизических, технических, социально-бытовых моментов хозяйственного положения, четкая отметка которых представляется очень важной с точки зрения выбора путей и расчета средств для преодоления этих узких мест и с точки зрения усвоения плана его исполнителями.

«Вступление» указывает, например, на черную металлургию, как на момент нашей отсталости и как на «узкое» место нашего народно-хозяйственного развития, и затем план—в разных своих местах—излагает программу строительства новых металлургических заводов, реконструкции имеющихся, расширения продукции черного металла. Но эта программа, тщательно продуманная и просчитанная, не имеет того фона и той перспективы в рисунке, которые создают целостную и рельефную картину. Если бы план раньше, чем излагать эту программу, указал наши главные железорудные месторождения с характеристикой запасов руд по количеству, качеству, удободобываемости, указал главные рудники с действительной и возможной в настоящее время их добычей и дефекты их оборудования, указал их транспортные связи с районами добычи металлургического топлива, с характеристикой качества последнего, указал главнейшие действующие металлургические заводы, их фактическую и возможную в настоящих условиях производительность, виды и качество их продукции и дефекты их оборудования и постановки на них дела, указал технические достижения лучших из них и технические достижения Германской и Американской черной металлургии, дал характеристику потребления у нас черного металла и характеристику потребности в нем по количеству и качеству, в связи с назначением, осветил состояние промышленных разведок, вооруженность нашу квалифицированными работниками, указал их организации для проектирования, строительства и ведения новых предприятий и дал свои выводы из этого обзора,—

это было бы тою оценкою положения, которая послужила бы отчетливой базой для установления и четкой формулировки задач на пятилетие в области металлургии и для программы мероприятий, разрешающих эти задачи.

Сейчас программа нового металлургического строительства и новых производственных металлургических заданий звучит в плане как некоторое продолжение, начало и обоснования которого приходится искать в других трудах описательного и проектировочного характера.

Необходимо принять, что в комплексном плане всего народного хозяйства—пятилетнем ли, годовом ли, многолетнем ли, генеральном ли,—оценка исходного положения должна даваться целостно и связно по всем отраслям народного хозяйства, в их органическом сцеплении, хотя против этого и будет сохраняющиеся пока склонность специалистов-отраслевиков обособлять свои построения и превращать комплексные планы в сборники механически соединенных отраслевых планов. Особенно надо отметить, что в составе оценки должна обязательно быть включена характеристика аппарата хозяйственного управления, к которой наш план сделал пока только первый подготовительный шаг, выдвинув проблему кадров.

Трудности работы как по установлению самой схемы, составлению и изложению оценки, так и по собиранию для нее необходимых данных, несомненно, окупятся ее результатом.

Трудности четкой оценки положения особенно велики в области сельского хозяйства, в планировании которого вообще имеется много больше методологических недоработок, неясностей и недоразумений, чем в планировании других отраслей народного хозяйства.

Ниспровержение фетиша «исторических тенденций» и «количественных эмпирических показателей» только сбросило путы с методологической мысли, но, конечно, еще не разрешило всех ее задач.

Начать с того, что ряд понятий и терминов, которыми оперируют сельско-хозяйственные экономисты, заключают в себе кучу условностей, относительно которых нет еще общей условленности.

Когда едущие в отпуск советские работники глядят из окна вагона на копающуюся в грядках вырытого картофеля курносую черную свинку с ровным и крепким туловищем на коротких ногах, то взорам зоотехника определенно является бесспорный отпрыск славной беркширской породы, взорам финансового инспектора—несомненный объект обложения, перед специалистом по мясу из Наркомторга ходит экспортный бэкон, а в глазах у сельско-хозяйственного экономиста двоятся и троится,—то ли это основной капитал сельского хозяйства, то ли оборотный, то ли продукция. Такие термины, как аграрное перенаселение, как капитальные вложения, с которыми постоянно оперируют сельско-хозяйственные планы, толкуются при ближайшем их определении весьма различно.

Если в ряде случаев практически можно сговариваться, не договариваясь до полной точности, то относительно важнейших понятий,

как основные и оборотные капиталы, капитальные вложения, необходимо будет в дальнейшем условиться.

Возвращаясь к вопросу об оценке исходного положения в сельском хозяйстве, приходится настаивать на ее комплексности, на производстве единого связного смотра всем существенным моментам этого положения и при том во взаимоотношении сельского хозяйства с другими отраслями народного хозяйства. Именно отсутствием такого смотра приходится объяснить некоторый недостаток внимания нашего пятилетнего плана к животноводству.

Методологические недочеты в подходе к оценке исходного положения дают себя чувствовать и в двух важнейших вопросах зернового хозяйства: в вопросе подъема урожайности и в вопросе расширения посевных площадей.

Вопросы подъема урожайности в пятилетнем плане освещены весьма скупо. Собственно говоря, план ограничивается утверждением, что повышение урожая на 35% за пять лет возможно: «в таком вопросе, как повышение урожайности на 35% не было серьезных возражений против того, что современное состояние наших агрономических знаний дает возможность повысить урожайность на такой процент. Говорили наоборот, что со стороны технической нет препятствий и к удвоению урожая. Мало кто спорил против того, что главная масса намеченных мероприятий вполне доступна середняцким и бедняцким хозяйствам. Спор шел лишь о том, достаточно ли будет уменьшения и организованности, чтобы ознакомить массу крестьянства с этими мероприятиями, убедить ее в их целесообразности и суметь организовать для проведения этих мероприятий»¹.

План не приводит всех этих мероприятий, но в другом месте² указывает, как средний процент подъема урожайности варьируется по отдельным союзным республикам и по культурам, при чем дает большую точность показателей: для УССР—28,5%, для РСФСР—23,5%. План обещает дать «сводный план порайонного осуществления требований декрета» подъема урожайности³. Указанные проценты основаны на тщательных расчетах, но расчеты эти в плане не приведены: «Контрольные цифры пятилетнего плана народного хозяйства и культурного строительства РСФСР» дают эти расчеты в более развернутом виде⁴. В этих расчетах даны интересные показатели возможных процентов прироста урожайности по различным культурам, в различных районах, от различных мероприятий. Но очень характерно, что на шести страницах нет ни одной абсолютной цифры—одни проценты—и нет ни одной строки анализа наличной урожайности и ее условий. Между тем для устранения всякого недоумения, необходимо, прежде всего,

¹ Пятилетний план народного хозяйства строительства СССР. Изд. «Плановое Хозяйство», т. II, ч. I, стр. 315.

² Там же, стр. 297.

³ Там же, стр. 296.

⁴ Стр. 255—267.

устранение его причин; для решения вопроса о подъеме необходимо знать узкие места и барьеры, которые останавливают подъем; для укрепления цепи надо знать ее слабые звенья и не для чего укреплять сильные звенья, если в цепи останутся слабые звенья.

Но на страницах, посвященных проблеме подъема урожайности, мы не находим ни указания высшей и средней фактической урожайности отдельных культур в отдельных районах, ни указания тех факторов, которыми в действительности складывается высшая, средняя, низшая урожайность, ни обзора всех возможных путей ее подъема со сравнением их бытовой и финансовой доступности,—вообще не находим действительной оценки исходного положения. Характерно, кстати сказать, что весь очерк ни одного слова не говорит о навозе, который является лучшим комбинированным удобрением и который, вследствие неправильности его хранения и выветривания его в поле до заделки, теряет значительную часть своих полезных качеств, и который, кроме того, в массовом количестве обращается на отопление.

При освещении проблемы расширения посевных площадей ни в народно-хозяйственном плане, составленном Госпланом СССР, ни в контрольных цифрах пятилетнего плана, составленных Госпланом РСФСР, мы не найдем ни указания площади фактически имеющихся пахотных земель, ни, тем более, анализа возможности увеличения их засеваемости, не найдем ни указания площади земель, могущих быть обращенными под пашню, ни, тем более, соображений о положительных и отрицательных сторонах обращения их в пашню, не найдем обзора тех моментов, которые в последние годы вели к расширению и к сокращению посевных площадей в тех или иных социальных группах земледельческого населения, ни тех моментов, которые ставят предел расширению посевных площадей, вообще или достаточно эффективному их расширению, а эффективность расширения необходимо учитывать потому, что плохая обработка и плохой посев на большой площади дает худший количественный результат в смысле продукции, чем хорошая обработка и хороший посев на меньшей площади.

Необходимо отметить, что в проектировке обобществления сельского хозяйства, той коллективизации крестьянских «дворов», которая слитно с увеличением сельско-хозяйственной продукции представляется основным заданием пятилетия,—план не охарактеризовал различных направлений и стимулов обобществления, не дал ни перечня, ни анализа отдельных видов мероприятий, не наметил подхода к отдельным группам земледельческого населения, не коснулся вопроса об основах неделимости основных капиталов коллективов. Взять хотя бы трактор—одну из основ и подъема, и коллективизации сельского хозяйства—ведь, даже тип распространяемого у нас трактора является типом трактора для мелкой фермы. Обладает ли тракторная колонна при таких размерах тракторов свойством действительной «технической» неделимости, а сам трактор наибольшим соответствием большим пахотным площадям.

При всем сдвиге, происшедшем в области планирования сельского хозяйства, наши методологические задачи в этой области остаются очень большими и остаются главными.

И думается, что в дальнейших общих плановых работах по сельскому хозяйству следовало бы сделать еще один кардинальный поворот и подъем: решительно перейти к постановке в центре сельскохозяйственных проблем—проблем освоения и использования земельных угодий для получения необходимого количества продукции требующегося состава. Представления о «землеобеспеченности» крестьянского двора, о его же «обеспеченности» тяговой силой должны уступить свое место представлению об обеспеченности земли человеческой силой, прочими силовыми ресурсами, орудиями и об организации этой рабочей силы, где в кадры наемных совхозных рабочих, где в товарищеские коллективы, где с оставлением ее еще на некоторое время в виде индивидуальных хозяйств, все более и более охватываемых влиянием пролетарской государственности.

Огромные методологические работы предостоят также в области единого финансового плана. План отмечает, что он «не предлагает радикальной реконструкции финансовой системы»¹. Но и оставаясь на ближайшие годы в границах существующей системы, придется на ее основах ближе подойти к проблеме единого финансового плана. Для этого придется тщательно рассмотреть вопрос об отдельных составляющих этого плана. То, что советское народное хозяйство в общем счете мыслится в рамках такого единого финансового плана, в настоящей стадии его развития нисколько не отмечает наличия и специфичности его частей, а, напротив, требует уточнения их функций и взаимоотношений. В советском хозяйственном строе общегосударственный бюджет, местный бюджет, хозрасчетные средства государственных предприятий, государственный кредит, самообложение, ресурсы кооперативных объединений, средства населения, вовлеченные в систему регулируемых и контролируемых государством операций, — представляют единое целое. Но тем важнее, чтобы они правильно сочетали свои действия, чтобы они действовали в точной определенной сфере, в точно определенных направлениях, на точно определенных основаниях. Законченная выработка состава показателей такого плана, порядка их обоснования, формуляров для изложения финальных цифр представляется весьма сложным, но необходимым и неотложным делом.

Органы планосоставления.

Работа над пятилетним планом подчеркнула необходимость большей четкости как во взаимоотношениях между собой плановых органов—Госплана СССР, Госпланов союзных и автономных республик, Крайпланов и Облпланов, так и во взаимоотношениях общих плано-

вых органов—органов комплексного планирования—с ведомственными органами, подчеркнула необходимость пересмотра как системы разделения и объединения труда в планосоставлении, так и структуры плановых органов. И еще до окончательного завершения работы над пятилетним планом председатель Госплана СССР официально поставил эти вопросы на рассмотрение плановых работников.

Вопросы эти сложные; подход к ним у каждого свой, и поэтому решения для них предлагаются многочисленные и разнообразные, и, несомненно, прежде, чем откристаллизуются окончательно необходимые пути разрешения этих вопросов, потребуется еще немало времени.

На подобие того, и, отчасти, в продолжение того, как боролись в плановой работе система мышления пассивно-генетическая и система мышления активно-телеологическая, и системы промежуточные, так и теперь сталкиваются отчетливые крайние мнения, исходящие из противоположных точек зрения и последовательно доходящие до конечных выводов; между ними умещаются взгляды, либо колеблющиеся то туда, то сюда, либо заранее ищущие не чистых решений, а какого-либо наиболее приемлемого практического компромисса, упуская из виду, что компромисс, который очень часто, конечно, является в последнем счете неизбежным, должен для своей продуктивности быть действительно делом последнего, хотя и не запоздалого, счета и результатом сопоставления чистых решений после полного их выявления.

Разногласия идут по всему фронту существеннейших вопросов. И есть течение, которое связывает задачу пересмотра структуры только плановых органов и взаимоотношений в планосоставлении с обязательным пересмотром всего правительственного аппарата и всей системы управления, считая нецелесообразной самую постановку вопроса о каком-либо улучшении в плановых аппаратах и плановой работе вне этого капитального пересмотра.

О том, что структура нашего аппарата неудовлетворительна, что каркас советского государственного строя покрыт кучей административных архаизмов и нескладностей, что его обрастание учреждениями происходило стихийно и беспланово, что многие наши Наркоматы представляют копию старых царских министерств,—обо всем этом подробно говорить нет надобности. По существу все основное по этому вопросу сказано еще Лениным. И, конечно, необходимо продолжать эту работу систематического и углубленного анализа нашего аппарата, которую начал Ленин и которую его смерть остановила после первого же шага—статей о рабоче-крестьянской инспекции, идеи которых по сей час не нашли еще полной реализации. Но Ленин же указывал на необходимость вести перестройку без спешки и суеты. И хотя это, конечно не значит—тянуть и затягивать дело, но звучит как решительное предостережение против назначения слишком коротких сроков для общего пересмотра. Именно, в виду этого предостережения другие течения, высказываясь тоже за немедленный приступ к этому пересмотру, настаивают, что в положении общих плановых органов, обособленно

¹ Пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Том II, часть II, стр. 315.

взятых, есть стороны, которыми необходимо заняться независимо от того, как будет поставлена и каким темпом пойдет работа по общему пересмотру, и что продумывание и проведение изменений в структуре и деятельности плановых органов будет очень существенной и полезной частью общего пересмотра, и эти изменения с теми или иными дальнейшими поправками войдут в состав общей реорганизации. Откладывать же вопрос об общих плановых органах нельзя потому, что на очереди у них стоит не только развитие пятилетнего плана ежегодными планами, приобретающими крайне ответственное значение, но и составление генерального плана, который теперь после пятилетнего плана уже никем не мыслится, как статистическая экстраполяция на три пятилетия вперед, а понимается всеми плановыми работниками как программа разрешения генеральной задачи развития производительных сил и обобществления производства и распределения в максимальном размере, поддающемся конкретному расчету в настоящих условиях.

Приспособление планового аппарата к выполнению этой громадной работы столкнется, конечно, с вопросами о взаимоотношениях общих плановых аппаратов с ведомствами, из которых некоторые являются также в существе своей деятельности плановыми аппаратами, и иные, как ВСНХ СССР и НКФ, весьма мощными плановыми аппаратами, и здесь потребуются уточнение функций и разделение труда. Но полного пересмотра нет возможности выполнить до приступа к составлению генерального плана. Этой возможности нет прежде всего за недостатком времени. Но дело не только в недостатке времени. Можно смело сказать, что до углубления в проблемы генерального плана, до наметки их разрешения, суждение о необходимых коренных изменениях в аппарате не будет иметь достаточно прочных оснований. Не генеральный план будет создан новым аппаратом, а новый аппарат создан будет генеральным планом.

Борясь за улучшения в системе плановых органов и плановой работы, вне немедленной связи этих улучшений с проблемой общей реорганизации всего правительственного аппарата, необходимо прежде всего, как это необходимо было бы и при этой связи, твердо усложиться относительно понимания самой природы плановой работы. Вопросы, кому делать и как делать, решаются в зависимости от вопроса, что делать. А вопрос природы плановой работы все еще, несмотря на опыт с пятилетним планом, толкуется по-разному.

Из понимания плана, как прогноза, как выявления пути развития, непреложно данного историческими тенденциями, естественно вытекает понимание плановой работы, как работы, по существу, исследовательской. Из понимания плана, как системы хозяйственных решений, преследующих определенные задачи, поставленные субъективной волей в направлении ее цели, вытекает понимание плановой работы как работы, по существу, управленческой. То противопоставление управления и планирования, которое представляется совершенно пра-

вильным с первой точки зрения, является совершенно несообразным со второй точки зрения, в которой планирование есть необходимая и неперенная составная часть управления. Эта точка зрения, конечно, ни в какой мере не клонится к умалению значения научных методов и научных знаний в плановой работе. Напротив, она целиком стоит на базе научности управления вообще. Она принимает в отдельных случаях и необходимость для планового аппарата производить собственные научные исследования, оговаривая, однако, что такие исследования в плановой работе являются только средством получить материал для работы по существу, а не самым существом этой работы.

С первой точки зрения плановые органы представляются автономными научными коллективами, имеющими своим назначением консультацию оперативным органам, со второй, плановые органы являются каждый вспомогательно-подготовительным аппаратом при определенном оперативном органе, т.е. при органе, принимающем хозяйственные решения и распоряжающемся людским составом, орудиями и материалами. План, кто бы его ни составлял, практически принадлежит тому, кто может реально проводить его в исполнение и кто принимается за это реальное исполнение. Плановые аппараты, организованные в особые учреждения, нужны оперативным руководителям только как помощник в подготовке и разработке решений и нужны только потому, что эти руководители, при известных размерах и известной сложности дела, занятые непосредственным распоряжением людьми, орудиями, материалами, устанавливая их качественный и количественный состав, следя за их движением к цели, внося в это движение порядок, не имеют возможности разработать в требуемой подробности своих плановых предположений, не могут единолично сами ни собрать и ни систематизировать в достаточной полноте справочных сведений, рисующих обстановку, ни достаточно конкретизировать в деталях тех идей, которые они кладут в основу своих действий. Каждый крестьянин имеет план своего хозяйства, охватывающий его на ряд лет и в отраслевом, и районном разрезах. Но он лично сам, один, выясняет состояние этого хозяйства, определяет его сильные и слабые места, расценивает сравнительную важность отдельных нужд, взвешивает возможности их удовлетворения и ставит в определенной очередности определенные проблемы, намечая исполнение некоторых из них на годы вперед и не нуждаясь для своих расчетов не только в посторонней помощи, но даже и в записях, нося все свои проекты расширения посевных площадей, видоизменения состава культур, увеличения поголовья скота, завоза оборудования и предметов потребления, капитального строительства в своей голове. А государство вынуждено для составления и фиксации таких проектов отделять тысячи работников, производить громадные расчетные работы, сопоставлять и принимать сложнейшие соображения и заключения и тратить горы бумаги на писание и печатание толстых документов—книг, без которых оно неминуемо запуталось бы в делах.

С вопросов о существовании плановой работы и о взаимоотношениях плановых аппаратов с оперативными непосредственно связывается вопрос о системе разработки плановых проблем сложно-составного хозяйства. Советское народное хозяйство имеет единое общее руководство—руководство коммунистической партии—и имеет целостную общую организацию. Но в настоящих условиях, в условиях незаконченной еще классовой борьбы, недостаточной еще изученности производительных сил, не сглаженных еще бытовых особенностей отдельных районов, не вполне определившихся еще методов разрешения частных задач, народное хозяйство ведется на основе децентрализованного хозяйственного расчета, находящего свое применение и в постановке производства, и в системе финансирования, где этот принцип ярко воплощен местным бюджетом. Система децентрализованного хозрасчета выделяет отдельные части всего хозяйства в специфически оформленные хозяйственные единицы, с самостоятельной, в заранее установленных границах, организацией финансов и управления, и доверяет их ведение органам, пользующимся самостоятельными оперативными правами, доводимыми в отдельных вопросах до сравнительно широкой автономии. Эта система не опрокидывает системы единого плана всего народного хозяйства всей страны, но создает специфические вопросы о порядке планосоставления, вопросы по-разному разрешаемые с разных точек зрения. С одной точки зрения единая система хозяйственного плана должна создаваться снизу движением вверх по соответствующим восходящим инстанциям аргументированных планов оптимального развития нисших хозрасчетных единиц, с последующей проверкой и увязкой их в предположения высших единиц, а затем еще высших, пока не создается общий план всего народного хозяйства. С другой точки зрения, поскольку существует система децентрализованного хозрасчета, должны существовать и фактически существуют специальные планы отдельных хозрасчетных единиц, но не планы нисших инстанций связываются и объединяются в план высшей инстанции, а, наоборот, план высшей инстанции предшествует им и они вытекают из него. План не составляется снизу вверх, а развивается сверху вниз. Конечно, всякая плановая работа всегда нуждается для своих построений в таких или иных разведках и всякая высшая инстанция в разведывательной части плана составления почти всегда нуждается в справках и в соображениях нисших инстанций. Но эти справки и соображения, как бы обстоятельны они не были, являются для нее лишь материалом для плана, и по большей части, лишь частью материала, необходимого для плана. От разных нисших инстанций они требуются по разным вопросам и с разной подробностью, а иногда можно бывает вовсе обойтись без них. Действительные планы нисших инстанций могут быть составлены лишь после плана высшей инстанции, из которого они могут почерпнуть твердые качественные установки и количественные придержки для своих наметок и расчетов.

В условиях децентрализованного хозрасчета план высшей инстанции, оценивая обстановку всего хозяйства в целом, намечая его общие задачи, проектируя меры их разрешения, должен в то же время содержать в себе все указания, чтобы непосредственные руководители подчиненных, хозрасчетно поставленных хозяйственных единиц имели твердые отправные точки и четкие линии для своего хозяйствования и, значит, для составления планов своего хозяйства, которые, таким образом, следуя качественным установкам и количественным придержкам планов высшего охвата, конкретизируют, детализуют и дополняют их применительно к особенностям данных хозяйственных единиц, в пределах управленческих полномочий их оперативных руководителей, и именно таким образом входят в систему единого плана всего народного хозяйства.

Разный характер обеих установок работы находит выражение и в том, что при первой—собирается для дальнейшей обработки в порядке критического синтеза фактический материал в возможно большем объеме и за возможно больший срок. За цифрами динамических и статистических показаний запускается в темную воду статистики, в которой они плавают, длинный и густо сплетенный невод, чтобы не ускользнула ни одна рыбецка,—потому что заранее признается невозможным установить, окажется ли она нужной или ненужной; при втором же методе, собираются для переработки в порядке анализа только те данные, которые характеризуют исходное положение в его существенных чертах, при чем в отдельных случаях эти данные могут иметь и далеко уходящее в глубь времени содержание. Здесь, продолжая сравнение,—при свете прожектора, направленного в воду, высматривается и бьется острой крупной рыба, которая заранее намечается как предмет улова.

Тот же разный характер установок работы ведет к разнице в структурных наметках. С первой точки зрения плановые аппараты должны составлять независимую от оперативных аппаратов особую систему своего рода, некоего смешанного кооперативно-наркопатского характера, с подведомственностью их Госплану СССР; со второй точки зрения каждый из них непосредственно, прямо и исключительно подчинен определенному данному оперативно-управленческому органу. По первому пониманию высшие плановые инстанции руководят нисшими плановыми инстанциями, указывают их структуру и порядок работы; по второму пониманию высшие плановые инстанции предъявляют управленческо-оперативным органам свои требования на материалы для плана своего порядка, и эти органы обязаны представлять этот материал, и затем должны, на основе плана высшего охвата, планово вести свое хозяйство, а какой аппарат они создадут у себя, чтобы удовлетворять требованиям сверху на плановые материалы и чтобы составить свои планы,—в этом высшие плановые органы давать могут только советы. Вторая точка зрения открывает плановым органам высших инстанций в сущности также возможность руководства нис-

шими органами, но путем не прямого приказа, а путем вовлечения в свою систему хозяйственного мышления. Если плановый орган продуктивно и экономично поставит свои вопросы, даст ясные формулы для итоговых и для аргументирующих таблиц, если он даст относительно структуры совет, в котором соединятся знание качества работы отдельных плановых аппаратов, правильное сопоставление этого качества с характером их организации и верный учет конкретных особенностей данного хозяйства, он тем самым осуществит руководство и окажется на высоте в руководстве. Со второй точки зрения для планового аппарата необходимо иметь твердо обеспеченную возможность получить в решающих моментах своей работы через распорядительно-оперативный орган, при котором он состоит, указания директивных органов—соответствующих партийных комитетов или их бюро; с первой точки зрения путь связи с партийными органами остается неясным. Вторая точка зрения четко фиксирует ответственность за плановую работу, первая распыляет эту ответственность. Успех дальнейшей плановой работы в огромной мере зависит от того, в какой чистоте принята будет вторая точка зрения по всем указанным моментам.

Что касается основных вопросов в выработке целесообразной структуры плановых органов, то об этих вопросах приходится говорить типовым порядком в применении к таким аппаратам, которые состоят не из одного и не двух—трех лиц, а имеют более или менее значительную группу работников и могут подбирать из готовых запасов или в своей практической работе формировать работников подходящего направления и качества, как Госпланы Союза, союзных республик, краевых и областных плановых комиссий, и некоторые плановые комиссии автономных республик и округов. Плановая работа в волостном (районном, кантонном) масштабе и в масштабе отдельных селений, хотя она и теперь ведется и будет и впредь вестись, едва ли будет требовать создания для нее аппарата из нескольких человек.

Как общий принцип структурного порядка, необходимо утвердить в организации плановых аппаратов принцип единоначалия. Каждый плановый работник должен иметь, конечно, право и возможность свободно высказать свое мнение по разработанному им вопросу, но как в распределении работы, так и в докладах от имени планового аппарата, ответственность на себя должен брать его начальник. Это—вопрос простой и практикой уже решенный в положительном смысле.

Много сложнее и действительно очень сложным представляется вопрос о сгруппировании работников. Каждая хозяйственная проблема может быть и обыкновенно должна быть рассмотрена в разрезе социальных секторов, в разрезе районов,—в разрезе отраслей народного хозяйства и в разрезе функции хозяйствования.

Как разделить и как сочетать разработку проблем по этим разрезам, как разделить и как соединить работников для работы в этих разрезах,—этот вопрос очень труден для рационального решения.

В крупных плановых аппаратах по большей части образовалось деление на секции, с твердо прикрепленным к каждой составом работников,—деление обыкновенно принципиально нечеткое, с видимым преобладанием отраслевого основания, но с примесью и других. Имеются секции для разработки вопросов по главным отраслям народного хозяйства—сельскому хозяйству, промышленности, транспорту, жилищному делу и коммунальному благоустройству, и, на ряду с ними, секции социально-секторального характера—кооперативная, и функционального характера—строительства, финансирования, труда, и секции районного сектора, трактующие районы в целостном комплексе их хозяйства. Секции отливаются в застывшие формы и резко обособляются одна от другой, и поэтому, проработка вопросов становится громоздкой при необходимости рассматривать их и в одной секции, и в другой, а, вместе с тем, голос одной секции часто приобретает такой вес, что рассмотрение вопроса в другой секции становится излишним, или же, при равном весе, в результате получаются или пререкания, или «согласование» на почве взаимных уступок, вытекающих не из согласованного понимания дела, а из желания добиться какого-нибудь соглашения.

Думается, конечно, хотя эта мысль еще и остается дискуссионной, что правильного решения вопроса о структуре плановых аппаратов приходится искать не в частичном пересмотре состава секций и их взаимоотношений и не в твердом признании одной секции господствующей, а других вспомогательными, а в полной ликвидации секций и в переходе к работе через ответственных исполнителей, в специальном сочетании в немногочисленные группы для рассмотрения и разрешения отдельных проблем. При этом в составе работников целесообразно провести определенное различие между плановиками-конструкторами, членами плановых комиссий, ответственными за постановку и решение плановых проблем с точки зрения интересов всего народного хозяйства, и между специалистами-консультантами, ответственными только за технические справки и заключения по соответствующим отраслевым вопросам. Образование групп по проблемам должно происходить таким образом, чтобы определенный член Плановой Комиссии, наиболее компетентный в данном круге вопросов, нес ответственность за разработку определенной проблемы и, ведя руководство соответствующей группы, имел в последней в качестве соработников—членов Комиссии, основным образом занятых в соседних проблемах, и необходимых специалистов, и в то же время входил в качестве соработника в другие группы, работающие над проблемами, в разработке которых полезны его опыт и знание. Этот метод работы требует очень внимательной распорядительной деятельности со стороны руководителя аппарата, и составления четкого плана для работы этого аппарата, но за то при удаче обещает большой успех. Практика плановой работы спорадически прибегает к этому методу и пользовалась им и при составлении пятилетнего плана.

Специальным вопросом организации плановых органов является вопрос объединения с ними статистических органов. Проводимое сейчас упразднение статистических органов, как самостоятельных, и включение их в систему плановых аппаратов, конечно, решительным образом усилит влияние последних на статистическую работу. Однако, это объединение требует очень большой осмотрительности в практическом решении структурных вопросов. Дело в том, что этим объединением не ликвидируется и не может быть ликвидирована резкая разница между статистической работой и плановой работой по их существу и по требованиям, предъявляемым той и другой к исполнителям. Плановая работа — это работа по формулировке хозяйственных задач и по уяснению путей, средств, сроков их разрешения; статистическая работа — это работа по наблюдению явлений, по систематизации наблюдений, по классификации явлений, — конечно, с известной их квалификацией, но без постановки задач на будущее и без наметки решений. Плановая работа может и должна оперировать статистическими материалами только для себя и только в пределах, необходимых для практического составления плана; статистическая работа оперирует материалами, как раз не для себя, а для сторонних потребителей, и должна иметь в виду интересы не только текущего составления плана, но и преемственного освещения факторов и моментов меняющегося значения.

Поэтому, организационное объединение статистических и плановых аппаратов никоим образом не должно идти под таким углом, чтобы механически связать между собой как можно больше плановых и статистических работ и как можно больше отдельных ячеек, имеющих теперь раздельно и параллельно в плановых и статистических органах, и никоим образом не под тем углом, чтобы возложить плановую и статистическую работу на одних и тех же работников.

Существо дела заключается в том, чтобы те учетные работы, которые требуются для составления планов, стали для статистических работников не побочными и не второстепенными, а основными и первоочередными. Необходимо, чтобы статистики усвоили активный подход к собиранию и изучению фактов, которые особенно важны для планосоставления; необходимо, чтобы статистики усилили в своей работе элемент экономического анализа и экономической квалификации явлений; наконец, важно, чтобы плановые работники своевременно предупреждали статистических о тех явлениях, на учет которых необходимо обратить особое внимание в интересах работы по составлению планов; и, чтобы плановыми работниками заблаговременно устанавливался, при участии статистических, тот стандарт табличного и текстового изложения плановых документов, в соответствии с которым должны систематизироваться статистические данные. Та часть работы по составлению плана, которая относится к изложению данных о наличном или минувшем состоянии народного хозяйства и которая фактически состоит в перенесении статистических данных из

соответствующих справочных ведомостей в таблицы плана, должно выполняться, разумеется, непосредственно статистиками; вместе с тем, последние должны сохранить функции обслуживания справочными сведениями не только плановых работников данного планового органа, но и плановых работников других плановых органов, а также и спрос других хозяйственных и научных органов.

В связи с теми вопросами и моментами, на которых зиждется планирование, необходимо расширить круг собирания сведений о народном хозяйстве и в отдельных частях ввести дополнительную систематизацию важнейших данных. Экономическая статистика в настоящем ее виде недостаточна для плановой работы. Для плановых органов необходимо располагать данными полного и связного учета геофизических элементов, с одной стороны, и организационными и технико-экономическими показателями — с другой. Статистика в плановых органах должна превратиться именно в учет как социально-статистических, так и геофизических и организационно-технических данных. Вместе с тем, учет конъюнктуры должен превратиться в учет исполнения планов и их влияния на движение всего народного хозяйства.

Объединенные органы планирования и учета, являясь в основном существе плановыми органами, должны в силу двойственности содержания и приемов своей работы делиться на два основных сектора, — первый — планово-конструкторский, и второй — учета естественных ресурсов, экономики и техники.

Внутренняя структура обоих отделов вовсе не должна быть непременно одной и той же. Однако, независимо от этой структуры, необходимо поддержание взаимной связи между руководящими работниками обоих отделов, занятыми в вопросах одних и тех же отраслей народного хозяйства. Эта взаимная связь должна быть проведена путем общей работы в Методологическом Бюро всего аппарата и живым контактом при обсуждении специальных вопросов собирания и обработки фактических материалов и при анализе фактического состояния народного хозяйства в соответствующих отраслях.

Четкое разделение Планово-Конструкторского отдела от Учетного необходимо во всех плановых органах. В особенности следует подчеркнуть его необходимость для таких аппаратов, где количественный состав плановиков-конструкторов не велик и где он недостаточно прочен. В таких аппаратах плановики-конструкторы, в случае нечеткости разделения функций планирования и учета, особенно рискуют быть затоплены волной статистических вопросов и сойти с линии активно целеустремленной проработки существенных хозяйственных проблем на линию технического руководства статистическими работами, для которого они часто окажутся неподготовленными и на линию пассивной регистрации хозяйственных явлений.

Б. Миронов

К пересмотру системы кон'юнктурных наблюдений

Целеустремленность экономики переходного периода, со всей силой подтвержденная конкретным опытом советского строительства за последние годы, выдвигает вперед те элементы системы планирования, которые определяют генеральные линии развития. Пятилетние и годовые планы являются последовательной конкретизацией этих уже заранее данных генеральных путей развития независимо от того, имеем ли мы уже генеральный план, как сумму качественных и количественных заданий на определенный отрезок времени, или мы еще таким планом не располагаем.

Кон'юнктура замыкает эту цепь текущим наблюдением над динамикой хозяйственных процессов, ведущимся, главным образом, под углом зрения выполнения годовых планов и контрольных цифр.

В силу такой последовательности, проблемы плана как такового, выдвинувшись особенно в последнее время вперед, отодвинули назад теоретические и практические вопросы кон'юнктуры. Это обстоятельство послужило одной из причин известного упадка общего интереса к кон'юнктуре, как конкретному участку плановой работы. Но параллельно с этим следует подчеркнуть другую и не менее важную причину, заключающуюся в том, что система и метод кон'юнктурных наблюдений, сложившись еще в восстановительный период и сохранив до сих пор свои основные первоначальные особенности, оказались мало подвижными и в результате явно отстали от новых требований, поставленных всем последующим ходом хозяйственного развития.

Система кон'юнктурных наблюдений складывалась в условиях возрождавшихся после военного коммунизма товарно-денежных отношений. С самого начала было ясно, что восстановление этих отношений не означает возврата к хозяйству, стихийно регулируемому на основе закона стоимости. В этом смысле весь опыт военного коммунизма не прошел даром, хотя методы его и были отброшены. Тем не менее, роль плана, как трансформирующего фактора в восстанови-

тельный период, была ограничена. Именно в данный период мы наблюдаем попытки «восстановления» для советского хозяйства буржуазных теорий кон'юнктуры, попыток перенести ее методы в наши условия. Это был период теории В. Громана о восстановлении довоенных пропорций в советском хозяйстве, расцвета Кон'юнктурного Института во главе с проф. Кондратьевым, период известных прогнозов проф. Макарова, А. Вайнштейна и др. о развитии сельского хозяйства СССР, построенных целиком на перенесении в условия советского хозяйства довоенных циклов и темпов развития.

Помимо того, что эти попытки навязать советскому хозяйству «нормальные» довоенные темпы развития игнорировали те предпосылки ускорения темпов, которые вытекают органически из природы данного хозяйства и уже полностью себя проявили в необычайно бурном восстановительном процессе, представление об устойчивых циклах развития советского хозяйства идейно подчиняло планирование стихии, план — кон'юнктуре, предопределяло плану роль предвидения, всемерно ограничивая его роль, как фактора, активно деформирующего ход экономического развития.

Однако потребовалось немного времени, чтобы эти представления о характере и задачах плана были опровергнуты опытом хозяйственного развития. Уже первые годы реконструкции вскрыли с полной очевидностью, что переходный период насыщен чрезвычайно динамическими процессами, представляя собой постоянное вытеснение старых хозяйственных связей новыми, создание новых организационных форм всего процесса общественного воспроизводства.

Обобществление сельского хозяйства организационно выражается в создании крупных хозяйственных единиц, по типу приближающихся к механизированному промышленному предприятию. В связи с этим глубоко изменяется самая организация производственного процесса в сельском хозяйстве, а также коренным образом видоизменяются организационные формы и весь характер связей между промышленностью и сельским хозяйством. Роль рынка, как стыка между этими основными отраслями, сходит на-нет и быстро растет непосредственно производственная связь между ними; на первый план выдвигается плановое регулирование первоначальных факторов, от которых зависит уровень производительности и товарности сельского хозяйства.

В области распределения материальных ценностей выдвинут за короткий период ряд новых крупнейших проблем. Обобществление товарооборота, доведенное до 97%, уже сводит на подчиненное место еще недавно бывшую центральной проблему обобществления товаропроводящей системы, вытеснения частного торгового капитала; выдвинуты на первое место вопросы организации обобществленного товарооборота, организация материального снабжения как производственного, так и потребительского, распределения товарных фондов по районам и т. д.

¹ Печатаемая статья т. Миронова, Редакция отмечает, что вопросы, трактуемые им в настоящей работе, в свое время подверглись обсуждению на Всесоюзном Совещании по вопросам кон'юнктуры, в мае 1929 г.; проведение в жизнь решений Совещания задерживается до сего времени трудностями организации краткосрочных кон'юнктурных наблюдений за процессами технической реконструкции, ходом капитального строительства и т. д. *Ред.*

Плановое регулирование значительно усиливается и в сфере потребления. Нормирование потребления населения охватывает все расширяющийся круг товаров. Если мероприятия этого рода связаны с конъюнктурными затруднениями истекшего года, то, с другой стороны, не подлежит сомнению, что мы переходим уже к непосредственному регулированию потребления широких трудящихся масс, активному воздействию на него не только в отношении уровня (планирование средней зарплаты и т. п.), но и самого материально-физиологического состава потребления. Мы находимся на пути обобщения процесса потребления, естественно вытекающего из последовательного обобщения процессов производства и распределения.

Наконец, в области финансового хозяйства происходят реконструктивные процессы, связанные с изменением характера материальных связей в народном хозяйстве и отмиранием закона стоимости.

Все эти реконструктивные процессы, глубоко захватившие нашу экономику и являющиеся выражением активного социалистического строительства в советском хозяйстве, предъявляют новые требования к конъюнктуре в смысле ее содержания, системы показателей, методов работы; ряд новых моментов должен быть включен в конъюнктурную работу.

Капитальное строительство, приобретшее колоссальные размеры и ставшее центральным местом народно-хозяйственного плана, по существу находится вне системы текущего конъюнктурного наблюдения. В течение строительного сезона мы имеем очень смутные представления о ходе капитального строительства, об отклонениях от плана в этой области, пользуясь для оценки положения отдельными, иногда случайными фактами и экспертными оценками. Особенно темным участком в конъюнктуре является внепромышленное строительство (торговое, коммунальное, дорожное и т. п.), поглощающее огромные суммы ежегодно.

Процесс технической реконструкции в промышленности также не находит отображения в системе конъюнктурных наблюдений. Вводя в годовые планы моменты технической реконструкции, мы систематического наблюдения над выполнением этих важнейших элементов промплана не имеем, на протяжении года не знаем, как изменяются физические нормы расходования сырья, топлива, энергии вообще, хотя бы в важнейших отраслях промышленности. Мы не располагаем текущей ежемесячной отчетностью в отношении структуры издержек производства и себестоимости. Показатели общего движения себестоимости, во-первых, сильно опаздывают, во-вторых, они не могут ориентировать в отношении отдельных факторов изменения себестоимости и структурных изменений в процессе производства и ценообразования. Подробная балансовая отчетность трестов по себестоимости, помимо того, что она поступает только через несколько месяцев по истечении данного года, не может быть достаточным орудием конъюнк-

турной политики еще и потому, что она скрывает колебания отдельных конъюнктурных периодов на протяжении года.

Имея своевременную ежемесячную отчетность по динамике всей себестоимости и отдельных ее элементов, можно будет не только вскрыть наиболее полно хозяйственные и технические достижения и недостатки отдельных предприятий, но и подойти гораздо ближе и конкретнее к изучению таких общехозяйственных категорий и процессов, как динамика производительности общественного труда, народный доход и органический состав капитала.

Производительность труда, учитываемая крайне грубо по показателям валовой продукции на одного рабочего в структуре себестоимости, найдет теоретически гораздо более правильное выражение в соотношении между выполненным живым трудом (зарплата) и перенесенным на готовый продукт трудом накопленным (постоянный капитал). Это же соотношение приблизит к изучению органического состава капитала в его конкретной динамике на протяжении коротких отрезков времени. Наконец, реальный народный доход или чистая продукция, до сих пор в плане народного хозяйства фигурирующая как условно исчисляемая отвлеченная категория, приобретет гораздо большую конкретность в связи с изучением конъюнктуры и влияния конъюнктурных процессов на структуру себестоимости. Насколько остро назрел вопрос об организации правильной ежемесячной отчетности в отношении себестоимости, отчетности, доведенной до предприятий и цехов, свидетельствует постановление ЦК ВКП(б) о реорганизации управления промышленности, в котором данные себестоимости кладутся в основу всего учета и планирования предприятия, а тем самым и всей промышленности. Сочетание данных о строении цены и себестоимости с натурально-техническими структурными показателями производства, которые также должны быть введены в систему текущей плановой отчетности, можно будет получить достаточно полное представление о внутренних реконструктивных процессах в промышленности и поднять качественный уровень планирования производства.

Нужно подчеркнуть еще некоторые моменты конъюнктурных наблюдений в области промышленности. Прежде всего, о качестве продукции. Проблема качества продукции уже давно поставлена перед промышленностью с большой остротой, однако, постоянного наблюдения над качеством мы не имеем. Вопрос этот периодически всплывает на страницах печати, однако, неизменно испытывает обычную судьбу проходящих временных кампаний. Таким образом, от времени до времени вскрываются лишь отдельные отрицательные факты значительного ухудшения качества, но никакого минимума определенных и достаточно четких обязательств перед промышленностью в этой области планом не ставится. Этот недостаток плана отражается и на конъюнктуре, превращаясь, таким образом, в общий недостаток всей системы планирования. Очевидно, что без специальной разработки

обязательных для каждой отрасли промышленности заданий по качеству продукции, заданий, имеющих определенное количественное выражение, невозможно организовать и систематической борьбы за качество, вести постоянное наблюдение над успехами и поражениями в этой области. В числе таких заданий можно указать обязательное нормирование по отраслям с доведением до отдельных предприятий процента брака производимых изделий. Контроль над качеством продукции должен стать одним из центральных разделов конъюнктуры.

Весьма важной проблемой, по существу также не находящей определенного места в конъюнктуре, является эффективность основного капитала, качество и степень его использования. Эта проблема дальше отдельных исследовательских работ не продвинута. Отвлекаясь от всей сложности исчерпывающего ее анализа, можно в конъюнктурном разрезе разработать ряд более или менее элементарных показателей использования и нагрузки основного капитала промышленности. К такого рода показателям следует отнести, напр., простой предприятий, цехов и отдельных агрегатов. Систематическое наблюдение над простоями, выраженными в человеко- или энергочасах, даст, прежде всего, необходимые представления о размерах этого явления, несомненно недоучитываемых в полной мере; оно же может послужить первым этапом изучения потерь в производстве и организации борьбы с ними.

В систему элементов планирования и конъюнктурных наблюдений в сельском хозяйстве необходимо внести также существенные дополнения и изменения, вытекающие из коренной социальной и организационной его перестройки. Создание крупных обобществленных хозяйств, в максимальной степени механизированных, организация сельскохозяйственных фабрик, в подлинном смысле слова, приводит к однородности техникоэкономических и организационных проблем промышленности и сельского хозяйства, стирает вековое противоречие между ними. Характер сезонности и самое это понятие в мощном механизированном хозяйстве значительно модифицируется по сравнению с сезонностью среднего индивидуального крестьянского хозяйства. Массив сплошного обобществления, охватывающий территорию какого-нибудь административного района или даже округа, представляет собою сложный и многосторонний хозяйственный комплекс, соединяющий элементы не только сельскохозяйственного производства в тесном смысле, но и ряд последующих процессов переработки сельскохозяйственных продуктов. В связи с этим в обобществленном сельском хозяйстве совершенно иначе должна быть поставлена и разрешена проблема рабочей силы; вместо сезонного массового ее выталкивания открывается перспектива уменьшения простоев рабочей силы и непрерывного производственного процесса на подобие процесса промышленного производства. Планирование рабочей силы, ее организованного использования, приобретая особое народнохозяйственное значение в связи с развитием капитального строительства, в усло-

виях обобществленного сельского хозяйства одновременно получает значительно более прочную реальную почву. Базой этого планирования должен явиться учет рабочей силы и ее использования; постановка такого учета в обобществленном сельском хозяйстве является весьма актуальной задачей.

Изучение эффективности капитальных вложений и себестоимости, нахождение под этим углом зрения экономически наиболее выгодных пропорций в структуре основного капитала применительно к различным условиям сельскохозяйственного производства, должны стать центральными проблемами обобществленного сельского хозяйства.

Мы еще очень мало знаем, какой организационный тип сельского хозяйства в данных естественных и экономических условиях наиболее оптимален по производительности и уровню издержек производства. Если себестоимость продуктов в индивидуальном крестьянском хозяйстве поддается освещению лишь в результате сложных исследований, то в крупном обобществленном хозяйстве отдельные элементы издержек производства (рабочая сила, постоянный капитал) выступают гораздо более отчетливо уже в силу самого отделения собственности от рабочей силы и могут быть предметом систематического учета. Надо, однако, учитывать, что создание такого учета основного капитала и издержек производства представляет весьма сложную задачу и требует определенной консолидации новых организационных форм хозяйства.

Реконструкция форм распределения материальных ценностей, ближайшим образом связанная с обобществлением товарооборота, вводит ряд новых моментов в изучение распределительного процесса, в частности, систему конъюнктурных наблюдений. На первое место выступает организация материального снабжения и в связи с этим систематическое, дифференцированное по основным группам товаров (производственных и потребительских) наблюдение над движением фактических норм снабжения и товарных остатков по районам, наблюдение над количеством звеньев продвижения товаров. Наконец, изучение стоимости процесса распределения, уровня и строения торговой накладки приобретает такое же значение, как и дифференцированное наблюдение над динамикой себестоимости в промышленности; оно должно послужить ключом к установлению наиболее экономных организационных форм распределения, размеров и структуры торговых предприятий, позволит более рационально, в соответствии с народнохозяйственными интересами, осуществлять торговое строительство.

В области потребления необходимо перейти от косвенного конъюнктурного наблюдения общего его уровня к наблюдению над нормами и составом потребления. Это требование непосредственно вытекает из перехода к активному регулированию характера и норм потребления населения. Планирование потребительского бюджета отдельных социальных групп населения — и не только городского, но

и сельского — должно стать одним из важнейших разделов народно-хозяйственного плана и соответственно этому включено в систему конъюнктурных наблюдений.

Одним из наиболее трудных разделов конъюнктуры являются финансы. Финансовая конъюнктура должна дать картину мобилизации и перераспределения народного дохода за данный конъюнктурный период. В этой области необходим решительный качественный перелом, при условии чего только и можно будет вывести финансовый участок конъюнктуры из тех задворков, на которых он находился до сих пор.

Необходимо подчеркнуть, что если в области производства народного дохода, определяемого в конечном счете размерами материального производства, контрольные цифры могут отметить в своем активе значительные успехи в смысле точности планирования, наоборот, в области распределения народного дохода и его перераспределения мы имеем за последние годы значительные отклонения от плана. Речь идет не столько о процентах выполнения бюджета, сколько об охвате всего механизма ценностного перераспределения народного дохода как по линии прямых изъятий, так и через механизм цен. Построение единого хозяйственного плана уже теперь открывает значительные возможности в отношении совокупного учета мобилизации и перераспределения народного дохода, идущего по двум линиям: организованного обобщественного сектора, с одной стороны, и частного сектора (в том числе населения), с другой. При данном уровне промышленного производства и уровне цен динамика себестоимости служит одним из исходных показателей перераспределения народного дохода между промышленностью и другими секторами в сравнении с планом. Анализ себестоимости должен показать контрагентов этого перераспределения. Общая сумма изъятий, поступивших в финансовую систему от населения, с учетом расходной части бюджета населения, даст необходимые элементы для ответа на вторую часть процесса перераспределения. Наконец, количественный учет перераспределения, вытекающего из конкретного изменения уровня и соотношения цен промышленности и сельского хозяйства, должен дополнить совокупную картину перераспределения. Несомненно, действительный механизм процесса, особенно в условиях резких хозяйственных сдвигов, значительно сложнее всякой схемы, тем не менее в пределах конъюнктурного анализа указанный метод охватывает основные формы и направление данного процесса.

Потребность в районном разрезе конъюнктурных наблюдений уже ощущается давно и всеми признана назревшей. Принятая плановыми органами установка на построение народнохозяйственного плана, как плана развития территориально-связанных экономических комплексов, тем более обязывает соответственно перестроить конъюнктурные наблюдения. Однако, в отношении конкретного осуществления данной проблемы сделано очень мало.

Между тем, в этой области можно было бы многое сделать даже в условиях недостаточной конкретизации контрольных цифр по экономическим районам и подрайонам. Выполнение районного разреза, как обязательного элемента в системе кон'юнктурных наблюдений не только в союзном, но и республиканском областном масштабе, является срочной задачей, разрешение которой, во всяком случае, уже запоздало.

Районное построение кон'юнктуры, выраженное в однородной для отдельных территорий и районов системе показателей, даст возможность каждому району производить оценку своей кон'юнктуры не только с точки зрения выполнения своих планов, но и в сравнении с кон'юнктурой других районов Союза, в особенности однородных с данным.

Интенсивнейшая реконструкция, протекающая во всем процессе общественного воспроизводства, коренным образом меняющая характер хозяйственных связей, создающая совершенно новые формы организации производства распределения и потребления, является основной особенностью экономики переходного периода. Объем и характер кон'юнктурных наблюдений, хотя и выходят за границы плана, поскольку последним могут и не быть охвачены полностью все элементы объекта планирования, однако, в основном predeterminedены объемом и структурой самого плана. Таким образом, указанный недостаток следует отнести на счет недостаточного умения правильно планировать и предвидеть в чрезвычайно сложных условиях новой эпохи. Мы имеем на протяжении последних лет систематический недоучет и недостаточное плановое осознание тех огромных динамических сил, которые заложены в переходном хозяйстве.

Для выполнения этой центральной задачи система кон'юнктурных наблюдений должна строиться и перестраиваться не только на базе тех хозяйственных форм, которые на сегодняшний день уже прочно установились, но и с максимальным учетом всего направления социально-экономической реконструкции, с учетом новых, нарождающихся процессов. Установка кон'юнктуры в этом смысле должна быть в полной мере перспективной — кон'юнктура должна также смотреть вперед, как и план. Только в этом случае кон'юнктура станет действительным и полноценным орудием планирования, а не будет входить в противоречие с задачами и установками плана, как то в известной мере имело место до сих пор.

Неправильно было бы утверждать, что недостаточное соприкосновение сложившейся системы кон'юнктурных наблюдений с процессом реконструкции народного хозяйства полностью является следствием отсутствия необходимых элементов учета этого процесса. Ряд отмеченных выше новых требований, предъявляемых к кон'юнктуре, мог бы быть удовлетворен на базе существующей системы учета, напр., почти вовсе не использовывались кон'юнктурой материалы рабочих бюджетов. Однако совершенно очевидна необходимость общей

перестройки системы учета, — без этого условия конъюнктура окажется бессильной в разрешении поставленных перед ней задач.

Трудности здесь заключаются в том, что необычайная интенсивность реконструктивного процесса является постоянным отрицанием сложившихся ранее форм и потому отрицает устойчивость самой системы конъюнктурных наблюдений.

Особая подвижность экономики переходного периода требует от конъюнктуры широкого применения качественного анализа. Умение схватывать вначале единичные прогрессивные факты и явления, давать им правильную народнохозяйственную оценку, связывать с общим направлением социалистического строительства, наконец, энергично продвигать их в жизнь — таковы качества, необходимые конъюнктуре.

Гораздо большее место, чем до сих пор, должен занять в конъюнктуре анализ первичных, низовых хозяйственных процессов. Основная установка на доведение плана до села (двора), предприятия и цеха должна быть в полной мере воспринята и претворена конъюнктурой. Только непосредственное ощущение тех процессов, которые рождаются и протекают в колхозе, заводском цехе, даст правильное восприятие всей народнохозяйственной конъюнктуры, как конъюнктуры социалистического строительства. Метод периодических обследований первичных хозяйственных ячеек-предприятий, проводимых по определенной программе, должен прочно войти в систему конъюнктурных наблюдений. Только таким образом можно на конкретных жизненных примерах получить определенный ответ на ряд проблем, остающихся до сих пор в тени конъюнктуры, напр., проблему кадров и др.

Таковы важнейшие практические проблемы конъюнктуры, которые должны быть в ближайшее время разрешены. Только перестроившись в соответствии с требованиями социалистического строительства, конъюнктурный участок плановой работы займет соответственное место в системе плановой работы.

Структура капитального строительства промышленности СССР

У нас немало говорят и пишут о повышении, падении, стабильности доли стоимости машин в основном капитале промышленности, доли затрат на машины в капитальном строительстве. Но что, какой экономический смысл за этим скрывается, — такой вопрос обычно не ставится. Критерием успехов в этом отношении считается достижение довоенных норм и приближение к структуре основного капитала передовых, европейских и американских предприятий. А между тем, совершенно не разработан метод и не поставлен вопрос о разработке метода учета наших достижений в этом направлении, толком никому не известны ни структура основного капитала до войны, ни структура современных передовых капиталистических предприятий. Изучение структуры основного капитала имеет глубокий технический и экономический смысл. К балансу оборудования нельзя подходить с точки зрения простого соотношения потребности в машинах и снабжения ими. Баланс должен прежде всего дать картину и анализ строения основного капитала, подходя к последнему не с бухгалтерским и счетным, а углубленным экономическим анализом, анализом на основе марксовой концепции производительного капитала.

Повышение производительной силы труда есть результат роста органического состава капитала, роста овеществленного, мертвого труда, приводимого в движение одним и тем же количеством труда живого. Повышение органического состава капитала означает, вместе с тем, и повышение размера основного капитала на единицу живого труда. Большую массу сырья одна и та же рабочая сила в одинаковый период времени пропускает и больше готового продукта вырабатывает в результате большей вооруженности этой рабочей силы материальными элементами основного капитала. Но различные элементы основного капитала в подеме производительной силы труда участвуют далеко не одинаково: производственные машины и оборудование есть непосредственно эффективный капитал, они своей величиной непосредственно обеспечивают тот или иной определенный уровень производительности человеческого труда, в то время как здания — лишь косвенным образом, сооружения — иногда еще более косвенным путем. При всех прочих равных условиях рост в общей сумме основного капитала доли стоимости машин и оборудования означает ни что иное,

как большую производительность труда при тех же самых затратах. Этот экономический смысл удельного веса затрат на машины и оборудование нельзя, конечно, доводить до логического абсурда: здания, тот или иной характер их, обуславливающий состояние гигиены и санитарии, влияет на производительность труда тоже весьма непосредственным образом. Русские капиталисты до революции в интересах «экономии» ставили машины и оборудование в тесные, темные помещения, «коробки»; «коробки» — этот широко применяемый ныне в технических кругах термин имеет вместе с тем и прямой социальный смысл. После революции нам «коробок» не надо, — нужны здания, максимально обеспечивающие живой рабочей силе наилучшее использование машин и оборудования.

Капиталистам, особенно на первых стадиях развития капитализма, свойственно стремление экономить именно на помещении, в погоне за добавочной прибылью, не останавливаясь перед отнятием у рабочего воздуха и света. Капиталисты эпохи развитого капитализма, наоборот, умеют извлекать добавочную прибыль от устройства относительно светлых и просторных помещений. Просвещенный апологет капитализма — Гриневецкий — в работе «Послевоенные перспективы русской промышленности» отмечает, что в довоенной русской промышленности «скупые, тесные, старые, темные здания... увеличивают накладные расходы русского производства». Но и самым передовым капиталистам самого последнего времени свойственно стремление максимальной экономии на здании, тесное нагромождение машин, станков и пр. в интересах максимального использования площади пола, хотя бы во вред безопасности рабочего. При всех прочих равных условиях, в наших социальных условиях соотношение затрат на здания и машины должно в известной степени корректироваться совершенно иным отношением государства к жизни и здоровью рабочего. Теми же социального характера факторами определяется у нас и относительная величина затрат на жилые здания, которые собственно в основной капитал не входят, а составляют имущество, между тем как в дореволюционной России и в капиталистических странах доля затрат на жилище зависит, главным образом, от того — в городе или деревне размещена та или иная отрасль. К факторам социального характера, влияющим на относительную величину капитала в зданиях и в оборудовании, нужно отнести, например, и влияние земельной ренты. Высокая рента в капиталистических странах толкает капиталистов на путь строительства многоэтажных зданий. В многоэтажных зданиях получается значительная экономия на земле, на крыше, хотя в то же время проигрыш на лестницах и некоторых других дополнительных расходах.

Относительную величину капитала в зданиях и в машинах определяет также и степень концентрации капитала. Одно и то же количество машин можно расставить в нескольких мелких корпусах, или же в одном грандиозном корпусе. Размер предприятия на соотношение зданий и машин имеет существенное влияние и при разработке вопро-

са об оптимальном размере предприятия для той или иной отрасли производства это обстоятельство должно быть учтено.

Относительная величина затрат на промышленный транспорт зависит от того или иного расположения предприятия в отношении общей сети железной дороги, того или иного географического размещения промышленности, а также организационно-технического состояния производства. Немало у нас заводов с таким расположением цехов, что полуфабрикату приходится пробегать расстояние от одного цеха в другой в два и больше километров.

Не во всех отраслях производства машинам, аппаратам и оборудованию, как непосредственным факторам, обуславливающим тот или иной уровень производительности труда, противостоят здания, как лишь косвенно действующий на производительность труда фактор. В добывающих отраслях — нефтяной, угольной — в доменном производстве и некоторых других отраслях непосредственным фактором производства являются сооружения, но и в этих отраслях рост производительности труда обуславливается механизацией его, в каменно-угольных шахтах, например, — заменой ручной работы работой врубовых машин.

Мы говорим об эффективности капитальных затрат, разрабатываем систему показателей этой эффективности, выявляем факторы, обуславливающие величину эффективности. В числе многих других факторов, которые, несомненно, влияют на высоту эффективности капитальных затрат, но которые еще не стали ни предметом внимания, ни как следует поняти вообще, нужно назвать и этот фактор — соотношение доли затрат на здания, сооружения и машины в капитальном строительстве. Эффективность эта, при прочих равных условиях будет тем выше, чем выше доля затрат на машины и оборудование. Оптимальная эффективность капитальных затрат может быть достигнута в числе прочих факторов и оптимальным сочетанием затрат на здания и сооружения, с одной, машин и оборудования — с другой стороны.

Несмотря на огромную важность проблемы структуры основного капитала, скрывающиеся в этой структуре огромные, неиспользованные нами дополнительные резервы подъема эффективности затрат, в наших планирующих и регулирующих органах систематическая аналитическая работа над структурой основного капитала и динамикой этой структуры не поставлена, не начата. В настоящей статье подвергнем лишь самому общему анализу структуру основного капитала промышленности и структуру капитальных затрат.

Статистики основного капитала, которая давала бы возможность систематически следить за происходящими сдвигами в структуре основного капитала и структуре капитального строительства, у нас нет. Соответствующая статистика ЦСУ, помимо наличия значительных дефектов ее, запаздывает на много-много лет. На 1-е октября 1925 г. — дата переоценки основного капитала трестов, до того времени выра-

женного в довоенных рублях, структура основного капитала по разным источникам представляется так:

Структура основного капитала на 1 октября 1925 г.

Табл. 1.

Элементы основного капитала	Полная восстан. стоимость		Восстан. стоимость с учетом износа		
	Данные ЦСУ по бланку Б	Данные баланса общесоюзной промышленности	Данные ЦСУ по бланку Б	Данные Бюро баланса нар. хоз. ЦСУ по балансам трестов ¹	Данные баланса общесоюзной промышленности
Произв. здания, обслуж. и сооруж.	47,9	53,0	49,8	49,3	52,2
Машины и оборуд.	45,9	39,5	43,8	41,9	39,5
Инструменты	1,0	0,9	1,1	1,1	1,0
Инвентарь	2,3	2,7	2,6	3,6	3,4
Транспорт	2,9	3,9	2,7	4,1	3,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Итого в млн. руб.	6.965 ²	4.933,4	4.570,0 ²	3.323,2	2.954,4

Данные ЦСУ по бланку Б представляют собою результат годового обследования за 1925/26 г., опубликованного в работе ЦСУ «Основные капиталы цензовой промышленности СССР»; материалы эти дают группировку материальных элементов основного капитала только по действующим заведениям цензовой промышленности. Там же дана структура основного капитала на 1-е октября 1926 г. и структура капитальных затрат в 1925/26 г. по новому строительству. За последующие годы опубликованных соответствующих данных по тому же кругу промышленности нет.

Цифры графы 3-й взяты нами из книги «Сводный баланс государственной промышленности на 1 октября 1925 г.». Дифференциация по видам имущества дана только в отношении общесоюзной промышленности. При расчете нами выкинута имеющаяся в балансе статья — «без подразделения». Цифры графы 5 взяты из работы Бюро баланса народного хозяйства ЦСУ Союза; абсолютные данные опубликованы в ст. И. Г. Горелик — «Капитальное строительство и основной капитал трестированной промышленности», журн. «Эконом. Обозрение» № 10 за 1929 г., охватывают общесоюзную промышленность и республиканскую РСФСР и УССР. Бюро баланса подвергло обработке соответствующие отчеты трестов. Помимо различия в объеме промышленно-

¹ На конец 1924/25 г.

² Это — действующий капитал. Кроме того — 283,7 млн. руб. — основной капитал и имущество в бездействующих заведениях, по полной восстановительной стоимости, и 172,3 млн. руб. по восстановлению с учетом износа.

сти, данные ЦСУ по бланку Б, с одной стороны, и трестовские данные, с другой, отличаются тем, что первые охватывают, как сказано выше, лишь действующие заведения, а данные трестов — и действующие и консервированные; кроме того, бланк Б учитывает только те сооружения, которые находятся в пределах заведения, и не учитывает капитальное имущество, находящееся непосредственно у управления треста, напр., значительная часть нефтепроводов и т. д., между тем, как трестовские материалы ВСНХ, хотя и по более узкому кругу, но зато представляют собою более полные данные. По инструкции ВСНХ к переоценке понятие «технического оборудования» и «машин» охватывает «машины, орудия, станки и аппараты с относящимися к ним установкой и вспомогательными устройствами», группа — «силовые установки» — все виды силового оборудования — паровые установки, водяные и паровые турбины, двигатели внутреннего сгорания, электроустановки и т. д. Сооружения — «надземные и подземные устройства, не могущие быть отнесенными к производственным или жилым зданиям и постройкам, а именно, буровые скважины, шахты, домны, мостовые, ограды и т. п. В бухгалтерской и статистической практике «машины и оборудование», однако, не всегда строго и последовательно отграничиваются от сооружений. Какая-то часть машин и оборудования так тесно сращена с сооружениями — буровыми скважинами, каменноугольными шахтами и т. д., что стоимость их в бухгалтерских данных трестов показана вместе с этими сооружениями. За полным отсутствием каких бы то ни было данных по этому вопросу сделать поправку на это обстоятельство не представляется возможным. В наших расчетах «силовое оборудование» показано везде вместе с производственным оборудованием и машинами в общей группе — «машины и оборудование».

Что же касается структуры капитального строительства, то здесь следует прежде всего различать три момента: структуру — 1) законченного в таком-то году капитального строительства, 2) капитального строительства такого-то года и 3) капитальных затрат такого-то года. Каждый из этих трех факторов имеет различное значение. Структура законченного капитального строительства, начатого, следовательно, не только в данном году, но и в предыдущие годы, характеризует собою строительство не одного, а целого ряда лет. Структура законченного строительства, динамика этой структуры характеризует происходящие сдвиги в капитальном строительстве. Сравнение ее со структурой действующего основного капитала промышленности показывает направление этой динамики, из чего можно делать те или иные экономические выводы.

Структура капитального строительства данного года является, вообще говоря, значительно менее показательной в интересующем нас в данном случае отношении: соотношение стоимости зданий и сооружений и стоимости машин и оборудования в капитальном строительстве каждого данного года может обуславливаться различ-

ными факторами, имеющими прямое отношение не только к технике строящегося объекта, но и такими факторами, как срок строительства, есть ли это строительство, начатое в данном году, или, наоборот, продолжаемое, а если продолжаемое — то какой год. Соотношение машин и зданий в капитальном строительстве в различные годы строительства бывает различное: при практиковавшемся у нас методе строительства в первые годы преобладает строительство зданий, в последние — монтаж машин. Необходимо различать собственно капитальное строительство какого-либо года от капитальных затрат того же года. Эти два процесса чаще всего совершенно не различаются в обиходе наших хозяйственников и экономистов и в практике хозяйственных и экономических оперативных и планирующих органов.

В понятия — капитальное строительство, капитальные вложения, капитальные затраты вкладывается обычно одно и то же содержание. А это ведет в результате к тому, что подсчеты наши капитального строительства бывают количественно или преувеличены или, наоборот, в других случаях — преуменьшены. Капитальные затраты такого-то года по величине своей равны капитальному строительству того же года, плюс выданные авансы по заказу машин и оборудования (и строительных материалов), заказанных, но в данном году не полученных предприятием, плюс прирост или минус уменьшение запасов машин, оборудования и строительных материалов за данный год (изменение на начало и конец года). Капитальное строительство есть собственно то, что в данном году построено — здания и сооружения, и смонтировано — машины и оборудование, независимо от того, закончено ли оно в этом году или нет, строительный материал, машины и оборудование куплены, получены предприятием в этом году или в предшествующие годы. Это есть, следовательно, стоимость выстроенных в данном году, хотя бы и недостроенных и не в этом году начатых строительством зданий и сооружений, и установленных, хотя и не сданных в эксплуатацию и не в этом году закупленных машин и оборудования. Структура и абсолютные величины каждой из этих категорий, явлений, процессов представляют особый интерес и характер.

Бухгалтерские данные трестов под именем капитальных затрат дают, собственно, цифры, показывающие не затраты данного года, а стоимость построенных в данном году зданий и сооружений и установленных машин и оборудования, не учитывая изменения запасов строительных материалов и машин на начало и конец года. Это есть, следовательно, размер капитального строительства в собственном смысле слова, хотя и именуется затратами. ЦОС ВСНХ под именем капитальных затрат такого-то года учитывает стоимость построенных в этом году зданий и сооружений и стоимость установленных машин и оборудования, включая изменение запасов на начало и конец года, но не считает выданных авансов по заказам. Финансовый отдел ВСНХ в ежегодных промфинпланах под именем «капитальных

затрат» берет капитальные затраты такого-то года независимо от того, установлены ли полученные в этом году машины и оборудование или они переходят на следующий год, но учитывает отдельно изменения за год запасов стройматериалов и тех машин, оборудования и инструмента, которые являются запасными в собственном смысле слова, т. е. необходимы для непрерывности функционирования действующего уже основного капитала. Контрольные цифры Госплана под именем капитальных вложений в промышленность дают, как и ВСНХ, стоимость капитальных затрат соответствующего года, т. е. с учетом изменения в запасах стройматериалов и машин, но без авансов по заказам. Вследствие того, что в бухгалтерских данных под именем капитальных затрат отдельными трестами, особенно в прошлые годы, применялся нередко смешанный метод — давались вместе со стоимостью зданий и сооружений и установленных машин и оборудования еще и запасы машин и оборудования, — то в статистических данных, особенно за прошлые годы, более всего до 1926/27 г., совершенно не представляется возможным провести грань между собственно затратами отдельных годов и собственно строительством этих же лет. При учете абсолютных размеров капитальных затрат и капитального строительства каждого года это обстоятельство обуславливает то, что капитальное строительство одного года преуменьшается или преувеличивается за счет другого года. Если это обстоятельство не имеет существенного значения при учете абсолютных размеров затрат и строительства, то для определения баланса промышленных машин и оборудования потребности и снабжения, — этот момент играет существенную роль. За прошлые годы состояние статистических и бухгалтерских данных о капитальных затратах и капитальном строительстве исключает возможность устранения указанного дефекта. Наименее дефектными в указанном отношении являются данные трестов о законченном капитальном строительстве.

Единственным материалом, характеризующим динамику структуры капитальных затрат, хотя и с указанным дефектом, и структуру законченного строительства за 1924/25—1927/28 г.г., являются отчетные данные трестов в разработке Бюро баланса народного хозяйства ЦСУ. Абсолютные цифры приведены в упоминавшейся уже статье Горелик. Данные Бюро баланса охватывают общесоюзную и республиканскую РСФСР и УССР промышленность. Автор статьи — Горелик оговаривает отсутствие претензий на абсолютную точность цифр, полученных Бюро баланса. По отношению к общей сумме капитальных вложений всей промышленности, планируемой ВСНХ, за соответствующие годы в разработку Бюро баланса вошло: в 1924/25 г. — 80 %, в 1925/26 г. — 77 %, в 1926/27 г. — 75 % и в 1927/28 г. — 72 %.

С этой точки зрения данные Бюро баланса могут считаться для нашей цели достаточно репрезентативными. Однако, отдельные отрасли промышленности в учтенном Бюро круге предприятий представлены не одинаково: одни более, другие менее полно. В частности капи-

тальные вложения в электростроительство даны без ряда крупных электростанций — Волховстроя, Шатурской, НИГРЭС и ЗАГЭС, построенных за исследуемое четырехлетие. Кроме того, «вследствие изменения в 1927/28 г. классификации трестовской отчетности, данные за последние два года (т. е. 1926/27 и 1927/28 г.г. А. П.) о распределении затрат по видам имущества не вполне сопоставимы. Поправки, внесенные Бюро, придают этому исчислению несколько условный характер». Несмотря на все эти оговорки, нам придется все же воспользоваться для наших целей этим единственно пригодным, да и вообще по данному вопросу единственным материалом. За четыре предшествующие нынешней пятилетке года структура капитальных затрат и законченного капитального строительства, в процентах к общей сумме, составляет.

Табл. 2.

Структура капитальных затрат и законченного строительства общесоюзной и республиканской РСФСР и УССР промышленности (% к итогу затрат, без жилых и служебных зданий).

Элементы основного капитала	Капитальные затраты				Законченное строительство			
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Здания производств. и обслуж.	24,6	21,2	19,0	19,5	21,8	18,6	16,0	17,8
Сооружения	26,8	28,4	30,0	29,2	25,6	27,8	27,4	23,5
Машины и оборудов.	30,2	37,4	40,2	41,6	30,4	37,3	43,1	46,2
В том числе силов. установки	10,2	10,7	10,4	12,8	10,1	11,8	11,1	14,0
В том числе технич. оборудов.	20,0	26,7	29,8	28,8	20,3	25,5	32,0	32,2
Инструмент	1,0	1,2	1,7	1,3	1,2	1,7	2,2	1,7
Инвентарь	10,3	6,3	3,9	3,6	12,5	8,4	5,0	4,8
Транспорт	7,1	5,5	5,0	4,7	8,5	6,2	6,4	6,0
Итого, осн. кап.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Как было уже сказано, приведенные в таблице «капитальные затраты» не есть собственно затраты, а стоимость построенных в соответствующем году зданий и сооружений и установленных машин и оборудования, хотя сюда, несомненно, входят, но лишь частично, а за 1924/25 г. и 1925/26 г.г. — вероятно значительно — и неустановленные в данном году машины и оборудование. Добиться методологической четкости в отношении прошлых лет не представляется возможным.

Динамика структуры как затрат, так и законченного строительства показывает за рассматриваемое четырехлетие неуклонное и непрерывное повышение доли машин и оборудования. За последние два года — 1924/25 и 1925/26 — величина удельного веса машин и оборудования как в затратах, так и в законченном строительстве, — одина-

кова. В законченном строительстве кривая подъема удельного веса машин и оборудования выражена более круто и ярко.

Посмотрим, какой же народно-хозяйственный, технический и экономический процесс отражает собою эта динамика структуры, в частности, повышение удельного веса стоимости машин и оборудования? Для ответа на этот вопрос нужно прежде всего уяснить, какое влияние на структуру основного капитала, динамику этой структуры оказали чисто валютные факторы. Повышение доли машин и оборудования в общей стоимости законченного строительства означает ли реальное относительное повышение натуральных машин и оборудования, или же изменение структуры, рост непосредственно эффективной части основного капитала есть всего лишь игра цен, результат неодинакового движения за эти годы цен (и стоимости производства), их различные материальные элементы основного капитала. Поскольку мы берем структуру ценностного выражения основного капитала и капитального строительства, на структуру эту большое влияние оказывают цены, в которых оценены различные элементы основного капитала и капитальных затрат. Для иллюстрации этого факта возьмем, например, структуру основного капитала общесоюзной промышленности на 1-е октября 1925 г., т. е. на дату переоценки основного капитала трестированной промышленности.

Табл. 3

Состав основного капитала общесоюзной промышленности на 1 октября 1925 г. (в млн. руб. и в % к итогу).

Элементы основного капитала	Балансовая оценка* (без переоценки)		Полная восстановит. стоимость		Восстанов. стоимость с учетом износа		Процент износа (гр. 6, гр. 4)
	М. р.	%	М. р.	%	М. р.	%	
Здания производ. и обслуж.	451,1	23,7	1.415,6	28,7	960,6	32,5	32,4
Сооружения	447,8	23,6	1.197,9	24,3	583,0	19,7	51,4
Машины и оборудование	782,2	41,2	1.945,6	39,5	1.164,2	39,5	40,0
Инструменты	28,3	1,5	44,5	0,9	31,0	1,0	30,0
Инвентарь	98,3	5,2	135,2	2,7	100,9	3,4	25,4
Транспорт	90,5	4,8	194,6	3,9	114,7	3,9	41,2
Итого	1.898,2	100,0	4.933,4	100,0	2.954,4	100,0	40,1
Жилые здания и службы	243,5	—	797,5	—	503,4	—	36,8
Всего	2.141,7	—	5.730,9	—	3.457,8	—	39,7

Таблица составлена по данным ВСНХ СССР — «Сводный баланс государственной промышленности» на 1-е октября 1925 г.

Так как по Ленинградскому Машинотресту, оптико-механическому тресту, Москоуглю и Севзаплесу оценка имущества полная восстановительная и восстановительная с учетом износа по отдельным видам имущества не дана, из приведенной в балансе ВСНХ «балансовой

оценки» нами для сравнимости исключены первые три предприятия, а из итогов всех трех оценок — исключены целиком, так называемые, «прочие тресты», в числе которых значится и Севзаплес. Все дальнейшие наши исчисления — выявление коэффициента переоценки и пр. — сделаны также для всей общесоюзной промышленности без этих трестов (не взято также «имущество без подразделения и разное» по всей промышленности).

Мы видим, что структура основного капитала, выраженная в, так называемой, «балансовой оценке», т. е. в смешанной валюте — в довоенных рублях и в червонных, отличается от структуры того же капитала, выраженной в червонных ценах по полной восстановительной стоимости с учетом износа. Различие структуры основного капитала, оцененного по полной восстановительной стоимости и по восстановительной стоимости с учетом износа, обуславливается неодинаковой степенью изношенности различных элементов основного капитала. На 1-е октября 1925 г. удельный вес машин и оборудования одинаков в основном капитале как по полной восстановительной стоимости, так и по восстановительной с учетом износа, так как процент износа по машинам и оборудованию в общесоюзной промышленности равен среднему проценту износа по всему основному капиталу. Различен удельный вес зданий и сооружений. С интересующей нас в данном случае точки зрения, т. е. для выявления и анализа структуры капитального строительства, важна структура основного капитала, взятого по полной восстановительной стоимости. Структуру капитального строительства, законченного за предшествующие нынешней пятилетке годы, мы должны и можем сравнивать со структурой основного капитала только по полной восстановительной стоимости. С основным же капиталом по восстановительной стоимости с учетом износа капитальное строительство в своей структуре не сравнимо. Тем не менее структура основного капитала по восстановительной стоимости с учетом износа представляет большой интерес и огромное народно-хозяйственное значение. Не вдаваясь в анализ этой структуры, отметим лишь, что та картина, которая дана в балансе трестов и фиксирована в 7-й графе нашей таблицы, далеко не точно отражает действительную структуру основного капитала общесоюзной промышленности по восстановительной стоимости с учетом износа. Восстановительная стоимость с учетом износа учитывает только технический износ. Но машины и оборудование подвержены в значительной степени еще и, так называемому, моральному износу. Несмотря на особенности нашей экономики, благодаря которым вопрос о моральном износе машин, значении его для народного хозяйства стоит несколько иначе, чем для капиталистических стран, необходимо все же иметь в виду, что моральный износ машин и оборудования, перешедших от русских капиталистов, был значителен. Следовательно, выраженный в рыночных ценах с учетом технического и морального износов основной капитал будет иметь долю машин и оборудования значительно более низкую, чем это дает

таблица с учетом одного только технического износа. Не имея здесь возможности останавливаться более подробно на сравнительной характеристике структуры основного капитала по полной восстановительной и восстановительной стоимости с учетом износа, на анализе экономического смысла той и другой оценки, отметим лишь, что эта тема является чрезвычайно важной и актуальной и давно ждет к себе пристального внимания теоретической экономической мысли.

И так, на 1-е октября 1925 г. доля машин и оборудования во всем основном капитале по полной восстановительной стоимости чрезвычайно низка — 39,5%. Что означает собою эта чрезмерно низкая доля непосредственно эффективной части основного капитала, есть ли это в экономическом смысле и хозяйственном отрицательное явление, результат материально-технических сдвигов в нашей промышленности, или же результат исключительно ценностных факторов? Для ответа на этот важный и интересный вопрос нам при анализе структуры основного капитала на 1-е октября 1925 г. и структуры капитального строительства за последующие годы необходимо элиминировать влияние на структуру капитала факта неодинакового движения за эти годы цен на различные элементы основного капитала и капитального строительства.

Данную восстановительную стоимость основного капитала общесоюзной промышленности на 1-е октября 1925 г. и стоимость капитального строительства за 1925/26—1927/28 г.г., стоимость отдельных элементов основного капитала и законченного строительства нам нужно для этого выразить в каких-то твердых, неизменных ценах. Такими ценами мы возьмем цены довоенные и посмотрим, как будет выглядеть на 1-е октября 1925 г. структура основного капитала по полной восстановительной стоимости и структура капитального строительства за 1925/26—1927/28 г.г. в довоенных ценах. Для этой цели нам нужно будет предварительно проделать некоторые исчисления, найти коэффициенты переоценки на 1-е октября 1925 г. различных элементов основного капитала — зданий, сооружений, машин, оборудования и т. д.

Как известно, так называемая, «балансовая» стоимость основного капитала на 1-е октября 1925 г. была двухвалютная; имущество, значившееся на балансах трестов ко времени образования и законодательного оформления трестов, т. е. 1922/23 г., было оценено по довоенным ценам и выражено в довоенных золотых рублях, а имущество, приобретенное трестами за период 1922/23—1924/25 г.г., оценено в современных ценах и выражено в червонных рублях. При генеральной переоценке на 1-е октября 1925 г. из всего значащегося на балансах трестов и выраженного в двухвалютных ценах основного капитала переоценке подлежало имущество трестов, полученное ими при учреждении трестов и внесенное в устав трестов, имущество, выраженное в довоенных ценах. Из этого, выраженного в довоенных ценах и рублях, имущества переоценке не подлежало неликвидное имущество, выделенное особо, согласно приказа специальной Комиссии СТО. Не подлежало пере-

оценке имущество, приобретенное трестами за последние два года, предшествовавшие дате генеральной переоценки, т. е. в 1923/24 и 1924/25 г.г.

В то же время принятое трестами к моменту образования их имущество оценено было с учетом износа.

Для нахождения коэффициента переоценки отдельных элементов основного капитала необходимо сбросить стоимость не подлежащего по той и другой причине переоценке имущества, как с, так называемой, «балансовой» стоимости основного капитала на 1-е октября 1925 г., так и с «полной восстановительной стоимости с учетом износа» на ту же дату. Но имущество в довоенных ценах первоначально было оценено с учетом износа на период образования трестов, т. е. 1922/23 г., а в 1925 г. переоценено с учетом износа на 1-е октября 1925 г. следовательно, нам нужно сделать еще поправку на это обстоятельство, взять один и тот же основной капитал в довоенных ценах и современных и при том же с учетом износа на одну и ту же дату. В виду отсутствия более точных данных об износе основного капитала за эти 1922/23—1924/25 г.г., будем считать условно, что износ равен величине числящегося на 1-е октября 1925 г. на балансе трестов союзной промышленности амортизационного капитала.

До 1924/25 г. амортизационные отчисления делались со всего имущества, действовавшего и консервированного, с, так называемой, «балансовой», т. е. двухвалютной стоимости этого имущества. За 1924/25 г. первоначально трестами было произведено списание износа по тому же принципу, а после генеральной переоценки, согласно постановления Правительства, амортизация произведена с имущества в его червонной оценке с учетом износа, — была произведена дополнительная амортизация на дооценку имущества, в то же время, амортизация исчислена только с действующих заведений. Непосредственно данных о том, как числящийся по балансу на 1-е октября 1925 г. амортизационный капитал разбивается на амортизацию отдельных элементов основного капитала — зданий, сооружений, машин, оборудования и т. д., в балансах трестов не имеется и цифры эти нужно исчислить. За 1924/25 г. по общесоюзной промышленности (за вычетом для сравнимости 3-х упомянутых выше трестов и всех «прочих» трестов) амортизационных отчислений с действовавшего имущества, по, так называемой, «балансовой» стоимости произведено было на сумму 147,7 млн. руб., при том известно, сколько из этой суммы приходится на здания, сооружения, машины, оборудование и т. д. Сверх того, за тот же 1924/25 г. произведено дополнительной амортизации с дооценки имущества (по тому же кругу) — 53,5 млн. руб., при том же — неизвестно, сколько со зданий, сколько с машин и т. д. По балансу общесоюзной промышленности на 1-е октября 1925 г. амортизационного капитала значилось 406,3 млн. руб., а без трестов, выбрасываемых нами для сравнимости, 393 млн. руб. Эту сумму 393 млн. руб., следовательно, и нужно разложить на ее составные части — амортизацию

отдельно зданий, сооружений, машин, оборудования и т. д. Метод расчета показан в таблице 4.

Табл. 4

1	По балансовой оценке (без переоценки)	В том числе		Износ (амортизацион. отчислен.)					
		Не подлежащий переоценке	Переоцененное	За 1924/25 г.		За 1922/23—1924/25 г.г.			
				С балансовой оцен.	% к балан. оценке	% к балан. оцен.	С переоцен. по бал. оцен.	Допол. дооцен. имущ.	Итого
	м. р.	м. р.	м. р.	м. р.	м. р.	м. р.	м. р.	м. р.	м. р.
2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Здания производств. и обслуж.	451,1	34,8	416,3	17,7	3,9	9,0	37,5	6,4	43,9
Сооружения	447,8	305,7	142,1	41,1	9,2	21,2	30,1	15,3	45,4
Машины и оборудование	782,2	86,1	696,1	54,3	6,9	15,9	110,7	19,6	130,3
Инструменты	28,3	12,6	15,7	3,5	12,4	28,5	4,5	1,3	5,8
Инвентарь	98,3	46,2	52,1	12,7	12,9	29,7	15,5	4,5	20,0
Транспорт	90,5	26,2	63,9	5,8	6,4	14,7	9,4	2,1	11,5
Итого	1.897,8	511,6	1.386,2	135,1	7,1	—	207,7	49,2	256,9
Жилые здания и службы	243,5	37,8	205,7	11,9	4,9	11,3	23,2	4,3	27,5
Всего	2.141,3	549,4	1.591,9	147,7	6,9	—	230,9	53,5	284,4

Нам нужно определить величину амортизационного капитала за время 1922/23—1924/25 г.г. только с подлежащего переоценке основного капитала. Для этой цели исчисляем процент амортизации за 1924/25 г. по отдельным элементам основного капитала со всей «балансовой» оценки основного капитала на 1-е октября 1925 года (см. табл. 4, графы 5 и 6). Произведенная за 1924/25 г. дополнительная амортизация с дооценки имущества в сумме 53,5 млн. руб. относится целиком к переоцененному имуществу; следовательно, по исчисленным нами (гр. 6 табл. 4) нормам амортизации с «балансовой» стоимости подлежащего и неподлежащего переоценке имущества за все эти годы составили 39,3—53,5 млн. руб., т. е. 339,5 млн. руб., так как за 1924/25 г. по этому принципу (с «балансовой» стоимости) амортизации произведены были 147,7 млн. руб., а за все 1922/23—1924/25 г.г. — 339,5 млн. руб., то можно условно считать, что по этим нормам и этому принципу (с «балансовой» стоимости) амортизация производилась в течение 2—3 лет ($= 339,5 : 147,7$). За все эти годы — 1922/23—1924/25 — процент амортизации равен, следовательно, нормам 1924/25 г., умноженным на 2,3 (см. гр. 8 табл. 4). Для получения абсолютных данных, характеризующих величину износа за 1922/23—1924/25 г.г. только переоцененной части имущества, «балансовую» стоимость одного слагаемого — переоцененного имущества умножаем на норму

амортизации за все эти годы (1922/23—1924/25 г.г.), т. е. норму амортизации 1924/25 г., умноженную на 2,3. Полученные нами, таким образом, цифры (гр. 8 табл. 4) характеризуют величину амортизации за эти 1922/23—1924/25 г.г. только одного переоцененного на 1-ое октября 1925 г. основного капитала, при том же амортизации, списанную, с, так называемой, «балансовой» стоимости этого подлежащего переоценке основного капитала. В этом исчислении нами принято, что амортизация как подлежащего, так и не подлежащего переоценке капитала производилась за 1922/23—1924/25 г.г. по одинаковым нормам. Строго говоря, мы не имеем права брать одинаковую норму амортизации для двух рядов нашей таблицы — имущество, не подлежавшее переоценке, и имущество, переоцененное на 1-е октября 1925 г., так как, во-первых, в 550 млн. руб., имущества, «не подлежавшего переоценке», на 150 млн. руб. было неликвидного, выделенного согласно приказа Комиссии СТО, и на эту сумму, следовательно, никакого амортизационного отчисления не производилось, и, во-вторых, амортизация капитального имущества, приобретенного за последние два года перед 1-м октября 1925 г., выраженного в червонных рублях, и потому не подлежавшего переоценке, производилась ведь не целиком эти два года, а тогда, когда имущество это было приобретено и поступило в эксплуатацию, приобретено же оно могло быть и, скажем, за полгода—год до 1-го октября 1925 г., а не за два года. Эти факторы говорят о том, что удельный вес амортизационных отчислений с имущества, не подлежавшего переоценке ниже, чем это следует из нашей таблицы, где в «неподлежавшее переоценку» включено и неликвидное имущество, и приобретенное имущество, независимо от срока его приобретения, на протяжении двух предыдущих дат генеральной переинвентаризации лет. Но, с другой стороны, нужно иметь в виду и то обстоятельство, что действующее имущество, приобретенное за последние два года перед 1-м октября 1925 г. и выраженное в червонных рублях, было загружено значительно выше средней степени, размер норм амортизации варьирован в зависимости от степени нагрузки, консервированное имущество амортизировалось по наименьшим из данных ВСНХ трестам норм амортизации и, следовательно, значительная часть переоцененного в довоенных рублях имущества трестов, в виде сильной недогрузки, погашалась из низших норм, — обстоятельство, которое в нашем расчете преувеличивает долю амортизации, взятой нами с имущества, подвергнутого переоценке. А так как состав неликвидного имущества, доля негодных построек, доля оборудования применительно к взятому нами кругу и данным нам неизвестны, так как влияние на искомую нами величину амортизации другого фактора — неполная нагрузка предприятий, с достаточной степенью учтена быть не может и так как расчет наш носит по необходимости довольно условный характер, то обоими названными факторами, отклоняющими действительную величину амортизации с переоцененной и непереоцененной части имущества от исчисленной нами в прямо противоположном на-

правлении, приходится пренебречь. Дополнительно произведенная за 1924/25 г. амортизация с дооценки имущества—53,5 млн. руб. относится целиком к переоцененному имуществу. По отдельным элементам основного капитала разобьем, условно, эту сумму в той же пропорции, в какой за 1924/25 г. (гр. 5) амортизационная сумма с «балансовой» стоимости основного капитала разбивается на отдельные слагаемые — амортизация отдельных элементов основного капитала. Прием этот, конечно, неточный, так как чем выше был коэффициент переоценки того или иного вида имущества, тем, следовательно, относительно выше была доля этого вида имущества в дополнительной амортизации с дооценки. А так как на этой ступени исчисления мы еще не знаем коэффициентов переоценки по отдельным элементам основного капитала, то, следовательно, необходимой поправки на этот фактор сделать не можем. Гр. 9 показывает исчисленную нами дополнительную амортизацию переоцененного основного капитала, а гр. 10 той же таблицы — размер всего износа за 1922/23—1924/25 г.г. переоцененного на 1-е октября 1925 г. основного капитала.

Метод исчисления коэффициентов переоценки и исчисления структуры основного капитала на 1-е октября 1925 г. по полной восстановительной стоимости в переводе на довоенные рубли показан в табл. 5. Оценка в черв. рублях с учетом износа на 1-е октября 1925 г. (гр. 3 табл. 5) получена путем вычета из восстановительной стоимости основного капитала на 1-е октября 1925 г. стоимости той части основного капитала, которая не подлежала переоценке; прибавив к полученной величине износ за 1922/23—1924/25 г. (гр. 10 табл. 4), получаем червонную оценку того же переоцененного основного капитала, но с учетом износа на начало 1922/23 г., т. е. на ту же дату, на какую взят износ того же основного капитала по довоенным ценам¹. Коэффициент переоценки получен путем деления цифр гр. 4 на цифры гр. 2.

Главная масса не подлежавшего переоценке основного капитала приходилась, как видно из гр. 3 табл. 4, на сооружения (350,7 млн. руб. из 512 млн. руб.). Это были, главным образом, буровые скважины, вышки нефтяной промышленности, не подлежавшие переоценке в виду того, что они уже были выражены в червонных рублях, а также старые

¹ Ср. расчет С. Г. Струмилина — «Очерки Советской Экономики», ГИЗ. 1928 г., стр. 140.

Бройтман и Горелик в статье в «Статистич. обозрении» № 9 за 1928 г. исчисляют коэффициент переоценки основного капитала иначе: износ за 1922/23—1924/25 г. вычитают из стоимости подлежавшего переоценке основного капитала по довоенным ценам, чтобы получить один и тот же основной капитал с учетом износа на 1 октября 1925 г., т. е. вычитают червонные рубли (амортизация производилась в черв. руб.) из довоенных, что явно неправильно. Если брать основной капитал с учетом износа на 1 октября 1925 г., тогда нужно амортизацию за 1922/23—1924/25 г.г. предварительно перевести в довоенные рубли и уже в таком виде вычитать из основного капитала в довоенных ценах.

бездействующие буровые скважины. По балансу на 1-е октября 1925 г. роль нефтяной промышленности в сооружениях представляется так:

Табл. 5

Структура основного капитала общесоюзной промышленности на 1 октября 1925 г. по довоенным ценам.

(И с ч и с л е н и е).

	Подвергнуто переоценке с учетом изн. на 1922/32 г.	Оценено в черв. валюте		Коэффициент переоценки (гр. 4; гр. 2)	Отклонение от общ. среднего коэффициента	Структ. осн. капитала на 1/X—1925 г. по полн. восстанов. стоим.	Полная восстанов. стоимость в до-воен. руб.
	Дов. руб.	С учетом износа на 1/X—1925 г. Черв. руб.	С учетом износа на 1922/23 г. Черв. руб.	1913 г. = 100	1,94 = 100	В % к итогу	В % к итогу
1	2	3	4	5	6	7	8
Здания производств. и об-служ.	416,3	925,8	969,7	2,33	1,20	28,7	24,3
Сооружения	142,1	277,3	322,7	2,27	1,17	24,3	21,1
Машины и оборудов. . . .	696,1	1.078,1	1.208,4	1,74	0,90	39,5	44,5
Инструменты	15,7	18,4	24,2	1,54	0,79	0,9	1,2
Инвентарь	52,1	54,7	74,7	1,43	0,74	2,7	3,8
Транспорт	63,9	83,1	99,6	1,56	0,80	3,9	5,1
Итого	1.386,2	2.442,4	2.699,3	1,94	1,00	100,0	100,0
Жилые здания и служ-бы	205,7	465,6	493,1	2,39	—	—	—
Всего	1.591,9	2.908,0	3.192,4	2,00	—	—	—

С о о р у ж е н и я.

(В млн. руб.)

	Вся обще-союзн. про-мышлен-ность	В том числе топливн.	В том числе нефтяная
По „балансовой“ оценке	455,3	324,0	—
Полная восстановительная стоимость	1.204,4	886,8	825,3
Восстановит. стоимость с учетом износа	587,8	419,9	386,6
Не подлежащее переоценке	308,7	289,5	287,9

Всего — как сооружений, так и других элементов основного капитала, по нефтяной промышленности не подлежало переоценке имущества, выраженного в червонных рублях—236,5 млн. руб. и неликвидного, выделенного по приказу Комиссии СТО № 409/20, — 122,4 млн. руб., а по всей топливной промышленности соответственно — 240,2 и 125 млн. руб.

Инструкция ВСНХ от 8-го июня 1923 года, изданная в развитие изданной Советом Труда и Оборона от 8-го июня 1923 г. инструкции «о порядке составления инвентарных описей и оценки уставного капитала государственных промышленных предприятий, организуемых на началах коммерческого расчета», гласит, что:

«а) Оценка имущества уставного капитала производится по существующим на день составления описи и баланса рыночным (биржевым, оптовым) ценам, если таковые имеются, и пересчитываются на золотые рубли по курсу Котировальной Комиссии на день составления описи.

б) Если же рыночных цен (биржевых, оптовых) не существует, то оценка производится по фактическим затратам на покупку или заготовку с пересчетом их на золото по курсу Котировальной Комиссии дня затрат, а в случае, если нет и таковых данных, то оценка производится по довоенным ценам (1913 г.) и довоенные цены в этом случае принимаются, как цены, выраженные в золоте».

В начале нэпа (период образования наших трестов) рыночных цен на машины и оборудование не существовало. Поэтому, основной капитал был оценен по довоенным ценам и эти цены брались как цены, выраженные в золотых рублях, т. е. основной капитал был оценен в довоенных ценах и выражен довоенными рублями. С другой стороны, на 1-е октября 1925 г. переоценка предметов, не имеющих рыночной цены (здания, сооружения), производилась по стоимости воспроизводства в современных условиях, по стоимости материалов, рабочей силы, накладных расходов и др. по урочному положению. Предметы, имеющие рыночную цену (машины, силовые установки и т. п.), оценивались по рыночной цене (из инструкции ВСНХ от 26-го августа 1925 г.). В исключительных случаях, когда совершенно не представляется возможным установить рыночные цены и стоимость воспроизводства, допускается оценка экспертным путем, исходя из данных о довоенных ценах и поправочных коэффициентов. При переоценке по рыночным ценам надлежит включать в оценку также и стоимость перевозки и установки соответствующих предметов (из инструкции ВСНХ от 26-го августа 1925 г.).

Коэффициент переоценки показывает нам, таким образом, во сколько раз цены на 1-е октября 1925 г. выше цен довоенных на одни и те же элементы основного капитала. По всему основному капиталу вздорожание равно было 1,94, а вместе с жилыми зданиями — 2,00. Коэффициент переоценки, т. е. вздорожания рыночных цен или стоимости воспроизводства предметов, не имеющих рыночной цены, был выше всего по сооружениям (2,33) и по жилым зданиям (2,39). По машинам и оборудованию (1,74) коэффициент переоценки был ниже среднего для всего основного капитала, значительно ниже как сооружений, так и зданий.

На 1-е октября 1925 г. индексы цен на элементы основного капитала были следующие:

	1924/25 г.	1/X 1925 г.	1925/26 г.
Строительный индекс	2,26	—	2,70
Отпускные цены на продукты общего машиностроения	—	1,996	—
Индекс цен на изделия для транспорта	—	1,51	—
Жилостроительство	—	—	2,81

Строительный индекс, исчисляемый Строительной секцией Госплана, за эти годы (1924/25 и 1925/26 г.г.) показывает отношение современной стоимости единицы строительных работ, например, 1 куб. м земляных работ, 1 куб. м кирпичной кладки и т. д. к их довоенной стоимости. Этот индекс отражает изменение стоимости материалов, рабочей силы, влияние общих организационных условий, т. е. факторов, главным образом, ценностного характера, и не учитывает многих других технических моментов, обуславливающих то или иное изменение стоимости строительства в результате, например, улучшения проектирования, изменения соотношения машин и зданий *in natura* (утопление стен и фундамента, лучшее использование площади пола и т. д.). Индексы цен строительства показывают изменение лишь ценностное и не отражают никаких технических изменений в типе строящихся зданий и сооружений.

Строительный индекс Строительной секции Госплана охватывает строительство как промышленных зданий, так и гражданских сооружений; так называемые, инженерные сооружения (плотины, шахты, буровые скважины и т. д.) он не охватывает. На 1-е октября 1925 г. строительный индекс и индекс жилых зданий нам надо брать средний арифметический за 1924/25 и 1925/26 г.г. При всей условности сделанного нами расчета и условности госплановского индекса стоимости строительства мы видим, что полученный коэффициент переоценки зданий и сооружений, с одной стороны, и индекс стоимости промышленного строительства, с другой, полученный коэффициент переоценки машин и оборудования, с одной стороны, и индекс отпускных цен на продукцию общего машиностроения, с другой, представляют собой величины достаточно одинакового порядка.

Мы имеем, следовательно, на 1-е октября 1925 г. дату генеральной переоценки основного капитала трестированной советской промышленности, картину очень высокого по сравнению с довоенным временем вздорожания решительно всех элементов основного капитала и при том вздорожания весьма неодинаковой степени. По сравнению с довоенной ценой, промышленные машины и оборудование вздорожали значительно меньше, чем здания и сооружения. А этот фактор ценностного характера, являющийся в свою очередь результатом определенных причин — изменение условий в производстве машин, строительных работ и т. д., — наложил отпечаток и определил собою характер структуры основного капитала, рассматриваемого в ценностном аспекте.

Как известно, значительное вздорожание строительства, по сравнению с довоенным, не является отличительной чертой только нашего

промышленного строительства. В Соединенных Штатах в те же 1924 и 1925 г.г. индекс стоимости чистого строительства равен был 2,15 и 2,07. Во всех странах имеет место значительное вздорожание строительных материалов.

Гр. 7 табл. 5 дает нам структуру основного капитала общесоюзной промышленности на 1 октября 1925 г. по полной восстановительной стоимости, но в переводе на довоенные рубли. Цифры эти получены путем деления цифр гр. 5—удельного веса элементов основного капитала, оцененного по полной восстановительной стоимости, на соответствующие цифры гр. 6, указывающие отклонение изменений цен по сравнению с довоенными на отдельные элементы основного капитала от общего изменения цен, среднего для всего основного капитала. Те же результаты можно получить и другим путем: полную восстановительную стоимость основного капитала, выраженную в ценах на 1 октября 1925 г. (гр. 4, табл. 3) можно делением на коэффициенты вздорожания (гр. 5, табл. 5) перевести на довоенные цены и затем уже выразить структуру в процентах. Понятие «полная восстановительная стоимость основного капитала на 1 октября 1925 г., выраженная в довоенных ценах» имеет экономически иррациональный смысл: восстановительная стоимость основного капитала есть ни что иное, как стоимость его воспроизводства именно в данных условиях, в данное время и выраженное в ценах предыдущих лет, отличных от цен данного времени, уже перестает быть восстановительной стоимостью капитала в данных условиях и в данное время. В нашем расчете эта «полная восстановительная стоимость на 1 октября 1925 г., выраженная в довоенных ценах» имеет, однако, исключительно счетный характер и, как таковую, мы ею и пользуемся.

В результате элиминирования действия исключительно ценностных факторов на структуру основного капитала мы видим, что удельный вес зданий и сооружений в натуральной своей форме—ниже, чем это выражается структурой основного капитала в современных ценах, а доля машин и оборудования и всех прочих элементов основного капитала, наоборот, значительно выше. Является, поэтому, совершенно неправильным прием—структуру нынешнего основного капитала без всяких поправок на неодинаковые сдвиги цен сравнивать со структурой довоенного капитала. Полученная нашим исчислением структура капитала на 1 октября 1925 г. по «полной восстановительной стоимости, выраженной в переводе на довоенные цены» дает исходную базу для анализа структуры капитального строительства последующих лет. Попробуем законченное капитальное строительство за 1925/26—1927/28 г.г. выразить так же в довоенных ценах. Движение индексов за эти годы было следующее:

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Индекс стоимости промышленного строительства	2,70	2,57	2,46
Индекс отпускн. цен на прод. внутрен. общ. машиностроения	2,09	2,29	2,31

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Индекс цен на импорт. машины, аппараты, электромашины и части машин (без пошлины)	2,06	1,71	1,50
Общий взвешенный индекс цен на машины и оборуд. внутр. производств и импортные	2,08	2,04	1,99
Индекс отпускных цен на изделия для транспорта (без вагонов и рельс)	1,51	1,69	1,67
Индекс цен на инструменты (условный)	2,03	1,98	1,93
Индекс цен на инвентарь (условный) .	1,70	1,70	1,70
Взвешенный индекс на издел. для транспорта, инвентарь и инструменты . . .	1,66	1,74	1,72

Индекс цен на импортные машины взят нами из статьи И. Ламбров—«Эволюция цен и структуры в советском внешнем товарообороте», в журнале «Вопросы Торговли», № 7 за 1929 год. В этой статье дается такой индекс цен на импортные машины.

	Индексы цен 1913 г.—100		
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Машины и аппараты	219,3	196,7	189,7
Части машин	272,2	172,5	176,7
Электромашины и динамо	90,4	91,4	89,4

Приведенный нами выше общий индекс цен на импортные машины, аппараты, электромашины и части машин получен путем взвешивания абсолютной величины ввоза за эти годы по каждой из этих групп, а общий индекс цен на машины внутреннего производства и импортные—с учетом доли импортных машин во всей массе закупленных промышленностью и электростроительством в соответствующие годы машин и оборудования (с пошлиной).

Индекс отпускных цен на изделия транспорта, периодически публикуемый ВСНХ Союза, составляется последним без учета изменения цен на вагоны и рельсы. Индекс этот учитывает движение цен по таким товарам: паровоз «СУ», паровоз «Э», паровоз «Л» (позже паровоз «Л» заменен «М»), паровоз для под'ездных путей, бандажи, полускаты, оси, паровозные цилиндры, буферные пружины, вагонные буксы, повсротные круги, стрелки и крестовины. Транспорт промышленности имеет иной натуральный состав, чем весь транспорт НКПС. Из паровозов в промышленности употребляются паровозы для под'ездных путей. Индекс цен на паровозы для под'ездных путей и на рельсы железнодорожные за рассматриваемые годы изменялся так (по данным, имеющимся в ВСНХ):

	1/X—1925 г.	1/X—1926 г.	1/X—1927 г.	1/X—1928 г.
Паровозы для под'ездных путей	178,6	184,0	182,5	186,1
Рельсы железнодорожные	147,3	146,9	156,1	160,8

т.е. по паровозам—выше общего индекса цен по изделиям транспорта, а по рельсам—ниже. Можно, поэтому, условно для наших целей принять индекс цен на изделия транспорта, как его исчисляет ВСНХ. По инструменту и инвентарю индекс отпускных цен у нас ни кем не исчисляется. По инструменту можно условно принять то же направление и темп изменения отпускных цен, что и по внутреннему общему машиностроению, а по инвентарю—так же условно принять направление и темп, в каком шло за эти годы изменение общего промышленного индекса. В виду незначительности снижения общего (тотального) индекса цен за рассматриваемый период времени—1 октября 1925 г.—1 октября 1928 г., возьмем за все эти годы индекс отпускных цен на инвентарь тем же, каким он был при переоценке на 1 октября 1925 г., т.е. 1,70. Общий индекс отпускных цен на изделия транспорта, инструменты и инвентарь получен с учетом веса затрат по каждому из этих элементов основного капитала по кругу разработки Бюро баланса народного хозяйства ЦСУ.

Наши расчеты являются, конечно, довольно условными. Не учтен, например, такой факт, как относительное изменение пошлины на импортные машины по сравнению с довоенными. Не учтено изменение индекса стоимости расходов по транспорту машин от места производства к месту потребления, стоимость их монтажа и некоторые другие факторы.

Перевод структуры законченного капитального строительства в структуру, выраженную в довоенных ценах, по кругу, учтенному Бюро баланса ЦСУ, произведен тем же приемом, как то же самое сделано выше в отношении структуры основного капитала общесоюзной промышленности (см. табл. 6). Структура по ценам соответствующих лет взята из табл. 2 и сделана лишь более общая группировка. Мы видим, что в натуральном выражении вес машин и оборудования в капитальном строительстве из года в год резко повышается, значительно более резко, чем те же машины и оборудования, выраженные в ценах соответствующих лет. Это есть фактор, который при составлении баланса промышленных машин и оборудования должен быть учтен, как имеющий первостепенное значение. Для наглядности сопоставим теперь долю отдельных элементов капитала в основном капитале и капитальном строительстве, выраженных в двух различных ценах. За отсутствием данных о структуре основного капитала по полной восстановительной стоимости по тому же кругу промышленности, по которому нами берется структура законченного строительства, возьмем структуру капитала по восстановительной стоимости с учетом износа. Разница, как видно на примере общесоюзной промышленности (табл. 1), незначительна.

Структура капитала по ценам того же года, по данным Бюро баланса ЦСУ, это—структура основного капитала по восстановительной стоимости с учетом износа по той же общесоюзной и республиканской РСФСР и УССР промышленности на начало 1925/26 г. (см.

Табл. 6

Структура законченного капитального строительства общесоюзной и республиканской РСФСР и УССР промышленности по ценам соответствующих лет и по довоенным ценам.

(И с ч и с л е н и е).

	1925/26 г.				1926/27 г.				1927/28 г.			
	Структура по ценам соответств. лет	Индекс	Отклонение индекса	Структура по довоенным ценам	Структура по ценам соответств. лет	Индекс	Отклонение индекса	Структура по довоенным ценам	Структура по ценам соответств. лет	Индекс	Отклонение индекса	Структура по довоенным ценам
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Здания и сооружения	46,4	2,70	$2,30=1,00$ 1,17	38,4	43,4	2,57	$2,23=1,00$ 1,15	36,7	41,3	2,48	$2,16=1,00$ 1,15	35,2
Машины и оборудование	37,3	2,08	0,90	40,1	43,0	2,04	0,91	46,8	46,2	1,99	0,92	50,0
Инструменты, инвентарь и транспорт	16,3	1,66	0,72	21,5	13,6	1,74	0,78	16,5	12,5	1,72	0,80	14,8
Итого	100,0	2,30	1,00	100,0	100,0	2,23	1,00	100,0	100,0	2,16	1,00	100,0

табл. 7). Абсолютная величина основного капитала по ценам того же года—в упоминаемой уже статье Горелик («Экономическое Обозрение», № 10 за 1929 г.). Отклонение частных коэффициентов от общего взято из гр. 6 табл. 5.

Табл. 7

Структура основного капитала общесоюзной и республиканской РСФСР и УССР промышленности на начало 1925/26 г.

	Полная восстановит. стоимость с учетом износа	Отклонение коэффициента	Структура по довоенным ценам
Здания произв. и обслужив.	35,1	1,20	29,5
Сооружения	14,4	1,17	12,3
Машины и оборудов.	41,7	0,90	46,9
Инструменты	1,1	0,79	1,4
Инвентарь	3,6	0,74	4,8
Транспорт	4,1	0,80	5,1
Итого	100,0	100,0	100,0

Сделаем теперь более общую группировку и сопоставим полученные нами данные (табл. 8).

Табл. 8

Динамика структуры основного капитала на начало 1925/26 г. законченного капитального строительства и капитальных затрат в 1925/26 г.—1927/28 г., по общесоюзной и республиканской РСФСР и УССР промышленности.

	Основ. кап. в нач. 1925/26 г. восст. стоимость с уч. износа		Законч. капит. строительство						Капитальные затраты по ценам соответств. лет		
	По ценам из 1/X—1925 г.	По довоенным ценам	По ценам соотв. лет			По довоенным ценам					
			1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Здания и сооружения	49,5	41,8	46,4	43,4	41,3	38,4	36,7	35,2	49,6	49,0	48,8
Машины и оборудование	41,7	46,9	37,3	43,0	46,2	40,1	46,8	50,0	37,4	40,2	41,6
Инструменты, инвентарь, трансп.	8,8	11,3	16,3	13,6	12,5	21,5	16,5	14,8	13,0	10,6	9,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Доля машин и оборудования растет как в законченном строительстве, так и в капитальных затратах. Доля машин и оборудования, выраженная в довоенных ценах, в законченном строительстве и

1925/26 г. была значительно ниже, чем в существующем уже основном капитале, выраженном в довоенных же ценах (40,1 против 47,1). Но уже в 1926/27 г. она достигает уровня структуры основного капитала, а в 1927/28 г. — превышает его. В капитальном строительстве доля машин и оборудования неуклонно растет из года в год.

Но мы еще не можем с достаточной точностью сказать, результатом каких определенных процессов является этот факт быстрого и неуклонного роста доли машин и оборудования в капитальном строительстве. Мы выяснили один лишь весьма существенный момент — этот рост не является плодом простой игры цен, ценностных сдвигов. Наоборот, ценностное выражение смазывает, преуменьшает действительную динамику роста удельного веса машин и оборудования в промышленности. Повышение удельного веса машин и оборудования *in natura* в капитальном строительстве могло быть, оставляя в стороне многие другие факторы, в результате организационно-технических сдвигов в типе строительства, качественного повышения проектирования, лучшего, более экономного сочетания машин и зданий; но это повышение доли машин и оборудования могло быть и результатом перемены веса отдельных отраслей в капитальном строительстве всей промышленности. Если в таком-то году в отрасли промышленности с высокой долей машин и оборудования вкладывается относительно больше капитальных затрат, то и в капитальном строительстве всей промышленности доля машин и оборудования повысится, хотя организационно-технических изменений в структуре капитала всей промышленности, а быть может, и в данной отдельной отрасли не происходит. Полученная в результате нашего исчисления величина удельного веса машин и оборудования есть типичная средняя величина, скрывающая за собою действие самых разнообразных моментов. С точки зрения определения общей потребности в промышленных машинах и оборудования — эти средние вполне достаточны и вполне значимы. Для выявления вскрытия за этой средней отдельных конституирующих ее величину факторов требуется особая, большая аналитическая работа, при имеющемся статистическом и бухгалтерском материале по данному вопросу — чрезвычайно сложная. В то же время работа эта весьма интересна и актуальна: сдвиги в организационно-технической стороне нашего многомиллиардного капитального строительства должны быть тщательно изучены, и это изучение необходимо для планирующих и регулирующих народное хозяйство органов. В полученных нами средних величинах нет никаких данных, чтобы судить, насколько в строительстве каждой отдельной отрасли промышленности произошло материально-техническое изменение соотношения машин и оборудования, за счет более оптимального проектирования. Практика всех прошлых годов нашего капитального строительства весьма выразительно говорит, вернее, сказать, вопиет о том, что происходившие в этом отношении сдвиги имеют отрицательный характер; наши инженеры-строители проектируют чрезмерно большой запас

прочности, толстые стены, чрезмерно прочные фундаменты и отсутствием необходимого риска загоняют относительно высокую долю затрачиваемых средств на непосредственно неэффективную часть основного капитала. За эти годы происходил значительный сдвиг в удельном весе отдельных отраслей во всем капитальном строительстве. Если мы возьмем, например, отрасль с наиболее высокой долей сооружений — нефтяную, то удельный вес ее в законченном капитальном строительстве промышленности по кругу, учетному Бюро баланса ЦСУ и взятому нами, за эти годы изменялся так:

На конец 1924/25 г. в основн. капит.	1925/26 г. в законч. капитальн. строит.	1926/27 г.	1927/28 г.
11,5%	22,1	19,2	15,2

Изменялся удельный вес и других отраслей с более высокой, чем средняя для всей промышленности, долей машин и оборудования. Изменялось соотношение затрат на новое строительство и на реконструкцию, на капитальный ремонт. Эти и многие другие факторы должны быть тщательно учтены при аналитической работе над структурой нашего капитального строительства. Для ближайшего времени подобная углубленная работа с успехом может вестись скорее всего монографическим путем в отношении отдельных предприятий, а не целых отраслей, тем менее — всей промышленности.

Балансы промышленных предприятий, по данным переписи ЦСУ в 1918 г., дают для 1917—18 г.г. такую структуру основного капитала без земли, по ценам в довоенных рублях:

	П о с т р о й к и	Машины и оборуд.	Прочие виды капит.	Итого
Тыс. руб.	651,0	700,1	51,0	1403,0
К итогу	46,4	50,0	3,6	100,0

Цифры эти взяты из «Баланса народного хозяйства СССР 1923—24 г.», ч. II, стр. 224. С данными о капитале и строительстве промышленности СССР за 1925—28 г.г. эти цифры несравнимы ни по объему (перепись 1918 г. охватила только часть промышленности того времени), ни по приему группировки элементов основного капитала. Неизвестно, например, что входит в группу, так называемую, «прочие виды капитала». Удельный вес отдельных отраслей, охваченных переписью 1918 г., был иной, чем в нашей таблице 8. Все это дает основание, лишь с большой оговоркой об условности, сказать, что в начале промышленного строительства — 1923/24 и 1924/25 г.г. — структура и основного капитала, и капитального строительства, выраженного в довоенных ценах, была несколько ниже структуры выраженной в тех же довоенных ценах основного капитала на период национализации промышленности, но к 1927/28 г. структура законченного капитального строительства советской промышленности, выраженного в довоенных ценах, была тождественна структуре основного капитала периода национализации промышленности, т. е. 1918 г. Подчеркиваем

опять-таки гипотетический характер данного нашего утверждения. Для более точного ответа на поставленный здесь вопрос требуется специальная исследовательская работа. Работа эта должна учесть многочисленные факторы, влиявшие в процессе революционных событий и гражданской войны на структуру основного капитала. Факторы эти были различного порядка и по результату влияния на структуру капитала часто противоположного действия. Так, мы имеем гибель сооружений в районе военных действий, эвакуацию машин из окраинных губерний и концентрацию их на заводах центральных районов и т. д. и т. п.

Общих и сколько-нибудь достаточных данных о структуре основных капиталов и капитальных вложений за довоенные годы у нас вообще не имеется. Экономисты наши (см., например, работу С. Г. Струмилина: «Проблема промышленного капитала в СССР»; ст. Т. Барун — «Строение основного капитала промышленности» — «Соц. хоз-во», кн. IV, 1927 г., и др.) при необходимости дать характеристику основного капитала перед войной пользуются обычно следующими данными ЦСУ, подробно представленными в том же «Балансе народного хозяйства СССР за 1923—24 г.» в ст. Н. Я. Воробьева:

	Постройки		Машины и оборудование		Прочие виды капитала		ИТОГО	
	т. р.	%	т. р.	%	т. р.	%	т. р.	%
1913 г. (без земли)	1646,1	46,5	1758,4	49,7	133,5	3,8	3538,0	100,0

Нельзя, однако, забывать, что данные эти являются и с численными и не могут считаться достаточно достоверными показателями структуры капитала перед войной. Данная Воробьевым и употребляемая нашими экономистами структура основного капитала на самом деле есть структура не довоенного капитала, а структура основного капитала 1917—18 г., к тому же всего лишь части последней. Перепись 1918 г. дала такие данные о динамике отдельных элементов основного капитала по отраслям за годы войны («Баланс народного хозяйства», ч. I, стр. 95):

		В % к 1913 г.			
		1914	1915	1916	1917
Текстильная промышленность					
Постройки		104,3	106,6	110,4	113,9
Машины		103,8	105,8	107,9	105,0
Обработка металла и машиностроение					
Постройки		113,8	126,1	150,1	159,1
Машины		107,6	121,6	162,2	188,0
Химическая промышленность					
Постройки		108,1	120,1	133,8	158,3
Машины		110,0	114,8	138,9	164,7

Воробьев считает, что эти цифры дают достаточное основание сделать вывод об одинаковом направлении и почти одинаковом объеме роста капитала как в постройках, так и в машинах. При исчислении динамики капиталов промышленности за годы войны Воробьев исходит из допущения — одинаковая структура основного капитала за годы войны; вслед за Воробьевым и ссылаясь на него, исходит в своих расчетах динамики промышленного капитала за годы войны и С. Г. Струмилин (упомянутая выше работа). Структура основного капитала 1917—18 г. (при том же лишь охваченной переписью части всего основного капитала промышленности) экстраполирована на промышленность 1913 г. Достаточных оснований для этого, на наш взгляд, Воробьевым не представлено. Этим весьма условным допущением можно пользоваться разве лишь для самых грубых и общих подсчетов. Действительная же структура основного капитала перед войной и капитального строительства за годы войны должна быть еще вскрыта, хотя скудность относящихся к данному вопросу материалов почти исключает возможность выявления достаточно пригодных и показательных цифр.

При сравнении структуры основного капитала различных стран необходимо иметь в виду крайнюю условность такого сравнения. Главной причиной, обуславливающей различие структуры основного капитала в различных странах, является, конечно, различие уровня промышленной техники в различных странах, обуславливающих различное сочетание зданий и машин как в натуральном, материально-техническом, так и в ценностном выражениях.

Более высокая техника промышленного производства означает, при всех прочих равных условиях, более высокую долю стоимости машин и оборудования в общей сумме основного капитала. Различие структуры обуславливается также различием в технике самого строительства — ведется ли оно кустарным способом или механизировано и пр. Кустарный характер строительства, дороговизна строительных материалов и прочие причины обуславливают тот факт, что строительство у нас обходится раза в полтора — два дороже, чем, например, в Германии. Качество проектирования также относится к факторам техники строительного дела. Развитие научно-инженерной мысли идет в направлении изыскания разнообразных способов получить те же физические материально-технические результаты с минимальной затратой денежных средств — замена дорогого материала менее дорогим, введение облегченного типа зданий и т. п. мероприятия по рационализации строительства.

Но кроме этих факторов технического порядка, на структуру основного капитала в разных странах влияют и различия их хозяйственных структур, обуславливающие, в свою очередь, и многие другие факторы, к технике как промышленного производства, так и самого строительного дела прямого отношения не имеющие. О факторах социального порядка, как, например, влияние наличия земельной рен-

ты, было уже сказано. Ценностные моменты в разных странах для одного и того же времени могут складываться в различной комбинации. За одинаковой в двух странах ценностной структурой основного капитала может скрываться материально-технологически совершенно различная структура. У нас дороже, чем во многих других странах, не только строительство зданий и сооружений, но дороже и машины. К тому же, например, импортные машины у нас стоят дороже, чем в странах, экспортирующих эти машины, — к стоимости тех же самых машин у нас добавляется пошлина. В нашей литературе не раз отмечалось и то обстоятельство, что ввозимые к нам машины покупаются по более высокой цене, чем те же машины, закупаемые и импортируемые другими странами. Особенно это было характерно для первых лет нашего капитального строительства — 1923—27 г.г., когда в первые годы восстановления рыночных связей с иностранными капиталистами нам приходилось платить известную дань за незнание рынка. До войны стоимость импортных в Россию машин была на 5—10% выше стоимости машин в мировом экспорте. Европейские экспортеры делали надбавку на отсталость русского импортера. Сейчас повышенная стоимость импортируемых в СССР машин обусловливается повышенной требовательностью к качеству машин, обусловленной расчетом на продолжительность эксплуатации и т. д. Относительная высота стоимости импортных машин обусловливается, как известно, и тем, из какой страны вывозится оборудование. Английские машины, например, известны своей дороговизной. В 1924/25—1926/27 г.г. индекс цен импортируемых СССР машин был, по подсчету Р. Андерса (см. в журн. «Вопросы Торговли», № 6, 1928 г.), на 11—25% выше мирового индекса. Одной из причин этого факта было увеличение доли импорта машин из дорогих стран — Англии и САСШ.

На структуру основного капитала разных стран оказывают влияние климатические условия в этих странах. Климатические условия стран Америки и Западной Европы дают возможность строить там стены здания в 1½ кирпича — 38—40 см, у нас же, в большей части страны, — 2½ кирпича. С развитием техники строительного дела влияние этого факта на структуру основного капитала может уменьшиться или же быть устранено вовсе, напр., заменой такого строительного материала, как кирпич, новым, более дешевым и в то же время термически более устойчивым материалом. Различие климатических условий обуславливает собою различие структуры основного капитала и для различных районов СССР. Известно, напр., что текстильные фабрики в Ср. Азии по стоимости раза в два превышают стоимость строительства в европейской части Союза, так как приходится устраивать там дорогие вентиляционно-охладительные сооружения, в виду отсутствия воды, прорывать камыш и т. д.

Анализ динамики структуры основного капитала одной и той же страны за какой-либо большой период времени представляет собою большую трудность. Сложность проблемы определяется трудностью

и даже, пожалуй, невозможностью элиминировать влияние ценностных факторов. Тип машины меняется, соизмеримость стоимости ее на два, например, отдельных больших промежутка времени становится весьма условной, противоположное действие на стоимость машин двух моментов — повышение техники производства машин удешевляет эти машины, усложнение типа машин, наоборот, удорожает. Найти достаточно точный индекс цен на машины за какой-либо период в несколько десятков лет нет возможности. Употребляется у нас (напр., А. Гинзбург — см. «Т.-П. Газета» от 16/III 1928 г. — «Строительство в Америке»), в целях иллюстрации роста в основном капитале доли машин и оборудования в результате роста техники, таблица Дугласа и Кобба («The American Economic Review»-March, 1928), показывающая движение вложений в промышленность САСШ за время с 1879 г. по 1922 г., отдельно по зданиям и машинам, на самом деле не является ни иллюстрацией, ни доказательством. Вот эта таблица:

	В % ко всему произв. капиталу		Стоимость в млн. доллар.		ИТОГО	Гр. 5. в % к графе 6.
	Здания	Машины и обор.	Здания	Маши. и обор.		
1	2	3	4	5	6	7
1879	13,0	24,0	363,0	670,0	1,033	64,8
1889	13,4	24,3	879,0	1,584	2,463	64,3
1899	14,8	25,9	1,450	2,543	3,993	63,7
1904	15,8	27,5	1,996	3,490	5,486	63,7
1909	16,0	28,1	2,948	5,178	8,128	63,8
1914	16,2	28,7	3,692	6,541	10,233	63,8
1919	16,4	29,5	7,293	13,118	20,411	64,3
1922	16,5	30,0	8,681	15,783	24,464	64,6

Таблица показывает повышение удельного веса машин и оборудования, но вместе с тем и удельного веса зданий. А если добавить к таблице Дугласа и Кобба еще графу — доля машин и оборудования в сумме стоимости зданий, машин и оборудования, что нами и сделано (см. гр. 7), то увидим, что за весь этот период удельный вес машин и оборудования остается одинаков — 63—64%. Это объясняется, очевидно, тем, что данные таблицы Дугласа и Кобба исчислены ими и на результате отразилось нивелирующее действие примененного ими метода. К тому же удельный вес зданий, машин и оборудования ими берется не в отношении основного капитала, а всего промышленного капитала, всех материальных ценностей, следовательно, на динамику доли зданий и машин за этот период оказал значительное влияние и другой фактор — изменение доли готовых товаров, запасов сырья и т. д.

Как уже было сказано выше, для составления баланса промышленных машин и оборудования имеет непосредственное значение ана-

лиз структуры капитальных затрат в промышленности. Структура затрат того или иного года определяется, обуславливается в основном структурой капитального строительства того же года, — сколько в том или ином определенном году затрачено на построенные здания и сооружения, сколько на установленные машины и оборудование, сколько на транспорт промышленный и т. д. Собственно затраты включают помимо этого еще и прирост запасных строительных материалов и запасного оборудования, а также авансы по сделанным заказам. Прирост запасов строительных материалов и запаса машин и оборудования, как он отражается на заключительных балансах трестов и строящихся новых объектов, является в значительной части величиной условной: величина остатков неиспользованных строительных материалов и неустановленных машин и оборудования зависит и от того, на какой месяц года берутся эти остатки; заключение балансов на 1 октября не совпадает с фактическим концом строительного года — на 1 октября машины могут считаться в запасе, а в том же октябре они могут быть установлены. Как правило, все поступившие машины и части их трестом записываются на счет запасных машин, частей и инструмента и только после установки их списывают на счет капитальных работ, при чем вплоть до 1 октября 1929 г. отчетные данные трестов не дифференцируют машин и частей машин — запасных в собственном смысле слова, т. е. необходимых для непрерывности функционирования действующего основного капитала, и машин запасных в весьма условном смысле, приобретенных трестом для капитального строительства, но не установленных к 1 октября и значащихся «запасными» благодаря существующей системе счетов бухгалтерского учета. Как сказано было выше, по состоянию первичного материала — отчетов трестов — не представляется возможным за прошлые годы установить количественную определенность капитальных затрат в прямом смысле слова и собственно капитального строительства промышленности того или иного года. Капитальные затраты промышленности, как их показывают бухгалтерские отчеты трестов, не есть затраты в собственном смысле слова, а стоимость построенных в данном году зданий и сооружений, стоимость установленных машин и оборудования, независимо от того, когда приобретены были эти машины и оборудование.

Структура капитальных затрат (т. е., собственно, фактического строительства данного года), как видно из таблицы 8, значительно отличается от структуры законченного капитального строительства. В затратах доля машин и оборудования значительно ниже, чем в законченном капитальном строительстве. Капитальное строительство и затраты какого-либо года не определяют собою структуру законченного в этом же году капитального строительства. Для одного и того же объекта строительства в различные годы соотношение затрат на здания и на машины и оборудование может быть различно, структура же законченного строительства этого объекта определяется соотношением

суммы затрат на здания за все годы строительства к сумме затрат на машины и оборудование также за все годы. При прочих равных условиях разница между структурой капитальных затрат и структурой законченного капитального строительства будет тем меньше, чем короче сроки строительства, чем больше концентрация строительства во времени. Большой разрыв структуры капитальных затрат и законченного строительства за 1926/27 — 1927/28 г.г. объясняется, очевидно, растянутым строительством этих лет. Для характеристики капитального строительства всего предыдущего периода приведем таблицу капитальных затрат на 3 объекта по проектам Гипромеза. Цифры эти взяты нами из работ Гипромеза, опубликованных в виде отдельных по каждому объекту книг (см. табл. 9).

Затраты по годам в тыс. руб.

Табл. 9.

	1926/27	27/28	28/29	29/30	30/31	31/32	32/33
Уральский машиностр. завод							
Строительные работы — т. р.	686	2.439	6.119	5.930	3.431	1.825	518
В % к итогу	100,0	87,4	65,1	49,5	41,6	48,4	39,6
Оборудование — т. р.	—	351	3.267	6.050	4.824	1.941	790
В % к итогу	—	12,6	34,9	50,5	58,4	51,6	60,4
Всего т. р.	686	2.793	9.386	11.980	8.255	3.766	1.308
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Криворожский металлургическ. завод							
Предвар. работ. здания и сооружения — т. р.	—	—	9.869	27.487	28.078	17.855	8.907
В % к итогу	—	—	85,8	81,1	53,0	35,6	31,8
Оборудование — т. р.	—	—	1.635	6.430	24.940	32.509	19.253
В % к итогу	—	—	14,2	18,9	47,0	64,4	68,2
Всего т. р.	—	—	11.504	33.917	53.018	50.364	28.160
	—	—	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Сталингр. тракторн. завод							
Здание и сооружение — т. р.	—	3.145	5.082	2.647	283	—	—
В % к итогу	—	82,5	44,4	23,8	12,5	—	—
Оборудование — т. р.	—	671	6.372	8.480	1.981	—	—
В % к итогу	—	17,5	55,6	76,2	87,5	—	—
Всего т. р.	—	3.816	11.454	11.127	2.264	—	—
	—	100,0	100,0	100,0	100,0	—	—

Существующая у нас практика чрезмерно медленного темпа строительства, строительства черепашным шагом, на протяжении 5—7 лет в этих проектах отражена полностью. Заводы стоимостью в 10—15 тыс. руб. строились 3—4 года. Сейчас мы переходим к строительству

таких же заводов в один строительный год, заводов стоимостью 20—50 млн. руб. в два сезона. В 1928/29 г. и 1929/30 г. начато и начинается строительство целого ряда гигантов с укороченным строительством. Взяты установки на максимальную концентрацию строительства во времени. Начинается новый вид социалистического соревнования на максимальное сокращение сроков строительства. Примеры Кузнецкстроя в этом направлении не останутся единичными. Широкое внедрение готовых изделий в промышленное строительство, типизация, стандартизация частей сооружений, переход к монтажке уже готовых частей, завоевание зимы для строительства — все это вносит совершенно иное соотношение доли машин и оборудования, доли знаний и пр. в капитальных затратах каждого года. До сих пор у нас практиковался метод последовательного монтажа — сначала выстроит и отделают все здание и только после этого монтируют оборудование. Переход к широко практикующемуся в Америке методу параллельного монтажа, пуску завода по частям — значительно сократит сроки строительства и в то же время обусловит переход к совершенно иному расчленению затрат по годам на чистое строительство и машины. При прочих равных условиях структура капитальных затрат того или иного года зависит еще и от того, как эти капитальные затраты распадаются на затраты первого года, затраты второго года и т. д. Для первых лет строительства характерно преобладание затрат на здания и сооружения, для последних — затраты на машины и оборудование. Табл. 9 показывает, как то, что в различные годы, периоды, фазы строительства соотношение затрат на здания и сооружения и на машины и оборудование бывает различно, так и то, что в первые годы преобладают расходы на чистое строительство, в последние — на машины и оборудование. Приведем табличку, показывающую, как за три года, предшествовавших нынешней пятилетке, изменялся удельный вес затрат на вновь в данном году начинаемое строительство (в млн. р.):

	1925/26 г.	26/27 г.	27/28 г.	28/29 г.	29/30 г.
Затраты на новое строительство	110	236	386	529	1.394
В том числе в данном году начинаемое	33	57	120	190	570
Затраты на вновь начинаемое строительство в % ко всем затратам данного года на новое строительство (гр. 2, гр. 1)	30,0	24,3	31,2	36,6	40,9
Общая стоимость вновь начинаемых заводов	436	435	492	—	—
Затраты на вновь начинаемое строительство в % к общей стоимости их (г. 2, г. 4)	7,5	13,2	24,5	—	—

Мы видим, что доля затрат на вновь начинаемое строительство во всех затратах на новое строительство того же года из года в год растет. Это, при прочих равных условиях, означает изменение и доли затрат на машины и оборудование во всех капитальных затратах на новое строительство данного года. Но в то же время, как видно из таблицы, из года в год растет и доля затрат на вновь начинаемое

строительство в полной стоимости этих вновь начинаемых объектов. В первый же год строительства отпускается все большая часть полной стоимости объектов этого строительства, т. е. укорачивание строительства. За 1925/26 — 1927/28 г.г. этот факт являлся следствием не столько концентрации строительства во времени, сколько, скорее, следствием другого отрицательного явления — в первый же год строительства отдельных объектов отпускалась значительная доля средств, без достаточной предварительной подготовки к строительству и даже без окончанных проектов.

Как известно, полная стоимость наших вновь начинаемых строительством фабрик и заводов до самого конца строительства есть величина весьма неопределенная — первоначальная проектная стоимость в ходе строительства растет нередко в два и три раза по причинам различного характера — низкого качества проектирования, неучета многих расходов или же в результате увеличения мощности строящегося объекта. В 1928/29 и 1929/30 г.г. доля затрат на вновь начинаемые объекты в полной стоимости этих объектов снижается по сравнению с предыдущими годами в результате взятого планирующими и регулирующими органами курса на лучшую подготовку строительства. Строительство получает размах во второй год, лучшая подготовка в последнем счете значительно сокращает сроки строительства. Следует опять-таки отметить, что с переходом на укороченное строительство, на метод параллельного монтажа машин влияние рассмотренного фактора — какой год ведется строительство — первый, второй и т. д. — на структуру капитальных затрат данного года уменьшается. В результате сокращения сроков строительства будет иметь все большее приближение структуры капитальных затрат к структуре будущего законченного строительства.

Структура затрат изменяется в результате изменения удельного веса отдельных видов затрат во всех затратах данного года. Структура и капитального строительства, и капитальных затрат каждого года зависит от того, какая часть этих затрат и строительства приходится на новое строительство, какая — на расширение и реконструкцию и какая — на капитальный ремонт. При всех прочих равных условиях структура и строительства, и затрат в каждом из этих видов различны.

Достаточных данных о динамике структуры капитального строительства и капитальных затрат отдельно по новому строительству, расширению и реконструкции, по капитальному ремонту — не имеется. Приведем таблицу, характеризующую удельный вес затрат на машины и оборудование в общесоюзной промышленности 1926—27 г. отдельно по главным отраслям и по видам капитальных работ (табл. 10).

Таблица показывает большое различие удельного веса затрат на машины и оборудование как по отдельным отраслям промышленности, так и по видам капитальных работ. Наиболее низкий удельный вес затрат на машины и оборудование в угольной, нефтяной отрасли, чер-

Табл. 10.

КАПИТАЛЬНЫЕ ЗАТРАТЫ ОБЩЕСОЮЗНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1926/27 Г. В МЛН. РУБ.
(в %о-х—затраты на машины, оборудование и инструмент ко всем затратам).

	Новое строительство		Расширение и переоборудов.		Капитальный ремонт		Итого	
	м. р.	%	м. р.	%	м. р.	%	м. р.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Вся промышленность								
Капит. затраты.	93,9	—	516,4	—	73,3	—	683,6	—
В том числе машины, оборудован. и инструменты	25,1	26,1	223,9	43,4	28,0	38,2	277,0	40,5
Угольная								
Капит. затраты.	27,5	—	67,4	—	6,2	—	101,1	—
В том числе машины, оборудован. и инструменты	5,8	19,3	25,7	38,1	1,4	22,5	32,4	32,0
Нефтяная								
Капит. затраты.	15,4	—	142,2	—	3,8	—	161,4	—
В том числе машины, оборудован. и инструменты	5,6	36,4	41,8	29,4	1,6	42,1	49,0	30,4
Металлическая								
Капит. затраты.	16,9	—	107,5	—	31,5	—	155,9	—
В том числе машины, оборудован. и инструменты	3,7	21,9	45,6	42,4	10,4	33,0	59,7	38,3
В том числе черн. металлургия								
Капит. затраты.	5,6	—	53,5	—	17,1	—	76,3	—
В том числе машины, оборудован. и инструменты	1,3	23,2	16,9	31,5	5,1	29,8	23,4	30,7
Электротехническая								
Капит. затраты.	—	—	13,0	—	1,8	—	18,1	—
В том числе машины, оборудован. и инструменты	1,2	35,3	6,9	53,1	0,8	44,5	9,0	50,0
Химическая								
Капит. затраты.	0,43	—	26,3	—	3,2	—	29,9	—
В том числе машины, оборудован. и инструменты	0,27	63,5	14,3	54,4	1,9	59,4	16,4	54,8
Текстильная								
Капит. затраты.	11,8	—	82,3	—	17,5	—	111,6	—
В том числе машины, оборудован. и инструменты	4,0	33,9	48,1	58,4	7,5	42,9	59,5	53,3
Сахарная								
Капит. затраты.	—	—	25,3	—	5,0	—	30,2	—
В том числе машины, оборудован. и инструменты	—	—	8,2	32,4	1,8	36,0	10,0	33,1

ной металлургии, т.-е. в отраслях с высоким весом затрат на сооружения. В то же время, за исключением немногих отраслей, доля затрат на машины и оборудование всего выше в затратах на расширение и переоборудование и всего ниже в новом строительстве.

Высокий удельный вес в затратах на машины и оборудование по группе «расширение и переоборудование» вполне понятен: в существующие здания, отремонтированные или переделанные, устанавливаются новые машины и оборудование. Значительно более низкий процент затрат на машины и оборудование по новому строительству обуславливается, очевидно, тем, что 1926—27 г. был годом, когда затраты на новое строительство являлись в значительной степени затратами на вновь начинаемое или недавно начатое строительство, что, как уже было сказано выше, при существовавшем у нас методе чрезмерно растянутого строительства и метода последовательного монтажа означает преобладание в первые годы затрат на чистое строительство и лишь ближе к концу строительства — затраты на машины и оборудование.

Следует, впрочем, иметь в виду, что данные трестов о структуре затрат отдельно по видам строительства при существовании довольно распространенного в практике трестов и явно дефектного приема группировки затрат не являются вполне показательными. Рядом со старым заводиком ставится в порядке «расширения и реконструкции» новый корпус, во много раз превышающий по размеру старое здание, а тресты называют это скромным термином «расширение и реконструкция».

За последние годы структура капитальных затрат промышленно-сти, распределение их по отраслям промышленности и по основным видам затрат значительно изменилась. В капитальных затратах 1925—26 г. новое строительство занимало 12 %, а в 1929—30 г. (по контрольным цифрам Госплана)—40 %. Капитальный ремонт в 1925—26 г.—19 %, в 1929—30 г.—5 %.

В удельном весе отдельных отраслей происходят такие же значительные сдвиги. Доля четырех поглощающих главную массу затрат отраслей изменилась так:

	Удельный вес в затратах (по контр. цифрам Госплана)	
	1925/26 г.	1929/30 г.
Металлическая	23,3	39,1
Каменно-угольная	9,5	10,2
Нефтяная	18,5	10,8
Текстильная	18,1	7,3

При нынешней постановке капитального строительства и существующей системе учета этого строительства изменение структуры капитального строительства и, следовательно, необходимых для этого строительства капитальных затрат за счет организационно-технических моментов строительства — механизация строительных работ, изменение соотношения машин и зданий путем более рационального проекти-

рования — статистически вряд ли может быть выражено. Снижение стоимости строительства может происходить вследствие или снижения строительного индекса, или рационализации проектирования зданий и сооружений, или, наконец, за счет того и другого фактора одновременно. Но первый из этих факторов может быть более или менее точно учтен, второй же в настоящее время является довольно неуловимой величиной. Все существующие ныне расчеты по снижению стоимости строительства носят крайне условный характер.

Полная стоимость объекта строительства у нас часто меняется в процессе строительства — первоначальные проекты изменяются и, следовательно, изменяются и сметы. Установить, хотя бы, примерно, степень точности сообщаемых трестами данных о снижении стоимости строительства при таких условиях невозможно. А то, что можно более или менее учесть, показывает, что из года в год задания правительства о темпе снижения стоимости строительства не выполняются. До 1928—29 г. вряд ли у нас было вообще снижение стоимости строительства за счет проектирования. Практика строительства показывает скорее обратное — щедрое проектирование резервов прочности, щедрое обилие окон и т. д. На 1928—29 г. правительством дано было задание снизить стоимость строительства на 15%, в том числе на 8% — за счет проектирования. Фактически снижено всего на 8%, сказать же, сколько за счет проектирования — никто не может, как не может никто сказать, было ли вообще в этом году снижение за счет проектирования.

Синтетическое планирование и организация планового факультета в составе социально-экономического ВУЗ'а¹.

Задача синтетического планирования заключается в том, чтобы найти совокупность и сочетание научных знаний, необходимых для плановой работы, как определенного вида практической деятельности. Это, в свою очередь, предполагает более или менее отчетливое представление о содержании плановой работы. Но как раз последнее представляет собой сложную теоретическую проблему. Объясняется это не только тем, что мы не имеем образцов этому виду практической деятельности в прошлом и настоящем капиталистической системы (ни организаторско-административная деятельность крупных капиталистических объединений, ни регулирование военной экономики не дают этих образцов для планирования советского хозяйства), но и тем, что плановое начало проникает во все отрасли и сферы нашего народного хозяйства и культуры. Поэтому, если бы мы захотели выяснить содержание плановой работы, исходя из материального содержания тех задач, которые ставят и решают плановые органы, то мы бы растерялись перед необозримостью и конкретностью этих задач.

Как беспорная функция плановых органов — вошла в наше сознание работа по составлению контрольных цифр, оперативных планов и перспективных планов — пятилетнего и генерального. На первый взгляд они и составляют содержание плановой работы. Но даже самый поверхностный анализ показывает, что мы в данном случае только иным путем возвращаемся к исходной точке. Контрольные цифры, оперативные планы, перспективные планы составляются не только по народному хозяйству в целом, но и по отдельным отраслям и сферам хозяйства и культуры и даже по отдельным предприятиям. Видов плановой работы и в этом случае оказывается столько, сколько имеется конкретных задач социалистического строительства. Даже план народного хозяйства в целом еще не дает представления о содержании плановой работы, так как он сам является результатом какой-то предвзвешенно проделанной работы с богатым и многообразным содержанием. Содержание же самого плана есть социалистическое строительство в его единстве и в его многообразии. Таким образом, мы снова возвращаемся к первоначальной общей абстракции, выраженной

¹ Литературно-обработанный доклад, сделанный автором на заседании Президиума планового отделения Института Народного хозяйства им. Плеханова.

в форме тавтологии: плановая работа — это форма участия в социалистическом строительстве.

На определенном этапе интенсивных исканий форм синтетического выражения плановой работы сложилось представление о последней, как о работе по составлению планов, т.е. представление о планировании, как социальной инженерии, понимая последнюю лишь, как искусство конструирования плана. Таково определение планирования, которое было дано в материалах центральной комиссии по первой пятилетке 1927/28—1931/32 г.г. Планирование сводится, согласно этому определению, к искусству построить план-проект, опираясь на систему расчетов, материал для которых дается всей суммой социально-экономических и технических знаний. Методология планирования сводится к правилам нахождения соответствующей системы расчетов и к правилам построения при ее помощи народного хозяйственного плана. Содержанием планирования является, согласно этому воззрению, операция формально-логического характера, требующая для своего осуществления известных предпосылок или оснований. Это направление конструктивизма характерно для целого этапа наших методологических исканий. Преувеличенное значение, которое придавалось в контрольных цифрах конъюнктурным моментам, формальное понимание хозяйственного равновесия и схематическая трактовка проблемы расширенного воспроизводства, формальный характер балансовых прикидок, сугубо отраслевой уклон плановых построений, преувеличенное статистическое оформление планов — словом, вся методология плановых построений носила до самого последнего времени отпечаток конструктивизма, придававший застывшую форму планам, в которых динамичность достигалась, главным образом, удачным размещением динамических показателей.

Представление о планировании, как о социальной инженерии, в вышеуказанном узком понимании последней являло собой завершение конструктивизма, выросшего из теории «восстановительного периода». Как и теория восстановительного периода, это формальное направление плановой мысли не содержало в себе элементов перерастания в систему научных знаний, адекватных практической деятельности планирования народного хозяйства. Но оно содержало в себе, как мы увидим ниже, несмотря на свою односторонность, нечто новое, что дает ключ к пониманию одной из важнейших сторон практической деятельности планирования.

Односторонность указанного направления заключается не только в том, что оно рассматривало составление планов исключительно как формально-логическую операцию, но и в том, что оно рассматривало плановую работу, как одностороннюю работу по составлению народнохозяйственных планов. Фактически составлением планов не охватываются все формы участия плановых органов в социалистическом строительстве. Плановые органы, помимо этого, выполняют и должны выполнять ряд других работ, не укладывающихся в работу

по составлению плана. Нет ни одного планового органа, который бы не жаловался на перегрузку его, так называемыми, текущими, оперативными вопросами. Но нет ни одного планового органа, который, жалующийся на это, считал бы возможным совершенно исключить эти вопросы из своего ведения. Попытки уложить эти вопросы в определенное русло, исходя из соображений, что плановые органы должны заниматься текущими вопросами лишь в той мере, в какой последние связаны либо с дополнением, либо с изменением, либо с осуществлением планов, разбиваются об тот элементарный факт, что в условиях планового хозяйства, т.е. в условиях всепроникающего планового начала, очень мало, если они вообще существуют, таких вопросов, которые бы в той или иной степени не были связаны с планом. В поле зрения планового работника попадают все вопросы социалистического строительства, все, так называемые, оперативные вопросы, но определенной своей стороной, т.е. под определенным углом зрения.

Этот угол зрения мы найдем, прослеживая этапы плановой работы в совокупном движении социалистического строительства. Мы тогда не сможем не обнаружить, что социалистическое строительство представляет собой не просто эволюцию производительных сил и экономической структуры общества, а ряд сдвигов, скачков, ломку одних форм и одновременное творчество других. Мы не сможем не заметить, что не в составлении планов заключается центр тяжести плановой работы, а в постановке перед оперативной работой тех конкретных задач, т.е. тех, в конкретной и расчлененной их формулировке, целей, разрешение которых приводит в меняющейся конкретной обстановке, к постепенному осуществлению замысла октябрьской революции, т.е. к постепенной социалистической трансформации производительных сил и производственных отношений. Мы увидим, что не в методах составления плана, не в технико-статистических приемах их конструкции и их оформления фактически заключалась методология планирования, а в методах определения момента, когда в той или иной сфере народного хозяйства или во всем народном хозяйстве в целом делается возможным и необходимым переход или скачек от одного состояния производительных сил и общественных связей к другому, а также в изыскании приемов этих переходов, т.е. приемов преодоления противоречий и затруднений, возникающих в процессе социалистического строительства.

Будучи лишь соответствующим образом оформленным синтезирующим итогом, народнохозяйственный план, в обычном, так сказать, традиционном его выражении, не является единственной формой синтеза этих целей и путей. Достаточно указать, в качестве примера, на документ, носящий самые яркие черты планового акта, но который, тем не менее, не только не укладывается в форму плана в традиционном его понимании, но и не имеет по своему происхождению планового паспорта, так как он получил, по крайней мере, формально, свое бытие не в недрах Госплана, а в недрах РКИ, — на постановление ЦИК

1928 г. о мерах к поднятию урожайности. Это есть акт планирования огромнейшего значения, не имеющий, однако, внешних черт сходства с планом в узком смысле этого слова.

Таким образом, в поле зрения плановой работы входят все народнохозяйственные вопросы, все конкретное содержание социалистического строительства, но они входят в него своей телеологической стороной. Из всей сферы хозяйственной и культурной практической деятельности — один вид ее, а именно — формулировка определенных целей и расчленение последних, а также изыскание путей их достижения — выделяется и специализируется в особый вид практической работы — плановой, но не плановой работы «вообще», а в определенном обществе и на определенном этапе последнего. Плановая работа, как особый вид практической деятельности, протекает в обществе, переходном от капитализма к социализму, т. е. в обществе, в котором еще сохранились классы и происходит интенсивная, в постоянно сменяющих друг друга формах, классовая борьба, но которое одновременно, в силу того, что в нем осуществлена диктатура пролетариата, сознательно ставит себе — и не может себе не ставить — цель построения бесклассового общества и планомерно организованного хозяйства. Понимание телеологического характера плановой работы и плановых построений заключалось уже и в формулировке планирования, как социальной инженерии, правда, в смутном и одностороннем виде. Поэтому эта формулировка, естественно, и дала толчок той дискуссии, которая развернулась на основе первой пятилетки — сначала по вопросу о пределах предвидения в плане, а затем и по вопросу о генетике и телеологии.

Вышеуказанное понимание планирования выделяет, как было указано, из многообразия видов практического социалистического строительства один вид его, а именно формулировку хозяйственных и культурных задач и изыскание путей их разрешения, предоставляя другим видам практической работы решение соответствующих задач по указанному направлению в свойственной этим видам деятельности конкретной обстановке и свойственными им методами. Не трудно, однако, заметить, что сформулированное таким образом понимание плановой работы страдает тем же пороком, каким страдает всякое формальное определение. Правда, мы ограничиваем понятие тем, что переносим планирование в определенное общество, с определенной экономической структурой, но и в этом своем ограничении указанное определение остается формальным. С точки зрения такого понимания планирования — всякое проектирование есть плановая работа и, стало быть, Гипромез и т. п. организации суть плановые органы. Между тем, если плановая работа, как было показано выше, не обязательно связана с составлением плана в обычном его оформлении, то, с другой стороны, не все, что связано с составлением плана, может быть названо плановой работой. Это можно показать опять-таки не умозрительным путем, а путем внимательного наблю-

дения тех сторон практической деятельности, плановый характер которой не вызывает сомнений.

Если мы возьмем любой акт, как контрольные цифры, пятилетку, вышеуказанное постановление ЦИК о поднятии урожайности, план посевной кампании, план контрактации и т. п., то при всем различии их содержания, их сферы применения и методов их осуществления — мы сумеем найти в них, во всех без исключения, две особенности, из которых одна характеризует планирование со стороны его содержания и другая — со стороны его логического стиля. В каждом из этих актов, конкретное содержание которых различно для каждого из них, мы сумеем отличить то, что общее им всем и что отличает их вместе с тем от всех прочих видов практической деятельности, так называемого, оперативного — технического, экономического, административного или организаторского — характера. Это общее, составляющее, так сказать, первичную клеточку всякого акта планирования, из совокупности которых складывается материальная ткань планирования всего народного хозяйства, есть отношение социалистического обобществления, как единство производительных сил и производственных отношений и одновременно, как противоречие между данным уровнем производительных сил и данной общественной формой их движения. Планируя промышленную продукцию, капитальное строительство, посевную площадь, урожайность и т. п., мы фактически планируем: 1) способ производства, как определенное общественное отношение, которое мы ставим себе целью преобразовать в социалистическое отношение производства, и 2) орудия производства, которые, испытывая в своем движении влияние производственных отношений переходного периода, должны быть, однако, реконструированы нами так, чтобы обеспечить материальное основание для социалистических общественных отношений.

Таким образом, планирование представляет собой не конкретное расчленение целей вообще, а постановку таких целей и задач, разрешение которых в данной конкретной обстановке должно, соответственно нашему замыслу, воздействовать на отношения социалистического обобществления, как на единство производительных сил и общественных отношений.

Это — одна особенность плановой работы. Другая ее особенность, тесно связанная с первой и характеризующая логический стиль плановой работы, заключается в неразрывной в каждый данный момент связи единичных целей между собой и с общей конечной целью всех плановых усилий, т. е. с целью построения социалистического общества. Воздействие на отношения социалистического обобществления происходит в различных сферах хозяйства путем единичных актов в зависимости от данных конкретных условий места и времени. В зависимости от этих конкретных условий находятся также и методы воздействия на эти отношения. Но планирование реализуется не в этих единичных актах, а во всех их вместе, в их соотношении друг к другу

и к народнохозяйственному целому. Отдельные акты планирования только по видимости односторонни, обособлены и самостоятельны. Над плановой работой всегда витает, как предпосылка, представление целого. Там, где отдельные акты воздействия действительно отрываются от их совокупности, там, где они действительно становятся самостоятельными, там мы имеем разрыв, нарушение плановости.

Таким образом, телеология, как угол зрения, под которым рассматриваются все проявления хозяйственного и культурного строительства, отношение социалистического обобществления, как субстрат целей, и народнохозяйственное целое, как предпосылка при постановке отдельных целей, — таковы те простейшие абстракции, из которых можно вывести все богатство и многообразие конкретного содержания плановой работы в ее меняющихся — от одного этапа социалистического строительства к другому — формах. Но из трех указанных моментов, определяющих планирование, как специализировавшийся вид практической работы социалистического строительства, отношение социалистического обобществления есть не просто абстракция, не просто выделение общих черт из конкретного содержания социалистического строительства. В плановой работе эта абстракция, эта общность всегда выступает, как «единичное» и «конкретное». Планирование народного хозяйства и заключается в том, чтобы в «единичном» и «конкретном» видеть это общее, это диалектическое единство производительных сил и общественных отношений и, в соответствии с конечной целью социалистического строительства, направлять по определенному руслу все конкретные проявления хозяйственной и культурной работы.

Однако, само понятие «конкретного» относительно. Расчленение задач и целей может быть дано с большей или меньшей конкретностью. Конечное, низшее звено конкретизации, то «единичное», которое дальше уже не поддается расчленению, зависит от степени технического разделения труда в обществе, т. е. исторически обусловлено. Но в каждый данный момент оно представляется нам заданным. По мере передвижения конкретизации целей и задач от высших звеньев к низшим, отношение социалистического обобществления — этот субстрат целей планового хозяйства — претерпевает различные модификации, а в самых низших звеньях диалектическое единство его расщепляется и перед практическим деятелем выступает, как объект его воздействия, или производительные силы в их единичном и конкретном проявлении, или производственные отношения. Здесь плановая работа уступает свое место технической, административной, организаторской и т. п. видам практической деятельности, также, разумеется, целеобусловленным, но с иным субстратом целей, чем субстрат целей планирования. Очевидно, также, что расщепление этого единства делает излишней в этих видах практической деятельности, а потому и упраздняет в них предпосылку народнохозяйственного целого.

Отсюда следует, что чем больше специализирована практическая работа и чем ниже по линии хозяйственных органов мы спускаемся (в одних отраслях, например, в промышленности, в большей степени, в других, например, в сельском хозяйстве в меньшей или в очень малой степени), — тем больше тускнеют черты планирования и тем резче выступают черты технико-организационные, черты организации производства и управления. Правда, организуя производство и управление или проектируя постройку завода, — заводоуправление, трест, Гипромез и т. п. организации не могут не учитывать тех общественных отношений производства, которые существуют в нашей стране. Процесс производства, постройка завода, тип завода, тип жилищного строительства, словом — весь стиль производства, строительства, транспорта и т. п., будет у нас иной, чем в капиталистическом обществе. Советский инженер, строитель, экономист — будут иначе строить и иначе организуют производство и управление, чем иностранный инженер в капиталистическом обществе. Но это говорит только о том, что для всякого гражданина советской страны, какому бы виду деятельности он себя не посвятил — для инженера, экономиста, рабочего и т. д. обязательно понимание структуры нашего общества, закона его движения и методов воздействия на производительные силы страны и на общественные связи, понимание связи его специальной работы с общим планом социалистического строительства, т. е. что для всякого участника социалистического строительства обязательен известный минимум знаний о советской экономике, об экономической политике и о планировании народного хозяйства, а также знание и понимание наших хозяйственных планов. Но технико-экономическая работа заводоуправления или треста, технико-экономическое проектирование Гипромеза и т. п. учреждения может быть названо плановой работой в такой же малой мере, в какой планирование промышленной продукции может быть названо организацией промышленного производства или планирование капитального строительства — проектированием заводов.

Многообразная специализация практической деятельности социалистического строительства может привести, однако, не к полному расщеплению в данных частичных конкретных задачах единства отношения социалистического обобществления и к полному устранению, в качестве необходимой предпосылки для решения этих задач, представления народнохозяйственного целого, а лишь к большей или меньшей модификации того и другого. Есть такие виды социалистического строительства, субстратом которых является именно единство производительных сил и общественных отношений производства, и для которых представление народнохозяйственного целого является необходимой предпосылкой, но в конкретном проявлении деятельности, которых, тем не менее, перевешивает либо момент производительных сил, либо момент общественных отношений производства, общественных связей. Такова работа наших наркоматов и других центральных

организаций хозяйства и культуры. Плановая работа этих учреждений существенно отличается от синтетической плановой работы, так называемых, общегосударственных плановых комиссий — центральных и местных — по тому значению, которое в первой занимает одна или другая полярность единства производительных сил и производственных отношений. Высший Совет Народного Хозяйства, например, планируя промышленность, не может не оказывать огромного влияния на общественные отношения страны, а потому он в своих плановых предположениях и мероприятиях не может не учитывать этого влияния. Точно так же он не может не учитывать того влияния, которое на его плановые мероприятия оказывают сложившиеся и будут оказывать складывающиеся общественные отношения производства. Тем не менее, в субстрате тех целей, которые он себе ставит, момент производительных сил имеет исключительное значение. Момент общественных отношений, общественных связей не исчезает и не упраздняется в наркоматском планировании, но в конкретном проявлении плановой работы ВСНХ он выступает либо как предпосылка, которая дается ВСНХ, общегосударственным плановым органом, для определения направления реконструкции производительных сил, либо как условие этой реконструкции. То обстоятельство, что природа наркоматского планирования фактически гораздо сложнее, чем это допускает схематическое изложение, не меняет правильности указанного положения и не оказывает влияния на выводы, которые из всего вышесказанного напрашиваются в области подготовки кадров плановых работников.

Выделяя из всех видов практической деятельности в советском хозяйстве, на основании вышесказанного, тот вид деятельности, который называется планированием народного хозяйства, мы не можем не видеть, что плановому работнику приходится иметь дело с народнохозяйственными процессами различной сложности и качества: либо с общими — весьма сложными — народнохозяйственными комплексами, компонентами которых являются территориальные или отраслевые комплексы и их сочетания — в этом случае мы имеем дело с планированием общегосударственных плановых органов, или синтетическим планированием, либо с менее сложными, но зато более специальными комплексами, компонентами которых являются еще более специальные и еще менее сложные комплексы, получаемые в практической деятельности при дальнейшей дифференциации хозяйственных процессов, т.е. с планированием наркоматским или отраслевым. По этой основной линии и происходит специализация плановой работы. Для синтетического планирования необходимы работники, умеющие наблюдать сложные народнохозяйственные процессы в их движении, связи и взаимодействии, умеющие путем их обобщения сделать соответствующие выводы для отраслевого планирования, но технические мышления и техническое знание которых могут быть, без ущерба для дела, ограничены лишь теми пределами, какие необходимы для указанных целей. Для отраслевого планиро-

вания, ставящего в большей или меньшей степени конкретизации, цели для работы по организации производства, обращения и управления, наоборот, необходимы работники, основательно знающие не только экономику данной отрасли хозяйства, но и ее технику, и в большей мере ее технику, чем экономику (делающуюся, по мере укрепления планового начала, — чем дальше, тем больше — все проще и прозрачнее), но для которых зато умение ориентироваться в сложных народнохозяйственных комплексах может быть, опять-таки без ущерба для дела, ограничено пределами, требуемыми для понимания целей и задач данной отрасли, как одного из звеньев в социалистическом строительстве страны. Отраслевое планирование, в свою очередь, требует дальнейшей специализации, и оно гораздо теснее связано либо со специальным отраслевым техническим, либо со специальным отраслевым экономическим образованием, чем с плановым образованием. В специальных учебных заведениях или на отраслевых специальных факультетах и должны быть поставлены соответствующие циклы плановых дисциплин. Внутренняя специализация планового образования была бы возможна лишь в специальном плановом учебном заведении политехнического типа, в котором едва ли сейчас есть надобность и для которого наверное не найдется преподавателей. Отраслевая же специализация планового образования внутри факультета привела бы лишь к подготовке работников, с пониженным теоретическим уровнем и с навыками дилетантов, непригодных для работы ни по синтетическому, ни по отраслевому планированию.

Из сказанного не следует, что органы общегосударственного планирования не нуждаются в специалистах по отраслевому планированию, или что наркоматам не нужны плановые работники синтетической специальности. Синтетическое планирование так же нуждается в специалистах, хорошо знающих данную, иногда очень узкую, отрасль народного хозяйства, как и отраслевое, в особенности, наркоматское; планирование нуждается в плановых работниках, специализировавшихся на синтетическом планировании. Однако, не техниками или экономистами той или иной специальности определяется стиль синтетической работы общегосударственных плановых органов, как не плановыми работниками синтетической специальности определяется стиль отраслевого планирования.

Синтетическое и отраслевое планирование нельзя противопоставлять друг другу: планирование осуществляется огромным коллективом работников различных специальностей, оба вида планирования представляют собой единую систему и один без другого невозможен. Отсюда следует, что должна быть хорошо продумана система всестороннего планового образования, но отсюда нельзя сделать вывода о том, что плановое образование, которое имеет целью подготовить этот огромный коллектив работников, должно быть сосредоточено в одном учебном заведении, а тем более на одном факультете. Выра-

ботка системы планового образования не только общего, но и специального, наталкивается, однако, на огромные трудности теоретического характера и, в первую очередь, на почти полное отсутствие более или менее разработанных плановых дисциплин. Тем более трудно сейчас проведение в жизнь специализированной системы планового образования, так как даже для синтетического планового образования мы располагаем крайне малым количеством лиц, которые бы сумели совместить интенсивную научную деятельность по разработке основ плановых дисциплин с одновременной плодотворной для учащихся педагогической работой по обучению этим дисциплинам.

Достаточно только подумать о том, что собой представляет синтез планов по всем отраслям народного хозяйства и культуры и по всем районам — на территории, занимающей $\frac{1}{7}$ часть суши земного шара с 150 млн-м разнородным населением, в условиях классовой борьбы, в условиях ломки старых способов производства, распределения и быта и творчества новых форм общественной жизни, для которых история не дала никаких образцов, — достаточно подумать об этой проблеме, чтобы сказать, что синтетическое планирование ставит перед научно-исследовательской и учебно-педагогической работой такие напряженные и сложные задачи, что удовлетворительное разрешение их послужит само по себе огромным толчком для разработки отраслевых плановых дисциплин.

Нецелесообразность специализации планового образования по отраслям на одном факультете не исключает возможности и целесообразности специализации синтетического планового образования по другому признаку — по признаку методологии отдельных стадий планирования, совпадающему с характером той работы, которую плановому работнику придется нести.

Социалистическое строительство сейчас у нас — в советской стране — представляет собой не только творчество нового способа производства и новой культуры, но и принципиально иное размещение производства и очагов культуры по лицу земли, как результат активного воздействия на то и другое. Народнохозяйственное целое выступает в планировании не только как единство, но и как многообразие и различие районных — хозяйственных и культурных — комплексов. Экономико-географический аспект в познании хозяйственных процессов, в постановке задач и целей и в изыскании путей воздействия на отношения социалистического обобществления обязателен для каждого планового работника. Но возможны большие или меньшие навыки решения районно-комплексных задач, большее или меньшее углубление в методологию и в конкретность этих задач, т.-е. большая или меньшая специализация либо на синтезе отраслевых и районных проблем в народнохозяйственном целом, либо на синтетическом решении районно-комплексных проблем, исходя из народнохозяйственного целого.

Одним из крупнейших орудий познания процессов социалисти-

ческого строительства является статистика. Плановый работник должен не только понимать метод статистического познания, но и хорошо владеть им. И, наоборот, статистика, в ее применении к явлениям общественной и культурной жизни, не может мыслиться у нас и в практической деятельности, и в области преподавания, в отрыве от планирования. Каждый плановый работник должен быть статистиком, и каждый статистик должен быть плановым работником. Однако, статистический метод познания представляет собой необходимое, но недостаточное орудие планирования. Больше того, даже как орудие познания — статистика является не единственным. С другой стороны, статистический метод познания имеет такие особенности, что полное и всестороннее их усвоение и овладение методом требует специальных навыков статистико-экономического мышления. Всестороннее и глубокое усвоение методов статистического познания и изображения общественных процессов — в их применении к задачам планирования — представляет собой огромную, самостоятельную задачу, так как развитие методов и техники учета, а также методов и техники оформления плановых материалов таит в себе для обозримости хозяйственных и культурных процессов такие огромные возможности, которые вызовут переворот в методах планирования. Специализация синтетического планового образования на плановое, в тесном смысле этого слова, и на статистическое вызывается, прежде всего, потребностями самой практики планирования.

По своей структуре — плановый факультет, как факультет синтетического планового образования, распадается, таким образом, на три отделения: 1) основное отделение; 2) отделение районного планирования и 3) планово-статистическое. Трудно сейчас сказать, потребуются ли внутри самих отделений те или иные циклы или уклоны. Возможно, что внутри планового отделения окажется целесообразным цикл финансового планирования, как особой формы синтетического планирования. Возможно, что внутри отделения районного планирования окажется полезным цикл планирования местного хозяйства, как синтетической районно-комплексной проблемы, имеющей свои специфические особенности. Весьма возможно, что внутри статистического отделения как раз окажутся целесообразными циклы по отраслям, т.-е. то, что нецелесообразно сейчас и невозможно для первых двух отделений планового факультета. Обо всем этом можно будет судить только после того, как будут разработаны учебные программы и отточены методы преподавания. Точно также при обсуждении программ окажется возможным уточнить учебный план с точки зрения его структуры и объема отдельных предметов.

Учебный план рассчитан на трехгодичный срок обучения, с продолжительностью н.п.п. 30% от всего срока обучения, считая в декадах, и с 50% н.п.п., считая в часах.

Нагрузка учебного плана отдельными дисциплинами исходит из установки не только не понижения теоретического уровня учащегося, но и некоторого его повышения, путем предоставления учащемуся достаточного резерва времени для самостоятельной подготовки к семинарским занятиям. Но это требует, с одной стороны, тщательно продуманных и взаимно согласованных учебных программ и программ и.п.п., и, с другой стороны, хорошо организованной учебной жизни факультета.

Иначе сказать, успех планового факультета будет зависеть от плановости его учебной работы.

К разногласиям в политической экономии¹

Революционные процессы социальной и технической реконструкции, идущие вглубь и вширь всех сторон общественной жизни, бурные темпы коллективизации, социалистическое соревнование, — весь этот процесс создания нового общественного строя выдвигает на каждом шагу новые проблемы, новые жгучие вопросы, правильное разрешение которых требует углубленной теоретической работы.

Между тем нигде не наблюдается такое сильное отставание от темпов жизни, как в области теоретической работы над вопросами социалистического строительства и современного империализма. И это как раз тогда, когда теория, опираясь на практику, обязана идти впереди нее, намечая новые пути, открывая новые возможности, давая четкие марксистско-ленинские обобщения. Тов. Сталин, выступая на Всесоюзной Конференции аграрников-марксистов, правильно и своевременно указал ряд вопросов, в которых теоретики-аграрники отстают от действительности. Указания тов. Сталина относятся не только к аграрным проблемам, но и ко всем остальным областям нашей экономики и культуры.

Необходимо в значительно большей степени, чем до сих пор, заняться теоретическим изучением процессов нашего развития. СССР идет к завершению переходного периода и близится к построению социалистического общества в обозримые сроки, вопреки паникерству правых оппортунистов. Наша практика разоблачает все еще живучую в мелкобуржуазных слоях троцкистскую теорию об отсутствии в нашей стране источников и сил для построения социализма. Наша плановая работа перерастает за рамки пятилетнего плана и на очередь дня выдвигается составление генерального плана — плана построения социализма. В связи с предстоящей работой над генеральным планом, встает ряд проблем, требующих углубленной теоретической разработки. Необходимо осмыслить те новые общественные отношения, которые должны сложиться в процессе осуществления этого плана. Следует осознать и теоретически осмыслить характер новых производственных отношений. В новом свете выплывает вопрос о взаимоотношении между производит. силами и производственными отношениями.

Генеральный план для своего осуществления требует изучения отдельных этапов и освещения конкретных путей нашего

¹ Печатается одновременно в № 2, 1930 г. Журн. „Большевик“.

развития к социализму. Как будут протекать процессы новой организации труда, реконструкции техники, развития новых классовых отношений, изменения форм хозяйства в условиях сплошной коллективизации? Какова роль совхозов и колхозов в новых условиях? Как будет изменяться роль и значение предприятий последовательно — социалистического типа в нашем хозяйстве? Как видоизменяется значение денежной формы и реконструируется финансовая система? Как будет вместе с рыночными отношениями отмирать и денежная форма? Как видоизменяется структура потребления? Как будет происходить уничтожение противоположности между городом и деревней и, в частности, уничтожение «ножниц»? Как разрешить проблему социалистических городов? Как должны складываться наши экономические отношения с капиталистическим миром в условиях растущей экономической независимости СССР? Каковы законы расширенного воспроизводства в условиях переходной экономики и продвижения к коммунизму?

Указанные вопросы и целый ряд других властно требуют ответа и нуждаются в углубленной теоретической разработке. Вопреки актуальным требованиям жизни, двухлетняя дискуссия по вопросам политической экономии, углубившая постановку ряда важнейших вопросов и вскрывшая механистические и идеалистические тенденции в политической экономии, отвлекла огромное количество квалифицированных партийных сил от насущных теоретических проблем социалистического строительства. При всей важности разработки общеметодологических проблем политической экономии необходимо напомнить, что всякая добродетель, продолженная дальше определенного предела, превращается в свою противоположность.

Дискуссия обнаружила тенденцию замкнуться в рамках одной только абстрактной теории и общей методологии, не подходя вплотную к крайне сложным вопросам социалистического строительства, где острая борьба классовых интересов делает теоретическое исследование особенно трудным и политически ответственным. Более того, среди некоторых экономистов подчас наблюдается прямо пренебрежительное отношение к проблемам советского хозяйства, как к «низкой» эмпирии, как к вопросам узкого практицизма; упускают из виду, что здесь-то и открывается обширное поле для творчества в области теории.

Характерным показателем отрыва дискуссии от актуальных политических и экономических проблем социалистического строительства является тот факт, что дискуссия прошла мимо такого извращения теоретических основ марксизма-ленинизма, как троцкизм.

В то время, как троцкизм полностью и целиком разоблачил себя, как одна из форм мелкобуржуазного влияния на пролетариат, в то время, как троцкизм, перейдя все грани, превратился в контрреволюционную мелкобуржуазную разношерстную группировку, в то время, как партия Ленина нанесла троцкизму сокрушительный удар, — споря-

щие стороны не уделили внимания дальнейшей критике теоретических корней этой формы фальсификации учения Маркса-Ленина.

Дискуссия не разоблачала и не вскрывала антидиалектической, антимарксистской сущности троцкизма с характерным для последнего не-марксистским пониманием законов классовой борьбы и связанным с этим антиленинским представлением об отношении рабочего класса к крестьянству, с его не-марксистским пониманием сущности диктатуры пролетариата, основных характерных черт империализма, закона неравномерного развития капитализма в империалистическую эпоху и вытекающей отсюда возможности победоносного строительства социализма в нашей стране.

Для ленинца тем более невозможно игнорирование задачи разоблачения антидиалектических, не-марксистских корней троцкистской идеологии, что рецидивы последней имеют место и в настоящее время, несмотря на то, что переживаемый этап нашего развития наглядно демонстрирует полнейшее банкротство троцкизма.

Задачи по разоблачению антидиалектической концепции Бухарина ни в коей мере не снимают необходимости решительного и углубленного разоблачения основных теоретических и методологических установок троцкизма в целях противодействия проникновению его в каких бы то ни было формах в ряды рабочего класса.

Нет сомнения, что правильное разрешение поставленных в дискуссии методологических проблем безусловно необходимо для плодотворной коллективной работы экономистов-коммунистов над вопросами теории советского хозяйства и современного империализма. Но не следует забывать, что только на основе работ над этим кругом проблем метод диалектического материализма может быть обогащен и развит далее. К сожалению, забвением этого бесспорного положения страдает происходящая дискуссия в теоретической экономии. Тем самым многоречивые рассуждения о методе остаются бесплодными. Оторванные от действительности, они превращаются в пустышку, вырождаются в схоластику. Такой «метод» перестает быть отражением объективной закономерности развития. С этой точки зрения настоятельно необходимо переключить силы экономистов-коммунистов на разработку актуальных теоретических вопросов социалистического строительства. Это необходимо тем более, что в этой области до сих пор сильны враждебные делу социалистического строительства буржуазные и мелкобуржуазные теории.

Существенные ошибки, допущенные в этой дискуссии, приобрели тем более опасный характер, что в современных условиях ошибки в методе особенно быстро перерастают в ошибочные установки, ведущие ко всякого рода оппортунистическим извращениям политической линии партии.

Решительно борясь с ревизией марксистско-ленинского учения, следует иметь в виду, что в эпоху диктатуры пролетариата выступле-

ния против марксизма сплошь и рядом облекаются в форму «нового понимания» и толкования теории Маркса-Ленина. Открытый ревизионизм и присоединение к буржуазной науке на манер Бернштейна и К^о в условиях диктатуры пролетариата не имеет шансов на успех. Господство марксизма в общественных науках заставляет ревизионистские выступления рядиться в одежды ортодоксии. Буржуазная и мелкобуржуазная, особенно социал-демократическая, идеология зарождается у нас и проникает к нам с Запада сплошь и рядом под оболочкой марксистских фраз. Тем больше опасность проникновения ревизионистских взглядов в среду коммунистов и тем больше необходимость четкой, ясной, непримиримой линии ленинцев, сплоченной борьбы коммунистов со всеми извращениями теории и метода Маркса-Ленина.

Необходимо ни на минуту не упускать из виду, «что без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами» (Сталин).

Гибнущий класс, капиталистические элементы в нашей стране сопротивляются всеми мерами и способами политического, экономического и идеологического характера. В области экономической теории это выражается конкретно в том, что буржуазные, неонароднические и меньшевистские представления о законах экономического развития при капитализме шаблонно и в то же время в завуалированном советской фразеологией виде переносятся в условия переходной экономики и кладутся в качестве обоснования определенных программ практических мероприятий (Кондратьев, Громан, Базаров и др.). Поворот к ликвидации кулачества, как класса, требует решительного преодоления и этих остатков старых представлений и теорий, являющихся идеологическим заслоном капиталистических элементов в стране.

Только последовательное проведение диалектического материализма может обеспечить твердую научную базу для практической деятельности ленинской партии.

За последние десятилетия буржуазная наука, атакуя марксизм, изображала метод Маркса двойственным. Эту «двойственность» усматривали «критики» в мнимом соединении противоположных натуралистических и «социологических» тенденций в системе Маркса. Характерной чертой буржуазной критики является здесь отождествление материального с вещественным, социального с идеальным (Струве, Петри, Финн-Енотаевский и др.). Именно на этом основании буржуазные ученые объявляют общественную жизнь царством свободной воли и «телеологии».

В борьбе с субъективизмом народников Ленин показал, что общественное развитие подчинено объективной закономерности, прокладывающей себе дорогу через сознательные действия людей. Маркс и Ленин смотрели на развитие общественно-экономической формации, как

на «естественно-исторические процессы»¹. Но необходимость и закономерность общественного развития есть, по Марксу и Ленину, необходимость действия людей, общественных классов. Материалист-диалектик, в отличие от объективиста и вульгарного материалиста, не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость². Материализм «включает в себя партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»³.

Непонимание метода диалектического материализма связано обычно с недооценкой или с отрицанием роли революционной теории Маркса-Ленина, как руководства к действию для рабочего класса. На этой основе растут двоякого рода ревизионистские течения. Одни из них идут по линии превращения марксизма в натуралистическую систему, другие превращают учение Маркса в безобидную «социологическую» игру понятий.

Причудливо сплетаясь в некоторых пунктах, оба вида извращений диалектического материализма, хотя и не в одинаковой степени, представлены в политической экономии. Нормы этих ревизионистских течений лежат в философском агностицизме (Юм, Кант) и в «социологическом» извращении метода Маркса, которое давно было начато австро-марксистской школой и, в частности, Гильфердингом. Механистическое направление в политической экономии ближайшим образом исходит из натуралистически-механистических взглядов Богданова.

Одной из основ богдановской политической экономии является механистическое сведение общественных законов к законам природы. Богданов пытается вывести общественные противоречия и борьбу классов из нарушения равновесия между обществом и средой (богдановский «энергетический баланс»). Воспринятая целиком тов. Бухариным в его «Теории исторического материализма» «теория энергетического баланса» получила известное распространение в политической экономии.

Прямым продолжением той же механистической концепции является подмена закона данной общественной формации общими надисторическими законами. Теория надисторичности экономических категорий, распространение категорий абстрактного труда на все общественные формации лежит в основе богдановско-бухаринского «закона трудовых затрат». Исходя из нее, тов. Бухарин делает вывод, что с устранением «костюма» товарного хозяйства законы общественного развития выступают в «голом» виде. В социалистическом обществе, по мнению тов. Бухарина, неизменный закон трудовых затрат будет

¹ Ленин. Собр. соч., т. I, стр. 57.

² Там же, стр. 276.

³ Там же.

регулировать движение производительных сил непосредственно. Сами производительные силы, вопреки критике Ленина, зачастую отождествляются т. Бухариным с техникой и вообще берутся вне их специфической общественной формы. Производственные отношения изображаются просто как «размещение людей в пространстве», как чисто техническая связь.

Из такой установки растет недиалектическое представление о развитии производительных сил в переходный период, не учитывающее специфически-общественные особенности каждого этапа развития. Рост производительных сил в условиях диктатуры пролетариата изображается метафизически, как рост богатства вообще, народного дохода вообще, сельского хозяйства вообще. Социальная форма этого развития в различных секторах и его противоречия игнорируются. Необходимость роста производительных сил именно в социалистических формах смазывается. Борьба с капиталистическими тенденциями за развитие социалистических форм противопоставляется в конечном счете росту производительных сил в нашей стране.

Смешение технических отношений с общественным строем производства ведет далее механистов (т. Бухарина и его школа) к отождествлению процесса капиталистического производства с процессом непосредственно-общественного труда. Механисты упускают из виду, что обобществление труда капиталом усиливает, а не устраняет противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Говоря об обобществлении труда, они не видят ограниченной формы этого обобществления, происходящего под командой капитала. Механисты полагают, что капитализм развивается по направлению к сознательно «организованному хозяйству», к «дефетишизации» производственных отношений. Отсюда иллюзия т. Бухарина, что монополии устраняют конкуренцию, анархию капитализма. Он строит на этом свою теорию «организованного капитализма», устраняющего будто бы конкуренцию внутри отдельных капиталистических стран. Тов. Бухарин не понимает, что «эта монополия капиталистическая, т.-е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном безвыходном противоречии с этой общей обстановкой»¹.

Тов. Бухарин не видит того, что «монополии», выходя из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над нею и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов².

Механисты изображают процесс воспроизводства как механическое движение вещественных и личных элементов производства. Тов. Бухарин и его сторонники совершенно упускают из виду качественную

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 314, изд. 1924 г.

² Там же, стр. 305.

определенность воспроизводства и его пропорциональности и потому не понимают процесса изменения количественных пропорций с изменением характера общественного воспроизводства.

Механисты изображают общественное воспроизводство в виде колебательных движений «отклонений» от извне данного, самостоятельно движущегося уровня равновесия. Равновесие из момента движения, определяемого характером и формой последнего, превращается у механистов в исходный пункт как теоретического исследования в целом, так и действительного движения. Экономические законы формулируются ими как законы равновесия и противопоставляются законам движения. Отсюда противопоставление законов существования капитализма законам его гибели.

Теория равновесия «не имеет ничего общего с ленинизмом» (Сталин). Она вооружает теоретическими аргументами враждебные рабочему классу элементы против политики индустриализации, проводимой партией. Она служит в руках буржуазных и мелкобуржуазных экономистов для теоретической защиты индивидуального крестьянского хозяйства против коллективизации, для укрепления позиций частного капитала, вытесняемого развитием социалистической промышленности и кооперации. Несмотря на всю очевидность своего антиленинского существа, теория «подвижного равновесия» чрезвычайно широко распространена. Даже политические противники и критики взглядов т. Бухарина полностью не разделились с нею до сих пор и что лишний раз свидетельствует о живучести механистических тенденций в политической экономии.

Тов. Бухарин, будучи целиком подчинен своей механистической методологии и последовательно развивая теорию равновесия в теорию «балансирования», приходит к неизбежному выводу, что для каждого данного момента возможна только одна схема чисто количественных соотношений между элементами народного хозяйства. В переводе на язык экономической политики это влечет за собой требование равнения по «узким» местам. Тов. Бухарин не понимает, что дело не в одной только различной количественной характеристике элементов пропорциональности, но и в качественной их определенности, ибо от социальной формы воспроизводства зависит ход последнего и развитие собственных ему противоречий.

Очевидна несостоятельность утопического стремления тов. Бухарина отвлечься от противоречий классовых интересов в переходный период путем создания гладких схем воспроизводства.

Тип воспроизводства в советском хозяйстве качественно иной, чем при капитализме, подчинен другому строю общественного производства, другим законам движения.

Наконец, должно быть особенно подчеркнуто, что исходя из механистической концепции, нельзя правильно понять условия развития классовой борьбы в СССР, активную роль пролетариата в деле создания социалистической формы производства и значение этой последней

для развития производительных сил нашего хозяйства. Отсюда проистекает недооценка т. Бухариным наших возможностей, его неверие в высокие темпы индустриализации, невиданные при капитализме.

Непонимание основ диалектического материализма нашло свое выражение у т. Бухарина в его не-марксистском понимании предмета политической экономии. Когда т. Бухарин пишет в «Экономике переходного периода», что «теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т.е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве». Ленин на полях замечает: «Две неверности: 1) Определение шаг назад против Энгельса; 2) товарное производство есть тоже «организованное хозяйство». Когда тов. Бухарин пишет, что «политическая экономия изучает товарное хозяйство», Ленин замечает «не только!». А на утверждение т. Бухарина, что «конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии» Ленин заявляет «неверно. Даже в чистом коммунизме хотя бы отношение I v — m к II c? и накопление?»

Из бухаринского понимания предмета политической экономии логически вытекает непонимание необходимости как теории советского хозяйства, ошибочно-оправдываемой лишь в меру наличия стихийных «неорганизованных» рыночных отношений в нашем хозяйстве, так и теоретического изучения производственных отношений социалистического общества. Марксистская политическая экономия изучает «общественные отношения людей по производству» (Ленин). Она изучает производственные отношения, как форму развития производительных сил данной общественной формации. Тем самым она исследует экономическую структуру, как естественно исторический процесс, познает объективную закономерность возникновения, развития и упадка данных производственных отношений, т.е. экономический закон движения общества. «Исследование производственных отношений данного исторически определенного общества в их возникновении, развитии и упадке — такого содержания экономического учения Маркса» (Ленин).

Методологические установки т. Бухарина были непосредственно восприняты тт. Коном, Бессоновым и др. Выступая на борьбу с анти-марксистскими взглядами И. И. Рубина, они, вместо преодоления идеалистического ревизионизма в политической экономии, на деле лишь усугубляли и поддерживали механистическое направление в этой области и тем самым фактически способствовали укреплению и дальнейшему развитию идеалистических тенденций. Система ошибочных положений, выставленных этими товарищами, является прямым продолжением механической, антидиалектической концепции тов. Бухарина. Т.т. Кон, Бессонов и другие оказались фактическими защитниками теоретических основ правого уклона, несмотря на то, что они защищают генеральную линию партии и не разделяют политических взглядов т. Бухарина.

Главнейшими из механистических ошибок т.т. Кона и Бессонова являются:

1) Утверждение о надисторичности категории абстрактного труда, связанное с физиологически-энергетическим пониманием его. 2) Непонимание роли обмена в товарно-капиталистическом обществе, связанное с вульгаризацией теории товарного фетишизма Маркса. 3) Отождествление производительных сил с техникой и с процессом труда «как таковым». 4) Механистическое сведение производственных отношений непосредственно к производительным силам. Отсюда вытекает вульгарное понимание материальности производственных отношений и непосредственная характеристика специфичности различных типов производственных отношений уровнем развития техники. 5) Смешение политической экономии с технологией. 6) Богдановская теория «энергетического баланса» (т. Кон). 7) Теория равновесия и бухаринский «закон трудовых затрат». 8) Тезис «дефетишизации» производственных отношений по мере развития капитализма, логически ведущий к положению о мирном вращении капитализма в социализм (т. Бессонов). 9) Ряд коренных ошибок в теории империализма, воспроизводящих бухаринскую концепцию (т. Кон). 10) Немарксистское представление об общественных науках (право, история и проч.), которые якобы не занимаются вопросами социальной революции (т. Бессонов). 11) Отождествление формы и содержания, проносящие все перечисленные выше ошибки и ряд других ошибок.

Вытекающее отсюда смешение предмета технологии с предметом политической экономии ярко выступает в следующем положении т. Бессонова: «производительные силы в действии, процесс труда «как таковой» составляет такую же неотъемлемую составную часть политической экономии, как и обусловленная им общественная форма производственного процесса»¹. Тов. Бессонов выставил в свое время вульгарно-механистический тезис, что производительные силы и производственные отношения «равноправно» входят в объект политической экономии. После решительного отпора со стороны подавляющего большинства экономистов-коммунистов т. Бессонов от этого тезиса отказался, но лишь формально.

Тов. Кон в своей последней статье пишет: «Технология и экономические науки изучают одно и то же материальное производство, однако, угол зрения, аспект этих двух наук на единый объект совершенно различны. Грань между политической экономией и технологией, стирать которую было бы преступлением, заключается в различии их точек зрения на материальное производство, в том, что первая (?) из них изучает материальный процесс производства с точки зрения эффективности воздействия человека на природу, вторая же изучает материальное производство с точки зрения его определенной общественной формы»².

¹ «Проблемы экономики» № 4—5, стр. 210.

² «Проблемы экономики» № 6, стр. 94.

Суб'ективистская установка т. Кона бросается в глаза. Марксизм различает технологический процесс и экономическое развитие как две объективно существующие формы движения. Тов. Кон, в зависимости от избираемой им точки зрения, «видит» то одну, то другую сторону единого объекта. Тов. Кон делает ошибку, аналогичную ошибке т. Бессонова, с м е ш и в а я исходный пункт политической экономии «о б щ е с т в е н н о - о б у с л о в л е н н о е производство индивидов» (Маркс) с е с т е с т в е н н о обусловленным процессом труда (технология).

По поводу такого оперирования «точками зрения» Ленин в своих заметках на «Экономику переходного периода» Бухарина замечает: «Суб'ективизм, солипсизм». Не в том дело, кто «рассматривает», кому «интересно», а в том, что есть независимо от человеческого сознания¹.

Дискуссия отчетливо обнаружила всю несостоятельность и механистический характер положений, выдвинутых т.т. Коном, Бессоновым и др. Непримируемая критика их механистических взглядов совершенно необходима, так как допущенная ими система ошибок непосредственно смыкается с антидиалектической концепцией т. Бухарина.

Эти ошибки тем более опасны, что мы имеем за последнее время попытки возрождения явной богдановщины (после Дашковского и Шабса-Кожанова и Финн-Енотаевский).

Заявление т.т. Бессонова и Кона², каковы бы ни были их желания, отнюдь не могут быть признаны достаточными. Заявляя теперь о своей борьбе на два фронта, эти товарищи до сих пор не поняли, что их ошибки и есть механистические ошибки, и что в своих взглядах они примыкают к механистическому фронту. Они до сих пор не видят механистических тенденций в политической экономии.

Об этом свидетельствует выпущенный ими в самое последнее время сборник «Рубинщина или марксизм», не только повторяющий основные ошибки т.т. Кона и Бессонова, но в ряде случаев усугубляющий их.

Решительный отказ названных товарищей от всех допущенных ими ошибок и вскрытие методологических основ этих ошибок настоятельно необходимы для преодоления механистического направления в политической экономии.

Вульгарно-механистические извращения Маркса — Ленина т. Бухариным и его учениками (Марецкий, Айхенвальд и др.) представляют из себя серьезнейшую опасность в теоретической экономии, ибо они неизбежно ведут к право-оппортунистическим выводам в области политики и теории советского хозяйства — главной опасности в рядах нашей партии.

Разоблачение антидиалектической концепции т. Бухарина отнюдь не может считаться законченным. Больше того, в ряде случаев это

¹ XI Ленинский сборник, стр. 385.

² См. «Проблемы экономики» № 10—11.

разоблачение только начинается (философские работы и работы по теоретической экономии). Отсюда вытекает настойчивая необходимость со всей энергией продолжать критику механистической теории и борьбу с оппортунистическими ошибками т. Бухарина в вопросах советского хозяйства и современного империализма. Не менее решительно должны разоблачаться и прикрытие этих ошибок т. Бухарина, и примиренческое к ним отношение.

Признание рядом товарищей генеральной линии партии и активная ее защита от право-оппортунистических извращений, наряду с допущенной ими системой механистических ошибок (Кон, Бессонов и др.), не может рассматриваться иначе, как величайшая непоследовательность.

Однако, грубейшей ошибкой было бы думать, что ревизия основ марксистско-ленинского учения идет только по линии их извращения со стороны механистов. В условиях обостренной классовой борьбы, выкорчевывания корней капитализма, бурной социалистической переделки всего общественного строя страны, в условиях капиталистического окружения и дальнейшего развития кризиса мирового капитализма, социально чуждые и враждебные делу пролетариата элементы в стране питают как механистическую, так и прямо идеалистическую ревизию учения Маркса — Ленина. Поэтому борьба с механистической опасностью никоим образом не должна ослабить борьбу с опасностью откровенных идеалистических извращений марксизма. И было бы грубейшей ошибкой в какой бы то ни было мере забывать марксистам-ленинцам эту первейшую обязанность борьбы с теорией идеализма во всех ее проявлениях и направлениях.

Решительная борьба с последними тем более необходима, что они возведены в систему идеологами мировой социал-демократии (К. Каутский, М. Адлер, К. Реннер, Р. Гильфердинг, Отто Бауэр и др.) и способствуют успеху непримиримых врагов марксизма, теоретиков буржуазной «социальной школы», выросшей на основе неокантианского идеализма (Аммон, Штольцман, Петри).

Выразителем и представителем идеологии теоретиков II Интернационала в политической экономии является у нас И. И. Рубин. Кант-ианскую схоластику эпигонов буржуазной науки гибнущего капитализма И. И. Рубин ставит выше объективного научного анализа классиков политической экономии. Он считает «социальное направление» «многообещающим», находит в нем идейное «теоретическое» сродство с марксизмом, приветствует то, что теоретики социальной школы ищут «новых путей» для экономической науки, сочувствует их стремлениям, выражает им свою «признательность», считает работу Штольцмана, Аммона, Петри «плодотворной»¹.

Оставаясь на позициях международного меньшевизма, И. И. Рубин не понимает и не может понять, что политическая экономия апологетов капитализма принципиально и непримиримо враждебна проле-

¹ И. И. Рубин. Современные экономисты на Западе (предисловие).

тариату. В общеполитических позициях И. И. Рубина лежит корень того, что вся его концепция ограничена, замкнута в рамках общих абстрактных вопросов. И. И. Рубин отрывает общеметодологические проблемы политической экономии от проблем советского хозяйства и послевоенного империализма, старательно обходя и игнорируя эти последние. Методологическая «уточненность» работ И. И. Рубина сводится поэтому к бесплодной игре понятий, к чисто схоластическим упражнениям, лишь прикрывает марксистской терминологией их антимарксистское, антиреволюционное, неокантианское содержание. Работы И. И. Рубина и спор вокруг их отвлекают теоретическое исследование от разработки проблем советской экономики (социалистическое строительство) и противоречий мирового империализма (проблемы мировой революции). Не может быть ортодоксальной разработки общих теоретических проблем при антиреволюционной общеполитической линии¹.

Превосходство Маркса над классиками И. И. Рубин видит не в том, что «Маркс применил диалектику Гегеля в ее развитой форме (т. е. материалистическую диалектику.—В. М. и Б. Б.), к политической экономии» (Ленин), а в анализе капиталистического хозяйства с новой «социалистической точки зрения». Важнейший результат исследования Маркса: вскрытие за вещными категориями, экономическими формами вещей производственных отношений людей и классовых противоположностей — остается поэтому фактически вне поля зрения И. И. Рубина. Он не видит, что сущность метода Маркса при изучении капитализма заключается в рассмотрении капиталистической формации, как естественно-исторического процесса. И. И. Рубин не понимает, каким образом Маркс выводит экономические формы вещей из специфически-общественного строя производства. Из таких производственных отношений, существование которых не только «не зависит от сознания человека, но, напротив, последнее само от них зависит»².

Не случайно Рубин отрицает материальность абстрактного труда. «Абстрактный труд, образующий стоимость, — говорит он, — должен быть понимаем, как категория социальная, в которой мы не найдем ни одного атома материи»³. Это понимание социального показывает антимарксистский, антидиалектический характер всей концепции И. И. Рубина. По Марксу абстрактный труд существует лишь в товарном хозяйстве, в котором равенство труда, как затрат одной и той же физиологически однородной человеческой рабочей силы, выступает как специфически общественная форма труда. Лишь в товарном хозяйстве это равенство труда становится общественной формой труда, т. е. абстрактным трудом. По И. И. Рубину, абстрактный труд

¹ В этой связи следует считать совершенно правильным решение экономического отделения ИКП Ин-та Экономики об И. И. Рубине (см. «Правда» от 2/II—30 г.).

² См. В. И. Ленин, Собр. соч., т. I, изд. 2, стр. 59.

³ См. И. И. Рубин. «Очерки», изд. 3, стр. 149—150.

есть не действительное, объективное равенство труда, а лишь вещное выражение равенства товаропроизводителей, как автономных субъектов хозяйства¹.

Именно здесь коренится отрыв формы от содержания, который характерен для И. И. Рубина и который находится в непримиримом противоречии с методом Маркса—Ленина. Стремясь скрыть это противоречие и примирить свою теорию с Марксом, И. И. Рубин объявляет содержание стоимости то историческим, то неисторическим, в зависимости от подхода, от точки зрения: с «точки зрения» анализа содержания стоимости объявляется общечеловеческий труд — надисторическая материальная категория, «с точки зрения» синтеза абстрактный труд — историческая социальная категория. Рубин разрывает, таким образом, единство диалектического метода Маркса. Крайне характерно, что именно в этом вопросе с И. И. Рубиным солидаризируется т. Кон. Идеалистические тенденции Рубина неизбежно влекут за собой отказ от Марксовой диалектики, несмотря на словесное признание ее.

Вопреки И. И. Рубину и т. Кону, никакого разрыва у Маркса между анализом и синтезом нет. Конечный пункт анализа Маркса и исходный пункт его синтеза один и тот же. Отрыв синтеза от анализа свойственен кантианцам, а не диалектическому материализму. Анализ и синтез взаимно предполагают друг друга. Диалектический метод «на каждом шагу своего движения действует одновременно и аналитически, и синтетически». Эта характеристика Гегеля одобрена Лениным заметкой: «Великолепно» (XI Ленинский сборник, стр. 307).

Противоречие между формой и содержанием, являющееся движущей пружиной развития, не отрицает, а предполагает их единство: никакого отрыва формы от содержания марксизм не допускает. Содержание не бесформенно, — это оформленная материя. Форма содержательна².

И форма, и содержание — историчны. Форма — активна. Приоритет содержания ограничивает активность каждой данной формы, определенной исторической ступенью развития содержания. По мере этого развития, противоречие между формой и содержанием растет. Из условий развития форма превращается в его оковы и «отвергается» содержанием. Лишь новая форма, возникающая на основе изменения самого характера содержания, создает условия для его дальнейшего развития. Только на этой основе можно понять диалектику производительных сил и производственных отношений, рост противоречий между ними, ведущий в классовом обществе к социальной революции. Никакой другой «точки зрения» диалектический материализм не знает.

¹ «Очерки», изд. 3, стр. 98 и 111.

² Форма «содержит внутри себя устойчивое существование, или материю, как одно из своих определений. Таким образом (как внутреннее строение — В. М. и Б. Б.) форма есть содержание, а в своей развитой определенности она есть закон явления» (Гегель, соч., т. I, стр. 223).

Отрывая содержание от формы, И. И. Рубин уничтожает возможность материалистического их понимания, ставя форму над содержанием. Он выводит характеристику производственных отношений из особенностей правовой организации, относя право непосредственно к характеристике экономической структуры. «Отсутствие внеэкономического принуждения, организация трудовой деятельности отдельных лиц не на началах публичного права, а на началах права частного и, так называемого, свободного договора, есть характернейшая черта экономической структуры современного общества. Отсюда и основная форма производственных отношений между отдельными частными хозяйствами, форма обмена, приравнивание обмениваемых стоимостей»¹.

И так, по мнению И. И. Рубина, не экономическая структура общества определяет и характеризует его права, а право определяет («отсюда») и характеризует экономическую структуру. Он рассматривает капиталистическое производство, как бесформенный процесс, к которому форма присоединяется извне, из процесса обмена².

И. И. Рубин видит внутри отдельного предприятия, в процессе непосредственного производства только технические «организованные» отношения (см. 2-ю главу «Очерков»). Общественные производственные отношения, характеризующие капиталистический способ производства, как специфическую общественно-экономическую формацию, он переносит в сферу рыночных отношений между предприятиями, в сферу обращения. В результате производственные отношения, отождествляемые И. И. Рубиным, с отношениями купли и продажи, выступают только как отношения «владельцев вещей», как отношения равноправных субъектов хозяйства, а «не как отношения товаропроизводителей»³. На основе этого противопоставления отношений обмена отношениями производства затушевываются далее отношения самого процесса капиталистического производства, отношения эксплуатации. Недаром И. И. Рубин берет термин классовые при характеристике производственных отношений в кавычки⁴.

И. И. Рубин грубо извращает соотношение производства и обмена в экономической системе Маркса. Он игнорирует бесспорное марксистское положение, что экономическая структура определяется отношениями людей в процессе производства, и заявляет, что «предмет марксовой теории стоимости» составляет «исследование процесса обмена его общественной формы и его связи с производством товарного общества»⁵. На самом деле форма производства определяет форму обмена. Процесс товарного производства включает в себя необхо-

¹ Очерки, изд. 3-е, стр. 98. (Выделено нами. В. М. и Б. Б.)

² Очерки, изд. 3-е, стр. 18.

³ Очерки, изд. 3-е, стр. 16, 30 и др.

⁴ И. И. Рубин. Современные экономисты на Западе, стр. 188—189.

⁵ См. «Очерки», стр. 96.

димость частного обмена для движения общественного воспроизводства. Капиталистическое воспроизводство сверх того включает и необходимость купли-продажи рабочей силы. Это — моменты самого процесса производства.

Ошибочная трактовка И. И. Рубиным проблемы производительного труда представляет собой явную ревизию учения Маркса. Отход от марксизма в этом вопросе широко открывает двери всякого рода современным буржуазным теориям распределения, исходящим из признания производительными всех видов «труда», выполняемого буржуазией и ее помощниками в деле присвоения прибавочной стоимости. В применении к советской экономике антимарксистская трактовка проблем производительного труда служит базой для ряда враждебных нашей партии теоретических концепций, совершенно извращающих характер, перспективы и задачи нашего хозяйственного строительства.

Своими комментариями смазывая качественное различие между простым товарным хозяйством и капитализмом, И. И. Рубин извращает отношение между развитием экономических категорий в системе Маркса и действительным историческим развитием. Простое товарное хозяйство объявляется только надуманной логической схемой, только абстракцией капитализма и перестает быть для И. И. Рубина исторической ступенью в развитии капитализма, его первой эмбриональной, зародышевой формой. Отрыв логического хода исследования от исторического хода развития явно противоречит многочисленным высказываниям Маркса, Энгельса и Ленина. Этот отрыв смазывает момент возникновения капитализма и его гибели, ведет к вытравливанию из марксистской теории ее революционно-преобразующего смысла.

Вся концепция И. И. Рубина отличается тем, что у него социальное общественное не берется, как классовое. Концепция Рубина, в которой выхолено боевое революционное классовое содержание, не может не служить на деле интересам чуждых и враждебных пролетариату слоев. В этом — антимарксизм и антиреволюционность И. И. Рубина.

Центральный орган партии «Правда» своевременно и правильно выдвинул задачу борьбы на два фронта (см. «Правда» № 234 от 10 октября 1929 г.).

Борясь против механизма, нельзя забывать «рубинизма». Смазывать актуальность критики ревизионистской концепции И. И. Рубина было бы глубочайшей ошибкой. Не следует упускать из виду нить, связывающую взгляды И. И. Рубина с австро-марксистами, с теорией социализации через обращение. По этой линии концепция И. И. Рубина представляет богатый питательный источник для меньшевизма. Извращения марксизма не являются и не могут быть «нейтральными». Из них могут быть и должны неизбежно вытекать антиреволюционные, меньшевистские тенденции.

Партия развернула невиданную активность в среде пролетариата, на основе нового способа производства, нового отношения рабочих «к дисциплине труда» (Ленин), на основе их отношения к средствам производства, как к достоянию всего рабочего класса. Новые производственные отношения на предприятиях социалистического типа в городе и деревне ускорили развитие производительных сил нашей страны. Активность производственных отношений доказана на практике невиданными при капитализме темпами роста нашего хозяйства. В итоге, вслед за полным разоблачением авантюризма троцкистской политики, сверхиндустриализации и троцкистской теории, утверждающей невозможность построения социализма в нашей стране, бит жизнью правый уклон и окончательно добыты троцкистско-меньшевистские теоретические построения.

Для коммунистов-экономистов должен быть ясен ревизионистский, меньшевистский характер взглядов И. И. Рубина, его неспособность стать на путь классового анализа экономических отношений, антимарксистский характер его учения. Решительная борьба со взглядами И. И. Рубина является настоятельно необходимой, ибо они закрывают путь к марксистско-ленинскому пониманию нашего развития. Защита же их, в какой бы то ни было форме, со стороны коммунистов есть полный разрыв с марксизмом.

Игнорировать меньшевистскую опасность на том основании, что в партии выступает ревизионизм преимущественно механистического порядка, значит выпускать из поля зрения страну в целом, в которой меньшевизм представляет силу, враждебную марксизму. Недооценка идеалистической меньшевистской опасности, характерная в дискуссии для ряда товарищей, свидетельствует о том, что они не сумели занять правильную позицию борьбы на два фронта. Односторонняя борьба против механистических тенденций («антибухаринизм») или односторонняя борьба против рубинщины («антирубинизм») явно не достигают цели. Глубоко ошибочно изображать И. И. Рубина борцом за ортодоксальный марксизм против ревизионизма механистов и против «социального направления», принимать некритически с ничтожными оговорками ряд его теоретических положений, как строго марксистские (см. сборник «Против механистических тенденций» и т. д. под редакцией т.т. Борилина и Леонтьева, статьи т.т. Греблиса, Коровая, Степанова и Г. Деборина).

Группа товарищей (Борилин, Леонтьев и друг.) правильно выступили против механистической опасности, что следует поставить им в бесспорную заслугу. Однако, не поняв антимарксистского, антидиалектического, антиреволюционного характера работ И. И. Рубина, эти товарищи давали в корне ошибочную положительную оценку его работ (см. ряд мест в «Сборнике против механистических тенденций», стр. 9, 1, 57, 129) и тем самым стали на ошибочную, эклектическую позицию, объективно способствуя распространению теоретических

взглядов И. И. Рубина, затрудняя борьбу на два фронта, которую правильно вел ряд товарищей.

В односторонней борьбе против механистов, некоторые товарищи разделяли ряд не-марксистских положений И. И. Рубина об абстрактном труде, об отношении производства и обмена, его определение предмета политической экономии, отождествление производительных сил с материально-технической стороны производства, с технологическим процессом. В последнее время эти товарищи под напором критики начали отходить от неправильной позиции, признав у И. И. Рубина систему идеалистических ошибок, однако, это сочеталось у них с утверждением, что для И. И. Рубина характерны не извращения марксизма, а в основном правильная интерпретация Маркса—Энгельса. Тем самым эти товарищи впадали в явную непоследовательность и эклектизм.

Единство взглядов экономистов-коммунистов может быть выработано только в борьбе на два фронта, исключающей примиренческое отношение к механистическим и идеалистическим — меньшевистским — тенденциям в политической экономии. Всякие попытки выработки положительных взглядов на затронутые в дискуссии вопросы вне такой борьбы осуждены на неудачу и ведут к эклектизму.

Только на этой основе, но никак не на основе беспринципного сговора по лозунгу «единство ради единства», консолидация партийных сил в области политической экономии пойдет быстрым темпом и непроизводительные издержки дискуссии будут сведены к минимуму. Следует положить конец теоретическому разброду. Коммунистическая Академия должна стать действительным центром, собирающим партийные силы для теоретической разработки современных экономических проблем. Экономисты-коммунисты должны помочь как плановым органам в деле поднятия плановой работы на должную научную высоту, так и нашим руководящим хозяйственным органам (ВСНХ, НКЗем, НКПС, НКТорг и др.) в деле разрешения стоящих перед нами задач социалистического строительства. Научное обоснование социалистического строительства, планирования и практического его осуществления должно иметь в своей основе правильно понятую марксистско-ленинскую теорию общественного развития.

Экономисты-коммунисты должны преодолеть вредную тенденцию отрыва теории от практики. Проблемы советской экономики должны стать во главу угла дальнейшей работы теоретической экономии. Вместе с этим необходимо углубить теоретическую разработку проблем послевоенного империализма. Следует радикально изменить то положение, при котором теоретическая работа сильно отстает от всякого нашего строительства. Лишь в этом случае политическая экономия останется той «действительной теорией», которая, по словам тов. Сталина, «дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела».

От редакции журнала „Большевик“.

Редакция «Большевика» считает правильными основные положения статьи т.т. Милютина и Борилина.

Редакция считает нужным особо подчеркнуть неотложную, настоятельную необходимость перенесения центра тяжести теоретической работы на изучение проблем социалистического строительства и современного империализма. Коренным недостатком дискуссии в политической экономии является ее оторванность от практики, от живой действительности. Это обстоятельство не только снижает уровень и результаты дискуссии, но и заводит ее в тупик, превращает ее, в значительной степени, в бесплодные, схоластические споры, ведет к разрыву с марксистско-ленинским методом.

Борьба за марксистско-ленинскую теорию и метод Маркса и Ленина возможна лишь в процессе изучения советской экономики и современного этапа развития мирового капитализма. Между тем, именно к этим вопросам не было внимания со стороны наших теоретиков экономистов. Проходившая же дискуссия еще больше отвлекла силы и внимание экономистов от этих актуальнейших вопросов современности, направив их по пути голой абстракции и чистой схоластики. И в значительной степени в силу этого образовался тот «разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли», который отмечал тов. Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов.

Поэтому, теоретическая мысль наших экономистов вместо того, чтобы давать «практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела», в значительной степени плелась в хвосте событий, не всегда даже регистрируя факты прошлого.

Отмечая, что значительная часть экономистов-коммунистов не сумела правильно поставить вопрос борьбы с буржуазными и мелкобуржуазными взглядами в теоретической экономии, редакция считает, что как механистическая, так и идеалистическая концепция в вопросах теоретической экономики, несмотря на свою кажущуюся противоположность, питаются из одного источника. Обе уходят своими корнями в неокантианство — официальную идеологию международного меньшевизма; обе одинаково враждебны марксизму. И потому ни чем иным, как политическим и теоретическим недомыслием следует считать попытки ставить вопрос: какая из этих теорий «хуже».

Поэтому, необходимо вести решительную борьбу как с механистической концепцией в вопросах теоретической экономики, так и с непосредственно идеалистической меньшевистской ревизией марксизма, носителем и выразителем которой является И. Рубин.

Механистическая ревизия экономического учения Маркса-Ленина своими корнями уходит в богдановщину. Наиболее ярким представителем этой ревизии является внутри партии т. Бухарин и его школа (Айхенвальд, Марецкий и др.), которые на механистической основе формировали идеологию правого уклона. Систематически допускавшиеся рядом товарищей (Бессонов, Кон и др.) ошибки механистического порядка смыкаются с теоретическими ошибками правых оппортунистов — хотя часть экономистов-коммунистов, стоящих на механистических позициях в теории, активно выступает за политическую линию партии и активно борется против правого уклона. Однако, отделять политику от теории в такой «партийной науке, как политическая

экономика» (Ленин), — величайшая непоследовательность. Механисты в политической экономии обнаружили, что антиленинская сущность их методологии логически ведет к оппортунистическим политическим выводам.

Редакция отмечает, что т.т. Бессонов и Кон в специальном заявлении в «Большевик» заявили о полном признании допущенных ими в борьбе против Рубина механистических ошибок и заявили также, что они в основном присоединяются к статье т.т. Милютина и Борилина.

Теоретические работы И. Рубина, — отражая меньшевистскую концепцию их автора, — выхолащивают революционное содержание марксизма и диалектический материализм Маркса и Ленина, подменяют мешаниной из откровенно идеалистических и механистических настроений. Занимая определенную антиреволюционную политическую позицию, И. И. Рубин уклоняется от исследования проблем советского хозяйства и изучения современного империализма, «эмигрируя» от живой действительности, практики социалистического строительства и революционной борьбы мирового пролетариата в область абстракции и схоластики.

И несомненно, большую ошибку делают те товарищи (Борилин, Леонтьев и др.), которые, в основном правильно нащупав механистическую опасность в политической экономии, не сумели правильно нащупать опасность антимарксистских построений И. Рубина. Оказавшись в плену у рубинщины, они выдавали антимарксистские взгляды И. Рубина, как «углубляющие наше понимание марксистской политической экономики» (Борилин), как «развивающие и углубляющие» марксову политическую экономию (т.т. Коровой, Греблис и др.), как базирующиеся «на правильном понимании духа экономического учения Маркса и Ленина» (Леонтьев), как «строгую марксистскую» и т. д. Таким образом, вместо разоблачения антимарксистских взглядов И. Рубина, они выступили фактически их защитниками, способствуя их распространению. Признание сперва «отдельных неточностей» и «спорных» формулировок у И. Рубина, а затем наличия «системы идеалистических ошибок», наряду с оценкой его работ, как «строгих марксистских», не может быть характеризовано иначе, как непоследовательность, как эклектизм.

В связи с этим, редакция отмечает ошибочность позиции, занятой журналом «Под Знаменем Марксизма», который печатал как статьи И. Рубина, так и статьи его защитников в редакционном, а не дискуссионном порядке, тем самым взяв на себя ответственность за взгляды, развиваемые и защищаемые И. Рубиным.

Одновременно должны быть отмечены и ошибки, допущенные журналом «Проблемы Экономики», печатавшим в редакционном порядке отдельные статьи (Кон «Неск. замечаний о теории орг. капитализма»), хотя и направленные против теоретических взглядов представителей правого уклона, но фактически критиковавшие их с бухаринских же позиций.

Оторванность дискуссии по вопросам теоретической экономики от практики и живой действительности находит свое выражение, наконец, в том факте, что из поля зрения дискутирующих сторон выпал троцкизм, меньшевистская концепция которого представляет одну из серьезнейших опасностей как в деле социалистического строительства, так и во всей революционной борьбе мирового пролетариата.

Редакция констатирует, что, к сожалению, Коммунистическая Академия до настоящего времени оказалась в стороне от дискуссии, не

руководила ею, и в этом отношении не выполнила своей роли руководящего теоретического центра, на обязанности которого лежит в первую очередь разработка теоретических проблем экономики, особенно советской экономики. Между тем, именно в этой дискуссии руководство со стороны Коммунистической Академии было особенно необходимо. Надо надеяться, что Коммунистическая Академия сделает все нужное, чтобы усилить и направить теоретическую работу в политической экономике в соответствии с задачами и интересами международной социалистической революции.

Редакция считает, что печатаемой статьей гг. Милютина и Борилина дискуссия должна быть закончена и призывает экономистов-коммунистов переключиться на изучение вопросов социалистического строительства и империализма; такая теоретическая работа имеет огромное значение для строительства и социализма в нашей стране и для всего дела мирового коммунизма.

От редакции журнала „Плановое хозяйство“.

Статья «К разногласиям в политической экономике» и заявление редакции «Большевика» по поводу этой статьи имеет исключительно большое значение.

Длительная, пережившая самое себя, дискуссия по вопросам теоретической экономики сделалась в значительной степени бессодержательной. Руководящий партийный журнал «Большевик» с полным правом отмечает, что дискуссии должен быть положен конец.

Многих участников дискуссии интересовало и теперь еще интересует только абстрактная сторона вопросов, при чем действительно творческий абстрактно-теоретический метод Маркса и Ленина нередко подменяется словесной шелухой, напоминающей средневековую схоластику. Поэтому, публикуя напечатанные выше документы по вопросам теоретической дискуссии, к которым редакция журнала «Плановое хозяйство» присоединяется, мы считаем вместе с тем необходимым подчеркнуть, что уроки этой дискуссии, как и всякой другой, в основном заключаются в их классовом смысле и классовом содержании. Те, которые попытаются отрезать нити, связующие практику классовой борьбы с ее преломлением высоко-абстрактных построений, заранее обречены на воспроизведение в той или иной форме методологических и политических ошибок, аналогичных ошибкам и ревизионистской путанице механистов и идеалистов.

Кадры экономистов-коммунистов, убивших огромное количество энергии и времени на вопросы, крайне далекие от современных непосредственных боевых задач пролетариата, должны быть решительно и безоговорочно повернуты «лицом к проблемам советской экономики и современного империализма». Поворот этот будет способствовать консолидации сил, которая должна быть произведена не на основе беспринципных теоретических блоков, но на основе признания ошибавшимися товарищами своих «загибов» и ошибок, на основе последовательно-революционного применения учения Маркса — Энгельса и Ленина к теоретической разработке проблем, стоящих перед рабочим классом СССР и всего мира. Есть два пути: или углублять дальше ошибки и плодить оппортунизм во всех его видах, или действительно вооружать теорией практиков социалистического строительства и борцов за мировой коммунизм. Третьего не дано.

Монополистический капитализм и жизненный уровень рабочего класса

I.

Вопрос о том, как влияет образование монополий на высоту жизненного уровня рабочего класса, имеет свою историю. Незадолго перед войной он вызвал резкую полемику между К. Каутским и Генеральной комиссией германских профсоюзов. Каутский утверждал, что положение рабочих ухудшилось, а реформистские руководители профсоюзов старались доказывать обратное. В буржуазной экономической литературе эта проблема уже давно обсуждалась. Сторонники картелей и трестов утверждали, что положение рабочих под их влиянием улучшается, противники их доказывали обратное. Лифман защищал картели. Чирский (Kartelle und Trusts) правильно указал на то, что даже в генеральных забастовках, которые должны вместе с ростом организованности рабочих и предпринимателей стать тактикой будущего, положение предпринимателей по мере развития картелей несомненно усилится, так как более высокая прибыль, получаемая последними, дает им возможность дольше выдерживать в социальной войне.

Отчасти повторяя Чирского, отчасти еще более подчеркивая отрицательные стороны картельного движения, проф. Зинцгеймер писал в журнале Шмоллера (за 1909 г.):

«Снижение предпринимательской прибыли в производствах, которые оказываются более слабыми в конкуренции с другими предприятиями, заставляет предпринимателей прибегать к снижению заработной платы и ухудшению положения рабочих, чтобы и впредь получить прежнюю прибыль. Вызванное появлением картелей изменение в отношениях между покупателями и продавцами приводит и к ухудшению положения рабочих не только в более слабых отраслях промышленности, но и в более сильных (картелированных). Сверхприбыль, которую получают более сильные предприятия, дает им возможность выдерживать длительные забастовки рабочих. Благодаря своему положению картели выговаривают себе такие условия, которые не связывали бы их на случай забастовок. Их перевес по отношению к покупателям при определении цен дает им возможность устанавливать цены, которые могли бы покрыть расходы на амортизацию и проценты на капиталы во время бездействия предприятий. Богатую жатву, которую они пожинают, они используют для создания такого рода благотворительных обществ, которые только сковывают рабочих, отнимают у них свободу коалиций и передвижения».

Отклики этой полемики мы находим еще в сборнике, выпущенном германскими профсоюзами в 1917 г.: «Monopolfrage und Arbeiterklasse», где Кунов утверждает, что положение рабочих в картелированных предприятиях лучше, чем в некартелированных, а Янсон подчеркивает, наоборот, отрицательное влияние последних на положение рабочих. Е. Варга стал в этом споре на сторону тех, которые говорят, что положение рабочих улучшилось в период монополий. В своей книжке «Мировое Хозяйство» (М. 1922 г.) он пишет:

«Если мы обратимся к периоду капитализма, предшествовавшему началу мировой войны, то должны будем констатировать, что уровень жизненных условий промышленных рабочих в Западной Европе обнаруживает постоянное, хотя и прерываемое кризисами и очень медленное повышение»¹.

II.

В последнее время этот спор возобновился, но уже по отношению к послевоенному времени. Имеем ли мы после войны повышение жизненного уровня рабочего класса в связи с рационализацией или нет?

Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо сначала установить, что вызывает изменение высоты заработной платы.

Обычно думают, что изменение в положении рабочего класса зависит исключительно от степени организованности рабочих и предпринимателей. В последнее время Гильфердинг стал особенно подчеркивать, что высота зарплаты зависит исключительно от политической борьбы социал-демократии. На самом деле рост заработной платы является следствием не только политической борьбы, но и главным образом в результате изменений в использовании самой рабочей силы, возросшей интенсификации и производительности труда.

«Во всех приведенных мною случаях, говорит Маркс («Заработная плата, цена и прибыль», изд. 1918 г., стр. 4), а они составляют девяносто девять процентов всех случаев, мы видели, что борьба за повышение заработной платы является только следствием предшествовавших перемен, что она есть неизбежный результат предшествовавших изменений в массе производимых продуктов, в производительной силе труда, в ценности труда и денег, в напряженности труда рабочего, соответствующих колебаний рыночных цен, обусловленных колебаниями спроса и предложения и различными фазами промышленного круговорота».

Эта глубокая мысль Маркса как нельзя более оправдывается современной практикой. Путем, так называемой, «рационализации» предпринимателям удалось в короткий период времени так увеличить интенсивность труда и выжать столько нервов и соков из рабочего, как раньше в течение десятилетий. Трудно себе даже представить, какую революцию в этом отношении означает введение конвейера, непрерывной работы. И само собой разумеется, что повышение заработной платы на несколько процентов не может даже в отдаленной мере возместить усиленную трату энергии рабочим классом.

Возьмем Соед. Штаты, — хваленую страну «высокой заработной платы». Как обстоит дело там? Изданная Союзом предпринимателей работа о «Заработной плате в Соед. Штатах за 1919—1927 гг.» приводит на стр. 44 весьма поучительную таблицу, иллюстрирующую развитие производительности труда в американской промышленности. Оказывается, что производительность труда поднялась после войны быстрее, нежели механизация. Так, если данные за 1919 г. принять за 100, то соответственные данные за следующие переписи были:

Индексы развития механизации и производительности труда.

Г о д ы	Число рабочих	Общий объем производства	Производство на 1 рабочего	Механическая сила
1921	77,2	79,3	102,7	7,0
1923	97,5	122,1	125,2	112,8
1925	93,3	128,6	137,8	122,1

¹ Стр. 38.

Применение механической силы возросло на 22%, а средняя продукция на 1 рабочего — на 38%. Это подтверждает положение, высказанное нами еще в 1927 г., что капиталистическая «рационализация» сводится преимущественно к повышению интенсивности, к усиленной эксплуатации труда. Если теперь сопоставить движение реальной зарплаты с развитием производительности труда, то получается весьма поучительная картина. К сожалению, данные о зарплате этот источник приводит только со второй половины 1920 г. Между 1921 и 1925 г.г. реальная заработная плата всех рабочих увеличилась с 113 до 128 (июль 1914 г. = 100), т. е. на 13%. Производительность труда поднялась на 35%, а зарплата — на 13%!

Мы можем подойти к этому вопросу еще на основании других данных.

Так, по данным Министерства труда, которые приводятся в «Ежегодниках Министерства Торговли» производительность труда увеличилась в промышленности за годы 1919 по 1927 на 42%, а во всем народном хозяйстве — на 35%, а рост заработной платы в промышленности по цензам — на 11,7%, а с учетом понижения стоимости жизни — на 23,5%. Реальная зарплата организованных рабочих (недельная) выросла с 1919 по 1928 г.г. на 31%¹. За время от 1899 по 1925 г.г. производительность труда поднялась на 47%, а реальная зарплата по вычислениям Дугласа — на 28%, по сравнению с периодом 1890—1899 г.г. Кучинский даже исчисляет повышение реальной зарплаты с 1899 г. до 1927 г. всего на 21,8%, а производительность труда поднялась на 48,5%². Таким образом не подлежит никакому сомнению, что производительность труда поднялась гораздо быстрее, чем заработная плата, причем, как мы видели, преимущественно благодаря повышению интенсивности труда.

В сельском хозяйстве Соед. Штатов заработная плата еще в 1928 г. превышала довоенный уровень всего на 63%, в то время, как прожиточный минимум поднялся выше, чем на 70%. Реальная зарплата здесь ниже, чем до войны, между тем как производительность труда и здесь поднялась весьма значительно, с 1899 по 1925 г.г. на 61%, а с 1919 г. до 1927 г. на 29,5%. В данном случае противоречие между ростом зарплаты и производительностью труда выступает еще рельефнее.

В 1928 г. улучшения не наступило. По данным союза предпринимателей, зарплата в среднем осталась в 1928 г. на том же уровне, как в 1927 г. Почти такой же результат получается и из данных министерства труда. По последним данным, движение номинальной недельной зарплаты и прожиточного минимума было:

	Индекс недельной зарплаты промышл. рабочих ¹ июль 1924 г. = 100	Прожит. минимум (в декабре) 1913 г. = 100
1920	235,4	200,4
1921	188,0	174,3
1922	191,8	167,3
1923	211,3	171,0
1924	209,5	172,5
1925	214,8	177,9
1926	216,7	175,6
1927	217,1	172,0
1928	218,7	171,3

¹ «Commerce Yearbook» за 1929 г., стр. 70 и 83.² Производительность труда во всех областях увеличилась на 58,5—87%, — там же, стр. 32.³ Индекс номинальной зарплаты железнодорожников составил в 1928 г. — 200.

Номинальная зарплата все же ниже уровня 1920 г.; с 1923 г. почти не повышается (+3,5%); так как прожиточный минимум после некоторого повышения за годы 1925 и 1926 снова упал, то реальная зарплата несколько поднялась, но минимально. За это время (1923—1928 г.г.) индекс промышленной продукции показывает повышение на 10%, в то время как число занятых упало на 6%.

Словом, какие бы мы не приводили цифры, результат все один и тот же: производительность труда поднялась значительно быстрее, нежели зарплата. При этом еще не учтена растущая безработица. Действительно, выплаченная сумма зарплаты составила в 1928 г. только 98% той, которая была уплачена в 1923 г. Следовательно, о повышении жизненного уровня в связи с рационализацией не может быть и речи.

Не лучше, скорей хуже еще, обстоит дело в Германии. О движении заработной платы в Германии после войны мы имеем следующие данные:

	Средняя недельная зарплата.		
	Квалифицированных	Простых рабочих	Прожиточный минимум
1913	34,67	23,21	100,0
1925	40,29	30,48	139,8
1926	45,26	34,16	141,2
1927	46,55	35,54	147,6
1928	50,19	38,38	151,7
1929 (июль)	52,63	40,74	153,6

Если за исходный пункт взять начало 1925 г., когда инфляционный период закончился (в 1924 г. хозяйство еще пережило «кредитную инфляцию»), то до апреля 1929 г. зарплата поднялась у квалифицированных рабочих на 30,6%, а у неквалифицированных—на 33,6%. За это время прожиточный минимум увеличился кругло на 10%, так что реальная зарплата выросла на 20—24%.

А как обстоит дело с производительностью труда?

Вот несколько данных, характеризующих рост производительности труда за это время.

Производительность труда в горном деле Германии поднялась, согласно данным J. Kuczynski (Finanspolitische korrespondenz, 1929, № 42).

	Каменно-угольная промышлен.	Буроугольн. промышлен. 1927 г.=100	Железвал руда	Добыча олова, серебра и цинка
1924	75,0	63,9	67,9	77,6
1925	83,9	81,8	88,8	84,8
1926	99,6	87,3	90,5	94,9
1927	100,0	100,0	100,0	100,0
1928	102,8	109,8	102,7	121,4

В угольной промышленности производительность труда поднялась на $\frac{1}{3}$; в буроугольной—даже на 72%, в добыче железной руды—на 50%. Заработная плата в каменноугольной промышленности увеличилась с конца 1924 по 1928 г.г. на 31—33%.

Продукция на 1 рабочего превышала в 1927 г. соответственную продукцию 1925 г.¹

¹ Отчет Reichs Kreditgesellschaft за 1928/29 г.

В автомобильной промышленности	на 72%
На доменных печах	43%
„ производстве стали	42%
В машиностроительной промышленности	40%
На коксовых печах	37%
„ калийных предприятиях	30%
В угольной промышленности (на Руре)	20% (в 1928 г. — 25%)
На железных дорогах	18,7% (в 1928 г. — 25%)

Мы видим, что и здесь производительность труда развивается быстрее, нежели зарплата.

При этом не принята во внимание значительная безработица последних лет. За первые три квартала 1925 г. безработица была еще слабой, за первый квартал насчитывали 5,8% вполне и 4,3% частично безработных. За январь 1929 г. вполне безработных насчитывали 19,4%, а частично—8,7%, а в июне того же года—8,5% и 6,7%. Какое значение имеет безработица, как фактор, сокращающий зарплату, видно из вычислений молодого Кучинского. Оказывается, что благодаря безработице средняя зарплата должна быть сокращена в 1927 г. с 40,46 марок в неделю до 36,49 марок, в 1928 г. с 43,65 до 39,30 марок, а в июне 1929 г., когда безработица уменьшилась, зарплата все еще понижается с 46,18 до 41,47 марок, или на 11,3%. Значительная часть повышения реальной зарплаты теряется вследствие безработицы!

Кучинский считает, что в Германии на 6 квалифицированных рабочих приходится 10 неквалифицированных. Если исходить из такой пропорции и для довоенного времени, то зарплата в 1913 г. составила 27,5 марок в неделю. В июне 1929 г. она поднялась до 46,18 марок, или на 68%, при повышении стоимости средств существования на 53,4%. Если же взять фактическую зарплату в 41,47 марок, то теперешний уровень зарплаты всего на 50,9% превышает довоенный. Другими словами: фактическая зарплата немецкого рабочего все еще ниже довоенного уровня, составляя 98% его. Можно ли после этого говорить о том, что жизненный уровень рабочих поднялся?!

О положении рабочих в Англии после войны в этом отношении судить труднее, так как мы не имеем данных о производительности труда. Если исходить, с одной стороны, из индекса продукции, а с другой—из числа застрахованных рабочих, то мы получим следующую картину.

Индекс продукции промышленности и горного дела составляет в июне 1929 г. 111,9 по сравнению с 1927 г. Число застрахованных рабочих, не считая транспорта и государственных предприятий, увеличилось с июля 1923 г. по июль 1929 г. на 6,67. Судя по этим данным надо полагать, что производительность труда несколько выросла. Что касается движения зарплаты, то, приводя ряд анкетных данных о зарплате в важнейших областях английской промышленности за 1924 и 1928 г.г.—M. of Labour gazette (за 1929 г., стр. 353 и 401) замечает: «В огромном большинстве отраслей промышленности средний уровень недельной зарплаты мало изменился между октябрём 1927 г. и октябрём 1928 г.». То же подтверждается подсчётами Боули.

Более точные данные имеем об угольной промышленности.

Здесь мы имеем значительный рост производительности труда. За первый квартал каждого года добыча угля на 1 рабочего составила английских центнеров:

1924	17,79
1925	17,98
1926	18,46
1927	20,66
1928	21,24
1929	22,13

Средняя добыча поднялась на 24%. Если даже считать, что частью это обстоятельство объясняется переходом на лучшие копи и применением лучших способов обработки, то и тогда несомненным остается факт повышенной интенсивности труда. А как развивалась

зарплата? Она составила на 1 смену: за первый квартал 1924 г. 10 ш. и 2,82 пенса, 1926 г. — 10 ш. и 4,79 пенса, а за первый квартал 1929 г. — 9 ш. 2,59 пенса. Падение номинальной зарплаты больше чем на 10%. Понижение прожиточного минимума составило всего несколько процентов, с 176 до 164 или на 6,8%. Одновременно число занятых уменьшилось с 1.112,3 до 897 тыс., следовательно, почти на 20%. Пала и реальная зарплата при повышении производительности труда.

Исследовательское Бюро английской рабочей партии исчисляет реальную зарплату английских рабочих, принимая во внимание и безработицу. Мы приводим здесь только основные данные:

Индекс реальной зарплаты в Англии.

	Номинал.	% заня- тости	Денежная плата с уче- том безраб.	Прожиточ- ный минимум	Реальная зарплата
1900	100	96,5	100	100	100,0
1907	102,2	94,4	100	103	97,0
1914 (июль)	107,8	97,6	109	110	99,1
1920	297	92,2	284	296	95,9
1924	186	86,4	172	199	86,4
1925	189	89,9	176	195	99,2
1926	189	88,3	173	197	87,8
1927	186	90,2	174	186	94,6
1928 (сент.)	186	98,5	170,5	182	93,6

Прежде всего стоит отметить, что реальная зарплата за период 1907 по 1924 г.г. упала, хотя по вычислениям Шварца, за март 1929 г. производительность труда в промышленности поднялась на 11%.

Далее, по сравнению с зарплатой в 1924 г., мы имеем в 1928 г. некоторое повышение; но уровень зарплаты в 1920 г. еще не достигнут; по отношению к довоенному уровню мы имеем даже резкое понижение, хотя производительность труда стоит теперь выше, чем до войны.

Косвенным доказательством ухудшения положения народных масс можно считать уменьшение рождаемости. В the America journal of Sociology от мая 1929 г. мы находим сопоставление движения населения за послевоенные годы с довоенными, которые мы дополняем последними данными, взятыми из публикаций Германского статистического комитета. По этим данным получается понижение прироста населения в главных странах, не исключая даже САСШ. Так, движение было:

		1908/13 г.	1920/23 г.	1924/26 г.	1927 г.	1928 г.	1 квартал 1929 г.
На 100 жителей приходилось:							
Англия и Уэльс	Рождаемость	24,9	22,0	18,3	16,7	16,7	16,5
	Смертность	14,1	12,2	12,0	12,3	11,7	21,0
	Прирост	10,8	9,8	6,2	4,4	5,0	-4,5
Франция	Рождаемость	19,5	20,1	18,8	18,1	18,2	18,4
	Смертность	18,6	17,3	17,2	16,5	16,5	25,2
	Прирост	0,9	2,8	1,6	1,6	1,7	-6,8
Германия	Рождаемость	29,5	23,8	20,0	18,3	18,6	18,8
	Смертность	16,5	14,3	11,8	12,0	11,6	17,0
	Прирост	13,0	9,5	8,2	6,3	7,0	1,9

		1908/13 г.	1920/23 г.	1924/26 г.	1927 г.	1928 г.	1 квартал 1929 г.
На 100 жителей приходилось:							
Бельгия	Рождаемость	23,4	21,2	19,6	18,2	18,3	—
	Смертность	15,7	13,6	13,1	13,0	12,8	—
	Прирост	7,7	7,6	6,5	5,2	5,5	—
Швейцария	Рождаемость	24,7	20,2	18,4	17,4	17,7	18,0
	Смертность	15,2	13,0	12,1	12,3	12,0	16,2
	Прирост	9,5	7,2	6,3	5,1	5,3	1,8
САСШ	Рождаемость	24,8	23,2	21,5	20,4	20,6	—
	Смертность	15,9	12,3	11,9	11,4	12,2	—
	Прирост	8,9	10,9	9,6	9,0	8,4	—

Каждый исторический период имеет свой закон народонаселения. Послевоенный период капитализма характеризуется почти закономерными падением прироста населения. Говорит ли это о повышении жизненного уровня? Мы сомневаемся и склонны думать, что именно большая сложность борьбы за существование в наше время, чем до войны, приводит к уменьшению числа браков и рождаемости.

Что касается потребления, то оно в некоторых областях показывает рост, но только в немногих оно превзошло довоенный уровень.

Так, в Германии потребление хлеба (пшеницы и ржи) составило в 1913/14 г. 248,9 кг на душу, а в 1927/28 г. — всего 191,2 кг. Потребление картофеля уменьшилось с 700 до 498 кг. Потребление мяса и сахара, наоборот, несколько увеличилось, мяса с 1913 по 1927 г.г. с 49,49 до 49,95 кг, а сахара с 18,99 до 23,02 кг. Рост потребления этих продуктов может быть результатом перехода части населения из деревни в город. Затем сахар употребляется в производстве различных продуктов, которые вывозятся, и в данном подсчете не приняты во внимание. Во всяком случае, и эти данные не говорят о повышении жизненного уровня после войны.

Пути индустриализации строительства

В проблеме перспективного плана (мы умышленно не называем его ходячим термином «пятилетки», так как рассчитываем, что он превратится в «четырёхлетку»), так называемое, «чистое строительство», т.-е. возведение неподвижных сооружений и зданий, занимает огромное место как по абсолютному размеру вложений, так и по удельному весу. Достаточно сказать, что по принятому правительством плану за все время выполнения последнего, общий объём вложений в чистое строительство определяется в 45 млрд. руб. (в ценах 1926/27 г.), что соответствует 60% всех капитальных вложений за тот же срок. И все же, несмотря на эту огромность размаха строительного дела, отнюдь нельзя считать, что вложения в последнее соответствуют действительной потребности в нем; такие крупные отрасли строительства, как жилищное, коммунальное, лечебно-санитарное и дорожное, еще далеко отстают по темпу роста от промышленности железнодорожного транспорта, сельского хозяйства, торговли и просвещения. Отстают просто потому, что необходимо сосредоточить в первую очередь внимание и средства на наиболее ударных моментах, во избежание недопустимого распыления.

Но отсюда вытекает тот неоспоримый вывод, что по выполнении программы перспективного плана строительство будет развиваться с еще большей интенсивностью, с одной стороны, продолжая в наиболее передовых отраслях хозяйства принятый темп, а с другой—усиленно наверстывая упущенные в отсталых отраслях вложения, которые должны будут пойти с еще невиданной быстротой.

Таким образом, если темпы «пятилетки» вообще являются лишь началом гораздо более быстрого развития социалистического государства в последующий период, то в гораздо большей степени это должно быть отнесено к строительству. Поэтому, для него предстоящие годы имеют исключительно важное значение, не только в отношении выполнения плана ими охватываемого, но и как подготовка к несравненно более обширным задачам.

Для выполнения в срок этих задач, начиная с сегодняшнего дня, необходимо непрерывное и быстрое возрастание темпа строительства при одновременной максимальной эффективности делаемых в последнее вложений.

Чтобы эти установки были действительно претворены в жизнь, а не остались лишь благими начинаниями, обязательным условием является полный переворот внутри самого строительства, переворот, заключающийся в индустриализации строительного дела.

На этот путь мы уже встали, и главнейшие современные постройки более или менее далеко ушли от той кустарщины, которая еще так недавно была характерной для всякого строительного производства. Но это—только первые шаги, так как в среднем мы еще страшно отстали от заграницы в области индустриализации строительства, а именно здесь мы должны в самый короткий срок догнать и перегнать. Что это возможно сделать—показывает пример Днепростроя; но ведь последний представляет собой лишь небольшой участок огромного строительного фронта и необходимость проводить индустриализацию всей линии последнего и составляет основную трудность как в смысле размеров потребных вложений, так и в смысле обеспечения надлежащими кадрами.

Понятие «индустриализация» в его чистом виде, т. е. непрерывное массовое машинное производство в закрытом помещении, далеко не всегда приложимо к различным отраслям народного хозяйства, в силу свойственных им особенностей. К числу таких отраслей относятся и строительство, в котором осуществлению полной индустриализации мешают весьма многие факторы. К числу последних относятся: неизбежная краткосрочность выполнения отдельных построек, разбросанность их, необходимость составления сооружений из отдельных, иногда очень мелких, элементов, крайнее разнообразие сооружений по целевым объектам и в пределах последних—по размерам, необходимая индивидуализация в зависимости от топографических, геологических и климатических условий, наконец, влияние холода на производство работ.

Но если перечисленные факторы мешают провести идею строительной индустриализации в ее чистом виде, то возможное приближение к ней вполне осуществимо и его-то мы и будем в дальнейшем называть «индустриализацией строительного дела».

Прежде чем говорить о том, по каким линиям оно должно идти и в какой мере, какими путями устраняются вышеуказанные препятствия, следует подчеркнуть, что основным исходным пунктом для проведения в жизнь индустриализации строительства является, помимо надлежащей организации, правильный выбор конструкций и требований, предъявляемые к ним; возможность применения стандартных частей или даже целых сооружений; методы производства работ; возможность механизации их; возможность эффективного производства работ в холодное время; количество и характер потребной рабочей силы и персонала.

Отсюда ясно, какое огромное значение для строительного дела имеет проектирование и какие высокие требования должны предъявляться к нему, требования не только, так называемой, технической целесообразности, но удовлетворяющие гораздо более широкому кругу. А в орбиту последнего должны войти такие факторы, которые никак не позволяют успокоиться на некотором общем шаблоне, но требуют индивидуального учета многих особенностей, свойственных строительному делу. Не будем утомлять читателя перечислением их всех и ограничимся указанием двух, наиболее характерных. Первая из них заключается в том, что огромное разнообразие материалов, могущих применяться в строительном деле, иногда делает наиболее эффективным выбор материала менее совершенного, но зато находящегося на месте работ или вблизи его, в соответствии с чем меняется и конструкция. Вторая особенность касается эволюционности строительства, т. е. возможности постепенного расширения и улучшения

первоначально построенных сооружений или последующей полной замены их более совершенными, при чем в последнем случае предполагается выбор наиболее простой и дешевой, хотя бы недолговечной конструкции для первоначально устанавливаемого сооружения.

Индустриализация производства на сооружениях различной конструкции из различных материалов должна идти по следующим линиям:

- а) массовость производства;
- б) тесно связанная с ней стандартизация;
- в) непрерывность производства в течение круглого года;
- г) сокращение числа строительных процессов, выполняемых на открытом воздухе;
- д) механизация строительных процессов и внутристроительного транспорта;
- е) обеспечение наиболее подходящими материалами;
- ж) подготовка соответствующих кадров;
- з) устранение перерывов между работой на отдельных постройках.

Массовость производства настолько тесно связана со стандартизацией, что их удобнее всего рассматривать вместе. Здесь можно установить следующие основные категории:

- а) стандартное изготовление оборудования—строительных механизмов, ручного инструмента и разных приборов вроде переносных печей и т. д.; распространяться о значении этой меры не приходится;
- б) массовое заводское изготовление материала по определенным стандартам, установленным не только в отношении размеров, но и качества; здесь уже мы входим в область промышленности строительных материалов, одинаковой со всякой заводской промышленностью; как и всюду, в последней размеры производства отдельных заводов ограничиваются наличием сырьевых ресурсов и допустимым радиусом перевозок, который в данном случае в виду громоздкости многих материалов имеет особое значение. Сюда должен быть добавлен и переход на массовое производство добычи таких первичных материалов, как песок, гравий и камень, вместе с обработкой их (промывка, раздробление камня в щебень, отеска облицовочного камня и т. п.). В Соед. Штатах объектом массового заводского производства стал и бетон, который доставляется потребителям не только внутри больших городов, но и вне их, на расстояние до 40 км, помощью специально приспособленных грузовиков; разумеется, это возможно лишь там, где потребление бетона очень велико;

- в) массовое заводское изготовление стандартных частей, весьма распространенное за границей, теперь прививается и у нас; эти части сравнительно редко применяются для инженерных сооружений, тогда как для зданий любой конструкции заводское изготовление стандартных частей дверей, окон, лестниц, вентиляции, отопления, канализации, внутренней отделки комнат и т. д., имеет прямой смысл и может получить огромное развитие. Еще большее значение стандартизация и массовое изготовление имеют в зданиях каркасной металлической конструкции, т. е. имеющих все стены и перекрытия этажей сделанными из стального остова, воспринимающего все усилия, проявляющиеся в здании от нагрузки, ветра и т. д. и заполненного различным материалом (рис. 1 и 2); разумеется, стропила кровли также делаются стальными. Эти конструкции уже давно применялись в Соед. Штатах для постройки небоскребов, но теперь к ней прибегают для возведения и более низких домов; характерно, что в Германии

она получила права гражданства даже для трехэтажных зданий. Составные части каркаса, естественно, вполне поддаются стандартизации. В этом отношении железобетонный каркас, широко распространенный в Соед. Штатах и в западно-европейских странах для зданий средней величины, а теперь приживающийся у нас, уступает металлическому. Зато здания с деревянным каркасом еще более поддаются стандартизации, так как последняя захватывает и заполнение стен, в результате чего стало возможным заводское изготовление целых деревянных стандартных домиков, могущих в разобранном виде пересылаться на самые дальние расстояния. Характерно, что деревянные каркасные конструкции широко применяются в Соед. Штатах и для устройства промышленных зданий (напр., текстильные фабрики), складов и т. п.;

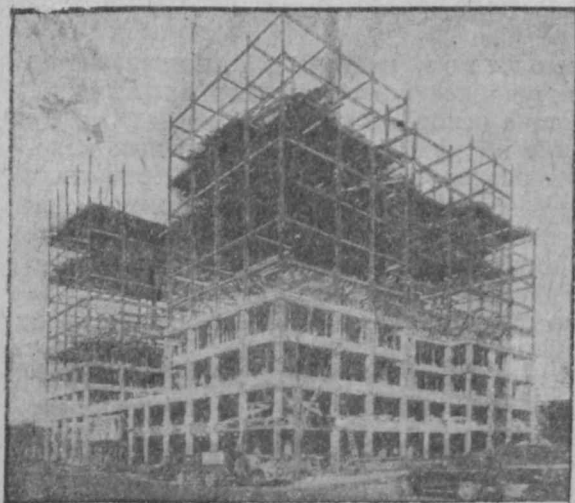

Рис. 1.

Рис. 2.

г) массовое изготовление материалов и стандартных частей в пределах самого учреждения или предприятия, производящего строительство, может иметь место, разумеется, лишь там, где размеры последнего это оправдывают; подобное производство не должно быть сложным и выгодность его обуславливается преимущественно возможностью использовать местное сырье при дальности и дороговизне транспорта; помимо того, специфичность некоторых материалов, требуемых именно для данного строительства, может дать импульс к организации подобного «внутристроительного» массового производства.

Непрерывность производства работ в пределах данной постройки является одним из существеннейших моментов индустриализации строительства, так как она не только ускоряет темп последнего, но и позволяет равномерно распределить в течение года ту массу строительных рабочих, которая при современной сезонности остается без занятий по специальности в течение около полугода. Доказывать не то, что неудобство, а прямой вред сезонности здесь излишне; достаточно подчеркнуть, что она является одним

из самых существенных дефектов прошлого и современного строительного производства¹.

Принято думать, что самая природа строительства противится непрерывной работе в нем; в известных пределах это правильно, но человеческие воля и ум для того и существуют, чтобы в наибольшей степени подобные препятствия преодолевать. В данном случае целый ряд работ может производиться в течение круглого года, не говоря уже о работах по внутренней отделке зданий; сюда относятся работы плотничные, свайные, фашинные, металлические и взрывные. Конечно, влияние холода и ветра неблагоприятно отзывается на условиях труда рабочих, понижая его производительность, но это—неизбежное зло всякой зимней работы на открытом воздухе, которое можно устранить только перенесением возможно большего числа строительных процессов в закрытое помещение и возможно широким применением механизации для тех работ, которые этому перенесению не поддаются.

Иначе обстоит дело с каменной кладкой, составляющей один из важнейших элементов зданий и сооружений; в ней преждевременное замерзание раствора влечет за собой самые пагубные последствия и это заставило строителей еще давно, в случае острой необходимости возведения каменных сооружений зимой, прибегать к устройству «тепляков», т. е. отапливаемых деревянных чехлов над возводимым зданием или сооружением. Разумеется, устройство тепляка, его отопление и содержание ложатся лишним накладным расходом на стоимость кладки, почему к нему прибегали лишь в исключительных случаях; этот расход тем больше, чем выше сооружение и чем больше площадь тепляка, но для сооружений невысоких, значительная часть которых находится в земле (напр., фундаменты стен, подпорные стенки), расходы на тепляки невелики, особенно если возможно производить работу участками, перенося тепляк с одного участка на другой, и в значительной степени компенсируются теми выгодами от непрерывной работы, о которых сказано ниже. За границей, особенно в Сев. Америке, где сейчас определенно проявляется тенденция к производству каменных работ в течение круглого года, пришлось искать более дешевых способов. Для массивных инженерных сооружений (плотины, опоры мостов и т. д.) в Соед. Штатах и Канаде было использовано ценное свойство бетона, давным давно, вследствие возможности широкой механизации, вытеснившего там бутовую кладку, свойство, заключающееся в том, что после укладки в бетоне развивается весьма высокая температура, держащаяся в нем довольно долгое время. Это позволило не строить тепляков, а ограничиться предварительным нагреванием материалов (песок, щебень или гравий, вода) и прикрытием на ночь уже уложенного бетона; иногда это прикрытие делается просто из соломы или навоза, но чаще для него применяются брезенты, натянутые на козлах и образующие, таким образом, нечто вроде легкого тепляка, внутри которого поставлены переносные печи.

Подобный способ не применим для бетона, имеющего малую толщину, в частности—для железобетона, и, конечно, для тонких слоев раствора в кирпичной или бутовой кладке. Поэтому для постройки зданий американцы прибегли к помощи передвижных парусиновых или брезентовых тепляков, которые закрывают лишь тот этаж, в котором производится работа, и еще—один нижележащий. В этом теп-

¹ Конечно, так называемое, «продление строительного сезона», когда рабочий по специальности сидит без дела не 6, а 4—5 месяцев в году, существенных сдвигов в данном направлении не вызывает и не в нем надо искать выхода.

ляке возводится железобетонный каркас, столь употребительный в Америке, и железобетонные междуэтажные перекрытия, равно как и заполнение стен. При металлическом каркасе устройство тепляка чрезвычайно облегчается и его роль становится гораздо менее ответственной.

Очень суровые зимы, разумеется, усложняют и удорожают только что описанные американские методы работы. Для больших бетонных масс наиболее выгодным решением может оказаться применение, так называемых, быстросхватывающихся цементов, твердение которых идет гораздо быстрее, чем у нормального цемента, и которые развивают более высокую температуру при этом процессе. Особенно выдаются в указанном отношении глиноземистые (бокситовые) цементы, но стоимость их пока очень высока. Для возведения зданий наиболее выгодной является система с металлическим каркасом, к которому легко прилаживаются элементы даже деревянного тепляка; при возведении железобетонного каркаса применение для него быстросхватывающихся цементов может сыграть существенную роль в смысле допущения легких конструкций тепляков даже при суровых зимах.

Несомненно, что зимнее производство каменных работ, включая сюда бетон и железобетон, при всяких условиях вызывает ряд накладных расходов, иногда довольно значительных. Эти расходы в той или иной степени свойственны всем зимним строительным работам, но известная, а иногда и полная компенсация их также имеет место. Мы уже не говорим об ускорении готовности сооружения и о большей равномерности распределения по временам года потребления материала и рабочей силы, так как эти достижения и являются целью зимних работ. Но, помимо того, производство последних позволяет наилучшим образом использовать технический персонал и не оставляет лежать мертвым капиталом в течение зимы все строительное оборудование; далее, для работ в течение круглого года неизбежно отбираются лучшие кадры строительных рабочих, квалификацию которых, вдобавок, постоянная работа может только улучшить; наконец, в виду неизбежной пространственной сжатости зимних работ по сравнению с летними, технический надзор за ними всегда производится гораздо тщательнее, особенно при производстве каменной, бетонной и железобетонной кладки, в виду огромной ответственности, связанной с ее зимним выполнением.

Зимой на всякое промышленное производство (кроме «горячих») падают лишние накладные расходы в виде стоимости отопления и более длительного освещения; поэтому нет ничего удивительного, что то же имеет место и в строительном производстве. Важно лишь, чтобы в последнем сумма накладных расходов не превышала прямых и косвенных сбережений, но во многих случаях последние так велики, что настоятельно требуют ухода от сезонной работы.

В социалистической стране, где возможно и необходимо государственное регулирование строительного производства, следует выделить особо те районы, где зимнее производство каменных и тому подобных работ является обязательным хотя бы для некоторых категорий сооружений, при чем и в ряде других местностей оно может быть применено с успехом при наличии достаточно подходящих условий. Но для проведения в жизнь этой меры в широком масштабе необходимо, с одной стороны, установить наиболее подходящие конструкции и соответственные методы производства работ, а с другой, усилить производство и добычу строительных материалов в зимние месяцы.

Мы несколько дольше остановились на каменных работах, как наиболее трудных и сложных для зимнего производства; что же касается земляных работ, то механическое их выполнение (экскаваторами разных типов) не влечет никаких трудностей по сравнению с летним временем, кроме неизбежно связанных со всякой зимней работой, а в глинистых грунтах — и некоторого понижения производительности экскаваторов. Поэтому, рытье всякого рода выемок может производиться зимой вполне успешно, но зато возведение насыпей, кроме каменных и крупнопесчаных, крайне нежелательно, так как замерзший грунт делает насыпь весьма неустойчивой и притом на целые годы требуя серьезных мер для осушения насыпи.

Таким образом, значительную часть земляных работ следует исключить из числа возможных к зимнему производству; то же приходится сказать буквально о всех видах мостовых, так как укладка их на замерзший грунт недопустима. Конечно, экстренная нужда может потребовать и зимнего возведения насыпи, и зимнего устройства мостовой, но на эти случаи надо смотреть как на весьма нежелательные.

Сокращение числа строительных процессов, производимых на открытом воздухе, естественно, облегчает производство работ в течение круглого года, не говоря уже о меньшей затрате рабочей силы при какой угодно погоде. К осуществлению этой задачи следует идти двумя путями, первым из которых является производство части работ в закрытом помещении; это в значительной мере достигается уже указанным выше массовым производством элементов сооружений, но даже и в таком случае подобные элементы могут нуждаться в дополнительной сборке перед установкой на место, что чаще всего обуславливается условиями транспорта. Например, партия вполне готовых и собранных оконных и дверных рам занимает огромное место, но та же партия будет очень компактно уложена при перевозке, если каждую раму разобрать на отдельные косяки. Это настолько выгодно даже при перевозках на короткие расстояния, что за границей, как общее правило, и ограничиваются изготовлением простейших стандартных частей, предоставляя сборку их строителю. В данном примере, очевидно, имеет прямой смысл устроить даже при не очень большой постройке закрытую столярную мастерскую по сборке рам и т. п., так что на открытом воздухе будет производиться лишь установка на место. Вполне понятно, что подачу к самому месту работ чрезвычайно важно иметь механизированную.

Помимо того в закрытом помещении могут изготовляться и крупные элементы из бетона и некоторых других материалов, требующих лишь простейшей формовки, поскольку доставка готовых элементов оказывается неудобной или невыгодной.

Другой способ сокращения числа строительных процессов, производимых на открытом воздухе, заключается или в применении бетона и ему подобных материалов, прямо выливаемых в заранее составленные формы (иногда — с последующим искусственным уплотнением), или в возможном укрупнении отдельных элементов сооружения, чтобы свести всю постройку к крупному монтажу, вместо монтажа массы мелких частей, которым характеризуются прежние методы постройки. Для зданий в этом отношении огромную роль играют каркасные конструкции; в них уже самый каркас состоит или из крупных стальных частей, легко собираемых, или из быстро отливаемого на месте железобетона. А так как все усилия воспринимаются каркасом, то заполнение стен может делаться из очень легких искусственных камней, обладающих слабой сопротивляемостью и потому недопусти-

мых в обыкновенных конструкциях, но зато позволяющих придать им несравненно большие размеры, чем, скажем, обыкновенный кирпич, вес которого может являться критерием веса, допустимого для одного искусственного камня, укладываемого на место вручную. Поэтому-то здесь могут иметь широкое применение пустотелые камни из гончарной глины или из разных сортов бетона, имеющие огромную будущность газобетонные ¹ камни и т. д.

Такие большеобъемные элементы стен, помимо ускорения процесса работ и меньшей затраты рабочей силы, требуют и меньшего количества раствора. Поэтому даже при обыкновенной конструкции следует стремиться к их применению, полному или частичному; в этом направлении, повидимому, сделан очень серьезный шаг в Германии

Рис. 3.

введением, так называемого, многодырчатого кирпича, позволяющего увеличить объем отдельных кирпичей в $1\frac{1}{2}$ —2 раза, без значительного ослабления прочности и без осложнений в самом производстве кирпича.

Механизация строительных процессов и внутристроительного транспорта приобретает с каждым годом все большее значение за границей; уже из изложенного выше видно, какое огромное значение она имеет для зимних работ, для подачи на место готовых крупных элементов сооружений и т. д. Можно сказать, что теперь во всяком строительном процессе механизации поддается хоть часть его, а во многих случаях допустима полная механизации (бетонные, земляные, свайные работы). Механизация же

¹ т. е. сделанные из бетона с особыми примесями, вызывающими образование внутри его мелких воздушных пузырьков.

Рис. 4.

транспорта как в отношении подачи материала к месту строительства, так и внутри последнего по горизонтальному и, особенно, вертикальному направлениям, стала обязательным условием всякой рационально поставленной работы.

Вот это универсальное применение машин для строительного дела и есть одно из главнейших условий индустриализации строительства. У нас сделаны по этому пути лишь первые шаги, направленные, главным образом, к механизации крупных работ. Но надо идти гораздо дальше, стремясь механизировать и работы мелкие. Достаточно указать, как на очень характерный пример, на приспособление для забивки свай; у нас уже очень давно применяются для этой цели паровые бабы, но лишь большого веса (нередко не менее 600 кг);

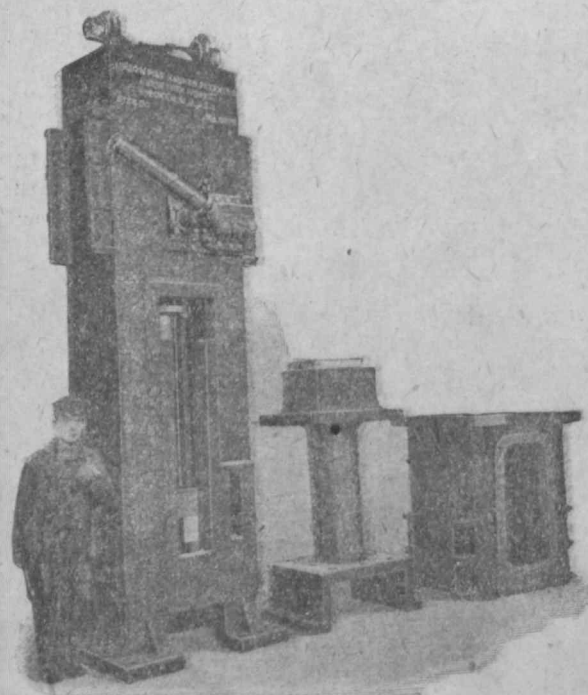

Рис. 5.

Рис. 6.

в Америке минимальный вес бабы—около 40 кг, но зато баба эта двойного действия, благодаря которому ее ударная часть оказывает гораздо более сильное действие на сваи, чем можно было бы ожидать при таком весе, а частота ударов доходит до 550 в минуту, т.е. раз в 30 больше, чем у тяжелой бабы простого действия. Подобная легкая баба позволяет применять совершенно иные системы ограждения при рытье канав, рвов для фундаментов и т. д., чем у нас. Аналогичных примеров можно привести сколько угодно не только по отношению к механизации строительных процессов, но и к механизации транспорта горизонтального и вертикального.

На тему о механизации можно было бы написать еще много, но для читателя наиболее ясное понятие о ней и ее масштабах дадут нижепомещенные рисунки.

На рис. 3 и 4 изображены некоторые элементы широкой механизации, примененные на Днепрострое и давшие те блестящие результа-

ты, которые известны теперь каждому в советской стране; на рис. 3 видна подача бетона, изготовленного полностью механизированно на заводе и подвезенного поездом в специальных огромных бадьях, помощью, так называемых, паровозных кранов, к верхней части плотины; на рис. 4 виден целый лес кранов-дерриков, таким же порядком подающих бетон к нижней части плотины.

Рис. 5—7 иллюстрируют приведенный выше пример американских баб для забивки свай: на рис. 5 изображена паровая баба, величайшая в мире, весом 10.000 кг¹ (10 т), предназначенная для забивки только гигантских железобетонных свай, применяемых почти исключительно в портовых сооружениях, а на рис. 6—«карликовая» баба весом 44 кг, действующая сжатым воздухом. На рис. 7 видно, как просто управляется рабочий с карликовой бабой без помощи копра, составляющего у нас непременную принадлежность свайных работ и действительно необходимого, хотя бы в простейшем виде (крана), для баб весом свыше, примерно, 100 кг.

Рис. 7.

Рис. 8 показывает бетономешалку с конвейером для подачи бетона на место его укладки; здесь весь процесс смешивания и подачи механизирован до крайних пределов. На рис. 9 показан легкий экскаватор (так называемый, траншейный), применяемый для рытья рвов, канав и т. д., с емкостью ковша около 0,3 куб. м, а на рис. 10—мощный экскаватор-д্রেглайнер для крупных земляных работ, емкостью ковша 3,5 куб. м.

Упомянутая выше «карликовая баба» служит до известной степени переходом к наиболее легкому звену механизации—к, так называемому, «механизированному инструменту», т.е. к таким мелким механизмам, которые свободно переносятся с места на место одним человеком и им направляются. Эти инструменты получили и у нас известное применение (напр., по малярным работам), но, конечно, дальнейшее их распространение крайне необходимо, как завершающее широкий охват механизацией. То, что осталось вне последнего, должно

¹ Не считая веса подставки, показанной рядом с бабой; с правой стороны показано приспособление для некоторых специальных случаев при забивке свай.

быть рационализировано в смысле применения более совершенных ручных инструментов, чем у нас, и в соответствии с этим—и видоизменения приемов работы.

Применение соответствующих материалов есть одна из основных предпосылок индустриализации строительства; в предыдущем изложении это важное значение материалов выявлялось

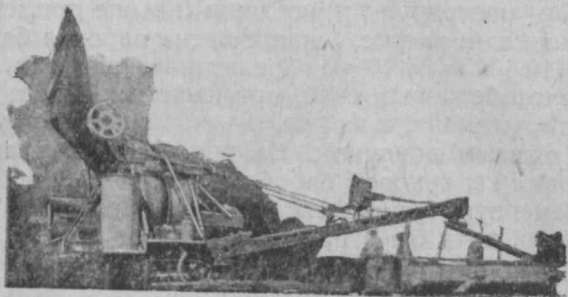

Рис. 8.

неоднократно, и здесь можно ограничиться очень немногими словами по данному вопросу.

В основу индустриализации строительства должны быть положены цемент, сталь и лес.

Рис. 9.

Цемент важен благодаря своему быстрому твердению, значительной окончательной крепости и возможности использовать его для самых разнообразных целей; цемент служит основой для таких универсальных материалов как бетон и железобетон, без которых индустриализация строительства была бы просто невозможной, как это достаточно выяснено в описании ее основных технических путей. Современная технология позволяет применять, наряду с обычным портланд-цементом, иные сорта, более или менее эквивалентные ему, т.е. в неко-

торых отношениях ему уступающие, в некоторых превосходящие (шлако-цемент, шлаковый цемент, пуццолановый цемент и т. д.). Их выработка, наряду с портланд-цементом, вполне целесообразна, в значительной мере обуславливаясь соображениями экономики их производства, так как строительная техника требует применения, скажем, шлаковых цементов лишь в некоторых специальных случаях. Особую группу составляют уже упомянутые ранее быстротвердеющие цементы (высокосортный портланд-цемент и глиноземистые цементы), применение которых, наоборот, вызывается исключительно требованиями строительной техники. Значение подобных цементов огромно для гидротехнических сооружений и для тех случаев, когда требуется в очень скором времени подвергнуть сооружение значительным усилиям; о значении их для зимних работ уже сказано.

Рис. 10.

Совершенно естественно, что тот быстрый темп окончания сооружений, который неразрывно связан с индустриализацией строительства, исключает возможность широкого применения таких растворов, как известковый, и ему подобных. Известь может лишь примешиваться к цементу при постройке зданий из отдельных камней, для удешевления раствора и для придания ему большей пластичности, облегчающей работу; второе применение извести—для штукатурки зданий, чаще всего—с различными примесями.

Так называемая, строительная сталь играет не менее важную роль в индустриализованном строительстве, применяясь или как самостоятельный материал для всякого рода перекрытий большого пролета (мосты, стропила и т. д.), для каркаса стен зданий, для самых разнообразных подвижных элементов зданий и сооружений и т. д., или в качестве составной части железобетона, область применения которого можно считать универсальной. Огромное сопротивление внешним усилиям, быстрота сборки и относительная легкость делают металлические конструкции во многих случаях незаменимыми; введение высококачественной стали открывает еще новые горизонты в этом направлении. Те же качества, в связи с обязательной предварительной заводской

обработкой и возможностью сборки в любое время года, соответствуют требованиям, предъявляемым индустриализацией. Железобетон, т.е. бетон, внутри которого заделаны металлические прутья или проволока, является в смысле сопротивления внешним усилиям средним между обоими металлами; этим и объясняется большая универсальность его применения, чем бетона и железа (или стали) в отдельности. Уступая бетону в смысле крайней простоты производства работ, он тем не менее является одним из материалов, наиболее соответствующих требованиям индустриализации.

Этим требованиям во всех отношениях поддается и дерево, по сие время служащее важным элементом строительства в качестве не только подсобного материала (формы, подмости и т. д.), но и основного (напр., сваи, каркасы некоторых построек). Разумеется, для индустриализованного строительства дерево должно быть хорошего качества и в первую очередь — сухим; распространение дерева в качестве основного материала для сооружений может быть значительно увеличено путем пропитки различными противогнильными веществами, к сожалению, у нас очень мало распространенной, за исключением железнодорожных шпал.

Перечисленные материалы являются основными для инженерных сооружений, с добавкой извечного материала — земли, особенно в отношении разработки которой в отношении индустриализации уже отмечены выше.

Но при постройке гражданских сооружений приходится считаться с еще многими материалами (для устройства стен, кровель, полов и т. д.), которые требуют не только прочности, но и теплоупорности, совместно со звукоупорностью.

В большей или меньшей степени этим требованиям может удовлетворять бесконечное число материалов, но из них для индустриализованного строительства подходят только: а) большеобъемные легкие камни, обладающие указанными свойствами, хотя бы для их применения требовалось применение каркасных конструкций; б) отливаемые на месте массы; в) изолирующие материалы, укладываемые кусками большой площади по какому-либо другому материалу и этим позволяющие уменьшить толщину стены или перекрытия. Разбираться в огромном перечне этих материалов не имеет никакого смысла; следует лишь отметить, что дальнейшее развитие техники несомненно позволит и здесь цементу и бетону играть первенствующую роль, поскольку речь идет об индустриализации строительства, так как материал, подобный газобетону, может быть применен для любой стены и любого перекрытия с достижением максимальной тепло- и звукоупорности, раз применена каркасная конструкция, а с ней или без нее бетон и железобетон в виде ли отдельных камней, в виде ли цельных стен, может быть применен, если его изолировать соответствующим материалом.

Может быть наибольшую трудность для индустриализованного производства представляют кровли, где в большинстве конструкций очень велика доля ручного труда. Наименьшее его количество вкладывается, во-первых, в плоские железобетонные крыши с изоляцией толевой или иной, а во-вторых, в те из наклонных кровельных покрытий, которые устраиваются помощью широких и длинных листов или плиток: сюда относятся толевые крыши, но при условии применения несравненно лучшего толя, чем у нас (например, типа американского толя, очень сходного с нашим руберойдом, но более дешевого), армированные цементно-черепичные крыши, состоящие из цементных и асбоцементных очень тонких плиток большой площади, внутри которых

заложена тонкая металлическая сетка, наконец — металлические, главным образом, железные, которые, однако, невыгодны тем, что потребляют слишком много металла и требуют окраски. Все остальные виды кровли (черепичные, этернитовые, шиферные, силикатированные, гонтовые и щеповые) требованиям индустриального строительного производства полностью не удовлетворяют благодаря большой рудоемкости при производстве работ, что заставляет смотреть на эти рамы временных покрытий, как на пригодные преимущественно для некрупных зданий.

Проблема кадров решается при индустриализованном строительстве совершенно иначе, чем при кустарном, как в количественном отношении, так и по распределению по специальностям. Самая задача индустриализации заключается в уменьшении числа рабочего персонала, и потому количественный рост последнего будет совершенно иным, чем рост объема строительства или вложений в него.

Состав этого персонала, как нетрудно видеть из всего вышеизложенного, будет иметь иную физиономию, чем ныне: чрезвычайно возрастет абсолютно и относительно число машинистов, электриков и рабочих по ремонту механизмов; очень повысится число бетонщиков, рабочих по сборке металлических конструкций, арматурщиков для железобетона; это повышение произойдет за счет уменьшения (если не абсолютного, то относительного) каменщиков, землекопов и т. д., а также чернорабочих. Зато квалификация строителей, занятых рудным трудом, чрезвычайно повысится, так как темп их работы должен соответствовать темпу постройки других частей здания или сооружения, возводимых помощью механизированного труда, да и подача материалов к «ручникам» также будет механизирована, хотя бы помощью простейших машин.

Огромное увеличение числа механизмов, наряду со сложными конструкциями и ответственной зимней работой, неизбежно влечет за собой повышение количества технического персонала всех категорий; и здесь картина его состава изменится, так как появится значительное число специалистов по самым разнообразным механизмам, до сего времени составлявшее ничтожный процент от общего числа инженеров, техников и десятников, занятых в строительстве. Требования, предъявляемые к техперсоналу, должны повыситься чрезвычайно, и притом не в области теории, а в области практического применения знаний, сметки, умения организовать и ориентироваться, при чем наряду с узкими специалистами среди инженерного руководства неизбежно должны быть люди с широким охватом знаний.

Вопрос о подготовке этих новых кадров должен разрешиться как путем введения изучения новых методов строительства во втузах, техникумах и на специальных курсах, так и путем широкого практического обучения. Для обоих этих целей абсолютно необходима помощь иностранных специалистов, а также широкое распространение передовой иностранной технической литературы в переводах (но обязательно — грамотных), при чем следует иметь в виду наличие за границей хорошей технической литературы для неподготовленного читателя.

До сего времени мы рассматривали пути индустриализации по отношению к любому сооружению или зданию, взятому в отдельности; но ведь приходится считаться с тем, что каждая отдельная постройка производится в течение недолгого времени и что по окончании ее, если не будут заблаговременно приняты соответственные меры, персонал и оборудование останутся без дела впредь до поступления на

другую постройку. Подобное положение, разумеется, с идеей индустриализации никак не вяжется и может быть ликвидировано лишь путем создания подрядных организаций, возможного в виду того, что строительное производство более или менее одинаково, безотносительно к цели сооружаемых объектов, с подразделением последних лишь на две основные категории—здания и инженерные сооружения, да и то в первых содержится значительная часть элементов производства, присущих вторым.

При правильной постановке дела в подрядной организации, она обеспечивает себя работами заблаговременно и переход с одной постройки на другую совершается безболезненно, с потерей лишь времени, нужного на переезд персонала и перевозку инвентаря, если новая постройка отстоит далеко от старой. И если в капиталистических странах подобная непрерывная загрузка подрядных организаций выполняется весьма успешно, то тем более это возможно и осуществимо в более полном размере для социалистической страны, где строительство должно проводиться в жизнь по заранее составленному плану, где и работодатель, и подрядчик являются государственными учреждениями.

Но нельзя все строительные организации делать универсальными, так как, во-первых, не все работы встречаются в каждом сооружении или здании, во-вторых, не все работы одинаковы по времени, потребному для них, и по удельному весу, в-третьих, некоторые работы требуют очень узких специалистов и в составе рабочих, и в составе техперсонала. Все эти обстоятельства заставили перейти к специализации строительных организаций, практически проводимой в жизнь по разным признакам, о которых здесь говорить не место. За многими организациями, однако, остается название «общестроительных»; сюда относятся те, которые ведут наиболее распространенные и наиболее крупные работы, так что по существу они тоже специализированы.

В Соед. Штатах вся постройка обычно сдается целиком общестроительной фирме («генеральный контрагент»), а она уже от себя передает соответственные работы различным специальным строительным фирмам, при чем обычно требуется, чтобы работодатель одобрил выбор этих, так называемых, «субконтрагентов». Таким образом, «генеральный контрагент» является ответственным перед работодателем за все работы, кем бы они ни производились¹. Непосредственная сдача работ «специальному» контрагенту производится редко, и то лишь в тех случаях, когда его работа четко отделена по времени или месту от всех работ, выполняемых генеральным контрагентом и его субконтрагентами. Американский способ, несомненно, больше подходит для целей индустриализации строительства, чем практикуемая у нас передача работодателем отдельных работ на одной и той же постройке разным организациям по их специальности.

Труден быстрый и резкий переход от кустарщины к широкой индустриализации строительства, но его осуществление необходимо во чтобы то ни стало. Для этого требуется проведение в жизнь ряда мероприятий не только в самом строительном производстве, но и в других отраслях промышленности (напр., металлической, силикатной, лесной), а также в области труда и просвещения. Необходима в широких размерах постановка на наших заводах выделки строительных

¹ Существуют и фирмы генеральных контрагентов, которые сами никаких работ не производят, а ограничиваются общей организацией работы, выполняемой целиком субконтрагентами.

механизмов и стандартных частей, а для этого в самом срочном порядке надо обязательно установить наиболее подходящие типы машин и стандарты элементов конструкций, что, в свою очередь, повелительно требует скорейшего выбора последних. Здесь заграничный опыт должен явиться той базой, на которой будут основаны наши решения, и прямых заимствований в данных областях нечего бояться. Необходима правильная постановка проектного дела, достаточно учитывающего при выборе конструкций важность индустриализации строительства, а там, где последняя полностью трудно осуществима, умеющего выбрать наивыгоднейшее компромиссное решение. Необходимо, наконец, проведение в жизнь ряда рационализаторских мероприятий, хотя непосредственно и не относящихся к индустриализации, но обуславливающих возможность бесперебойного и своевременно начинаемого производства работ, так как при отсутствии этих предпосылок никакая индустриализация немыслима; таковы, например, правильная постановка изыскательно-исследовательского дела, своевременное составление проектов, исключающее существенные переделки их в дальнейшем, хорошее обеспечение рабочих жильем, организация доставки материалов и т. д.

Из всего сказанного выше вполне ясно, что индустриализация строительства даром не дается и требует крупных единовременных вложений. До сего времени эти вложения у нас были чрезвычайно невелики, но на 1929/30 г. постановлением СНК СССР от 24 октября 1929 г. они резко подняты. Это же постановление, наряду с постановлением от 26/XII—1929 г., указывает те вехи, по которым строительство должно следовать на пути индустриализации.

Этими постановлениями сделан первый крупный шаг; с каждым годом должны происходить все более решительные сдвиги в том же направлении и при составлении каждого плана развития народного хозяйства СССР независимо от срока, который он охватывает, должны быть учитываемы, с одной стороны, влияние растущей индустриализации строительства, а с другой, необходимость вложений в нее достаточных средств.

В. З. Есин

Электروпахота и перспективы ее развития в СССР¹

Значение электропахоты в обработке почвы.

Обработка почвы, наряду с другими операциями в сельском хозяйстве, по затратам энергии занимает главное место. Так, если взять полный цикл сельско-хозяйственных работ, начиная с обработки почвы и кончая обмолотом, например, зерновых озимых хлебов, то по средним затратам энергии и применительно к распространенному способу обработки почвы у нас в СССР получим следующий расход энергии:

Табл. 1.

№ по порядку	Название операций	Затрачивается работы	
		кг—метр.	квт ²
1	Взмет пара	10.650.000	29
2	Двойка и боронование	5.140.000	14
3	Посев	2.570.000	7
4	Уборка урожая (жатва)	1.835.000	5
5	Транспорт и молотба	1.835.000	5
На все операции		22.030.000	60

Из 60 квтч¹ собственно на обработку почвы следует отнести 43 квтч (взмет пара, двойку и боронование) или 71,7%, кругло 72%. Это соотношение несколько изменяется в сторону уменьшения расхода энергии на обработку почвы в яровых зерновых хлебах — овес, ячмень, пшеница и др. Зато оно повышается в случае обработки почвы на более глубокую пахоту, как, например, свеклосеяние, пропашные культуры, огороды и пр. Равным образом это соотношение сильно меняется в сторону повышения затрат энергии на обработку почвы, если рас-

¹ В порядке обсуждения Ред.

² 1 квтч приравнивается к 367.000 кг—м работы.

³ Этот расход энергии мною вычислен применительно к характеру обработки почвы в крестьянских хозяйствах на землях с небольшим удельным сопротивлением почвы. На землях целинных и пашенных этот расход куда выше. Так, по данным Зернотреста на 1 га расходуется энергии квтч:

а) пахота	44,2
б) боронование	13,6
в) посев	5,5
г) уборка урожая	7,0
д) транспорт урожая	2,6

Всего . . . 72,9

пахота происходит на еще мало или совсем неосвоенных землях. К таким случаям в значительной мере следует отнести районы, где организуются зерносовхозы или машинотракторные станции. Последние чаще всего организуются на землях, плохо обрабатываемых за военное и послевоенное время. Таким образом, свыше 70% всей затрачиваемой энергии в полеводстве расходуется на обработку почвы. Известно, что недостаток и неорганизованность тяговой силы в сельском хозяйстве СССР обусловили и низкое качество обработки почвы. Между тем, качество обработки почвы является одним из главнейших факторов повышения урожайности.

Мы попытаемся к вопросу о качестве обработки почвы подойти с энергетическим критерием, при чем будем исходить из правила, что с улучшением обработки почвы, при прочих равных условиях, увеличивается затрата энергии и наоборот. Однако, говоря об электрификации обработки почвы, необходимо подойти к вопросу о затратах энергии не с средними данными, приведенными нами в табл. 1, а необходимо анализировать эти затраты энергии в зависимости от глубины пахоты и сопротивления почвы. Расход энергии на обработку почвы мы исчисляем на переработку одного кубического метра земли.

По данным земледельческой механики, расход энергии на один м³ переработанной земли определяется от 2.800 до 7.200 кг—м. Условимся считать расход энергии на легких почвах 3.000 кг—м на 1 м³; на средних 5.000 кг—м и на тяжелых 7.000 кг—м. Между этими средними затратами энергии можно уже, экстраполируя, находить и промежуточные. Данные о расходах энергии на 1 га мы приводим в табл. 2.

Табл. 2.

Глубина пахоты в см	Перерабатывается на 1 га куб. м земли	Затрачивается на 1 га ¹					
		К о р м (млн)			квт ч		
		Легкая почва	Средняя почва	Тяжелая почва	Легкая почва	Средняя почва	Тяжелая почва
5	500	1,5	2,5	3,5	4,08	6,8	9,55
8	800	2,4	4,0	5,6	6,54	10,9	15,3
10	1.000	3,0	5,0	7,0	8,17	13,6	19,1
15	1.500	4,5	7,5	10,5	12,30	20,4	28,7
20	2.000	6,0	10,0	14,0	16,30	27,2	38,2
25	2.500	7,5	12,5	17,5	20,40	34,0	47,7
30	3.000	9,0	15,0	21,0	24,50	41,0	57,2
35	3.500	10,5	17,5	24,5	28,70	47,7	66,7
40	4.000	12,0	20,0	28,0	32,70	54,5	76,4

Здесь приведен нетто расход энергии на обработку одного га. Если бы пахота производилась, скажем, колесным трактором, то расход энергии на валу двигателя необходимо повысить почти вдвое. В самом деле, мощность трактора на валу определяется основной формулой

$$W = \left(\frac{Q \cdot V \cdot K}{75} \right) + \left(\frac{P \cdot K_1 \cdot V}{75} \right),$$

где: W — мощность двигателя на валу;
 Q — вес почвообрабатывающего орудия,
 K — сопротивление почвы,

¹ Строго говоря, с углублением пахоты удельное сопротивление почвы на кв. см поперечного сечения плотины не остается постоянным. Оно понижается по мере углубления и наоборот. Объясняется это тем, что в верхних частях пахотного слоя корневая система развита сильнее, что увеличивает коэффициент сопротивления.

V — скорость хода трактора.

P — вес самого трактора.

K_1 — коэффициент скольжения.

Из этой формулы видно, что второе слагаемое ($\frac{P \cdot V}{75}$) есть энергия, расходуемая трактором на самопередвижение. В колесных тракторах «Фордзон» 10/20 Л.С. и «Интернационал» 15/30 Л.С. это второе слагаемое равно 50%. Лишь некоторое изменение конструкции «Интернационала» 15/30 Л.С. будущего производства Сталинградского завода доводит мощность на валу двигателя до 35 Л.С. и на крюке — до 22 Л.С. Следовательно, расход на самопередвижение трактора составит все же 37%. Таким образом, пользуясь типом будущего «Интернационала» Сталинградского завода 22/35 Л.С., мы установим, что брутто расход энергии на обработку 1 га на средней почве и на глубине 20 см составит $27,2:22/35=43,5 \text{ кетч}$.

Однако, как мы отметили, организация механизированных крупных зерносовхозов и районов машинно-тракторных станций имеет место на землях с сопротивлением почвы выше среднего. Следовательно, на той же глубине этот расход энергии составил бы $38,2:22/35=60,7 \text{ кетч}$.

Именно это обстоятельство, т.е. энергетический критерий, уже практически заставил пересмотреть нашу тракторную программу в сторону постройки более мощных тракторов, при чем таких, у которых непроизводительные затраты энергии на самопередвижение менее, чем у маломощных колесных тракторов. Мы имеем в виду гусеничные тракторы будущего Челябинского завода 45/60 Л.С. и будущего Харьковско-го—35/50 Л.С. В них полезная отдача энергии на крюке соответственно будет 75% и 70%.

Таким образом, с укрупнением сельско-хозяйственного производства, с улучшением качества обработки почвы и с вовлечением в пахотно-земельный фонд новых малоосвоенных земель, мы логически, самым ходом вещей, вынуждены применять принцип разделения труда при выборе механической тяговой силы в процессах обработки почвы.

На крупные тракторы выпадает основная работа по подъему тяжелых почв, на средние — работа на легких почвах и на мелкие тракторы — второстепенные операции: обработка легких почв и мелких участков, посев, уборка урожая и проч. Этот вывод особенно необходимо сделать при анализе электропахоты и перевода на электротягу основных работ по обработке почвы.

Социалистическая реконструкция сельско-хозяйственного производства в СССР уже поставила в порядок дня вопрос о разделении труда в основных работах в земледелии.

В самом деле — мелкому индивидуальному крестьянскому хозяйству соответствовал и мелкий тип двигателя, при чем универсальным типом последнего, в виде живого двигателя, всегда является рабскот. Мощность этого живого двигателя на крюке почвообрабатывающей машины в среднем 0,7 Л.С.

На заре обобществления обработки почвы через машинно-тракторные товарищества и товарищества по совместной обработке земли (1922—1927 г.г.) у нас был в фаворе мелкий универсальный трактор «Фордзон». Ныне, с переходом целых округов и областей на сплошную коллективизацию, трактор «Фордзон» уступает место другим более

мощным тракторам. Но последний вовсе не собирается уходить с поля. Основываясь на принципе разделения труда, этот тип трактора будет лишь выполнять функции, соответствующие его конструкции и мощности.

Не следует ли из указанного нами принципа, что и мощные тракторы поделят работу с электропугами? Все говорит за то, что это будет так. На этот путь нас толкает весь ход развития социалистического сельского хозяйства СССР. В подтверждение указанного вывода приведем несколько соображений технико-экономического и социального порядка.

1. Основным и, пожалуй, решающим соображением нужно считать проблему топлива. В случае пахоты на рабскоте, топливо (кори) кетч на каждый затраченной энергии нами исчисляется в 38 коп.¹

При обработке почвы тракторами потребляется нефтетопливо: бензин, керосин, нефть. Удельный расход топлива в тракторах на кетч нужно считать не менее 0,5 кг. При неналаженности обслуживания тракторов-удельный расход доходит до 0,75 кг/ кетч . Следовательно, расход нефтетоплива только на пахоту глубиной 20 см и на тяжелых почвах на 1 га составит (см. табл. 2).

а) на колесных $(38,2:22/35) \times 0,5 = 30,2 \text{ кг}$.

б) на гусеничных $(38,2:45/60) \times 0,5 = 25,5 \text{ кг}$.

На таких же почвах, но на глубине 30 см расход топлива уже составит соответственно: 45,5 кг и 38,2 кг.

Мы взяли лишь расход нефтетоплива на обработку почвы как основного горючего без учета расхода прочих нефтепродуктов на смазку и проч. По данным практики² — этот дополнительный расход составляет не менее 12%. Следовательно, в нашем примере расход нефтепродуктов составил бы $48,5:0,88 = 55 \text{ кг}$ на 1 га.

При программе механизированной обработки почвы к концу пятилетия до 75 млн. га — весь расход нефтепродуктов только на пахоту составит: $0,55 \times 75 = 4,12$ млн. тонн. Между тем, из табл. 1 мы видели, что пахота составляет лишь 48,3% от всех затрат энергии, следовательно общий расход нефтепродуктов составит минимально: $4,12:0,483 = 8,6$ млн. т.

Вряд ли нужно доказывать всю актуальность замены дорогого и экспортного нефтетоплива более дешевым и имеющимся почти во всех районах СССР. При электропахоте, как известно, расходуются не нефтепродукты, а внутрирайонные энергоресурсы: гидроэнергия, торф, подмосковный бурый уголь, угольная пыль — штыб, отбросы лесопильного производства и пр. В районах же экстенсивного зернового хозяйства, где солома мало используется, — последняя могла бы быть использована в качестве топлива при электропахоте.

¹ Стоимость калории топлива — корма у лошади равна 0,0011 коп. На кетч отдаленной энергии лошадь затрачивает 8300 кал. Следовательно, топливо на кетч стоит 9,15 коп. Но лошадь потребляет корм и когда не работает. При отдаче лошади в году в среднем 314 кетч полная годовая стоимость топлива — корма у лошади нами исчислена в 38 коп. (В. З. Есин, «Сельско-Хозяйственная электрификация», Сельхозгиз, 1930 г.).

² Зернотрест («Директивы по организации зерносовхозов в 1930 г.», стр. 137) считает расход нефтепродуктов:

основного горючего	0,5 кг на 1 с/ч
бензина для пуска	2% от веса
автолов	7% " "
вискозинов	2,5% " "
солидола	0,5% " "
	12,0% от веса основного горючего.

В самом деле, запас энергии, заключающийся в m соломы, достигает довольно крупной величины — 200 *квтч*, при урожае соломы с *га* около 1 *т* — энергия составит 200 *квтч* с одного *га*. Таким образом, внутри-хозяйственные энергоресурсы с большим превышением покрывают потребность в энергии на обработку почвы (см. энергобаланс).

2. Благодаря тому, что непроизводительные расходы энергии в двухмашинной системе состоят из трения троса о землю и передвижения лебедки каждый раз на 2 *м* (на ширину захвата плуга), то весь этот расход составляет, как подтверждает практика, не более 20% от всего расхода энергии. Известно, что непроизводительные расходы у тракторов достигают у колесных 37—50% и у гусеничных 25—30%. Таким образом, коэффициент полезного действия электропахоты по признаку потребления топлива выше 80% против 50 и 63% у колесных тракторов и 70 и 75% у простых.

3. С точки зрения агрономической электропахота имеет также ряд преимуществ. К числу их мы относим: возможность пахоты в сырую погоду, особенно весной, когда трактор еще не может пахать из-за сырой погоды. Электропахота, наоборот, как показывают опыты, может производиться на 2-3 дня ранее тракторов. Как следствие отсюда — более повышенный урожай. Затем, возможность пахоты электроагрегатами заболоченных почв. Наконец, что особенно важно, электропахота может производиться на большую глубину, чем тракторы, не уплотняя почвы, как это имеет место с мощными тракторами.

4. Проблема кадров разрешается при электропахоте куда проще, чем при тракторизации. По сообщению лиц, знакомившихся с электропахотой в Германии (тов. Фейгин — член Президиума Земплана НКЗ, инж. Бенар и др.), обслуживающий пахоту персонал не имеет никакой квалификации.

Мы отметили соображения, говорящие в пользу электропахоты. Однако необходимо указать и на недостатки ее. К числу их мы относим:

1. Высокие единовременные затраты на оборудование электропахотных участков и изготовление электропахотных орудий.

2. Малая подвижность электроплугов.

3. Необходимость иметь мощную электростанцию не менее 2 *квт* и

4. Необходимость сооружения сетей для электроснабжения лебедок.

Правда, все эти отмеченные недостатки были присущи электропахоте при мелком сельско-хозяйственном производстве, при слабо развитой электрификации ее процессов и при одиночном изготовлении электропахотного инвентаря. Как увидим ниже, все или большинство отмеченных недостатков ныне могут отпасть при бурном росте обобщественного сектора сельского хозяйства, при укрупнении сельско-хозяйственного производства и при переходе на массовое серийное производство электропахотного инвентаря.

Конструкция электропахотных агрегатов и системы пахоты.

Наиболее распространенной системой электропахоты является двухмашинная система. Электропахотный агрегат этой системы состоит из двух электролебедок, оборудованных электромоторами по 80 *Л. С.* и снабженных токоподводящим кабелем длиной 300—500 *м*. Составной частью электропахотного агрегата является балансирный оборотный плуг. Вес каждой электролебедки около 10,5 *т* и плуга — около 3,3 *т*. Электролебедки устанавливаются на концах пахотного

поля на расстоянии 500 *м*, которые попеременно тянут плуг стальным тросом. Длина троса, следовательно, 500 *м*.

Электролебедка получает электрическую энергию извне или через трансформатор, стоящий на подвижной тележке, или непосредственно от сети высокого напряжения. В этом последнем случае электромотор устанавливается такого же напряжения, как и сети.

Электромотор соединен как с передачей, приводящей в движение барабан, на который наматывается трос, так и с ведущими колесами, т.е. как для самопередвижения лебедки по мере запашки пахотного участка, так и для вращения рабочих органов лебедки в целях передвижения плуга.

В зависимости от условий пахоты скорость движения плугу придается от 0,9 до 1,6 *м* в секунду, или от 3,2 до 5,8 *км* в час. Скорость передвижения самой лебедки около 2,2 *км* в час.

Ширина захвата плуга, в зависимости от числа отвалов (7 или 8) около 2 *м*.

На опрокидывание плуга, остановку лебедок и их пуск уходит до 10% времени. Таким образом, часовая производительность плуга при скорости (средней) 4,5 *км* в час получается:

$$X = \frac{4.500 \times 2 \times 0,9}{10.000} = 0,81 \text{ га.}$$

При трехсменной работе, с электрическим освещением круглые сутки, производительность плуга может быть доведена до $0,81 \times 24 = 19,44 \text{ га}$. Повышение производительности достигается увеличением скорости плуга. Так, при скорости плуга 5,8 *км* в час, часовая производительность повышается до

$$\frac{5.800 \times 2 \times 0,9}{10.000} = 1,044 \text{ га.}$$

Обслуживающий персонал чаще всего состоит из трех человек в смену, в том числе: один на плуге и по одному человеку на лебедках. В виду простого ухода за лебедками и плугом — особой квалификации от обслуживающего персонала не требуется. Иногда обслуживают 4 человека, — при этом четвертый человек работает по включению кабеля в сеть и наблюдает вообще за состоянием сети.

Самый процесс пахоты производится следующим образом. Предположим, что плуг идет слева направо (см. схему электропахоты); в это время работает правая лебедка и тянет к себе плуг. Плугарь, сидящий на плуге, опрокидывает плуг, как только он подой-

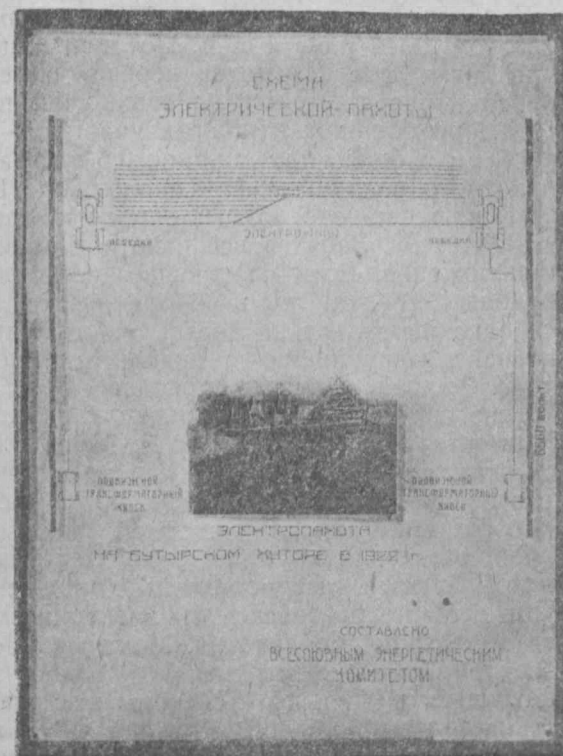

Схема электропахоты.

дет к правой лебедке. В это время плугарь поднимает флажок в знак того, что нужно пускать мотор левой лебедки. Заработавший мотор левой лебедки тянет стальной тросс, наматываемый на барабан, а за троссом идет плуг и т. д. По мере того как освобождается правая или левая лебедка—мотор переключается на ведущие колеса и сами лебедки передвигаются вперед по незапаханному полю.

При больших и ровных участках—длина пахотного поля доходит до 5 км и более при ширине 0,5 км. Таким образом, площадь такого пахотного поля получается около 250 га. При производительности плуга 0,81 га в час—это пахотное поле может быть вспахано в $250:0,81 = 308$ часов. Запахав все пахотное поле, лебедки меняют свои места и положение. Если следующее пахотное поле примыкает справа, то правая лебедка лишь оборачивается на месте на 180°, а левая лебедка переходит на новый участок, пройдя расстояние в 1 км, становясь в одну линию с правой лебедкой и также делая оборот на 180°. Запахав и второе пахотное поле, лебедки становятся также на третье поле и так до осени. Если один плуг запахнет в год 1.000 га (считается его нормальной производительностью), то в год лебедки должны сделать всего три перемещения с места на место и последний раз осенью зайти в гараж на зимнюю стоянку.

Из описания этой системы пахоты можно заключить, что при обобщении крупных пахотных участков возможна организация целой батареи электропахотных орудий—скажем, 4 лебедки и 3 плуга. При этом потребовалась бы электрическая сигнализация и некоторая автоматизация управления. Можно а priori сказать, что при развитии электропахоты конструктивно должны будут измениться не только пахотные орудия, но и системы всей пахоты. Вес лебедки около 10,5 т настолько большой, что она без какого бы то ни было добавочного крепления является совершенно устойчивой при натяжении тросса до 4.000 кг.

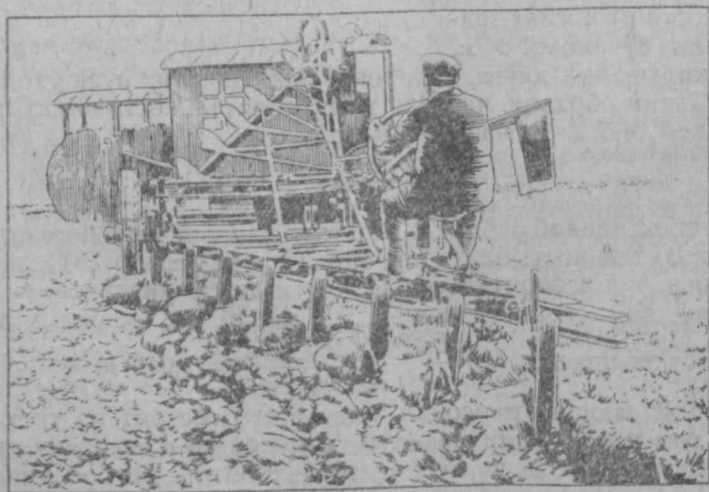

Рис. 2. Электрический плуг в работе.

Кроме описанной двухмашинной системы, встречается, правда реже, и одномашинная система. При этой системе работа производится также балансирным перекидным плугом с той лишь разницей, что здесь одна моторная тележка, а вторая—якорная. Мотор на тележке должен иметь большую мощность, чем в ранее описанной системе,

так как ему приходится преодолевать двойное сопротивление тросса. Якорная тележка должна быть в этой системе прочно укреплена в земле. К недостаткам такой системы нужно отнести большой расход

Электропахота в присутствии В. И. Ленина в 1921 г. на Бутырском хуторе (под Москвой).

энергии, более мощный мотор, ширина пахотного поля не более 200 м. Зато к ее достоинствам относятся простота подводки тока.

Наряду с описанными системами имеется несколько комплектов, так называемых, электротанков. Сам по себе электротанк мало чем отличается от гусеничного трактора с той лишь разницей, что в нем вместо двигателя внутреннего сгорания устанавливается электродвигатель мощностью 15—20 и 35 л. с. Подача тока к такому электротанку производится через особую контактную ленту, находящуюся все время в натянутом состоянии между мачтами, установленными на электротанке и на трансформаторе, и, наоборот, по мере приближения—смаывается.

Описанные две последние системы не вышли из стадии экспериментальных опытов и во всяком случае имеют, очевидно, менее шансов на успех. Что касается первой системы—двухмашинной,—о ней можно уже говорить, как об имеющей за собой опыт не менее 20 лет.

Несмотря на многолетний опыт с электропахотой в капиталистической системе хозяйства за границей, она не развилась в сколько-нибудь крупных размерах. Отчасти благодаря еще слабому развитию обобществленного сектора, у нас, в СССР, в 1924—26 г. г. электропахота не развилась и у нас. Теперь в СССР совершенно иное положение складывается при переходе на сплошную коллективизацию целых районов, округов и областей. Ныне стираются искусственные границы участков, укрупняются поля и электроплуг уже не встретит тех препятствий, как это было в 1925 г. Многие также изменилось и в отношении техники и организации электроснабжения. В частности крупное электростроительство сделало огромные успехи, стало возможным получать дешевую электроэнергию и т. д.

Вся организация крупного сел.-хоз. производства ныне значительно отличается от организации 1924—26 г.г. Отсюда и принципиальная установка в отношении новой энергетики в сел.-хоз. производстве получает иное разрешение. Таким образом, электрическая обработка почвы соответствует современному темпу хозяйственного строя и характеру крупного сел.-хоз. производства.

Организация электропахоты в системе электрифицированного хозяйства.

Электропахота, как потребитель электроэнергии в сельском хозяйстве, хотя и является главнейшей составной частью, но по абсолютным размерам все же уступает место другим потребителям, вместе взятым. Задача развития электропахоты ставится наряду с задачами электрификации всех прочих процессов сел.-хоз. производства. И надо прямо сказать, что в районах интенсивного сельского хозяйства—электропахота, как потребитель электроэнергии, имеет удельное значение не более 20%. В примере сплошной электрификации Каширского района, где общая потребность в электроэнергии исчислена в 22 млн. *квтч*,—на долю электропахоты приходится лишь 4,5 млн. *квтч* или 20,2%.

В районах экстенсивного сельского хозяйства и зернового направления это соотношение меняется в сторону большей потребности в электроэнергии для электропахоты. Однако, и в экстенсивном сельском хозяйстве электропахота, как потребитель электроэнергии, занимает менее половины итога. Простой перечень потребностей в электроэнергии, в экстенсивно-зерновом хозяйстве подтверждает сделанный вывод.

Табл. 3.
Потребление
электроэнергии
в *квтч*.

Перечень потребителей

	На 1 га	На 1 жит. 1
Пахота один раз в год	47,8	—
Молотья и зерноочистка	16,0	—
Ремонтные мастерские	2,0	—
Мельницы	—	5
Освещение частное	—	15
Зернохранилища	6,0	—
Водоснабжение	—	10
Мелкие моторы: в столовой, прачечной, ледники, клубы и пр.	—	10
Освещение общественно-культурных учреждений	—	1,5
Освещение пахотного поля при ночной пахоте	0,2	—
Зарядка аккумуляторов для автомобилей и мелких тракторов	0,2	—
Электрические нагревательные приборы (нагрев воды, хлебопечение, кипячение и пр.)	—	25
Вентиляторы в жилых и служебных помещениях	—	5
Непредвиденные потребители (сушка зерна, сортировка к севу, некоторые виды промышленности)	10	—
Итого	82,2	71,5

Прибавляя потребность в электроэнергии на жителя к потребности на 1 га, получим ее равной $71,5 \times 0,25 = 17,8$ *квтч*, а вся потребность определится в $82,2 + 17,8 = 100$ *квтч* на 1 га.

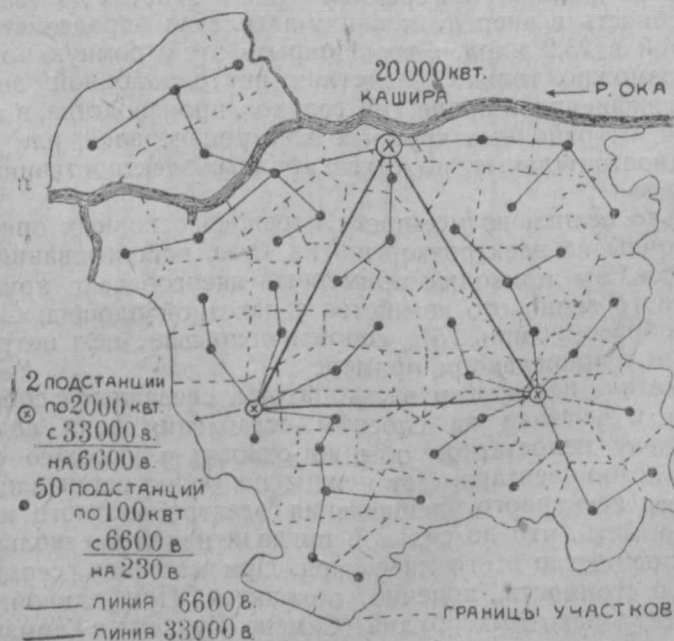
И так, на принципе разделения труда в экстенсивном зерновом хозяйстве потребность в электроэнергии для электропахоты определяется

¹ Число рабочих нужно принимать не менее 0,1 на 1 га обрабатываемой площади, а с семьями 0,25 душ на 1 га.

в 47,8 *квтч*, или 47,8%. На долю прочих потребителей падает 52,2% энергии. В этом примере предполагается, что более легкие работы, как то: боронование, посев, уборка урожая, транспорт урожая и проч., будут выполняться тракторами небольших мощностей. На их долю приходится затрат энергии около 31 *квтч* нетто, или $31:22/35 = 49,4$ *квтч* брутто в случае использования трактора «Интернационал» 22/35 Л. С. Таким образом, при общей потребности всей энергии в экстенсивно-зерновом хозяйстве кругло в 150 *квтч* на 1 га в год, мы имеем следующую схему потребления энергии:

а) основная работа по обработке почвы—электропахота	47,8 <i>квтч</i> .	31,8%
б) прочие операции по обработке почвы, посеву, уборке урожая и транспорту урожая—кругло	50 „	33,3%
в) электрификация процессов сел.-хоз. производства и культурно-бытовых, помимо пп. а и б—кругло	52,2 „	34,9%
Всего	150 <i>квтч</i> .	100%

В свете приведенного решения задачи электрификации процессов сел.-хоз. производства отпадает ходячий аргумент, что электропахота вызывает крупные затраты на электрооборудование пахотных участков. Из предыдущего видно, что как в системе экстенсивного сельского хозяйства, так особенно интенсивного—электросети сооружаются не только для электропахоты, но в большей мере для прочих процессов сел.-хоз. производства и для электрификации быта населения. В районах сплошной коллективизации и электрификации (см. карту Каширского района), электросеть довольно густо покрывает район (схема Каширского района). В Каширском примере она имеет общую протяженность 280 км, или 3,5 км на 1000 га обрабатываемой площади. В этом случае для электропахоты придется устанавливать лишь временные рабочие сети или применять токоподводящие кабели.

Карта сплошной электрификации Каширского района Московской области.

Из сказанного вытекает и второе положение, что амортизация сети должна раскладываться пропорционально количеству потребляемой электроэнергии пахотой и прочими потребителями.

Нам остается ответить на второй ходячий аргумент, что электролебедки малоподвижны, а, следовательно, использование их, кроме основного назначения — пахоты, невозможно. Пусть это так. Но вряд ли и следует стремиться к универсализму лебедок. Нам кажется, что задача заключается вовсе не в этом, а в том, чтобы агрономы-организаторы сумели так составить севооборот и организовать территорию, где бы электропахотный агрегат мог быть использован в поле без малейших простоев, начиная с ранней весны и кончая поздней осенью. Для этого следует организовать территорию, при которой электропахотный агрегат переходил бы с поля пахоты на смежное поле. В силу особых технических свойств, электропахотный агрегат двухмашинной системы в состоянии проработать в сезон до 140 дней в среднем по 20 час. в сутки не менее. При часовой производительности плуга 0,8 га и при правильной организации территории и рациональном севообороте годовая производительность плуга может быть доведена до $0,8 \times 20 \times 140 = 2240$ га. Таким образом, при социалистическом способе сел.-хоз. производства, ударение, нам кажется, следует сделать на организации территории, а отнюдь не на универсализме пахотного инвентаря. Иначе мы снова пошли бы по пути „фордзонизма“.

Разумеется, мысль конструктора должна энергично работать над конструкцией специального вида электротрактора и для легких сел.-хоз. работ, чтобы до минимума свести участие трактора в полевых сел.-хоз. работах.

Забегая несколько вперед, приходится, нам кажется, остановиться и на количественной стороне вопроса. Если потребность в электроэнергии выявляется до 100 *квтч* на га в экстенсивно-зерновых районах и до 225 *квтч* на га в высоко интенсивном хозяйстве, как запроектировано для Каширского района, а в среднем типе хозяйства до 160 *квтч*, то общая потребность в энергии к концу пятилетия определяется огромной величиной в 23,2 млрд. *квтч*. Покрыть эту огромную потребность в энергии возможно только развитием внутрирайонной энергетики, сиречь, электрификацией процессов сел.-хоз. производства, в том числе и земледелия, от районных крупных электроцентралей, или путем сооружения самостоятельных, но также крупных электростанций порядка 5—10 тыс. *квтч*.

Насколько велики возможности перевода основных операций по обработке почвы на электроэнергию на базе использования сел.-хоз. энергоресурсов, мы приводим примерный энергобаланс крупного механизированного зернового хозяйства с пахотной площадью 50.000 га.

Таким образом, лишь 75% соломой покрывает всю потребность в электроэнергии в приведенном примере.

Мы отметили недостатки электропахоты, связанные с сооружением электросетей, и указали на способы ослабления этих недостатков. Однако, к числу недостатков обычно относят и высокую стоимость электропахотного инвентаря. Нет нужды подробно останавливаться на необходимости всемерного удешевления электропахотного инвентаря. Но нужно помнить, что до сих пор нигде не налажено сколько-нибудь крупное производство этого инвентаря. При массовом, серийном производстве его стоимость, конечно, понизится. При одиночном изготовлении электропахотных орудий (Сименс Шуккерт в Германии и др.) их стоимость определяется, примерно, в 40.000 руб. Есть все основания ожидать понижения этой стоимости при массовом производстве до

**Энергобаланс крупного зернового механизированного хозяйства
с пахотной площадью 50.000 га**

№№ по порядку	Приход энергии в хозяйстве	квтч	№№ по порядку	Расход энергии	квтч
1	Принимается условно: урожайность соломы 1 тонна с га; теплотворная способность соломы 2000 калорий; расход топлива — 10000 калорий, 1 квтч и количество соломы, идущей на топливо, 75% — тогда возможный приход энергии: $\frac{50.000 \times 0,75 \times 1000 \times 2000}{10.000} =$	7.500.000	1	Электропахота 50.000 га по 48 квтч	2.400.000
			2	Молотьба и зерноочистка	800.000
			3	Зернохранилище	300.000
			4	Мельница	62.500
			5	Ремонтные мастерские	100.000
			6	Водоснабжение	125.000
			7	Мелкие моторы в столовой, прачечной и др.	125.000
			8	Освещение частное	187.500
			9	„ общественных и служебных помещений	18.750
			10	„ пахотных участков	25.000
2	Работа легких тракторов и грузовых автомобилей условно: 1500 часов использования в году; 25% тракторного парка всегда в ремонте: текущем, среднем и капитальном; тракторы „Интернационал“ 22/35 Л. С.	2.500.000	11	Зарядка аккумуляторов для освещения автомобилей и тракторов	25.000
			12	Вентиляторы в жилых и служебных помещениях	62.500
			13	Электрические нагревательные приборы	312.000
			14	Прочие непредвиденные потребности	500.000
	Всего по пп. 1 и 2	10.000.000		Итого	5.043.250
	$X^1 = \frac{2.500.000}{1500 \times 0,736 \times 35 \times 0,75} = 87 \text{ единиц}$		15	Потери в сетях, трансформаторах и пр.	1.656.750
				Всего	6.700.000
3	Свободный неиспользованный остаток электро-энергии	800.000	16	Потребность в энергии для прочих операций: боронование, посев, уборка и транспорт урожая	2.500.000
	1 Число тракторов и автомобилей.			Всего по пп. 1—16	9.200.000

30 и даже 25 тыс. руб. за агрегат. В самом деле, общий вес агрегата составляется из веса лебедок по 10 т каждая—20 т и веса плуга—3,3 т, а всего 23,3 т. При стоимости агрегата 40.000 руб. стоимость тонны изделий определяется в 1716 руб., в то время как Сталинградский тракторный завод будет выпускать тракторы стоимостью тонны в изделиях лишь 800 руб. А ведь изготовление лебедок более простое, чем тракторов. Следовательно, оставляя вес агрегата в 23,3 т, но снижая стоимость тонны в изделиях до 1000 руб., получим полную стоимость агрегата около 23.300 руб.

Стоимость электропахоты.

Стоимость электропахоты складывается из косвенных и прямых расходов. К косвенным относятся: амортизация оборудования, % на капитал. К прямым—расход электроэнергии, содержание персонала, ремонт и смазка, смена троссов.

Амортизация сети нами принимается в 8%, а амортизация электропахотных агрегатов в 20 лет, при годовой производительности в 1000 га. В случае доведения производительности до 2000 га, амортизация уменьшается до 10 лет.

Расход электроэнергии брутто на пахоту одного га мы вывели около 48 квтч. Безошибочно можно считать стоимость энергии франкопотребление в 5 коп. квтч.

Наконец, как показали заграничные опыты, содержание персонала на пахоте обходится ниже 2 руб. на га.

Исходя из этих удельных норм, как стоимости агрегата, так и производственных расходов, определяется следующая стоимость обработки одного га земли.

Табл. 4.

Статьи расходов	Стоимость в рублях			
	Современная стоимость агрегата 40 т. р. и производ. 1000 га в год при стоимости сети 20 т. р.		Возможная стоимость агрегата 23.300 р. стоимость сети 10 т. т. и производительность 2000 га в год	
	Общая	На га	Общая	На га
Амортизация электросети	1.600	1,6	800	0,4
6% на капитал	1.200	1,2	600	0,3
Амортизация электропахотных орудий 5%	2.000	2,0	2.330 ¹	1,165
6% на капитал	2.400	2,4	1.400	0,7
Ремонт сети и агрегатов 1%	6.000	0,6	666 ²	0,33
Смена троссов	400	0,4	800 ³	0,4
Смазка	125	0,125	250	0,125
Электроэнергия 5 коп/квтч	2.400	2,4	4.800	2,7
Обслуживающий персонал	1.800	1,8	2.400	1,2
Всего	12.525	12,525	9,023	7,02

¹ При усиленном использовании инвентаря амортизация принимается в 10 лет.

² При усиленном использовании ремонт считается в 2%.

³ При усиленном использовании тросса замена его 2 раза в год.

Заключение.

1. Электрическая обработка почвы в условиях крупного сел.-хоз. производства является частью электрификации основных процессов сел.-хоз. производства. Отсюда имевшееся ранее затруднение с применением электропахоты—в значительной мере отпадает.

2. В интенсивных формах сел. хозяйства—электропахота, как потребитель электроэнергии, играет второстепенную роль. В системе электрифицированного сел. хозяйства—электропахота является чрезвычайно желательной нагрузкой для районных электростанций, заполняя провалы графиков в периоды недогрузок станций.

3. В случае применения электропахоты в районах крупных электроцентралей—расход электроэнергии составил бы для основных операций по обработке почвы до 100 млн. квтч в радиусе 100 км от электроцентрали при условии, что пахотная площадь составляет от общей до 60%.

4. Экономия в нефтепродуктах на каждый вспаханный га составляет до 48,5 кг, а в случае применения электропахоты в 100 км. радиуса от крупной электроцентрали (см. п. 3 настоящего резюме) общая экономия в нефтепродуктах составила бы—

$$-\frac{1.884.000 \times 48,5}{1000} = 91.500 \text{ т.}$$

5. С электропахотой значительно облегчается электрификация и всех прочих процессов сел.-хоз. производства.

6. В СССР в современных условиях имеются налицо благоприятные условия к широкому развитию электрической обработки почвы.

Электрификация в ЗСФСР¹

(перспективный план и второй год пятилетки)

I.

1929/30 хозяйственный год—второй год пятилетки. В развитии экономики нашей страны этот год должен явиться решающим в отношении всех стержневых проблем пятилетнего плана. В текущем году должны быть закреплены те великие темпы в росте индустриализации страны и обобществления хозяйства, которые позволят с уверенностью говорить о пятилетке в четыре года.

Рост производительных сил определяется тем огромным запасом энергии, который приводит в движение весь грандиозный массив советского хозяйства.

Эта энергия представляет собой сочетание, с одной стороны, живой энергии (в виде живой силы и активной воли трудящихся масс), и с другой стороны, материальной энергетики в форме механической вообще и главным образом электрической энергии. Рост электрической мощности и потребления электроэнергии является наиболее характерным показателем прогрессивных изменений в хозяйственных процессах.

В 1927/28 г., предшествующем историческому пятилетию, в СССР было потреблено 5,2 млрд. *квтч* энергии, при чем мощность всех станций составляла 1.850 тыс. *квт* (в том числе 560 тыс. *квт* районных станций).

Через 5 лет по плану намечалось потребление энергии: в 1932—1933 г.г.—22 млрд. *квтч* и на 1 октября 1933 г. мощность всех станций—5 млн. *квт* (в том числе 2.600 тыс. *квт* районных).

В прошлом году этот размах представлялся «оптимальным»; но протекавший год великого перелома раскрыл неучтенные ресурсы планового хозяйства. В текущем году только по районным централям вступит новая мощность в 500 тыс. *квт* и уже на 1/X 1930 г. мощность станций СССР достигнет величины 3 млн. *квт*, а потребление за год превысит 8,5 млрд. *квтч*.

Как же эти могучие процессы, протекающие в СССР, отражаются в энергетическом хозяйстве нашей федерации?

Ниже излагаются основные установки и даются важнейшие цифровые показатели пятилетнего плана электрификации ЗСФСР; вместе с тем более подробно очерчены ближайшие задачи в области электростроительства и перспективы на 1929/30 г. Но прежде необходимо дать краткую характеристику энергетических ресурсов и особенностей производительных сил Закавказской федерации, поскольку из этой

¹ Более подробные данные о роли электрификации в экономике ЗСФСР и о связи энергетики с водным хозяйством вообще—см. А. А. Самойлов, «Проблемы перспективного пятилетнего плана ЗСФСР», Тифлис 1929 г. Изд. «Народное, хоз-во Закавказья».

основы вытекают главнейшие предпосылки для построения энергетической базы народного хозяйства нашей республики.

В работах Госплана СССР по перспективному плану неоднократно обосновывалась идея районирования Союза и выявлялась экономическая специализация отдельных областей и районов.

Из многих определений характера производительных сил ЗСФСР и места ее в общей системе Союзного хозяйства, даваемых Госпланом СССР, наиболее краткой и вместе с тем полной является следующая формула¹. «Богатства недр, как разведанных и эксплуатируемых (нефть, медь, марганец, каменный уголь, различные минералы), так и неразведанных или еще неразработанных (железо, цемент, металлы, новые месторождения каменного угля), мощные запасы лесов, заключающие в себе ценные породы экспортного значения, весь комплекс почвенно-климатических условий, которые являются очень благоприятными для ценных субтропических культур (хлопок, табак, чай и проч.) и, наконец, громадные запасы гидроэнергии в реках и озерах края, — вот те природные ресурсы, которые должны быть все больше вовлекаемы в хозяйственную эксплуатацию, представляя собой специализацию Закавказья и делая его незаменимой частью общесоюзного хозяйственного организма».

При всей ясности этого определения в нем однако не подчеркнута та исключительная особенность в характере производительных сил ЗСФСР, которая действительно выделяет нашу федерацию, как совершенно особую и действительно незаменимую часть «союзного хозяйственного организма».

В сущности, ряд моментов в приведенной характеристике не составляет исключительных особенностей по сравнению с другими областями Союза.

Богатства земных недр рассеяны по СССР, при чем в отношении главных металлов (железо, медь), угля и многих других ископаемых некоторые районы (Украина, Урал, Сибирь) превосходят Закавказье; даже богатейшие нефтяные месторождения ЗСФСР, при всей их огромной ценности в экономике Союза, составляют, правда, важнейшее звено в цепи других нефтяных районов.

Конечно, мощное нефтяное хозяйство составляет уже исключительную особенность нашей страны и чрезвычайно большое влияние оказывает на различные стороны экономики ЗСФСР²; однако, не только и не столько нефть должна разбудить богатейшие, но дремлющие производительные силы нашей республики. Ценные лесные массивы, при их большом экспортном значении, имеются не только в Закавказьи. Даже в отношении технических культур³ (важнейшая из которых хлопок), при блестящих перспективах их развития, Закавказье не только не единственный, но и не первый (по сравнению со Ср. Азией) район в Союзе.

Но в составе естественных производственных сил Закавказья имеется действительно могущественный фактор — это грандиозное скопление легкоиспользуемых энергетических ресурсов, благодаря которым указанные выше (в характеристике Госплана) естественные богатства страны могут получить оптимальное развитие и превратиться

¹ См. «Директивы Госплана СССР по районам по построению пятилетнего плана народного хозяйства» раздел «Закавказье». Письмо от 8 июня 1928 г. № 44/1.

² О нефти, как энергетическом ресурсе, — см. ниже.

³ К исключительным особенностям ЗСФСР действительно можно отнести такие ценные культуры, как чай и табак.

в могучий хозяйственный комбинат совершенно исключительного значения.

Говоря об энергетических ресурсах ЗСФСР, необходимо остановиться на нефти, угле и водных силах.

Излишне останавливаться на роли в союзном хозяйстве бакинского месторождения нефти¹. Можно лишь — в полном согласии с точкой зрения Госплана СССР — отметить, что при все возрастающем спросе на нефтепродукты со стороны двигателей внутреннего сгорания во всем мире, в перспективе рационализации энергоснабжения, нефть, в виду ее исключительной экспортной и внутренней² ценности, нельзя рассматривать, как топливо вообще, и для производства электроэнергии в особенности. Поэтому, несмотря на быстрый рост добычи нефти и на наличие ряда районов в ЗСФСР, где новые разведки обещают благоприятные результаты (Пула, Кабристан, Сальяны, Кахетия — Шираки, Гурия), необходимо всемерно стремиться к сокращению потребления нефти, как топлива для нужд электрификации. Таким образом, нефть не только не рассматривается в плане электроснабжения как источник энергии для ЗСФСР, но, наоборот, в генеральной перспективе получение электрической энергии с прямым использованием нефтепродукта намечается только в качестве резерва к работе электростанций, работающих на гидроэнергии.

Кроме разрабатываемого Тквибульского месторождения каменного угля близ г. Кутаиса, большое промышленное значение имеют Ткварчельские залежи по р. Гализге в Абхазии, в 34 км от станции Очамчыры строящейся Черноморской ж. д.

В Тквибули ведется добыча в количестве около 100 тыс. т в год; за пятилетие намечается рост добычи до 200 тыс. т. Однако необходимо сказать, что тквибульский уголь, как топливо для производства электроэнергии, в сравнении с рядом вариантов гидростанций в том же районе (на Рионе, р. Тквибули, р. Рицеули и др.), как показали подробные расчеты, представляет значительно менее выгодный источник, чем многие из возможных гидростанций.

Вопрос использования ткварчельского угля составляет одну из крупнейших проблем перспективного плана ЗСФСР. При вероятных запасах от 150 до 250 млн. т перспективы использования угля, дающего ценный металлургический кокс — при близости месторождения к морю — весьма благоприятны для снабжения Керченских заводов, Черноморской ж. д., портов Черного моря и, возможно, завода черной металлургии в ЗСФСР.

Постановка специальной тепловой центральной станции на ткварчельском угле, при нахождении станции вдали от районов значительного потребления и в виду необходимости вести длинную линию передачи, могла бы быть рентабельной лишь при условии использования угольных отбросов, не идущих на вывоз. Можно думать, что при ценности коксовых углей таких отбросов в Ткварчели не окажется, и даже для обслуживания самого Ткварчельского предприятия в данное время запроектировано сооружение гидростанции на реке Гализге.

Древесное топливо, как специальный исходный материал для получения электроэнергии на центральных станциях для снабжения районных потребителей, в условиях Закавказья не может быть принят в расчет.

¹ Уже в 1930/31 г. только Азнефть должна дать 13 млн. т нефти против 7,5 млн. т в 1913 г.

² Для тракторного хозяйства и автомобилизации страны.

Отбросы лесоразработок могут быть использованы для выработки энергии, но лишь для нужд самих лесопромышленных предприятий и ближайших пунктов. Возможность сооружения такой станции на Бзыбском лесопромышленном предприятии в плане допускается.

Вопрос о запасах водной энергии в работах Закгосплана занимает особое место и при современном состоянии наших знаний освещен довольно подробно.

Так как при подсчетах водных ресурсов приняты во внимание лишь главные реки, то приведенные ниже результаты теоретических расчетов можно считать преуменьшенными, по приблизительным соображениям на 20—25 %.

Водосборные бассейны рек ЗСФСР	Мощность в Л. С.		
	Годовая постоянная (№ мин.)	Средняя годовая (№ сред.)	6-месячная (№ 6)
Реки Черноморского побережья (с включением бассейна реки Рион)	1.283.500	4.515.000	3.166.000
Река Кура с притоками (без Аракса)	1.088.200	3.864.600	2.568.900
Река Аракс с притоками	467.500	1.661.000	1.112.300
Мелкие реки Каспийского бассейна	55.900	233.700	108.800
Озеро Гочка (условно) ¹	160.000	160.000	160.000
Итого	3.055.100	10.434.300	7.116.000

Наличие столь значительных запасов вечно возобновляющейся энергии—по степени обеспеченности водными силами ставит Закавказье на одно из первых мест в мире.

Сравнение ЗСФСР со всеми другими наиболее богатыми водной энергией странами показывает, что по обеспеченности территории Закавказья занимает третье место² (15,7 Л. С. на 1 кв. км), а по обеспеченности населения—пятое место³.

Пользуясь данными экспортных заключений и материалами накопленных исследований, общие (вполне надежные и экономически целесообразные для практического использования в конкретных силовых установках) запасы водной энергии в ЗСФСР можно оценить не менее 3 млн. Л. С.

Приведенные величины свидетельствуют о практически (для ближайшего периода) неограниченных возможностях. Следует помнить, что к 1 января 1930 г. в ЗСФСР имеется работающих гидростанций только (учитывая и Загэс) мощностью около 34 тыс. квт, т.-е. использовано около 1 % годовой постоянной мощности рек и около 1/2 % их 6-месячной мощности⁴.

¹ Принята при условии средней годовой постоянной мощности.

² На первом месте находится Швейцария (60,8 лш. сил на 1 кв. км.), на втором месте Норвегия (29,4 лш. сил).

³ В порядке последовательности идут: Норвегия (365 лш. сил), Канада (202 лш. сил), Швейцария (73 лш. сил) и Швеция (66 лш. сил).

⁴ В то же время в других странах годовая постоянная мощность водных сил использована: в Швейцарии на 59%, в Японии на 47%, в Италии на 47%, во Франции на 40%, в САСШ на 26% и т. д.

Указанная выше величина вполне обеспеченной мощности (3 млн. лш. сил) может дать выработку свыше 15 млрд. квтч в год. Эта величина равноценна сжиганию почти 10 млн. т нефтетоплива в год.

На базе этих мощных запасов энергии создаются особо благоприятные условия для того, чтобы призвать к жизни все производительные силы страны и дать быстрый темп развитию промышленности, ирригации (механическое орошение) и сельского хозяйства (особенно хлопководство). Но, вместе с тем, массовая дешевая энергия раскрывает исключительные возможности для широкого развития электроемких производств (электрохимия и электрометаллургия)¹.

Вот почему—с полным правом можно сказать, что именно богатства водных ресурсов составляют замечательнейшую особенность экономики Закавказья; на их основе и все другие специфические производительные силы образуют хозяйственный комплекс, который действительно должен стать «незаменимой частью общесоюзного хозяйственного организма».

Поэтому, программа электрификации в целостном плане развития народного хозяйства Закавказья занимает совершенно особое место.

Всего вложений в электрификацию ЗСФСР за пятилетие намечено 207.755 тыс. руб. по следующему распределению (в тыс. руб.):

Табл. 1

Направление вложений	Г о д ы					Всего
	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33	
Районные станции	7.700	22.600	30.017	30.299	23.300	113.916
Местные станции	2.688	5.985	5.299	2.260	2.000	18.232
Мелкие сельские станции	890	1.160	955	980	585	4.570
Линии передачи	650	1.100	2.350	7.500	7.460	19.060
Исследования и изыскания	375	700	900	845	1.180	4.000
Резерв	—	—	—	—	5.000	5.000
Всего по ЗСФСР без Азнефти и НКПС	12.303	31.545	39.521	41.884	39.525	164.778
Азнефть (Баку и Батум)	5.400	6.790	6.589	3.862	2.213	24.854
НКПС (электрификация тяги)	2.898	4.970	2.255	3.000	5.000	18.123
Всего по ЗСФСР	20.601	43.305	48.365	48.746	46.738	207.755

Вложениями средств в указанных размерах предполагается форсировать рост установленной мощности электростанций, значительно развить сеть линий электропередач и обеспечить покрытие стремительно возрастающей потребности в электроэнергии.

Необходимо при этом иметь в виду, что крупное капитальное строительство вообще, и в области сооружения гидроэлектрических станций в частности, дает эффект только по окончании строительства, и потому результаты вложения за пятилетие огромных сумм лишь частично скажутся до 1932/33 г., и только в 1933/34 г. проявится почти полностью реконструирующее влияние затрат на электростроительство в течение пятилетия.

¹ Ферромарганец, азотистые удобрения, алюминий и др. производства.

С учетом этого замечания основные технические показатели пятилетнего плана определяются следующими элементами (если принять первый и последний год пятилетки, а также годы предшествующий и последующий).

Динамика роста мощности станций.

в квт.

Табл. 2.

Род станций	На 1 октября				Примечание
	1928 г.	1929 г.	1933 г.	1934 г. ¹	
Районные	104.640	121.300	334.200	450.000	1 С учетом окончан. регулирующей централи и приблизит. учета роста мощности проч. станц.
Местные	6.200	9.940	39.310	100.000	
Сельские и проч. станции . . .	11.900	14.260	18.520		
Всего по ЗСФСР	122.745	145.500	393.035	550.000	
Прирост в %-х по сравнению с предыдущей графой	—	За 1 год 18,5%	За 4 года 170%	За 1 год 40%	

Динамика роста потребления энергии

в тыс. квтч.

Табл. 3.

Потребители	Г о д ы				Примечание
	1927/28	1928/29	1932/33	1933/34	
Промышленность	296.300	356.300	862.300	1.450.000	1 В средн.
Сельское хозяйство	1.500	8.200	19.600	70.000	
Транспорт	3.100	5.000	44.000	150.000	
Коммунальное хоз. и бытовое потребление	44.600	62.400	102.100	130.000	
Всего	345.500	431.900	1.025.700	1.800.000	
Прирост в %-х по сравнению с предыдущей цифрой	—	За 1 год 28%	За 4 года 138% ¹	За 1 год 75%	в год 35%

Для 1933/34 г. учтены: а) по промышленности: развитие электроемких производств — ферромарганца — до 150 тыс. *т* в год и азотистых удобрений общим количеством до 20 тыс. *т*; б) в сельском хозяйстве: рост потребления электроэнергии в механическом орошении на площ. до 30 тыс. *га* и в) по транспорту: потребление электро-тяги на участках Тифлис—Хаш,ри и Санаин—Ленинакан, а также электрификация станций нефтепроводов.

Из приведенных соображений видно, что в указанных выше цифрах еще не нашли отражения те новые требования на электрическую энергию, которые выявляются лишь в настоящее время, в процессе двух больших работ: по пересмотру плана развития химической про-

мышленности (с форсированием производства азотистых удобрений) и по расширению плана хлопководства. Крайне важным фактором в усилении потребления энергии явится стремительное развитие процессов социалистической реконструкции сельского хозяйства, в отношении которой постановлением ЗКК ВКП(б) от 15 декабря (о весенней посевной кампании 1930 г.) принято решение «положить начало крутому перелому в темпах» роста посевных площадей, урожайности и удельного веса обобществленного сектора.

Эти моменты должны будут поставить вопрос о дальнейшем форсировании электростроительства, так как только массовая дешевая электроэнергия может обеспечить осуществление всех тех хозяйственных задач большого масштаба, к реализации которых страна наша вплотную подошла в 1930 г. Таким образом, в области электрификации предстоит идти вперед еще более быстрым темпом, чем то было смело намечено в последнем варианте пятилетки.

Как же фактически идет развитие электрификации в ЗСФСР, что даст 1929/30 г. в отношении роста нашей энергетической базы?

На этот вопрос должны дать ответ контрольные цифры электрификации ЗСФСР на 1929/30 г.

До 1928/29 г. в строительство новых станций (считая со времени советизации Закавказья) вложено 26.555 тыс. руб., при чем в эту сумму не входят затраты на начало работ по электрификации тяги и на установку новых агрегатов на станциях Бакинского Электротока. В истекшем 1928/29 г. в электростроительство вложено 12.592 тыс. руб. без затрат Азнефти и НКПС.

Состояние мощности (по отдельным видам станций и суммарной) на 1 октября 1929 г. и размеры потребления в 1928/29 г. приведены выше в табл. 2 и 3.

Степень рационализации энергетического баланса характеризуется долей участия в производстве энергии — тепловых и гидро-станций, поскольку одной из основных задач плана является стремление к максимальному¹ сокращению потребления экспортного (и моторного) топлива.

На 1 октября 1928 г. из общей мощности 122.745 *квт* было: 99.465 *квт* (или 81 %) тепловых и 23.280 *квт* (или 19 %) гидравлических.

За 1928/29 г. из 431.900 тыс. *квтч* потребления на долю тепловой энергии приходится 350 млн. *квтч* (или 81 %) и 81,9 млн. *квтч* (или 19 %) гидроэнергии.

По плану к концу пятилетия это невыгодное соотношение значительно рационализируется, и вместо 81 % и 19 % должно быть: по мощности 40,3 % тепловых и 59,7 % гидравлических станций, и по количеству энергии 52,3 % тепловой и 47,7 % гидравлической.

II.

К 1 октября 1929 г. в ЗСФСР мощность всех станций уже достигает 145.500 *квт*, которая складывается из мощностей следующих станций, расположенных в порядке убывающей мощности.

¹ Относительному в первом пятилетии и абсолютному во втором.

№№	Название	Мощн. ¹ в кет	Примечание
1	Бакинские станции Электротока	108.500 ²	¹ Титульно показаны станции более 400 кет. ² Станция Красная Звезда—87.500 кет, им. Леонида Красина 18.000 кет и 3-я станция—3.000 кет. ³ Построенные в довоенное время. ⁴ Сооружение запаздывает, и станция фактически вступит в 1930 г.
2	Загэс	12.800	
3	Ленинаканская	2.100	
4	Эриванская	1.760	
5	Нижне-Зурнабадская	1.250	
6	Абгэс	1.200	
7	Аллавердская	900 ³	
8	Гянджа-маслозавод	770	
9	Катарская	670 ³	
10	Нухинская	600	
11	Гянджа—при текстильной фабрике	450	
12	Батумская станция Азнефтьстроя ⁴	2.000	
13	Прочие станции	12.800	
		145.500	

В то же время к началу 1929/30 г. находятся в постройке и расширяются следующие станции:

№№	Название	Мощн. в кет	Примечание
1	Рионгэс	41.000	Строится
2	Дзорагэс	20.000	"
3	Загэс до	38.400	Расширяется
4	Эриванская "	4.600	"
5	Абашская "	1.800	"
6	Ленинаканская "	5.200	"
7	Иджеванская "	750	Строится
8	Прочие (мелкие) станции	1.070	"
Строящаяся и добавляемая мощн.		94.960 ¹	¹ За вычетом работающей мощности по №№ 3, 4, 5 и 6.

Следует кратко остановиться еще на одной станции—Аджарис-Цхальской, которая «числится» в списках строящихся.

В приведенный выше перечень Ацгэс (сокращенное название этого строительства) не включена, вследствие того, что фактически эта станция не строится. Работы по сооружению станции¹ начаты в 1924 г. по утвержденному в центре эскизному проекту. Проект предусматривал устройство высокой набросной плотины с бетонным зубом, короткий деривационный туннель и сложные водосбросные сооружения на пропуск паводка в 2.500 куб. м в сек. при исключительно трудных местных топографических и геологических условиях.

Вследствие недостаточных предварительных исследований района в проекте был допущен ряд ошибок; производство работ начато было до производства серьезного геологического изучения условий залегания скалы в месте устройства плотины.

Указанные обстоятельства привели к тому, что на 6-м году от начала строительства и после затраты значительных сумм² (превосхо-

¹ На мощность 5000 лош. сил (3750 кет).

² Около 6 млн. руб.

дивших первоначальную¹ сметную стоимость всей станции)—на основании обследования работ Комиссией Главэлектростроения в январе 1929 г.—решено было строительство приостановить и начать исследования для составления проекта заново. В настоящее время эта работа производится, причем—по имеющимся сведениям—предположено перенести головное сооружение вверх на 4 км и из выполненных работ использовать в качестве небольшого участка деривации ранее исполненный туннель, который составит около 20% общей длины деривационных сооружений при стоимости его не выше 10% стоимости сооружения по новому проекту. Но при этих условиях нужно говорить не о продолжении постройки, начатой в 1924 г. станции, а о сооружении новой, которой предполагается придать характер районной централи. Поскольку экономичность такой новой станции еще неясна и характер местной нагрузки не выяснен (особенно имея в виду сооружение в Батуме тепловой станции Азнефтьстроя²,—такая станция могла бы получить районное значение лишь при условии связи с Рионгэс'ом, но в этом случае необходимо иметь в виду предстоящее сооружение (в той или иной последовательности) мощных станций: Тапараванской, Храмской и на Среднем Рионе (Алпана, Меквена) с длительным регулированием и весьма низкой стоимостью энергии. Нет сомнения, что каждая из этих станций (и некоторые другие) должны иметь преимущество перед Ацгэс'ом. По этим мотивам Аджарисцхальская станция не включена в приведенные списки.

III

Говоря о произведенных до 1929/30 г. работах по электрификации, необходимо подчеркнуть совершенно неудовлетворительное положение (до настоящего времени) в важнейшем вопросе—по исследованиям и изысканиям энергетических ресурсов в ЗСФСР. Не касаясь здесь вопроса о состоянии геологоразведочных работ на уголь³ и нефть⁴, отметим, что мощные запасы водной энергии в ЗСФСР до сих пор весьма слабо исследованы и систематическое изучение водных сил еще не поставлено.

Переходя к контрольным цифрам 1929/30 г., следует отметить, что при их составлении уже ясно обозначилась необходимость форсировать работы по пятилетке. Но к тому времени еще не начаты были работы по пересмотру планов развития хлопководства и химической промышленности. Обе эти отрасли заставят (в результате происходящего пересмотра планов) еще более ускорить темп электростроительства. Но в полной мере эти задачи, повидимому, получат отражение лишь с 1931 г.

Однако вложения в электростроительство по ЗСФСР на 1929/30 г. уже больше чем в два раза превышают первоначальные предположения по пятилетнему плану. Такое увеличение является главным образом следствием решения ВСНХ СССР от 27 мая 1929 г. по вопросу о ферромарганце. Указанным решением ВСНХ постановил:

¹ 4,9 млн. руб.

² В последнее время опять выдвигается конкурировавший еще в 1923 г. с Ацгэс'ом интересный проект высоконапорной станции местного значения на реке Каронис-Цхали (близ Батума).

³ Разведки угольных месторождений в Ткварчели и Тквибули произведены за последние годы полно и широко.

⁴ Дело поисков промышленных месторождений нефти в Грузии (Шираки, Гурия) и Азербайджане с 1930 г. получает широкий размах.

«Обратить особое внимание на форсирование постановки в Чиа-турах ферромарганцевого производства, с расчетом выплавки ферромарганца в 1931/32 г. в размерах 40 тыс. *т*, в 1932/33 г. не менее 50 тыс. *т*, с расчетом выплавки ферромарганца в 1933/34 г. до 150 тыс. *т*. Поручить Пэу и Главэлектро в двухмесячный срок увязать вопрос о выплавке 150 тыс. *т* ферромарганца для экспорта с постройкой новой гидроэлектростанции в Грузии и ее потребителями».

В связи с этим необходимо уже с 1930 г. приступить к расширению Загэс'а на полную мощность, одновременно строить Рионгэс не на 21 тыс. *квт*, как предполагалось раньше, а на 41 тыс. *квт*, и начать работы по постройке регулирующей централи. Только при этих условиях можно обеспечить выполнение поставленного задания, реализация которого потребует в 1933/34 г. до 600 млн. *квтч* добавочной энергии.

Параллельно, в связи с возросшими требованиями на электроэнергию со стороны промышленных предприятий Армении и особенно Азербайджана, в этих республиках также необходимо значительно усилить темп электростроительства. В сущности приходится сказать, что в Азербайджане (за исключением Бакинского района с его мощными тепловыми станциями) электростроительство еще и не начато, так как постройка нескольких мелких станций (в Гяндже и Нухе) совершенно не удовлетворяет возросший спрос; и в настоящее время недостаток энергии в Гянджинском районе является основным тормозом к использованию богатых производительных сил района.

Поэтому, пуск в эксплуатацию некоторых станций, который намечался первоначально по пятилетнему плану в начале следующего пятилетия, необходимо перенести на конец текущего пятилетия.

Контрольные цифры по отдельным объектам и элементам плана ниже рассматриваются последовательно по территориям Азербайджана, Армении и Грузии.

Уже выше было указано, что электрификация в Азербайджане развивалась в неблагоприятных условиях. Можно отметить две основных причины этого положения. Во-первых, наличие мощных тепловых станций Электротока в Баку с относительно низкой себестоимостью энергии (при среднем отпускном тарифе 3,4 коп. за 1 *квтч*¹ давала возможность «не спешить» с вопросом о сооружении мощных гидравлических централей, которые одновременно могли бы снабдить энергией Гянджинский район, обширные территории механического орошения вдоль Куры (порядка 100 тыс. *га*) и, с другой стороны, дать гидроэнергию в Баку для частичной (на первые годы) замены водной энергией сжигаемого на тепловых станциях нефтетоплива. На этих соображениях как раз и была построена идея Азгидроцентрали. Лучшее—говорят—враг хорошего. И вот в поисках «лучшего» решения вопрос оттягивался и откладывался из года в год, начиная с 1924 г.

Между тем, территориальное размещение и характер водных ресурсов Азербайджана таковы, что рентабельным решением может быть строительство только относительно крупной станции (на Куре у Карасахкала, на Тертере, Араксе, Самуре).

Но намечавшиеся станции порядка мощности свыше 100 тыс. *л. С.* с линией передачи в Баку требовали крупных вложений (порядка 70 млн. руб.); затрата такой суммы на один объект встречала возраже-

¹ Для сравнения: Могэс дает по 8 коп., Ленинградские станции—8,1 коп. Штеровка—4 коп., Загэс—5 коп. и только Кизеловская ст. дает по 3 коп.

ния в центре и являлась второй причиной отсталого положения электрификации в АССР.

После длительной дискуссии вокруг этого вопроса решено было остановиться на Малом Карасахкальском варианте мощностью в 30 тыс. *квт*. Эта централь производительностью 200 млн. *квтч*, предназначенная для питания Гянджинского промышленного округа, района Прикуринского орошения до Евлаха¹ и ряда промышленных предприятий в районе Евлах—Тауз, должна (по плану) строиться уже в текущем году с окончанием в 1932/33 г. Уже и без того вопрос чрезвычайно затянулся, и снабжение энергией быстро индустриализирующего Гянджинского района находится буквально в катастрофическом положении. С целью скорейшего разрешения вопроса—в контрольные цифры было внесено на строительство Карасахкальс'а 3.500 тыс. руб. (начало работ²) и одновременно в качестве экстренной меры решено было начать срочно строить в Гяндже тепловую (дизельную) станцию мощностью 3 тыс. *квт*. Между тем, вследствие недостаточной подготовки проекта и необходимости производства некоторых дополнительных (геологических и гидрогеологических) исследований, Союзные органы в текущем году не включили в бюджет указанного кредита (3,5 млн. руб.), предложив затратить этот год на детальную доработку технического проекта. Но и центральные органы, признавая тяжелое положение с электроснабжением Гянджи, в качестве выхода из положения (в виду неизбежной задержки с радикальным решением, каковым будет строительство Карасахгэс'а) намечают усиление мощности тепловой дизельной с 3 тыс. *квт* до 8 тыс. *квт*. К этому решению при сложившейся обстановке приходится склоняться еще и потому, что предстоящая полная реконструкция хлопковых районов на базе крупного обобществленного хозяйства пред'являет в АССР огромный спрос на электроэнергию. Предварительные подсчеты показывают, что механизированным хлопковым предприятиям социалистического типа потребуется в АССР около 60 млн. *квтч* энергии, при необходимой мощности около 15 тыс. *квт*. Разработка вопроса по обеспечению электроэнергией процессов обобществления в хлопковых районах находится сейчас в стадии разработки эскизных соображений, и по этому вопросу в данный момент можно говорить пока лишь приблизительно. В порядке такого приближенного решения, повидимому, приходится наметить три центра питания хлопковых районов и механического орошения электрической энергией при помощи линий передач: Зубовка (или Сальяны), Лембаран и Гянджа.

Мы остановились несколько подробнее на вопросе об этой станции и вообще на проблеме питания энергией Гянджинского района в виду исключительной неотложности поставленных задач и в целях выяснения опасности дальнейшей медлительности по электрификации АССР.

Таким образом, вопрос о районной централи в АССР тесно сплетен с местными станциями в Гянджинском районе.

Говоря о районных станциях в АССР, необходимо отметить, что мощность бакинских станций возрастет в 1929/30 г. на 10 тыс. *квт* и достигнет 118.500 *квт*. При этом затраты на расширение и прочие капитальные работы составят за год 6.790 тыс. руб.

¹ В связи с пересмотром плана хлопководства возникла мысль о передаче энергии из Карасахгэс'а до Лембарана.

² Полная стоимость по эскизному проекту 26 млн. руб.

На дизельную Гянджинскую станцию предполагается ассигнование в сумме 1.900 тыс. руб. Из этой суммы на переустройство Гянджинской сети предполагается израсходовать 100 тыс. руб.

Переустройство сети города и его промышленных предприятий обуславливается необходимостью рационализировать «лоскутное» энергохозяйство Гянджи и включить в совместную работу как существующие станции: гидравлическую Н.-Зурнабадскую, дизельную станцию маслобойного завода, паро-турбинную станцию при прядильно-ткацкой фабрике, так и сооружаемую дизельную станцию.

Далее, по контрольным цифрам намечено ассигнование в сумме 300 тыс. руб. на развитие другой станции местного значения—Нухинской, но вопрос о постройке второй ступени гидростанции Нухгэс^а еще недостаточно проработан и должен быть тщательно обсужден в связи с необходимостью обеспечить электроэнергией строящуюся шелкомотальную фабрику в Нухе.

На сельские станции АССР предполагается было наметить 678 тыс. руб. При этом предполагалось вести строительство 11 мелких станций общей мощностью 780 *квт* в следующих пунктах: Евлах, Кусар-Чай, Куба, Султанкенд, Кюрдамир, Ляки, Хачмас, Норашен, Гиндушен, Моллакенд и Алвенд. Указанные выше станции для нужд сельского хозяйства (Зубовка, Лембаран) в контрольные цифры не входили. Но ассигнования по сельской электрификации в утвержденных контрольных цифрах претерпели снижение (см. ниже таблицу контрольных цифр).

В Армении успешно развивается строительство районной Дзорагетской централи. Ассигнование на Дзорагэс на 1929/30 г. предполагается в размере 4.500 тыс. руб., из которых по бюджету 3.540 тыс. руб. и 1.010 тыс. руб. по местным средствам и за счет потребителей. В этом году должны быть почти полностью закончены основные работы по головному сооружению, тоннелю и по нижнему узлу сооружений.

Вторая районная станция, сооружаемая в Армении в текущем пятилетии — Канакирская, мощностью 15 тыс. /30 тыс. *квт*. Сметная стоимость первой очереди около 9 тыс. руб. В текущем году по контрольным цифрам предполагается ассигновать 1.475 тыс. руб. Указанная сумма предназначена на выдачу первоначальных авансов по заказам электромеханического оборудования и на организацию подготовительных работ общего характера.

Намеченное пятилетним планом развитие потребления энергии в промышленности подчеркивает срочность сооружения этой централи для совместной работы ее с другими станциями.

По местным станциям в Армении намечено расширение Эриванской, Ленинанканской и окончание Иджеванской станций.

На Эриванскую станцию предполагается в текущем году ассигновать 760 тыс. руб., имея в виду необходимость устройства плотины для обеспечения бесперебойной работы расширенной мощности станции потребным количеством воды.

Расширение Ленинанканской гэс до мощности 5.200 *квт* вызывается развитием потребления текстильных фабрик, а также потребностями предприятия по разработке арктического туфа. Все работы по расширению требуют в 1928/29 г. 1.130 тыс. руб.

В 1929/30 г. заканчивается постройка Иджеванской станции. Вся стоимость этой станции 900 тыс. руб., из которых в предыдущие годы получено 390 тыс. руб., остальные 510 тыс. руб., потребные для окон-

чания станции, вошли в контрольные цифры 1929/30 г.; нужно отметить, что строительство этой станции слишком затянулось.

Объектами сельской электрификации в 1929/30 г. являются Мегринская и Ахтинская электростанции. Из них первая требует 110 тыс. руб. для окончания сооружения, а вторая — 39 тыс. руб.

Также намечена электрификация совхоза Паракар, коммуны в Сардарабаде и Аштаракского участка. По проекту контрольных цифр предполагается ассигновать в 1929/30 г. на эти объекты 100 тыс. руб. Всего на сельскую электрификацию намечалось в 1929/30 г. 250 тыс. руб. Но эти предположения также претерпели снижение (см. ниже таблицу). Состояние электростроительства в ССР Армении требует уже начала работ по кустованию станций.

На линии передачи куста Дзорагэс — Ленинанкан — Канакир — Эривань капитальные вложения в пятилетие определяются в 7.310 тыс. руб., при чем на первый год строительства намечались затраты в размере 1.200 тыс. руб. на начало работ по сооружению линии передачи Дзорагэс — Караклис и повышающей подстанции Дзорагэс (суммы эти вошли в контрольные цифры по Дзорагэсу).

Еще более интенсивно, чем в Армении, протекают процессы электрификации в Грузии. При этом задача по обеспечению развития ферромарганцевого производства повелительно требует форсирования плана электростроительства в Грузии.

Следует отметить, что по богатству водных сил, по наличию большого числа мест, благоприятных для сооружения мощных гидростанций, Грузия занимает исключительное положение в СССР.

Для удовлетворения потребности в электроэнергии ферромарганцевого завода, в количестве около 160 млн. *квтч* в 1932 г. и около 200 млн. *квтч* в 1933 г. — центральная станция на р. Рион у Кутаиса должна теперь же строиться на полную мощность 41 тыс. *квтч*¹, что вызывает дополнительные расходы в размере 4.500 тыс. руб. Таким образом, полная стоимость Рионгэс^а определяется в 26 млн. руб.

Следует подчеркнуть, что основная задача Рионгэс^а — обеспечить питание энергией электрической тяги на Сурамском перевальном участке Закавказских ж. д. Работы по электрификации тяги на Сурамском перевале развиваются успешно и можно уверенно утверждать, что к 1 апреля 1931 г. железная дорога будет уже в состоянии начать опытные поездки с электровозами².

С 1 октября 1931 г. может быть уже начата правильная эксплуатация, и к этому сроку Рионгэс обязательно должен вступить в эксплуатацию. До 1 октября 1928 г. на Рионгэс затрачено 3.360 тыс. руб. в 1928/29 г. получено 4.400 тыс. руб. и в 1929/30 г. намечено вложить 12.470 тыс. руб. (против предположений по пятилетнему плану — 9.100 тыс. руб.).

Но в связи с проблемой производства ферромарганца в более короткие сроки, чем предполагалось при составлении пятилетнего плана, кроме постройки Рионгэс^а на полную мощность необходимо теперь же расширить Загэс до предельной мощности — 38.500 *квт* расширение это должно быть закончено к моменту пуска ферромарганцевого завода первой очереди, т. е. в 1931 г., но к сожалению, приходится констатировать медленность темпа в этих работах, задержку

¹ Еще в 1928 г. предполагалось вначале строить на мощность первой очереди 20.500 *квт* при стоимости 21.500 тыс. руб.

² Для опытных поездок в период с 1 апреля 1931 г. по 1 октября 1931 г. предполагается пользоваться энергией Загэс^а.

в финансировании, длительные сроки изготовления оборудования и т. д. Необходимо определенно сказать, что эти задержки неблагоприятно отразятся на реализации плана развития производства ферромарганца. Для расширения Загэс'а ориентировочно требуется затрата 6.900 тыс. рублей.

Вся стоимость Загэс'а на полную мощность с повышательными и понижающими подстанциями и с линией передачи составит по работам 1-й очереди 15.446 тыс. руб. и по расширению до полной мощности 7.149,7 тыс. руб., т. е. 22.595,7 тыс. руб., между тем на 1929/30 г. в утвержденные контрольные цифры внесена лишь сумма 2.110 тыс. р.

Переходя к местным станциям по Грузии, необходимо напомнить высказанные выше соображения об Ацгэс'е: пока вопрос об экономической и технической целесообразности сооружения не будет разрешен в высших союзных органах, следует воздержаться от ассигнований в 1929/30 г. на какие-либо строительные работы по этой станции.

В отношении другой станции местного значения—Абашской, можно сказать, что станция уже получила полную нагрузку: находящиеся в эксплуатации и строящиеся линии передачи: Абгэс—Кутаис, Хони—Самтреди и Абгэс—Поти, связывают станцию с рядом крупных потребителей энергии (баритовый завод в Кутаисе, шелкомотальные фабрики в Хони, Самтреди и Кутаисе, строительство Рионгэс'а, Самтредский ж.-д. узел, холодильники и порт в Потии и др.). Эти нагрузки уже не могут быть покрыты Абгэс'ом при мощности 1.200 *квт* и для обеспечения указанных потребителей энергией (до момента пуска Рионгэс'а) необходимо принять меры к скорейшей установке третьего агрегата. Впоследствии Абгэс (который может быть значительно усилен перекидкой в Абашу воды из реки Цачхуры) будет работать на общую сеть в системе: Загэс—Рионгэс—Абгэс.

Алазанская станция, которая должна строиться на перепаде оросительного канала, призвана обслуживать главным образом потребности сельского хозяйства Кахетии и машинного орошения. Установка эта будет вполне рентабельна и целесообразна; кроме того, уже имеется все необходимое электрооборудование (изготовленное для приостановленной станции на р. Аджарис-Цхали). Приходится однако отметить незаконченность проекта этой интересной станции, призванной содействовать обобществлению сельского хозяйства богатого района Грузии. Мощность станции по проекту 4.800 *квт*¹.

В текущем году предполагается также приступить к постройке двух станций в Абхазии: на р. Гумисте мощностью 1.750 *квт* (для обслуживания электроэнергией г. Сухума и его района) и на р. Гализге². Проект Гумистанской станции имеется. Станция получается сравнительно дорогой; при рассмотрении проекта было найдено необходимым произвести дополнительные геологоразведочные работы в районе головных сооружений. В настоящее время перепроектировка станции заканчивается.

Наконец, последней из местных станций в Грузии, включенной в контрольные цифры 1929/30 г. является станция на р. Гализге, которая предназначается для снабжения энергией Ткварчельских каменноугольных копей. В настоящее время заканчивается ее проектирование,

¹ При общей стоимости этой станции свыше 2 млн. руб. в контрольные цифры 1929/30 г. на начало работ внесено 300 тыс. руб.

² На начало строительства при полной стоимости первой станции—2.500 тыс. руб. необходимо предусмотреть в контрольных цифрах сумму в размере 900 тыс. руб. в виду того, что вопрос о снабжении г. Сухума находится в чрезвычайно неблагоприятном положении.

и по предварительным данным при мощности 3.650 *квт* полная стоимость станции выразится в 3 млн. руб. На 1929/30 г. предусматривается ассигнование в размере 1 млн. руб. Так как станция должна обслуживать исключительно Ткварчельские копи, расходы по постройке должны быть целиком покрыты Ткварчельским предприятием.

По сельским и мелким коммунальным станциям в Грузии в 1929/30 г. предполагается произвести работы на пяти сельских и четырех коммунальных станциях в следующих пунктах: Гали, Анага, Кобулеты, Бакурцixe, Мирзаани, Цхинвали, Озургеты, Зугдиды и Гурджаани. Полная мощность этих девяти станций—480 *квт* и стоимость—330 тыс. руб. На 1929/30 г. намечалось вложение 215 тыс. руб.

С учетом предположений по мелким станциям в АССР и ССРА всего в контрольные цифры по ЗСФСР на мелкие и сельские станции предполагалось вложить в 1929/30 г.—1.145 тыс. руб.

Но утвержденными контрольными цифрами на эту цель принято лишь 786 тыс. руб.

IV.

Картина работ в области электрификации ЗСФСР будет незаконченной, если не осветить кратко вопроса о том, как идет подготовка к дальнейшему расширению энергетической базы Закавказья.

Мы уже подчеркивали, что электрификация в ЗСФСР базируется преимущественно на гидравлической энергии, и пятилетним планом, для обоснования дальнейших плановых предположений, предусмотрены вложения, необходимые для проведения работ исследовательского характера.

По утвержденному органами СССР плану электрификации намечено для ЗСФСР ассигнование в 4 млн. руб. на изыскания и исследования по водной и тепловой энергетике; из них 1 млн. руб. на общие исследования и 3 млн. руб. на изыскания и составление схематических проектов.

До самого последнего времени важное дело изучения наших водных ресурсов находилось в крайне отсталом положении. Текущий бюджетный год является в этом отношении переломным и кладет начало специальным ассигнованиям по работам исследовательского характера, так как в этом году впервые по контрольным цифрам СССР ассигнована на указанную цель крупная (сравнительно) сумма в 915 тыс. руб.¹

При распределении суммы 915 тыс. руб. и дополнительной—300 тыс. руб. следует считать необходимым удовлетворить следующие важнейшие потребности.

Принимая во внимание крайнюю отсталость Азербайджана в электростроительстве, необходимо затратить на окончание составления технического проекта Карасахкальской ГЭС 195 тыс. руб. (имея в виду полную смету в 280 тыс. руб. и отпущенную ранее сумму в 85 тыс. руб.), и кроме того, из тех же соображений необходимо отпустить на дополнительное обследование Тертерской ГЭС, Шамхорской станции и на общее обследование рек Азербайджана 105 тыс. руб.

В Армении, в виду относительно благоприятного положения вопроса с электростроительством, можно ограничиться суммой 200 тыс.

¹ При детальном распределении неотложных заданий на исследования и изыскания выяснилось, что при введении некоторых коррективов минимальная потребная сумма составит около 1.200 тыс. руб. и что ассигнование—915 тыс. руб. является недостаточным. Поэтому представляется необходимым поставить вопрос об увеличении в текущем году ассигнования на 300 тыс. руб.

руб., из которых 150 тыс. руб. (в том числе на эскизный проект новой Солакской станции¹ 100 тыс. руб.) из суммы 915 тыс. руб. и 50 тыс. руб. необходимо отнести за счет дополнительного кредита (или из сумм на строительство Канакирской станции²).

В Грузии, в виду необходимости ускорить вопрос о сооружении регулирующей централи, желательно отпустить на исследования и изыскания 715 тыс. руб., причем 515 тыс. руб. из суммы 915 тыс. руб., а остальные 200 тыс. руб. из дополнительных средств. При этом, впредь до окончательного выяснения вопроса о доассигновании, следует считать целесообразным иметь вполне сопоставимые и сравнимые проекты по р. Топаравани и р. Храму.

Кроме того необходимо, для всестороннего освещения вопроса, разработать также эскизные соображения по станции на р. Рион (Меквена, Алпана³), как возможные варианты регулирующей централи, чтобы при решении вопроса иметь полный материал по мощной гидроцентрали, связанной с производством ферромарганца.

Итоги приведенных выше материалов контрольных цифр даны ниже в двух таблицах: по местным станциям и в сводной, где вложения по местным станциям показаны суммарно и выделены титульно все районные централи (см. табл. 4).

Таким образом по местным станциям (относя к этой категории станции мощностью—при полном развитии—не менее 500 квт) в течение 1929/30 г. утверждено ассигнование в сумме 7.640 тыс. руб.⁴ против 3.216 тыс. руб. в 1928/29 г. по всем источникам.

Еще более значительный рост получают ассигнования на районные централи. Так, на Рионгэс принято финансирование в сумме 12.470 тыс. руб. против 4.400 тыс. руб. в 1928/29 г.⁵, на Дзорагэс—4.550 тыс. руб. (2.750 тыс. руб.), на Загэс—2.110 тыс. руб. (40 тыс. руб.) и на Канакиргэс—1.475 тыс. руб. (начало работ). Только по Карасахкалу—по указанным выше причинам—не намечено никаких ассигнований, и это обстоятельство следует считать серьезным дефектом оперативного плана 1929/30 г., который во всяком случае должен быть устранен в 1930/31 г.

С этими указаниями сводная таблица контрольных цифр электрификации ЗСФСР представляется в следующем виде (см. табл. 5):

Учитывая еще вложения Азнефти, общую сумму вложений в электростроительство ЗСФСР в текущем году можно определить в 36.696 тыс. руб. (без затрат по электрификации Сурамского перевала).

Таким образом, можно констатировать факт весьма значительного роста электростроительства в 1929/30 г.; что касается того, что сумма вложений возрастает значительно быстрее, чем мощность и потребление, то объясняется это обстоятельство вступлением в работу в конце 1930/31 г. новой значительной мощности. Соответственно этому в 1931/32 г. произойдет стремительное возрастание мощности и потребления.

¹ На р. Занге — следующая ступень после Канакирской станции.

² Поскольку исследование связано с регулированием стока р. Заиги.

³ Вопрос об установке на р. Рион у Алпана приобретает исключительный интерес в связи с новыми проблемами по развитию электроемких производств. Мощная станция с возможностями производства до 800 млн. квт еще в довоенное время привлекала внимание и иностранных капиталистов и внутренних предпринимателей. В настоящее время инж. Мелик-Пашаев выдвигает новый вариант.

⁴ Из них только по бюджету ЗСФСР — 3.450 тыс. руб.

⁵ В скобках — суммы вложений за 1928/29 г.

М Е С Т Н Ы Е С Т А Н Ц И И

Табл. 4.

Наименование станций	Мощность в квт		Стоимость в тыс. руб.		Вложен. до 1 окт. 1929 г.	Остается вложить	Контрольные цифры 1929/30 г.			
	Первая очередь	Полная	Первая очередь	Полная			По всем источникам	И з н и х		
								Респ. бюдж.	Кредит банков	Проч. источ.
Г Р У З И Я										
Абгас	600	2.400	1.450	2.560	1.960	600	600	250	200	150
Гумистанская	1.750	1.750	2.500	2.500	—	2.500	900	500	200	200
Гализгинская	3.650	3.650	3.000	3.000	—	3.000	1.000	—	—	1.000
Алазанская	4.800	4.800	2.200	2.200	—	2.200	300	200	—	100
Итого по Грузии . . .	10.800	12.600	9.150	10.250	1.960	8.300	2.800	950	400	1.450
АЗЕРБАЙДЖАН										
Нижне-Зурнабадская	2.700	2.700	2.600	2.600	2.360	240	240	—	—	240
Ганджа-тепловая	3.150	8.000	2.300	4.500	200	4.300	1.900	900	700	300
Нухинская	600	1.200	420	720	420	300	300	140	100	60
Итого по АССР . . .	6.450	11.900	5.320	7.820	2.980	4.840	2.440	1.040	800	600
А Р М Е Н И Я										
Эриванская	1.760	4.560	1.800	3.080	2.320	760	760	400	—	360
Ленинаканская	2.080	5.200	2.058	3.588	2.453	1.130	1.130	610	300	220
Иджеванская	375	750	800	900	390	510	510	450	—	60
Итого по ССРА . . .	4.215	10.510	4.658	7.568	5.163	2.400	2.400	1.460	300	640
ВСЕГО по ЗСФСР . . .	21.465	35.010	19.128	25.638	10.103	15.540	7.640	3.450	1.500	2.690

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА

Табл. 5.

Наименование работ	Мощность в квт		Стоимость в тыс. руб.		Вложен. до 1 окт. 1929 г.	Остается вложить	Контрольные цифры 1929/30 г.				
	Первая очередь	Полная	Первая очередь	Полная			По всем источникам	Бюдж. СССР	Бюдж. ЗСФСР	Кред. банк.	Прочие источ.
А. РАЙОННЫЕ СТАНЦИИ											
Рионгас	20.500	41.000	21.600	26.100	7.760	18.340	12.470	8.970	—	150	3.350
Дэорагас	12.800	20.000	8.254	8.954	4.454	4.500	4.500	3.500	—	—	1.000
Загас	12.800	38.400	13.989	19.749	13.989	5.760	2.120	520	—	—	1.600
Канакирская	15.000	30.000	8.500	11.000	—	11.000	1.475	1.475	—	—	—
ВСЕГО районных	61.100	129.400	52.343	65.803	26.203	39.600	20.565	14.465	—	150	5.950
Б. МЕСТНЫЕ СТАНЦИИ											
Б. СЕЛЬСКИЕ и МЕЛКИЕ СТАНЦИИ	4.344	4.344	4.570	4.570	1.670	2.900	786	—	491	—	295
Г. ИССЛЕДОВАНИЯ и ИЗЫСКАНИЯ											
ИТОГО по ЗСФСР . . .	86.909	168.754	80.041	100.011 ¹	37.976	62.040	29.906	15.380	3.941	1.650	8.935

¹ В указанные итоги мощностей и стоимостей (первые 4 графы) не вошли станции, постройка которых начинается после 1929/30 г.

Указанное положение видно из следующих цифр:

Г О Д Ы	1928/29	1929/30	1930/31	Примечание
Вложения ¹	20.601.000	41.915.000	49.351.000	рублей
Прирост в %-х	—	115	—	
Мощность на конец года	145.500	166.700	278.000	квт
Прирост в %-х	18,5	14,5	66	
Потребление за год	431.900.000	473.400.000	За 1931/32 г. ² 887.400.000	квтч
Прирост в %-х	28	10	66	

Приведенные в этой таблице данные должны быть, однако, дополнены одним весьма существенным примечанием: все указанные подсчеты проведены на основе материалов длительной проработки вопроса, которая проходила в органах Госплана и ВСНХ ЗСФСР, и затем в союзных ВСНХ и Госплане. Но в связи с утверждением СТО (16 декабря 1929 г.) оперативного плана электростроительства на 1929/30 г., с весьма серьезными изменениями против всех предположений, обоснованию которых посвящена эта статья, эти подсчеты должны быть приняты на условиях, тем более, что изменения касаются как раз наиболее важной группы объектов — районных гидроцентралей.

V.

Мы считаем необходимым остановиться еще на одной из основных — имеющих всесоюзное значение — установок энергетической пятилетки ЗСФСР.

Бакинские тепловые станции сжигают значительное количество нефтепродукта.

По данным Азнефти³ расход топлива по годам пятилетия выражается следующими внушительными цифрами:

Г о д ы	Измер.	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
Расход топлива						
Нефть и мазут	тыс. т	161	106	103	130	160
Газ (в эквив. нефти)	" "	55	100	105	105	105
Топлива на 1 квт отпущенной энергии	кг	0,64	0,59	0,544	0,537	0,551 ⁴

¹ Учитывая также вложения Азнефти и НКПС (соответственно по годам), 1928/29 — 5.400 тыс. руб. и 3 млн. руб., 1929/30 — 6.790 тыс. руб. и 5.220 тыс. руб. и 1930/31 г. — 6.590 тыс. руб. и 3.250 тыс. руб.

² Рост (66%) потребления за два года.

³ См. „Приложение к проекту пятилетнего плана Азнефти“, Баку 1929 г., стр. 5, табл. № 4.

⁴ В последнем году при напряженной работе станции и увеличении нагрузки вводятся в действие старые турбины, дающие повышенный расход топлива.

Из этой таблицы видно, что, несмотря на снижение удельных расходов топлива, общее потребление растет, и в 1932/33 г. достигает (по эквиваленту нефти) 265 тыс. *т* на сумму (исходя из условно-принятой отпускной цены в 24 руб. за *т*) 5.360 тыс. руб. в год.

Если газ должен быть потреблен на месте, то нефтепродукты составляют драгоценный материал, потребление которого допустимо лишь в тех процессах, где не может быть при равных затратах применен другой источник энергии. Но и в отношении газа можно поставить вопрос о более рациональном применении в тепловых процессах, в коммунальном хозяйстве, в кооперативных предприятиях (хлебозаводы, фабрики-кухни), для бытовых целей, в производстве стройматериалов и т. д. Не может быть сомнения в том, что задача замены нефтепродукта (и газа) другим видом топлива (местным, нетранспортабельным) представляет огромный экономический интерес, и большое значение этой задачи едва ли нужно доказывать.

Известно, что современное энергетическое хозяйство строится на трех главнейших источниках механической энергии: уголь, нефть и водные силы¹. Этим трем источникам соответствуют три вида первичных генераторов энергии: паровая машина (или турбина), двигатель внутреннего сгорания и гидравлический двигатель.

Угольная и гидравлическая энергия в подавляющем количестве превращается в электрическую, причем процесс этого превращения распространяется, по выражению К. Л. Вайдемюллера², «с неизбежностью железного закона»; в то же время нефтяная энергия как раз находит все более и более широкое применение в тех современных машинах (автомобили, тракторы, самолеты, теплотходы), стремительное распространение которых является наиболее характерным показателем технического прогресса современности. Можно сказать, что принципиально недопустимо сжигать нефть в топках стационарных паровых котлов.

Это положение приобретает в современных условиях в нашей стране особое значение, именно в период грандиозной реконструкции народного хозяйства, когда все развитие должно идти под знаком максимальной рационализации и жесточайшей экономии.

Как раз теперь, когда с особенной настойчивостью необходимо вести «борьбу с потерями», сжигание нефтепродукта на станциях Бакинского Электротока есть прямая потеря, тем более недопустимая, что, во-первых, сжигается нефть в ЗСФСР, в стране неиспользованных запасов «белого угля»³, и, во-вторых, проблема топлива вообще и нефтепродукта, в частности становится «узким местом» в развитии советского хозяйства.

¹ Прочие виды энергии: ветер, солнечная радиация, древесное топливо, энергия приливов и отливов — в общем играют незначительную роль по сравнению с основными; торф можно присоединить к группе углей.

² „Плановое хозяйство“, 1929 г. № 10, стр. 186. Хотя автор статьи говорит, что и нефть подчинена тому же „железному закону“, но как раз для нефти это неверно, и нефтепродукты преимущественно питают изолированные мелкие двигатели.

³ Если определять мировые запасы водной энергии в 400 млн. А. С. (постоянных), а запасы гидроэнергии Европы от 50 до 60 млн. А. С., то ЗСФСР заключает на небольшой территории около 5% всех запасов Европы. Запасы ЗСФСР превышают запасы Швейцарии, Германии и почти равны запасам Италии или Испании. В то же время мощность гидроэлектростанций в Испании около 1 млн. А. С., в Швейцарии — около 1,8 млн. А. С., в Германии более 2 млн. А. С., в Италии более 2,8 млн. А. С., а в ЗСФСР — всего 45 тыс. А. С.

В статье о пересмотре топливной пятилетки¹ (работа эта поставлена Госпланом Союза, как одна из важнейших задач данного периода) автор ее, В. Шеметовский, говорит:

«Центральным звеном топливной пятилетки явится проблема местного топлива и вытекающих отсюда производных техникоэкономических проблем... Сложность топливного положения предстоящих лет будет определяться со стороны нефтепродукта.

Развитие индустриализации сельского хозяйства выдвигает нового и исключительно-мощного потребителя — трактор. Грубые расчеты показывают, что к концу пятилетия расход условного топлива тракторами выразится около 6 млн. *т*.

Такой объем и темп нарастания потребления топлива тракторами ставит нас перед необходимостью пересмотра нефтяного режима ряда потребителей. К этому надо приступить теперь же²...».

Правильность поставленных задач и срочность их разрешения не вызывает никаких сомнений.

Применение же этих положений к условиям ЗСФСР требует широкого использования такого «местного топлива», как водная энергия, и, — в первую очередь, сооружения централи с целью передачи энергии в Баку для «пересмотра нефтяного режима» такого потребителя как Электроток.

Вопрос о местном топливе (в смысле, конечно, нетранспортабельных его видов) поставлен в данное время широко, не только с точки зрения напряженности топливного баланса, но в связи с транспортными проблемами и задачами химизации страны³. Плановые органы Закавказья еще с 1925 г. выдвигают идею Азгидроцентрали, реализация которой не только приводит к полной рационализации топливного баланса в Бакинском районе, но одновременно радикально решает вопрос об электроснабжении всего Азербайджана от Гянджи до Баку. И если по причинам, которые можно охарактеризовать как технический консерватизм⁴ некоторых органов, идея эта до сих пор не осуществлена, то теперь в эпоху великих темпов эта задача высокой рентабельности должна быть решена!

В заключение мы приводим две сводные таблицы, заключающие наиболее характерные элементы пятилетнего плана электрификации ЗСФСР, как он был построен без учета вновь ставящихся больших проблем по электрификации Азербайджана⁵ и массовому производству азотистых удобрений.

Таким образом, приходится сказать, что, несмотря на бурные темпы развития электростроительства, все же энергетическая база ЗСФСР отстает от насущных потребностей, вытекающих из социалистической реконструкции народного хозяйства.

Жизнь требует принятия в этом отношении серьезных мер, и промедление с их осуществлением грозит задержкой в развитии производительных сил Закавказья.

¹ См. „Эконом. Жизнь“ № 274 от 28/XI.

² Подчеркнуто нами. А. С.

³ См. также сообщения прессы о заседании Комитета по химизации при СТО от 17 дек. 1929 г., когда тов. Рудзутак твердо поставил вопрос о решительном расширении области применения местного топлива.

⁴ Длина линии передачи (около 300 км); стремление сохранить изолированное хозяйство и другие подобного порядка соображения были причиной затяжки в решении вопроса. Необходимо, однако, при этом иметь в виду и потребные затраты.

⁵ Имея в виду замену нефтепродукта гидроэнергией в Бакинском районе и снабжение установок механического орошения в хлопковых районах дешевой гидроэнергией. Те же хлопковые территории являются главным потребителем удобрений.

Эти соображения становятся особо актуальными в свете новых насущных задач по рациональному использованию топлива, по хими-

Сводная таблица показателей по плану электрификации ЗСФСР

Табл. 6.

Показатели	На 1 окт. 1928 г.	На 1 окт. 1933 г.	1933 г. в % к 1928 г.
Установленная мощность в <i>квт</i> :			
а) всех электростанций	122.745	393.035	321
б) без станций Бакинского Электротокана и Азнефти в Батуме	30.900	245.535	796
Число жителей в ЗСФСР	6.064.200	6.745.400	111
Установленная мощность на 1000 жит.:			
а) с учетом всех станций в <i>квт</i>	22	58,3	265
б) без станций Азнефти в <i>квт</i>	5,1	36,5	717
Основной капитал, вложенный в электроустановки (без учета амортизации):			
а) всех станций в тыс. руб.	62.800	249.932	403
б) без Азнефти в тыс. руб.	31.400	194.178	620
Протяжение сети линий передач в км . .	155	1.860	1.200

Табл. 6а.

Показатели	За 1927/28 г.	За 1932/33 г.	Прирост за 5 лет в %-х	1934 г. ¹
Полезно-отпущен. энергия:				
Всего в год в млн. <i>квтч</i>	345,5	1.025,7	197	1.800
Без станций Электротокана	48,3	544,9	1030	—
Все потребл. без предпр. Азнефти.	82,6	612,7	624	—
а) для промышл. (с нефтяной)	296,3	862,3	191	1.450
б) для промышл. без предпр. Азнефти . .	33,4	449,3	1245	—
Потребление энергии на душу населения:				
а) все потребление в <i>квтч</i>	57,0	152,6	168	243,5
б) без предпр. Азнефти в <i>квтч</i>	13,6	90,8	566	—
в) без станций Электротокана в <i>квтч</i> . . .	7,9	80,7	920	—

зации страны и в связи с полной реконструкцией хозяйства хлопковых районов.

Вот почему проблемы электрификации ЗСФСР требуют в данное время пристального внимания не только местных органов, но также и всей советской общественности.

¹ В 1934 г. учитывается только рост производства ферромарганца (до 150 тыс. т), азотистых удобрений в Армении и Азербайджане, машинное орошение, электрификация транспорта и нефтепроводов. С учетом роста прочих отраслей хозяйства потребление превысит 1.800 млн. *квтч*.

Таджикистан в народном хозяйстве СССР.

I.

В состав Таджикистана, как известно, входят районы бывшей Восточной Бухары, Памирское нагорье и южная часть бывшей Самаркандской области с районом Ходжента. Территория Таджикистана равна 141 тыс. кв. м., из коих 57 тыс. приходится на Памир (Автономную Горно-Бадахшанскую область). С внешней границей Таджикистана на востоке и юге совпадает государственная граница СССР с Афганистаном и Западным Китаем. От Индии Таджикистан отделен на протяжении 400 км узким Афганским коридором, установленным в 1896 г. соглашением между Россией и Великобританией.

Таджикистан представляет из себя типичную горную страну с относительно небольшой площадью равнинных пространств. В Заалском хребте, проходящем на севере Таджикистана, находится высшая горная точка СССР—пик Ленина (23.423 фута). Равнинную часть Таджикистана составляют районы Ходжента и Ура-Тюбе, представляющие продолжение Голодной Степи, и области Кулябская и Курган-Тюбинская.

В административном отношении Таджикистан делится на 7 округов: Гиссарский, Гармский, Кулябский, Курган-Тюбинский, Истаравшанский, Пенджикентский, Ходжентский и автономную область Бадахшанскую.

Можно отметить четыре основных типа расселения в Таджикистане. В северной и северо-восточной части его, в чисто горных районах, отсутствуют крупные селения. В высоких узких долинах рек преобладают хуторские поселения, состоящие из нескольких дворов. Для среднего течения рек характерным типом поселений является тип небольших селений гнездового характера. Наконец, ниже по течению рек, где долины расширяются, встречаются более значительные поселения¹.

Население Таджикистана, исчисленное на 1 октября 1929 г. по данным переписи 1926 г., составляет 1.150 тыс. душ, в том числе сельского населения 1.036 тыс. душ². Официальные инстанции Таджикистана считают, однако, эту цифру преуменьшенной и определяют вероятную численность населения Таджикистана в 1,6—1,7 млн. душ. Основную массу населения (78%) составляют таджики. Узбеки—локайцы и карлюки—составляют около 18%, казаки и киргизы—около 2%, остальное количество приходится на туркмен, афганцев, арабов, индусов, бухарских евреев, цыган (люли) и т. д.

¹ Н. Михайлов, „Территория и население Таджикистана“, очерк в бюллетене ЦСУ Таджикистана № 1, декабрь 1928 г., стр. 4—5. См. также „Экономический очерк Таджикистана“ Ю. И. Пославского (в сборнике „Таджикистан“, стр. 186—192), дающего несколько иную схему типов расселения.

² Абду-Рахим Ходжибаев—„Таджикистан“, стр. 1

Средняя плотность населения—6,4 чел. на 1 кв. км, при максимуме в долине Куляба в 21,3 чел. и минимуме—в горном Бадахшане—в 0,5 чел. Население живет, главным образом, по долинам рек и местностям, где возможна обработка земли. Горный Бадахшан с его значительной территорией, из коей большая часть совершенно непригодна для жилья, населен очень редко. Слабо населен в настоящее время Курган-Тюбинский район, имеющий наибольшее количество земель, годных для обработки и располагающий благоприятными климатическими условиями для возделывания ценных промышленных культур. Это объясняется тем, что Курган-Тюбинский район наиболее пострадал за время гражданской войны и басмачества, вследствие чего значительная часть его населения эмигрировала.

Подавляющая часть населения Таджикистана является оседлым; кочевники были зарегистрированы переписью 1926 г. лишь в количестве около 11 тыс. чел. в Гарме и Горном Бадахшане; это—киргизы—кочевники, составляющие около 1% от общей численности населения. В южных районах Таджикистана встречается переходный тип полукочевников, полуземельцев, но последние все больше оседают¹.

Городское население Таджикистана составляет около 5% от общей численности. Городами в Таджикистане являются только Сталинабад (Дюшамбе), Ходжент и Ура-Тюбе. Остальные населенные пункты—Гарм, Куляб, Курган-Тюбе и другие—являются поселениями городского типа в силу их административного и отчасти торгового значения.

Кроме Таджикистана таджики живут еще компактными группами в Фергане—в районах Маргелана, Намангана и Коканда, в Самаркандском и Ташкентском районах и в Бухаре; вне Таджикистана—в Ср. Азии живет несколько сот тысяч таджиков. Значительную группу населения таджики составляют в Афганистане, где они живут компактными массами в Бадахшане и Герате и где они играют большую роль в городах (Абду-Рахим Ходжибаев определяет численность таджиков в Афганистане в 4 млн. чел., но эта цифра представляется, повидимому, преувеличенной). Довольно значительная группа таджиков живет в Северной Индии.

II.

Основной специализацией Таджикистана в географическом разделении труда между районами СССР является хлопководство. Таджикистан располагает, особенно в южной приамударьинской своей части, исключительно благоприятным сочетанием климатических, почвенных и ирригационных условий. Еще недавно Таджикистан не играл почти никакой роли в советском хлопководстве; в настоящее же время площадь под хлопком в нем быстро увеличивается, задания на ближайшие несколько лет поставлены ему высокие и, что особенно важно, Таджикистан должен дать не только большой количественный рост хлопководства, но и существенные качественные изменения в нем. Имея безморозный период с конца марта и до середины ноября—в среднем 235—240 дней—Таджикистан может производить позднеспелый, длинноволокнистый египетский хлопок, в отношении которого

¹ Бюллетень ЦСУ Таджикистана, № 1, стр. 6. Мнение Ю. И. Пославского будто население Таджикистана в большей мере ведет полукочевой образ жизни (см. стр. 201—203 „Экономического очерка Таджикистана“) — не подтверждается данными переписи 1926 г.

эмансипация СССР от заграничной зависимости еще недавно считалась невозможной.

Свободные земельные площади Таджикистана, пригодные к использованию под хлопок, значительны; структура почвы этих площадей благоприятна, воды имеется много, забор ее из рек и выведение на поля представляет меньшую сложность, чем в других районах Ср. Азии. Основные районы быстрого развития хлопководства—южная часть Куляба, Курган-Тюбе и Гиссар.

В 1926 г. в Таджикистане было занято под хлопком всего 4,7 тыс. га, в истекшем 1929 г. хлопковая площадь поднялась до 77 тыс. га (из них 20 тыс. приходится на вновь присоединенный к Таджикистану Ходжентский район), а на весну 1930 г. намечен рост хлопковой площади до 135 тыс. га. В последний год пятилетки хлопковая площадь должна повыситься до 300 тыс. га.

В 1926 г. в Таджикистане было собрано всего около 3 тыс. т хлопка-сырца. В сезон текущего года было законтрактовано уже 45 тыс. т хлопка-сырца. Урожай 1929/30 г. составляет 75 тыс. т, а к концу пятилетки Таджикистан сможет давать 280—300 тыс. т сырца, или 100 тыс. т волокна, т.е. все то количество хлопка, которое мы сейчас импортируем из заграницы.

В истекшем году хлопководством занималось в Таджикистане 28 тыс. хозяйств, в 1929 г. число посевищиков повышается до 42 тыс., что означает охват хлопководством 28% от общей численности хозяйств.

Хлопковый клин составлял в истекшем году 47% от всей посевной площади на поливных землях Таджикистана в районах, пригодных для хлопководства, а в среднем по Таджикистану около 40% от площади посевов на поливных землях. Локай-Таджикский, Курган-Тюбинский, Кулябский, Каратагский, Янги-Базарский районы быстро развиваются в сторону хлопковой монокультуры. Однако, утешаться этими количественными достижениями не приходится, так как качественные показатели по хлопководству в данный момент неблагоприятны: Таджикистан имеет низкую среднюю урожайность в 6,5—7,5 центнера, составляющую едва 60% от средней урожайности старых хлопковых районов, между тем как вегетационные и почвенные условия Таджикистана позволяют иметь урожай выше обычного среднего.

Низкая урожайность хлопковых полей Таджикистана объясняется сравнительной новизной культуры хлопководства для населения и связанной с этим примитивностью обработки хлопчатника. Вспашка делается недостаточное количество, посевы поздние, окучка недостаточна, поливы чрезмерны, сельскохозяйственные орудия первобытны, агропомощи либо вовсе нет, либо она недостаточна. На 1929/30 г. намечен ряд мероприятий, направленных на улучшение постановки хлопкового дела. Они должны дать повышение урожайности до 9 центнеров с га. Среди этих мероприятий существенную роль должны будут сыграть 100%-ный засев хлопковых площадей сортовыми семенами, завоз европейского сельскохозяйственного инвентаря, удобрений, организация машинопрокатных пунктов, являемая вспашка хлопковых участков и т. п.

Фактором, отрицательно влиявшим до сих пор на развитие хлопководства, являлась единая средняя заготовительная цена на хлопок во всех районах Таджикистана. При недостаточном развитии путей сообщения в Таджикистане это вело к неблагоприятному соотношению цен на хлопок и зерновые культуры в некоторых районах, что вызывало местами тягу дехканства к усиленному развитию зерновых культур. В настоящее время имеется в виду установить три пояса

цен. К первому поясу должны быть отнесены хлопковые районы Куляба, за исключением Пархара—района, удаленного от места погрузки волокна на пароход, с дорогой провозной платой по гуже-выючной перевозке от завода до пристани и (что особенно важно) с дешевой пшеницей. Ко второму поясу цен должны быть отнесены Пархарский район и все хлопковые районы Курган-Тюбе (за исключением Сарай-Камара); это районы, питающиеся дорогим привозным хлебом, но ближе расположенные к местам погрузки волокна. Здесь возможно получение волокна высокого качества; здесь же необходимо поддерживать хлопок в его борьбе с зерновыми культурами. Наконец, к третьему району должны быть отнесены Каратаг, Дюшамбе, Янги-Базар, Локай—Таджикский и Сарай-Камарский районы, как районы, расположенные по линии железной дороги или у водной артерии, с низкой урожайностью и особенно упорной борьбой за вытеснение зерновых культур с поливных земель. В приведенной схеме районов цены должны идти повышаясь от первого к третьему поясу.

Основной принципиальной проблемой таджикского хлопководства является разведение египетского хлопчатника. Опытные работы последних двух лет дали в этом отношении благоприятные результаты. В 1929 г. разведочными посевами египетского хлопка был охвачен весь юг Таджикистана, начиная с пограничной полосы Афганистана, с 36,5° северной широты, и кончая северной границей Курган-Тюбинского района, 38° северной широты, при протяжении от 68 до 69,5° восточной долготы.

Долины этого района закрыты с севера горами, препятствующими прохождению холодных ветров, тогда как южные границы района совершенно открыты, что дает, с одной стороны, хорошее солнечное освещение, а с другой, создает условия к беспрепятственному доступу обильного количества теплого воздуха, исключая резкие колебания температуры при ночном остывании поверхности. Опыты показали, что посе́вы в этом районе возможны уже в первых числах апреля, что вегетационный период имеет 215 дней—срок вполне достаточный для вызревания позднеспелых групп хлопчатника. Это и позволяет сделать вывод о полной пригодности для египетского хлопчатника четырех совершенно изолированных долин: Кызыл-Суйской, Вахшской, Кафирниганской и Пянджской.

В 1929 г. на территории Таджикистана было засеяно египетским хлопком в разных местах 34 га. Посеяны были разные сорта: сакелля ридис, раиселлер, сакадон, юма, загора, и номера 5—664—670. Урожай получился 8,5—9,0 центн. с га. Опыт 1929 г. дает около 280 центн. сырца египетских семян, что доказало полную возможность приступа вплотную к широкому производству посе́ва египетского хлопчатника.

На 1929/30 г. районы Сарай-Камара, Курган-Тюбе и Кабадиана намечены для репродукции семенного материала, чтобы в будущем году можно было приступить уже к массовым посевам египетского хлопка. Помимо этого, посе́вы кишлака Халькаяр, расположенные в изолированной долине, явятся маточным питомником для получения чистосортных семян первой репродукции. В 1929/30 г. египетским хлопком будет занято в Таджикистане уже 425 га, для обсеменения которых потребуется еще выписать из Египта около 130 центн. семян.

Помимо семян египетского хлопчатника, Таджикистан делает опыт разведения длинноволокнистых американских сортов хлопка семьи упландов: сортов Дюранго, Колумбия и Большая Звезда.

Исключительное значение работы с египетским и, вообще, длинно-волокнистым хлопком заставляет поставить ее в надлежащие условия, что требует производства всего цикла полевых работ исключительно европейским сельхозинвентарем, запашки участков только тракторами, надлежащей постановки агрообслуживания, освобождения посевщиков от налогов и страхования посевов.

Проблема хлопководства, естественно, связана в Таджикистане с вопросами ирригации. Довоенная орошаемая площадь Таджикистана составляла 328 тыс. га. За годы деградации хозяйства цифра эта сильно снизилась, но в последние несколько лет орошаемая площадь быстро растет. В истекшем году поливная площадь уже составляла около 300 тыс. га. В 1929/30 г. она должна быть доведена до 343 тыс. га, что дает превышение довоенной площади. К концу же пятилетия орошаемая площадь должна быть доведена в округлении до 600 тыс. га. Это потребует вложений за пятилетку около 100 млн. руб. В основном имеется в виду подготовка земель по Вахшу в размере 220 тыс. га. Бешкенту 70 тыс. га и Ходжа-Бекиргану 40 тыс. га.

Южные районы Таджикистана, как раз представляющие наибольший интерес в отношении хлопководства, располагают значительными ресурсами неиспользованных вод Пянджа, Кызыл-Су, Кафирнигана; в северной же и восточной частях Таджикистана запасы горных рек и родников почти полностью исчерпаны и здесь прирост площадей потребует регулирования стока воды и устройства водохранилищ. В частности, это относится к Ура-Тюбинскому району.

По данным Водхоза Таджикистана, основные районы, годные для орошения (не считая Ходжента), располагают свободными земельными фондами в 360 тыс. га. Для их орошения потребуется всего 32% от наличных водных ресурсов, что говорит о полной обеспеченности указанного земельного фонда водой. Одних только обарыченных земель, могущих быть введенными в оборот, имеется сейчас в Таджикистане свыше 100 тыс. га.

III.

Общая посевная площадь Таджикистана составляла в 1928/29 г. 713 тыс. га (включая Ходжент), из них на долю богарного (неполивного) земледелия приходилось 458 тыс. га, или 60,5%¹. В среднем на одно хозяйство, как показало 20%-е обследование 1928 г., приходится 0,99 га поливной земли и 2,84 га богарной земли². Но по отдельным районам имеют место большие отклонения от этих средних цифр. Так, в Курган-Тюбинском районе на одно хозяйство приходится 3,49 поливной земли при 0,55 богарной. Наоборот, в Кулябе на одно хозяйство приходится 0,33 поливной земли и 4,15 богарной.

Распределение культур представляется в следующем виде:

Пропорция культур в % к общему обследованию 1928 г.							
	Хлопок	Пшеница	Ячмень	Лен	Рис	Прочие	Всего
Полевой посев . . .	40,3	34,3	9,0	2,7	5,9	7,8	100
Богарный посев . . .	—	71,4	14,1	11,6	—	2,9	100

В районах Восточной Бухары земли при эмире бухарском, власть которого сохранялась до 1921 г., делились на три категории,—в зависимости от отношения к налогам. Первую категорию земель составляли амляки или мюльк-ушур; это были земли, которые платили ежегод-

¹ Абду-Рахим Ходжибаев, «Таджикистан», стр. 31.

² Здесь и ниже используются два очерка Н. Чеботаревского о 20%-ом обследовании сельского хозяйства Таджикистана в 1928 г., помещенные в № 2 Бюллетеня ЦСУ Таджикистана (июнь 1929 г.).

но государству десятую часть урожая—ущур в натуральной форме, при чем таких земель было большинство. Вторую категорию земель составляли мюльк-хераджи; с этих земель налоговая ставка исчислялась в деньгах. Наконец, третью категорию земель образовывали мюльк-хурхалисса; это были земли (их было очень немного), освобожденные от налога. Бухарская революция 1921 г. не отменила права частной собственности на землю, но она уравнила все земли в смысле платежа ими налога: все категории земель, кроме вакуфных, были приравнены к амляковым и должны были платить налог в размере десятой доли урожая. Сейчас в Таджикистане, в районах б. Восточной Бухары, дехкане эксплуатируют землю на основе подворного землепользования. Однако, в Курган-Тюбинском вилайете, где много узбеков, существует общинное пользование поливной землей с переделами через два года в третий.

В районах Ходжентском, Ура-Тюбинском и Пенджикентском традиционные формы землепользования, освященные мусульманским правом и обычаем, со времени прихода русских претерпели большие изменения. Здесь в дореволюционный период установились три основных категории землепользования: частное, общинное и государственное. К частному подворному землепользованию были отнесены амляки, мюльк-хераджи и мюльк-хурхалисса. К общинным землям были отнесены выгоны, а к государственным—все прочие земли, не находившиеся в пользовании отдельных лиц, общин и вакуфов, при чем эти государственные земли обнимались общим наименованием падшалак. Подавляющая часть земель—земли дехканские—были в подворном владении, правда, с некоторыми ограничениями его, основанными на мусульманском праве. Революция распространила на указанные районы общесоюзные нормы землепользования, и частная собственность на землю была в них отменена.

Подворное землепользование (мюльк) распространяется в Таджикистане только на поливные земли и усадьбы. Богарных (неполивных) земель повсюду, кроме Гарма, имеется много и ими может пользоваться всякий, кто пожелает. До революции богарные участки были предметом купли-продажи вблизи городов, базарных центров и крупных кишлаков¹.

Процессы социальной дифференциации в таджикской деревне могут быть охарактеризованы в пределах данных 20%-го обследования 1928 г. по нескольким признакам. Основанием для распределения земли по посевным группам служат следующие деления: 1) беспосевные, 2) мелкопосевные—с посевом до 2,2 га, 3) средне-посевные—с посевом от 2,2 до 5,5 га, 4) с посевом свыше среднего—от 5,5 до 8,7 га и 5) крупнопосевные—с посевом свыше 8,7 га.

Распределение земли в %-х

	Поливные	Богарные	Всего
Беспосевные	0,7	1,1	1,0
Малопосевные	25,4	21,6	22,7
Средне-посевные	38,2	45,0	43,2
С посевом выше среднего	17,2	20,2	19,4
Крупнопосевные	18,5	12,1	13,7

Нетрудно видеть, что социальная дифференциация выражена в Таджикистане достаточно резко. Концентрация земли в руках крупных посевщиков и хозяйств с посевом выше среднего особенно значительна в Дюшамбинском, Каратагском и Локай-Таджинском районах, образо-

¹ И. Ходоров. „Перспективы хозяйственного развития Таджикистана“, статья в сборнике „Народное Хозяйство Таджикистана“, стр. 347—348.

вавшихся из б. Гиссарского вилайета. В этих районах у указанных двух категорий посевщиков сконцентрировано 50—64% всей земли, при чем концентрация эта в большей степени распространяется на поливную землю, нежели на землю богарную. В этих районах значительна также группа среднепосевных и незначительна группа малопосевных. Наибольший удельный вес малопосевные хозяйства имеют в Гармском вилайете, где эта группа занимает почти 43%. Но наиболее характерным типом хозяйства почти для всех районов являются среднепосевные хозяйства.

На долю беспосевных хозяйств земли приходится немного—всего 1%, но беспосевных хозяйств значительное количество—14,2% от всего числа хозяйств. Особенно много беспосевных хозяйств как раз в тех четырех районах, указанных выше, в которых налицо значительная концентрация земли в руках крупных посевщиков—здесь число беспосевных хозяйств повышается до 18—22%. Значителен также удельный вес беспосевных хозяйств в Кулябском районе.

Та же картина довольно ярко выраженной сознательной дифференциации получается при анализе обеспечения хозяйств рабочим скотом. Это видно из следующих данных:

Обеспечение рабочим скотом (волами и лошадьми) по группам хозяйств.

Хозяйства без рабочего скота	%%
„ с одной головой	20,6
„ с двумя головами	32,0
„ с тремя головами	28,6
„ с четырьмя головами	10,2
„ с пятью головами	2,7
„ с шестью головами	1,8

Таким образом, число бесскотных хозяйств и хозяйств с одной головой рабочего скота очень значительно и составляет 52,6%. При этом в ряде районов процент хозяйств без рабочего скота больше процента беспосевных хозяйств. Между тем, нормальная упряжка (на омач—туземная соха) составляет две головы рабочего скота.

Нет ничего удивительного в том, что при недостаточном обеспечении землею и рабочим скотом ряд хозяйств вынужден отпускать на сторону рабочую силу. В среднем по Таджикистану процент хозяйств, отпускающих рабочую силу на сторону, составляет 15,9%, но в указанных выше четырех районах наиболее резко выраженной социальной дифференциации отпуск рабочей силы на сторону практикуется в 20—26% всех хозяйств. При этом не вся эта рабочая сила поглощается местными более зажиточными хозяйствами; значительная часть рабочей силы вынуждена искать себе применения в отхожих промыслах, в частности, на хлопкоочистительных заводах Ферганы.

Значительная дифференцированность хозяйств видна и при анализе данных о коровности—треть хозяйств вовсе не имеет коров.

Использование земель по хозяйственному назначению характеризуется тем, что 71,6% земли занято под посевом, 13,5% земли—под паром и 14,9% земли—под залежами и перелогам (пар и перелог на поливных землях несколько меньше, чем на землях богарных).

Дробление земли по участкам значительное, при чем оно сильнее всего выражено в малопосевных хозяйствах. Если в крупнопосевных хозяйствах налицо черзполосица, то в средних и малопосевных группах имеет место узкополосица, не дающая возможности рационально обработать пашню и применить не только трактор, но даже плуг. Инвентарь, которым пользуется население, чрезвычайно примитивен, тем не менее, несмотря на относительную дешевизну этого инвентаря—

омач (соха) стоит 1½—2 руб.—32% хозяйств совершенно не имеют никакого пахотного инвентаря, а в некоторых из указанных выше четырех районов число безинвентарных хозяйств повышается до 39%.

Приведенные данные со всей ясностью характеризуют необходимость технической и социальной реконструкции сельского хозяйства Таджикистана. Соответственная работа начата. В истекшем году организовано четыре совхоза и 250 колхозов, завезено 1500 плугов и 30 тракторов. В 1929/30 г. намечено значительно увеличить распространение европейского инвентаря и вытеснение им архаического туземного: плугов должно быть завезено около 12 тыс., борон около 14 тыс., культиваторов около 10 тыс. и т. д. Эти цифры сами по себе могут показаться чрезвычайно скромными, но в условиях Таджикистана они знаменуют начало технической революции в сельском хозяйстве. То же относится к искусственным удобрениям, которых в 1929/30 г. будет дано в количестве, обеспечивающем до 9% всей хлопковой площади в республике. Необходимо отметить, что поисковая партия ВСНХ СССР выявила на территории Таджикистана большие запасы сырья с содержанием фосфоритов свыше 25%. Таким образом, перед Таджикистаном открывается перспектива снабжения местными фосфоритными удобрениями.

В ничтожном удельном весе европейского сельскохозяйственного инвентаря повинно не только и даже не столько таджикское крестьянство, сколько органы Хлопкома и НКЗема, не проявлявшие инициативы в деле внедрения европейского сельхозинвентаря, и некоторые псевдонаучные круги, которые до сих пор придерживаются предвзвешенного, будто в условиях Ср. Азии нет и не может быть ничего лучше омача, очень близкого к суховатой палке архаичнейшего орудия техники, которым управлялись еще египтяне во времена возведения пирамид. В целях создания благоприятных условий для распространения европейского сельхозинвентаря в Таджикистане, отпускные цены на него с текущего хозяйственного года приравнены к ценам других хлопковых районов Ср. Азии. Формы и методы распространения европейского сельхозинвентаря изменяются. Одновременно организуются курсы для дехканства по уходу за европейским инвентарем, расширяется сеть машинопрокатных пунктов, улучшается их укомплектование, организуется соответствующее инструктирование. Достаточно было встать на этот путь, чтобы пробудить в крестьянских массах огромный интерес к европейскому сельскохозяйственному инвентарю и в результате спрос дехкан на европейский инвентарь превысил в 1929/30 г. все плановые предположения.

Особенное значение в этом отношении имеет, конечно, тракторизация. До сих пор проблема хронического недостатка рабочего скота в хлопководческих районах разрешалась обычно путем завоза скота из Афганистана. В настоящее время Таджикистан встал на совершенно иной путь: если в истекшем году Таджикистан получил 30 тракторов, то в текущем году он получает 360 тракторов, не считая тракторов, предназначенных для совхозов и намеченных к завозу Трактороцентром, организующим две машинотракторные станции.

В корне должны измениться также методы и формы агробработки. До настоящего времени она сводилась к закладке показательных участков. В настоящее время необходимо перейти от работы на отдельных дехканских участках к полному агрообслуживанию полей целых кишлаков (деревень) и коллективных объединений путем машинной обработки почвы, машинного посева, машинной окучки, введения искусственного и зеленого удобрения, своевременного произ-

водства всех полевых работ. Укрупненные машинопрокатные пункты с сельско-хозяйственным инвентарем, ремонтной мастерской и тяговой силой для обслуживания бедняцких и середняцких хозяйств, организуемые при сельхозтовариществах, должны способствовать проведению агрокомплекса.

Таковы задачи в области технической реконструкции. Еще больше работы предстоит в области реконструкции социальной. До революции значительные земельные угодья были сосредоточены в руках духовенства, чиновников, крупных землевладельцев и купцов. Феодально-крепостнические отношения недавнего прошлого вызывали отход крестьян в малодоступные горные районы и забрасывание ими обремененных земель; заброшенные площади немедленно подбирались к рукам крепкими хозяевами и баями.

Недостаток земли и рабочего скота, с одной стороны, и избыток рабочей силы, с другой, привели к развитию аренды земли и найма рабочих и рабочего скота. Аренда в Таджикистане имеет по преимуществу натуральный характер и принимает наиболее кабальную—издольную форму. Аренда применяется в разнообразных сочетаниях: иногда работающий получает 1/5 урожая—панджикер, в других случаях он получает 1/4, 1/2 и 2/3 урожая. Различия в условиях аренды зависят от того, дает ли более зажиточная сторона только рабочий скот, или она добавляет еще семена, пшеницу для продовольствия, мертвый инвентарь, или берет на себя также и уплату налогов.

Недостаток живого инвентаря побуждает дехкан пользоваться взаимопомощью при обработке полей, но такая взаимопомощь сплошь и рядом делается источником эксплуатации маломощных дехкан. По данным Госплана Таджикистана, в Курган-Тюбинском и Кулябском вилайетах практикуется обработка полей совокупными силами 3—10 хозяйств, но дехкане тяготеют к существующим формам общественной обработки, ибо она используется зажиточными во вред беднякам. В районе Локая и Джиликуля отмечено существование родовой собственности на рабочий скот. При этом старшины родов, сдавая скот в эксплуатацию членам родов, получают с них за это определенную плату. Практикуется также общественная помощь нуждающемуся хозяйству за угощения—хашар, но и эта форма взаимопомощи, разумеется, обременительна для бедняцких хозяйств.

Кроме аренды и взаимопомощи—чаще всего в форме супруги—практикуется батрачество-мардекерство. Оплата труда мардекера производится обычно в смешанной форме, деньгами и натурой. Срок найма в большинстве случаев ограничивается сезоном полевых работ, но бывает и наем на отдельные работы. Сезонный мардекер стремится получить зерно в количестве, которое обеспечило бы его и семью до следующего рабочего сезона.

Таковы аграрные отношения в Таджикистане, требующие решительных мероприятий в интересах батрачества, бедноты и середняцкого хозяйства и в интересах перевода хозяйства на новые, социалистические рельсы. Вопросы организации территории были поставлены в довольно скромном объеме в 1927/28 г. Тогда было охвачено землеустройством только 3.190 га, в 1928/29 г.—уже свыше 52 тыс. га, план 1929/30 г. предусматривает проведение землеустройства на площади в 197 тыс. га. На долю межнадельного землеустройства приходится 107 тыс. га, колхозного—53 тыс. га, совхозного—35 тыс. га и индивидуального землеустройства—2 тыс. га.

Аграрная перегруженность горных районов при наличии больших свободных об'арыченных земельных площадей в хлопковых районах Таджикистана делает актуальной проблему переселения. Это тем более необходимо, что в годы басмачества значительное число хозяйств, спасаясь от разрухи, эмигрировало в северный Афганистан, а сейчас эмигранты массами возвращаются обратно. За время с 1926 по 1929 г.г. переселено из горных районов в долинные и из Ферганы в Таджикистан (переселяются ферганские таджики) 15.826 хозяйств, а реэмигрантов—4.672 хозяйства—всего таким образом переселено 24.000 хозяйств. В 1929/30 г. правительство намечает переселить из горных и перенаселенных районов Таджикистана и др. средне-азиатских республик свыше 10 тыс. хозяйств переселенцев и 3 тыс. хозяйств расселенцев—безземельных и малоземельных дехкан, наделяя их на местах водворения земель и водой. Хозяйственная помощь переселенцам составляла до недавнего времени около 300 руб. на хозяйство, но сумма эта оказалась недостаточной, и она должна быть повышена до 500 руб. на хозяйство. До 80% всех переселяемых хозяйств организуются в колхозы.

В 1925/26 г. было кооперировано только 7,2% дехканских хозяйств, в 1928/29 г.—66,2%, в 1929/30 г. кооперация должна охватить около 80% дехканских хозяйств Таджикистана. Развитие кооперации идет по линии хлопковых, садоводческих, мелиоративных, животноводческих, машинных, сельскохозяйственных, кредитных, сбытовых и переработочных кооперативов.

Кооперирование дехкан-таджиков может в значительной степени опираться на кооперативные навыки населения, созданные им самим задолго до организованного кооперативного движения. В этом отношении очень интересны молочные женские артели, констатированные и описанные даже в очень глухих углах Таджикистана¹.

Если до недавнего времени сельско-хозяйственная кооперация была сосредоточена на вопросах снабжения и кредитования, то в настоящее время она все больше принимает производственный характер. Контрактация хлопка, пшеницы, шерсти, каракуля, шелка и др. отраслей сельского хозяйства проводится сейчас исключительно через хозяйственную кооперацию.

Колхозное строительство началось в 1927/28 г., когда было организовано всего 20 колхозов, в 1928/29 г. их было уже 250, а на 1929/30 г. запроектировано создание до 600 коллективных хозяйств. Колхозное движение протекало до недавнего времени стихийно. Ни НКЗ'ем, ни сельхозкооперация не уделяли достаточного внимания развитию и строительству колхозов. Это привело к организации большого числа мелких коллективов. В настоящее время количество дехканских хозяйств на один колхоз доводится до 25 с посевной площадью 150 га на поливных землях, 250 га на смешанных и 500 га на богарных землях. Колхозы дадут в 1929/30 г. 10% всей валовой продукции земледелия Таджикистана.

Организация совхозов была начата в 1928/29 г., когда было создано четыре совхоза: три зерновых и один хлопковый. К весне 1930 г. Таджикистан будет иметь три зерновых совхоза с площадью в 50 тыс. га и три хлопковых—с площадью в 12 тыс. га².

¹ Е. Пещерева. „Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи“—статья в сборнике „По Таджикистану“, стр. 42—59.

² Абду-Рахим Ходжибаев. „Таджикистан“, стр. 31—43.

Климатические условия Таджикистана позволяют направить техническую реконструкцию сельского хозяйства также и в сторону разведения новых культур. Опыты по выращиванию в Таджикистане каучуконосных растений, бамбука, лимона оказались удачными.

Существенное значение в экономике республики имеют леса, занимающие горную ее часть. Общая площадь лесов Таджикистана—1,5 млн. га, из коих свыше 1 млн. удобной лесной площади. Леса Таджикистана дают высококачественную древесину: арчевые леса дают карандашную древесину; ореховые—десятки тысяч ценных грецкого ореха, прекрасную древесину и ценный ореховый наплыв, идущий на выделку ореховой фанеры; фисташковые насаждения дают тысячи центнеров фисташки и бузгунча, из которого добывается красящее вещество. Леса Таджикистана используются населением также для сбора горных фруктов, лесоплодов, пастьбы скота, сенокошения, охоты.

Животноводство имеет в Таджикистане меньшее значение, нежели полеводство: стоимость валовой продукции полеводства определяется на 1929/30 г. в 84,4 млн. руб., а животноводство—в 30,5 млн. руб. Значительные горные пространства, изрезанные многочисленными речками, образуют высокие богатые пастбищные долины. В овцеводстве Таджикистана специального внимания заслуживает гиссарская порода, отличающаяся высокими мясными свойствами при большой скороспелости. Живой вес маток гиссарской породы составляет в среднем 92 кг, а взрослых баранов 1,2—1,5 центн. В южной части Таджикистана разводятся каракулевые овцы, в горном Дарвазе—низкорослые жирнохвостые овцы породы гадик. В коневодстве Таджикистана наибольшего внимания заслуживают породы карабаирская и особенно локайская, широко используемая в Ср. Азии для гужевого транспорта и весьма пригодная для ремонта конского состава Красной армии.

Существенное значение в народном хозяйстве Таджикистана имеет также быстро возрождающееся шелководство. В 1928/29 г. сбор коконов составил в Таджикистане 11 тыс. центн. Программа шелководства предусматривает увеличение кормовой базы, улучшение выкормок и ухода за червями, постройку коконо-морилок и коконо-сушилок, что позволит увеличить продукцию шелководства к концу пятилетия в три раза.

IV.

Таджикистан в настоящее время почти совершенно не имеет промышленности. Между тем, возможности его индустриального развития значительны. Они раньше всего идут по линии добывающей промышленности: угля, золота, соли, асбеста, фосфоритов и ряда горных ископаемых.

Наиболее значительное угольное месторождение Таджикистана—Кштутское. Запасы его, на основании прежних обследований, нуждающихся в обновлении, определяются в 60 млн. т, число пластов—17, мощность пластов—от 0,3 до 1,22 саж., калорийность—от 5.117 до 5.900 кал., содержание золы от 1 до 4,9%. В 1907 г. возникло акционерное общество для разработки этого месторождения, но вследствие нехватки средств оно в 1910 г. было ликвидировано. В настоящее время месторождение это отстоит в 90—100 км от ж. д., но пятилетка предусматривает проведение железной дороги от Самарканда на Пенджикент и Кштут. Из угольных месторождений в Таджикистане эксплуатируются в настоящее время только каменно-

угольные копи Шураб, расположенные в предгорьях Ферганской долины.

Золото встречается в Таджикистане во многих местах в виде золотого песка в конгломератных породах и в виде коренного золота в золотоносных породах. Наибольшее практическое значение могут иметь месторождения в Дарвазе, где золотой песок вкраплен в мощные конгломераты и где долины и террасы рек обогащаются золотом, приносимым потоками, размывающими склоны гор. Во многих местах население намывает золото кустарным способом.

О золотых месторождениях в Таджикистане писал еще Петру Первому Флорио Беневени, посетивший Бухару в 1721 г. Беневени, при переправе через Аму-Дарью, нашел в песчаных ее берегах искры золота, почему несколько горстей песка отправил Петру с шифрованным письмом, написанным на полях обыкновенного письма. В этом письме он сообщал, что „хотя река Аму из золотых руд начало свое не имеет, но в нее впадает река Гиокча, берущая начало близко Бадахшану, заподлинно из самых богатых руд. Притом, вначале крупные в горах золото сыскивают тамошние жители, а наипаче во время овец стригут, шерсть их в воду кладут и засыпают грязью и песком, а потом на берег вытаскивают, и, как шерсть высохнет, вытряхивают золото самое чистое. А в горах золото и серебро искать заказано и непристанно в таких местах караул держат“¹. Приходится констатировать, что это описание в точности совпадает с теми техническими приемами, какие применяют таджики-старатели и сейчас.

Опыт промышленной добычи золота был сделан в 90-х гг. прошлого столетия инженером Журавко-Покорским, работавшим в течение 20 лет на реке Сафед-Дарье, впадающей в Кзыл-Су. Содержание золота в этом районе колеблется от 88,8 мг до 25,6 мг на 17 центн. песка, в зависимости от залегания золотоносных слоев. Золотоносной является также долина Вахша. В районе Саук-Су констатировано содержание золота в размере от 127,8 мг до 409 мг золота в 17 центн. кварца. В 1915 г. в юго-западном Памире было открыто 17 кварцевых жил, содержащих от 85,2 мг до 127,8 мг золота на 17 центн. породы. Было организовано акционерное общество, которое приступило к работам в 1916 г., но с начала гражданской войны оно ликвидировалось. Таджикистан несомненно должен быть тщательно изучен в смысле его золотоносных возможностей.

Во многих местностях Таджикистана встречаются залежи асбеста. Ввиду большого интереса, который представляют кара-мазарские цинковые рудники и наукетские медные месторождения, союзным правительством отпущены крупные суммы денег на 1929/30 г. для промышленных разведок Геолкома по этой линии. Вообще, горные богатства Таджикистана совершенно еще не изучены, а между тем они этого вполне заслуживают.

В обрабатывающей промышленности первое место принадлежит быстро развивающейся, наряду с хлопководством, хлопко-очистительной и маслобойной промышленности. К строительству намечен ряд предприятий по строительным материалам, кожевенной, металлической, пищевкусовой, полиграфической, деревообделочной, мукомольной, химической и шелковой промышленности. Так, в Таджикистане создаются первые кадры промышленного пролетариата.

¹ С. В. Жукковский. „Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие“, стр. 64.

В Таджикистане сохранилось еще добывание железа способами, какими оно практиковалось тысячи лет назад. Перепись 1926 г., проведенная фактически в Таджикистане в 1927 г., зарегистрировала 779 кустарей, занимающихся этим промыслом. Эта кустарная добыча железа имеет место в юго-восточной части Гарма по долине горной реки Ванч. Выплавка железа производится на древесном угле в особых домницах, сложенных в земле из неотесанных камней на глине. Через особые отверстия внизу огонь раздувают мехами, сделанными из козьей шкуры. Такая домница перерабатывает за сутки около 240 кг руды. Процесс плавления продолжается от 2 до 5 суток. Частично древесный уголь заменяется особым травянистым растением — пуш. В верховьях долины домницы, как сообщает М. С. Андреев, имеются почти при каждом доме, в низовьях же Ванча несколько хозяйств обычно соединяются для закладки одной домны. Такие артели совершенно не применяют наемного труда, причем устойчивостью они не отличаются¹.

Огромные задачи стоят перед Таджикистаном в деле дорожного строительства. В 1926 г. была начата постройкой первая железная дорога на территории Таджикистана; в настоящее время она доведена до Дюшамбе (Сталинабада), откуда она будет продолжена на юг в центр хлопководческого района Курган-Тюбе — дорога эта протяжением ее 140 км должна быть закончена в 1930 г. В 1929/30 г. начинается также строительством угольная ветвь от ст. Мельниково до Шурабских копей протяжением в 50 км. В этом же году будет строиться ветвь Урсатьевская — Ура-Тюбе. В течение пятилетия должны быть построены железные дороги: 1) Самарканд — Пянджикент — Кштут протяжением в 100 км и 2) Ташкент — Ходжент протяжением в 172 км.

Железно-дорожное строительство коренным образом реорганизует всю экономику Таджикистана. Многовековая изолированность Таджикистана от внешнего мира преодолевается, раздробленность и несвязанность его районов, отделенных трудно проходимыми горами, отходят в прошлое. Дороговизна промышленных товаров, вызывавшаяся высокими фрахтами верблюжьего караванного транспорта, ликвидируется. Железные дороги открывают выход для хлеба и сырья Таджикистана на средне-азиатские, союзные и мировые рынки. Это относится к хлопку, пшенице, каракулю, шерсти, кожсырью, пушнине, фисташкам, арче и т. п. Преодоление внешней разобщенности достигается также и развитием водного сообщения по Аму-Дарье и Вахшу.

Огромное значение имеет в Таджикистане быстро развиваемое строительство безрельсовых дорог, призванных заменить горные тропы и карнизы, пролегающие над пропастями и представляющие не только препятствие для развития экономических отношений, но и прямую опасность для жизни всех, кто ими пользуется. Специальной задачей в Таджикистане является строительство городов, создаваемых в ряде пунктов почти на пустом месте.

Быстрый подъем экономической жизни Таджикистана сопровождается соответственным социально-культурным строительством. Еще в 1926 г. автору этих строк пришлось видеть, как дехкане-таджики покупали на базарах универсальное лекарство от всех болезней, представлявшее собой обесцененные совзнаки выпуска 1918/19 г., скрученные в трубку и наполненные песком и землей. Лекарство это

¹ М. С. Андреев, „Выработка железа в долине Банча“, стр. 1—17.

² Н. Завеский, „О кустарно-ремесленных производствах в ТАССР“ — статья в бюллетене ЦСУ Таджикистана, № 3, сент. 1929 г.

предназначалось для всяких болезней и прикладывалось и к голове, и к сердцу, и к животу—в зависимости от того, что болело. Повидимому, в глазах населения целебную силу имели многочисленные надписи на этих бумажках на всех языках—в том числе и на восточных, принимавшиеся доверчивыми крестьянами и крестьянками за молитвы святых.

В настоящее время в Таджикистане организовано 55 врачебно-фельдшерских пунктов, а в текущем году прибавляется еще 22 пункта. Число больниц доводится до 28, число врачей до 200. Но всего этого, конечно, недостаточно. Социально-бытовые болезни Таджикистана: туберкулез, сифилис, трахома, малярия; наличие некоторых кишляков, зараженных проказой, курение опиума на Памире—требуют организации ряда специальных лечебных заведений. Первые шаги в этом направлении сделаны в виде организации одного вендиспансера, одной Пастеровской подстанции, детских яслей и пяти женских консультаций.

Таджикистан—исключительно отсталая республика в культурном отношении. Тем не менее, за три последних года грамотность повышена с 2 до 3%. Школьная сеть сейчас достигает 500 комплектов с 30 тыс. учащихся. Для того, чтобы ясен был путь, пройденный Таджикистаном в этом направлении, укажем, что до революции в Таджикистане были всего две школы европейского типа, и то миссионерские. С 1927 г. началось строительство в области средней школы: сейчас имеются три педтехникума, один сельскохозяйственный техникум, а в текущем году организуются два гидротехникума, еще два сельскохозяйственных техникума и один рабфак в Сталинабаде.

Быстро развивается в Таджикистане женское движение. В настоящее время в советских органах Таджикистана работают тысячи женщин: только в одни джамсоветы (сельсоветы) избрано 957 женщин, при чем 16 на руководящую работу, в то время как в прошлом году руководящую работу вели только две женщины.

* * *

В 1925 г. Ю. И. Пославский, давая общий экономический очерк Таджикистана, цитированный нами выше, изображал хозяйственную жизнь таджиков в чертах утрированной примитивности и преувеличенного своеобразия. Внимание хозяйствующего населения Таджикистана, по этому автору, направлено, якобы, только на то, что лежит непосредственно на поверхности земли. Население собирает, промывает и употребляет в пищу корни дикорастущих растений, охотничий промысел очень распространен, население гор, подобно растениям и животным, тянется к солнцу, не заботясь о малопродуктивной земле, безразлично—орошенной или неорошенной. Население все время находится в беспрестанных движениях—из долин в горы и обратно,—в соответствии с этим распространен тип полукочевых хозяйств. Неудивительно, что при таких предпосылках автор приходил к печальному прогнозу: „В Таджикистане с зернозлачным и преимущественно внутренне-потребительским направлением полеводства, при плохих путях сообщения, натуральном обмене—отсутствуют стимулы к расширению промышленной пашни“¹.

¹ Ю. И. Пославский. „Экономический очерк Таджикистана“ в сборнике „Таджикистан“, стр. 206.

Нетрудно видеть из сказанного выше, в какой мере эта характеристика устарела и не соответствует действительности. В Таджикистане, представляющем собой действительно один из глухих углов СССР, немало всякой дикости и своеобразных черточек хозяйствования, раритетов, которые можно, конечно, старательно коллекционировать для исторической кунсткамеры. Однако судьбу Таджикистана определяют не эти пережитки прошлого. Будущее Таджикистана лежит как раз на путях развития промышленной пашни—хлопководства, в первую очередь—и в связи с этим, а также и с общими задачами индустриализации СССР, на путях решительной технической и социальной реконструкции сельского и всего народного хозяйства этой молодой республики. Таджикистан может и должен быстро идти вперед, в ногу с общим промышленным сельскохозяйственным и культурным развитием СССР.

Эту задачу в большей мере облегчит Таджикистану факт преобразования его в союзную республику.

Против оппортунизма в учении о торговле.

(О книге Наровчатого «Организация торговли и торговых предприятий». Изд. Комитета Содействия пром.-экономич. образованию при Сев.-Зап. областном Управлении НКТорга, стр. 560, цена 3 р. 25 коп.).

В рецензируемой книге Наровчатого «Организация торговли и торговых предприятий», кстати сказать, допущенной ГУС'ом в качестве пособия для ВУЗ'ов, читатель может наглядно увидеть пример непонимания своеобразия экономики СССР, диалектики развития его товарооборота и механического перенесения категорий капиталистического хозяйства в СССР, являющихся «китами» этой книжки. Удивительнее всего то, что журнал «Вопросы Торговли», должествующий помогать правильной разработке вопросов торговли, в рецензии на эту книгу, рекомендует ее, как энциклопедию всех вопросов торговли в СССР, необходимую практику и теоретику торговли. Того же мнения и «Торгово-Промышленная Газета». Насчет практики мы пока говорить не будем, но о теории поговорим.

Начнем с того, что у Наровчатого мирно уживаются два взаимно исключаящих определения о цели торговли. На стр. 18 он пишет: «... в капиталистическом хозяйстве торговый аппарат преимущественно — частный и целью его является извлечение прибыли», что является правильным утверждением, а на стр. 19 «поэтому правильно и утверждение проф. Шера в его книге «Учение о торговле», что стремление к прибыли, заработку отнюдь не является характерным признаком торговли». Очевидно, что характерный признак деятельности должен определять и цель деятельности. Поскольку это так, постольку согласие Наровчатого с проф. Шером противоречит его собственным словам на стр. 18. Но этого мало. Гильфердинг в бытность свою марксистом в своем «Финансовом Капитале» писал: «лица, стоящие вне коммерческого мира считали товарно-торговые сделки закономерными, а биржевые сделки на разницу не закономерными; различие, которое неизменно отвергается деловыми людьми. Первые никак не могут понять, что при всех капиталистических сделках потребительная

стоимость не имеет решительно никакого значения и является, самое большее, печальной необходимостью» («Финансовый Капитал», гл. 9), или по Марку «необходимым злом».

По Наровчатому же «современная торговля ведет обмен товарами непосредственного потребления, а деньги лишь служат средством для этого обмена» (стр. 20; разрядка наша. С. Б.).

По «совместительству» у Наровчатого на следующей странице можно встретить то же определение торговли, с маленькой вариацией, но чрезвычайно характерной для автора. «Из всего этого следует, — пишет он, — что под именем торговли с народно-хозяйственной точки зрения следует разуметь организацию обмена предметов непосредственного потребления на основе экономической целесообразности» (стр. 21; разрядка наша. С. Б.).

По небрежности ли или по какой-либо другой причине, автор в определениях торговли при капитализме, приведенных выше, смешивает обмен товаров с обменом предметов, ставя между этими качественно различными процессами знак равенства (понимая, конечно, слово обмен во втором случае в условном смысле. С. Б.). Более того, объектом торговли автор считает только товары непосредственного потребления, понимая, очевидно, под ними готовые фабрикаты. Возникает вопрос: чем же является обмен сырья, полуфабрикатов, основного капитала? Очевидно, Наровчатов сузил сферу торговли до того, что его определение потеряло свою значимость и жизнеспособность.

Утверждение, что деньги служат лишь средством обмена тоже напоминает утверждение экономистов XVIII в., которые считали, что деньги есть шоссé для облегчения торговли, колеса телеги торговли, упуская при этом из виду все остальные функции денег, которые этот «всеобщий товар» (Маркс) приобретает в капиталистическом хозяйстве. Но этот вопрос относится больше к области теоретической экономики и на нем тут останавливаться больше не стоит.

Перенос механически принципы торговли при капитализме в наши условия и

обратно, надевая капиталистическую торговлю теми свойствами, которые торговля получает у нас, благодаря качественно иной социальной системе, в которой она действует, стирая границы между Западом и СССР, Наровчатов, естественно, приходит к совершенно неправильным выводам и следствиям. Из этого нужно исходить для понимания того «совместительства» определений, которые у него очень часто встречаются.

Вернемся еще к цели торговли, которая по Наровчатому свойственна капиталистическому хозяйству. Он считает, «что цель извлечения прибыли является основной и единственной только для торгового аппарата, существующего отдельно от производства. Если же сбыт изделий производится непосредственно коммерческим отделом производственного предприятия, то тогда целью торговой деятельности является не прибыль (ее они могут получить при сбыте через посредников), а создание постоянного спроса для бесперебойного установления производства» (стр. 18). В качестве примера он приводит тресты и синдикаты, для которых получение максимума прибыли через «синдицированное производство» является целью, а торговля — только лишь средством для сбыта товаров.

То вытеснение посредников и подчинение их производству, происходящее в результате синдицирования, трестирования и комбинирования, имеет главной целью уменьшение той доли прибавочной стоимости, которую промышленный капитал должен отдавать торговому капиталу за осуществление им функций сбыта товаров как при покупке сырья, полуфабрикатов, так и при продаже фабрикатов. Мы считаем, что Наровчатов в этом пункте не прав: единственным стимулом движения капитала есть прибыль и конкуренция, т.е. борьба за перераспределение прибавочной стоимости, — определяет процесс вытеснения и подчинения торгового капитала промышленному. Этот процесс уменьшения посреднических звеньев на пути продвижения товаров от производителя до потребителя закономерен для эпохи империализма, создающей «материальный костяк для социалистического общества» (Ленин), лишенный, в силу существования анархии производства, возможности скинуть с себя свою стоимостную форму. Это возможно только при социализме.

То увеличение доли торгового капитала в общественном капитале, которое наблюдается в последние годы в Западной Европе и САСШ (см. Чез «Трагедия расточительства») является следствием перераспределения при капитализме противоречия между производственными возможностями и рынком.

Преувеличение процесса вытеснения торгового капитала, которое (вытеснение) ведет к уничтожению рыночной формы распределения, проблемы рынка, видна у Наровчатого в следующих словах: «торговля

в чистом виде (рассматриваемая, как распределение и снабжение на основе экономической целесообразности. С. Б.) применяется и в капиталистическом хозяйстве уже в ограниченных размерах. Некоторые из коалиций, например, Международный Союз формового железа, рельсовый союз и другие организовали распределение и снабжение не только в национальных рамках, но и в международном масштабе» (стр. 21). Явная переоценка «организованности» капитализма. Знакомые фразы! Ни слова о борьбе между трестами, о перераспределении и борьбе за рынки «на основе наличного соотношения сил» (Ленин), которыми так богат сегодняшний день империализма.

Переходя к главе 2-й — «Народно-хозяйственное значение торговли СССР» — анализу нашей экономики и роли товарообращения в СССР, автор тоже механически подходит к этим проблемам.

Автор сам в главе 1-й показывает, как с изменением производственных отношений меняется и техника, и роль торговли. Маркс в «К критике к политической экономии» ясно указывает, что торговля зависит от производства, что примат производства является необходимым условием для правильного анализа экономических категорий, что изменения в производстве и роли промышленности должны повлечь соответствующие изменения в процессе распределения продуктов промышленности.

Поскольку у нас производственные отношения в промышленности имеют совершенно иное качество, чем при капитализме, постольку роль торговли у нас совершенно другая по существу, хотя пользуется старыми формами.

К изучению роли торговли в СССР — стране, где производственные отношения чрезвычайно динамичны и воспроизводятся в расширенном масштабе громадными темпами, в смысле преодоления капиталистических производственных отношений социалистическими, надо подходить только динамически. Надо уметь улавливать существенные сдвиги, происходящие в ведущей отрасли народного хозяйства, т.е. в нашей последовательно социалистической промышленности, которая неизбежно перестраивает по-иному и приспосабливает к своим новым потребностям и возможностям формы продвижения товара от производителя к потребителю. Торговлю в СССР и роль ее в народном хозяйстве нужно изучать в ее диалектическом движении, а не застылая на одной определенной ступени ее. Наровчатов этого не понял и поэтому пришел к неверным выводам.

Раздел о «народно-хозяйственном значении торговли в СССР», т.е. раздел, который должен определить и показать место и значение торговли в народном хозяйстве СССР, автор начинает следующими словами: «Советское народное хозяйство состоит из двух частей (?). Одна часть, самая важная представляет национализированную и руководимую государством

крупную и среднюю промышленность. Другая часть представляет независимое и рассеянное в десятках миллионов мелких хозяйств, сельское хозяйство и производственное» (стр. 8; разрядка наша. С. Б.).

До сих пор мы вслед за Лениным считали, что в СССР существует своеобразное переплетение пяти экономических укладов, отношение к которым со стороны Советской власти различно в зависимости от социальной сущности того или иного уклада. Если уж противопоставлять одну часть другой, то следует противопоставлять социалистический сектор (из которого у автора почему-то выпала кооперация) не крестьянскому хозяйству в целом, ибо Ленин учил «соединиться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и двигаться так, что с нами действительно будет двигаться вся масса», а капиталистическим элементом, с которыми социалистический сектор и ведет ожесточенную борьбу не на жизнь, а на смерть, и из которой он уже выходит победителем. Такое механическое деление сложного экономического комплекса СССР на две части, к тому же неправильно противопоставляемые друг другу, приводят автора к неправильному пониманию роли торговли в СССР. Приведа цитату из Маркса о революционизирующем значении торговли, которая товаризирует производство, действует разлагающим образом на те организации производства, которые она застает, автор пишет: «естественно, что раз торговля имеет революционизирующее значение на остальные формы производства, каковыми является сельское хозяйство, то процесс товарообращения в Советском народном хозяйстве получает особо важное значение, и на торговлю возлагаются особые функции, отличные от функций, какие выполняет торговля в капиталистическом хозяйстве. Эта особая роль товарообращения в Советском народном хозяйстве с исключительной яркостью изложена в словах Н. И. Бухарина: «К социалистическому производству на земле мы приходим не путем вытеснения крестьянского хозяйства, а совершенно иным путем, а именно, путем вовлечения крестьянства в кооперацию, связанную с ним и зависящую экономически от государства и его институтов: мы приходим к социализму здесь через процесс обращения, а не непосредственно через процесс производства; мы приходим сюда через кооперацию» (разрядка наша. С. Б.).

Тут действительно ярко выражен «фетишизм» торговли. «Конечно, если считать, что «торговая» смывка — это альфа и омега всей мудрости экономической политики переходного периода» («Большевик» № 21, 1929 г., передовая, стр. 9), тогда все цитированное выше — святая истина. Но так думать могут только метафизики, желающие застыть диалектическое движение социальных отношений в СССР остановить, и застыть на одном из этапов этого

Плановое хозяйство № 1

движения. Об ошибочности этого взгляда на торговлю и недооценку роли последовательно-социалистической индустрии, на переделку сельского хозяйства писалось так много, что повторяться не следует.

Всем известны слова Ленина, что торговля была главным звеном, за которое надо было ухватиться в 1921 г., потому что «торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких землевладельцев и крупной промышленностью, если... если нет рядом с этими земледельцами великоленной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов, способной и по своей технической мощи, и по своим организационным «надстройкам», и сопутствующим явлениям снабдить мелких землевладельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде». («О значении золота», т. XVIII, ч. I, стр. 413).

Все хорошо для нашего автора, но это «если» портит все дело. Это «если» начинает сейчас претворяться в жизнь.

Ленин еще в 1921 году в статье «К 4-летней годовщине Октября», писал: «Торговля объединяет миллионы мелких крестьян, экономически заинтересовывая их, связывая их, подводя их к дальнейшей ступени: к разным формам связи и объединения в самом производстве» (т. XVIII, ч. I, стр. 370; разрядка наша. С. Б.). Ясно, что когда мы подходим к этой дальнейшей ступени, то роль торговли меняется и это нужно отразить в учении о торговле. Ясно, что нельзя утверждать, будто мы уже имеем эту «великоленную машинную индустрию», но не следует закрывать глаза и на наши успехи, которые мы сделали в этом отношении. Лучше всего изменившуюся роль торговли характеризует следующая цитата: «Но вопрос о торговле становится по-иному, когда мы имеем крупную промышленность, в два раза превысившую довоенные ее размеры, когда промышленность, производственно обслуживающая сельское хозяйство, в шесть раз превышая довоенные размеры, когда распределение ее продукции происходит по определенному плану, когда мы имеем крепкую сельскохозяйственную кооперацию, охватившую до 63% крестьянских дворов, когда контрактацией охватывается почти 45% всей площади зерновых культур и 65—90% площади технических культур, когда удельный вес общественного сектора сельского хозяйства в товарной продукции зерна достигает 45—50%, «свободная» стихия рынка, свобода рыночного товарооборота, имевшая известные ограничения и на самом первом этапе наша, теперь начинает претерпевать коренные изменения. Торговля и рынок, как связывающее звено между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, начинает преодолевать себя, поскольку на базе растущей крупной промышленности начинает преодолеваться мелкое хозяйство в земле-

делии, преодолеваются индивидуально-хозяйство мелких и мельчайших товаропроизводителей, поскольку коллективные формы хозяйства в земледелии, развиваясь на слыханными темпами, начинают играть большую роль в сельском хозяйстве». («Большевик» № 21, 1929 г.; передовая, стр. 13; разрядка в статье). Больше к этому добавить нечего.

Перейдем теперь к кооперации и роли ее в социалистическом секторе в трактовке автора. Хотя при перечислении командных высот Наровчатов и упоминает о кооперации, но ее роль им, очевидно, не совсем уяснена. На стр. 21 он дает следующее определение цели кооперативной торговли: «Главной целью кооперативной торговли является не общая, а частная задача снабжения своих членов, без участия других посредников, необходимыми товарами, или сбыт продуктов производства своим членам также без участия посредников. Кооперации свойственны и другие цели, между прочим, и извлечение прибыли, но это есть скорее средство, чем цель ее» (стр. 21; разрядка наша. С. Б.). Автор еще сомневается, является ли прибыль в кооперации целью или средством. Мы думаем, что в СССР пайщик любого кооператива не сомневается в том, в чем сомневается автор, т. е., что прибыль для кооперации есть средство, а не цель. Очевидно, разницу между кооперацией у нас и за-границей автор не понял отчетливо, принявши сходство форм за сходство содержания. Из цели кооперации у Наровчатова выпадает проведение планового влияния социалистического сектора на индивидуальный, организация индивидуального сектора, вытеснение частного-капиталистических элементов в народном хозяйстве. Это к цели кооперации, по мнению автора, не относится. На стр. 57 автор дает определение роли кооперации в организации рынка в следующих словах: «1) в концентрации спроса на промтовары и сбыта сельскохозяйственных продуктов; 2) планирование снабжения кооперативов промтоварами и сельскохозяйственными продуктами при помощи гендоговоров; 3) регулирование цен на рынке». Тут роль кооперации выяснена более полно, но все же недостаточно.

По мнению автора, «народно-хозяйственной задачей советского государства в современных условиях является обеспечение такого равномерного развития всех производительных сил на отдельных участках народно-хозяйственного фронта, которое могло бы создать базу для максимального общего развития всех (?) производительных сил страны и вместе с этим постепенное дальнейшее расширение и углубление влияния государственных плановых и социалистических начал, где эти начала еще недостаточно проникли» (стр. 9 и 20; разрядка наша. С. Б.). Оговорка о «постепенном расширении плановых начал» не спасает общего положения, призывающего к

развитию всех производительных сил страны. Идеология довольно знакома.

В главе 9-й, посвященной торговому планированию, Наровчатов еще раз демонстрирует свое непонимание экономики СССР. Если при капитализме единым регулятором хозяйства является стоимость, то у нас «единым регулятором переходного хозяйства является плановое начало, которое в беспрестанной борьбе утверждает свою роль ведущего начала в нашей хозяйственной системе». («Соц. Хоз-во» № 5, 1925, статья Леонтьева «Закон трудовых затрат», стр. 31).

Неотъемлемой частью плана, без которого он теряет свою сущность, есть целевая установка, которая в наших условиях превращает план в одно из существенных орудий классовой борьбы. О классовой природе и о классовом лице всех наших планов у Наровчатого ничего нельзя найти. Основными же принципами планирования торговли он считает, примерно, такие (укажем только два из них): «1) планирование должно находиться в соответствии с экономической мощностью районов и покупательной способностью населения и 2) планирование не должно распространяться на выбор покупателей, предоставляя свободу в этом отношении торговым и производственным предприятиям» (стр. 193).

Тут, что ни принцип, то — перд. Попробовал бы автор со своими принципами сунуться хотя бы к комсомольцам. Они ему рассказали бы, что планирование торговли в соответствии с экономической мощностью районов и покупательной способностью населения совершенно смазывает классовое лицо нашего распределения, предлагает ориентироваться на имущие слои населения, предлагает не считаться с народно-хозяйственной целесообразностью завоза товаров в районы, имеющие большое значение для народного хозяйства, они ему рассказали бы, что свобода выбора покупателей низовыми торговыми учреждениями привела бы всю нашу работу к краху. Если и сейчас, при жестких директивах со стороны Наркомторга, встречаются злоупотребления, то понятно, что при свободе выбора покупателей, частная стихия давила бы наш социалистический сектор с неимоверной силой. Словом, об этих «принципах планирования» больше говорить не стоит. Их классовая природа выглядит отчетливо.

Очень интересное высказывание мы имеем у автора по поводу наших годовых ориентировочных планов. «Вторым видом планов являются годовые ориентировочные планы (подч. Наровчатовым). В современных условиях неустойчивой (?) хозяйственной жизни страны годовые планы не могут претендовать на большую точность. Напротив, в довоенное время, когда развитие хозяйства шло нормальным порядком, изменяясь лишь вследствие стихийных бедствий или неурожая, годовые планы торговых предприятий (например,

синдикатов) отличались большой точностью» (стр. 181, разрядка наша. С. Б.). Умри Денис, лучше не скажешь!

На эту тираду можно только ответить вопросом: где была советская цензура и куда смотрел ГУС, когда разрешил такую явную апологетику капиталистического хозяйства.

Видите ли, наши годовые планы не могут претендовать на большую точность вследствие неустойчивой хозяйственной жизни нашей системы, где ведущим и регулирующим началом является план. Очевидно, план обуславливает неустойчивость хозяйственной жизни. А мы, грешные, думаем и думаем шабобор, что план помогает устойчивости, что кризисы и осложнения в советском хозяйстве вытекают из отсталости нашей страны и сопротивления классового врага, что сама структура хозяйства дает возможность избежать кризисов, потрясаящих все хозяйство. А вот капиталистическое хозяйство, это — идеал устойчивости, это математическая точность исполнения планов. Куда нам, чумакам, со своим планом да в Калашный ряд. Если при капитализме и происходит изменение нормального порядка развития хозяйства, то это вследствие причин, не зависящих от самого капиталистического строя. Но чтобы изменение хозяйственной жизни было следствием кризисов, вытекающих из самой структуры капиталистического хозяйства, это н-ни. Это выдумка досужих марксистов. Кризисов в капиталистическом хозяйстве не бывает, а изменения происходят лишь под влиянием природы (хорошо еще, что не от бога). Недаром Наровчатов примером берет синдикаты. Это вытекает из его вышеизложенного взгляда переоценки «организованности» капитализма. Но хватит и об этом.

Перейдем к последнему утверждению нашего автора, явно раскрывающему его симпатии. Пусть извинит читатель за длинную цитату, но это есть необходимое условие, чтобы застряхнуть себя от обиваний в искажении мыслей, путем вырывания отдельных слов. «Закономерность развития, намечившаяся в нашей послевоенной экономике, является основным условием построения контрольных цифр Госплана. Однако, динамические коэффициенты послевоенного периода верны для построения будущих перспектив развития, лишь для восста-

новительного периода (разрядка наша. С. Б.), по окончании же этого периода, по использованию всего свободного оборудования и основного капитала, темп развития народного хозяйства идет значительно медленнее». Далее идут цифры темпа развития других стран (очевидно, они должны служить нам пределом, его же не преидеши. С. Б.) и он продолжает... «следовательно, темп нормального развития определяется динамикой капиталоаккумуляции страны, емкостью рынка и внутренними сырьевыми ресурсами» (стр. 204).

Эта ария из уже довольно старой оперы, снятой с репертуара экономической жизни СССР самым ходом хозяйственного развития. Теория «потухающей кривой» разбита бурным ростом нашего хозяйства и сдана в архив истории. Те лица, которые рекомендовали нам идти по рецепту экономистов 90-х годов XIX столетия — «медленным шагом, робким зигзагом, тише вперед рабочий народ», забывают «маленькую» разницу между нашей хозяйственной системой и капиталистическим хозяйством. Эта маленькая разница, выражающаяся в различии структур общества и служащая камнем преткновения для понимания экономики СССР всем буржуазным экономистам, не минула очевидно и Наровчатова. О следствиях, вытекающих из этой «маленькой» разницы и дающей возможность осуществлять те темпы роста народного хозяйства, которые запроектованы в контрольных цифрах на 1929—30 г., достаточно много писалось и говорилось на партийных съездах, конференциях, к материалам которых и советую нашему автору обратиться. То, что автор абсолютно ничего не понял в своеобразных условиях роста народного хозяйства СССР, подтверждается еще и тем, что, перечисляя условия нормального развития страны, он упоминает о капиталоаккумуляции, о емкости рынка, о внутренних сырьевых ресурсах, но ни одного слова не упоминает о той социальной структуре, при которой они проявляются. Подводя итоги вышесказанному, мы считаем, что роль торговли в народном хозяйстве СССР сейчас меняется коренным образом и что книга Наровчатова в настоящем виде для студентов торговых факультетов экономических ВУЗ'ов и др. лиц, занимающихся торговлей, не годится.

С. Блейх.

К. Розенталь. «Промышленность в пятилетнем плане». Гиз. 1929, стр. 175, тир. 75.000 экз., цена 35 коп.

Книга т. Розенталя является одной из серии книг библиотеки журнала «Коммунистическая Революция», посвященной пятилетнему плану. Она предназначена в качестве пособия для кружков текущей политики и рассчитана на партийный и советский актив. Книга дает краткий очерк генеральных установок, легших в основу

пятилетнего плана народного хозяйства и подробно выясняет конкретное содержание промышленной пятилетки.

Вся книга построена на разборе проблемы темпа развития народного хозяйства вообще и промышленности, в частности.

Исходной установкой при проектировке темпа развития народного хозяйства в на-

шей пятилетке, как известно, была задача догнать и перегнать в минимальный исторический срок передовые индустриально развитые страны, к чему нас обязывает и внешнее капиталистическое окружение и экономика страны. Преимущество, вытекающее из наличия пролетарской диктатуры и советской системы хозяйства, плановый характер хозяйственного строительства, как это уже доказано практически жизнью, позволяет нам идти вперед гораздо более высоким темпом, чем капитализм. Наша обязанность — полностью реализовать эти преимущества.

Высокие темпы, предельно для нас возможные, предопределены, обусловлены исторически неизбежны. «Иными темпами, — говорит он, — менее значительными, более скромными мы развиваться не можем, это со всей категоричностью диктуется всей совокупностью хозяйственных и политических явлений» (стр. 35).

«Только при этих темпах развития можно говорить всерьез о выполнении директивы и в кратчайший исторический срок догнать, а за тем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» и «добиться решительного перелома в темпах развития сельского хозяйства и интенсивного роста в нем социалистических элементов» (стр. 119).

В этой связи автор резко критикует по этому ту «мудрую осторожность», тот «плановый минимализм», который, благодаря неумению учесть преимущества советской системы хозяйства, наблюдался в предшествовавших нынешней пятилетке плановых предположениях. «Не могло бы быть большей ошибки, говорит автор, как думать, что такая «умеренность» и «осторожность» (находящая свое выражение в построении проектов, которые успевают устареть раньше, чем появляются на свет) есть проявление высшего экономического разума и политической дальновидности» (стр. 6). «Такая «мудрая осторожность» по существу может и затруднить, и тормозить дело социалистического строительства», так как «излишняя осторожность сегодня может превратиться в источник уже не «конъюнктурных», а длительных кризисов для будущего» (стр. 7).

Анализируя вопрос о реальности высоких темпов развития, т. Розенталь подвергает резкой критике буржуазных экономистов, которые в свое время, во время дискуссии вокруг «Материалов» Госплана по пятилетке, доказывали, что мы не можем подняться выше средних темпов капиталистических стран.

Буржуазно-экономическую линию в вопросе о темпах пытались проводить и некоторые специалисты и профессора Госплана СССР — Гартван, Таубе, Калинин и др., считавшие предложения ВСНХ научно необоснованными, не имеющими прецедента в мировом опыте и потому нереальными. Автор приводит выступления отдельных специалистов при обсужде-

нии предположений ВСНХ о пятилетних перспективах промышленности в Госплане. Эта оценка перспектив исходит, как правильно определяет т. Розенталь, из организационной неспособности буржуазно-мыслящих экономистов и примыкающих к ним специалистов понять основные принципиальные отличия советской системы хозяйства от капиталистической; наоборот, они «всячески стараются доказать, что собственно говоря, никакими преимуществами советская система перед капиталистической не обладает», а по словам одного из представителей буржуазной «ученой мудрости» проф. Никитского даже «менее прогрессивна, чем система капиталистическая». К такого рода рассуждениям очень близко подходил и В. А. Базаров, доказывавший в одной из своих работ невозможность для советской системы хозяйства «осуществить темпы роста, в несколько раз превышающие рекордные достижения капитализма»¹. Тов. Розенталь доказывает вздорность утверждений Никитских и Базаровых и на конкретном материале устанавливает полную несостоятельность их позиций.

Заканчивая разбор ошибок буржуазных экономистов т. Розенталь делает верный вывод о том, что нужно освободиться от влияния этих экономистов, пытающихся протащить свои установки под флагом борьбы с «неумеренным оптимизмом»... «Высокая прогрессивность советской системы уже доказана и кто до сих пор этого не видит пусть не мешает нам в работе» (стр. 34).

В большой главе «Промышленность — ведущее начало народного хозяйства», занимающей почти половину книги, автором дано прекрасное изложение содержания промышленной пятилетки.

Автор разбирает в этой главе следующие вопросы: строительную программу пятилетнего плана индустрии, промышленности и сельского хозяйства, промышленность и внешняя торговля, промышленность и транспорт, легкая индустрия и ее сырьевая база, производство средств производства и техническая реконструкция промышленности. Четкая постановка основных вопросов промышленной пятилетки, хороший подбор материалов делает главу очень интересной. По сравнению с другими популярными работами по пятилетке, рецензируемая работа отличается большей свежестью еще потому, что автор очень широко использовал и систематизировал те изменения и дополнения, которые внесены были в Госплановскую пятилетку Съездом Советов и последующими решениями.

Обстоятельная глава посвящена т. Розенталем условиям выполнения пятилетнего плана промышленности. Опираясь на интересный материал по вопросу о производительности труда в Зап. Европе, Америке и у нас, т. Розенталь подчерки-

¹ «Экон. обозрение» № 6 за 1928 г.

вает в качестве первого основного условия выполнения пятилетки задачу «догнать и перегнать производительность труда передовых индустриальных стран мира» (стр. 124), ибо «без достижения решающих успехов на фронте производительности труда пустыми разговорами будут высокие проективные нашего хозяйственного роста» (стр. 124). Характеризуя наметки пятилетнего плана в области реконструктивных и рационализаторских работ, повышения энергооборуженности рабочего, улучшения его благосостояния, автор доказывает реальность программы повышения производительности труда за пять лет на 110%. Автор отмечает, как важнейшее условие выполнения плана — форсированную подготовку технических кадров. Большое внимание т. Розенталь уделяет вопросам снижения себестоимости, делая детальный разбор конкретных мероприятий, направленных на выполнение задания снизить ее на 35%. В заключение автор отмечает напряженность плана и необходимость проявления величайшей энергии и активности «воли к его осуществлению». «Сущим коммунизмом и бюрократическим измышлением, — говорит он, — было бы думать, что осуществление этих высоких темпов развития, высоких качественных и количественных показателей работы промышленности может быть результатом «самотека», «стадии хозяйственного развития». Автор правильно заостряет внимание на организационных проблемах пятилетнего плана, — на вопросах реорганизации системы управления промышленностью, на вопросах системы работы, методов работы и экономического регулирования. «Иные масштабы производства будут с неизбежностью требовать и иного организационного оформления...; консерватизм здесь будет служить серьезнейшей помехой в деле осуществления намеченных планов развития». Хотя достаточно развернутой постановки организационных вопросов автор и не дал,

но сама постановка их — большое достоинство книги, тем более, что другие многочисленные авторы почему-то их обходят.

В общем, книга т. Розенталя хорошо проработана, интересна и мы ее рекомендуем читателю. Вместе с этим, считаем необходимым указать на серьезные дефекты в ее содержании, которые надо учесть читателю и автору при дальнейшем ее издании.

Интересная глава «Наши ошибки и ошибки буржуазных экономистов», посвященная, как выше отмечено принципиальному разбору проблемы темпа, обходит почти полным молчанием политически неверные и вредные ошибки в этом вопросе правой оппозиции партии и сверх индустриалистов. Автор очень увлекся разбором концепции буржуазных экономистов и забыл что ли уделить внимание правой оппозиции, хотя и подчеркивает, что вопросы темпа, хотя и разрешены самой жизнью на опыте последних лет, не потеряли все же своей злободневности и актуальности» (стр. 21). Автор, разумеется, знает, что эта актуальность и злободневность придана проблеме именно обстрелом линии партии со стороны правых по этому важнейшему вопросу о темпах индустриализации.

Естественно было ожидать от такой серьезной работы основательного критического разбора позиций не только буржуазных экономистов, но и мелкобуржуазных взглядов правых теоретиков.

Недостаточно автор выделил и вопросы новых методов труда, вопросы социалистического соревнования. Нужно было конкретно показать соцсоревнование, как один из источников превосходства наших темпов, источников разрешения задачи «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны.

В связи с этим, хорошая книга т. Розенталя политически много теряет.

А. Попов.

Е. О. Шатан. К вопросу о методах учета производительности труда. Труды Госплана УССР. Выпуск XIX.

При всем различии исходных теоретических позиций у большинства авторов, писавших по вопросу о методах учета производительности труда, все же было достигнуто единство мнений по ряду важнейших моментов, отказа от показателя ценности валовой продукции в единице рабочего времени, как измерителя производительности труда, всеобщее признание Струмилинского индекса и т. д.¹

Реконструктивный период в советской промышленности переключил экономико-

статистическую мысль на вопросы методологии измерения эффективности капитальных вложений. Разработка же методологии учета производительности труда — этого важнейшего подступа к изучению эффективности капитальных вложений — почти что приостановилась. Между тем, проблема учета производительности труда ни в каком случае не может считаться разрешенной. Если при помощи существующей методологии учета производительности труда в общем могли быть разрешены практические

¹ Правда, следует оговориться, что только не все статистические организации учили и усвоили эти совершенно бесспорные выводы из дискуссии. Достаточно сказать, что центральный отдел статистики ВСНХ

СССР до сих пор отказывается применять индексный метод, хотя необходимость и чрезвычайная простота и легкость применения этого метода не вызывает ни у кого сомнений.

задания в условиях экономики восстановительного периода, то уже сейчас, в преддверии решительных технических и структурных сдвигов в промышленности, эта методология вряд ли окажется целиком, во всех своих частях, приемлемой. Поэтому, наряду с вполне естественным заострением внимания на вопросах учета эффективности капитальных вложений не менее важно двинуть вперед и формировать разработку методологии учета производительности труда. С этой точки зрения надо всячески приветствовать работу Е. О. Шатана, которая может быть расценена как серьезная попытка вновь усилить интерес к указанной проблеме. Другое дело, отвечает ли работа т. Шатана тому нововому, что пришло и приходит в нашу промышленность. На этот вопрос, несмотря на ряд весьма интересных и ценных мест в рецензируемой работе, приходится в общем ответить отрицательно.

Е. О. Шатан в начале работы возвращает читателя к старому, имеющему, разумеется, не только терминологическое значение, спору о понятии производительности труда и ее элементов.

Отрицая в весьма категорической форме «мнение, усвоившее характер учебного трафарета, что производительность труда — понятие, равнозначущее выработке рабочего, которая определяется количеством изделий, изготовляемых рабочим в единицу времени», автор считает это мнение противоречащим экономическому учению Маркса и с своей стороны констатирует следующее: «Производительность или производительная сила определяется количеством рабочей силы, живой энергии (подчеркнуто нами. Я. В.), затрачиваемой на выработку единицы продукта». Как видно из самого определения, Е. Шатан отождествляет различаемые С. Г. Струминым и другими экономистами понятия производительности труда и производительной силы труда. Тем самым идея автора заключается в том, что интенсивность труда, степень его напряженности не является ни фактором, ни элементом производительности труда. Такая интерпретация понятия производительности труда не нова. В свое время такое же содержание в понятие производительности труда вкладывал и отстаивал со сходной (правда, менее четко изложенной) аргументацией А. М. Гинзбург. Такого рода интерпретация — «производительность труда определяется количеством живой энергии, затрачиваемой на выработку единицы продукта», помимо того, что практически не реализуема, является вульгарно-физиологической.

Во всяком случае, центр тяжести проблемы теории и учета производительности труда не в этом. По сути дела все экономисты стремятся к такой системе индекса и субиндексов производительности труда, при которой в границах практической достижимости и целесообразности и теоретической осмысленности можно было бы изолированно рассматривать изменения про-

изводительности силы труда и его интенсивности. На методологии же учета принятие той или иной интерпретации существенно отразиться не может. Центр тяжести в проблеме учета, говоря, не в делителе интересующего нас отношения, а в его делимом — продукции.

Гораздо интереснее и оригинальнее вторая и третья часть работы Е. О. Шатана. Подробно разобрав в этих частях Струмилинский индекс и установив его границы, как орудие измерения производительности труда, Е. О. Шатан формулирует основные задания в изучении динамики производительности труда и методы их разрешения. «Независимо от того, как измеряется сам процесс труда, в каждом исследовании производительности не может не быть поставлен вопрос о том, идет ли речь об индивидуальной технической производительности труда... В одном случае речь идет о производительности рабочей единицы, рассматриваемой изолированно, в ее индивидуально технической обстановке, в ее совершенно конкретных производственных функциях. Здесь среднее по многим таким единицам мыслимо лишь, как показатель динамики (?) процесса, — оно исключается независимо от взаимодействия рабочих, их единиц и структуры их совокупности. Это — техническая производительность индивидуального труда. В другом случае вопрос формулируется, примерно, так: увеличивается или уменьшается количество благ, создаваемых единицей труда совокупного, реализуемого в известном комплексе хозяйственных единиц, рассматриваемых вместе, как единый организм общественного производства? Здесь среднее выступает не только как показатель динамики процесса, оно существует и в стороне, — в нем получают свое выражение структурные свойства, состав рассматриваемой совокупности» (стр. 10—12).

Эти формулировки, экономически отчетливо разграничивающие задания в учете производительности труда и определяющие их служебное значение, составляют заступку автора. Для решения вопроса об учете «общественной производительности труда» тов. Шатан вновь выдвигает метод чистой продукции. Вполне понятно, что, являясь принципиальным сторонником натурального учета, Е. О. Шатан не имеет в виду неоднократно всплывавшую в качестве измерителя динамики и уровней производительности труда чистую продукцию, выводимую при изменяющейся оценке валовой, «ибо при текущей цене валовой чистой продукции является денежным выражением вновь создаваемой стоимости, а последняя обратно пропорциональна производительности труда». В противовес этому, Е. О. Шатан рекомендует оперировать чистой продукцией, выводимой из неизменной цены валовой и ее переносимых элементов. Когда чистая продукция исчисляется этим методом, она может в динамике своей служить правильным заместителем натуральной продукции при неизменности

так называемых, технико-экономических коэффициентов производства, коэффициентов использования энергии и топлива, дозировке сырья и материалов, амортизации, утилизации отходов и т. д. И еще следующее: при неизменности цены готового продукта (уменьшаемое), величина чистой продукции (разница) находится в обратной зависимости к величине переносимых элементов (вычитаемое), т. е. по мере снижения технико-экономических коэффициентов повышается величина чистой продукции, а не наоборот.

В противоположность валовой продукции, в переносимой части которой скрещиваются продукты различных производств, однажды самостоятельно учтенных, при суммировании чистой продукции двойной счет избегается, поскольку каждое из складываемых состоит из вновь созданной стоимости. Таким образом, создается возможность исчислить динамику суммарного продукта и ее отношение к динамике количества труда, затраченного на производство во всей данной совокупности, отразит «не только изменения в количестве совокупно учитываемых продуктов в данном конкретном процессе, но и те изменения, какие происходят в структуре всей совокупности, также в составе отдельных продуктов, ее составляющих». Здесь, таким образом, получается правильное соотношение между суммарным количеством потребительских благ и суммарным количеством труда, затраченным обществом на производство этих благ, т. е. показатель изменения производительности общественного труда.

Такова схема тов. Шатана, которую он полагает единственно правильной основой учета динамики общественной производительности труда. Нельзя ей отказать в стройности и цельности, в большом интересе. Не вдаваясь в детальный анализ этой схемы — мы разрешим себе сделать несколько замечаний.

Нам представляется, что применение предложенной Е. Шатаном схемы изучению общественной производительности труда связано с наибольшими опасностями именно в период резких структурных сдвигов в составе совокупного промышленного производства и его продуктов, т. е. именно в тех случаях, когда, по т. Шатану, применение этой схемы особенно необходимо и единственно способно обеспечить правильность результатов исчисления. Мы здесь не имеем в виду практических учетных свойств трудностей, хотя вряд ли их возможно преуменьшить (осложнение статистической и бухгалтерской отчетности, измерение физического и морального износа оборудования, вопрос о котором до сих пор не может считаться разрешенным, и т. д.). В данном случае, у нас возникают другого порядка сомнения.

В период резких структурных сдвигов, наряду с изменением удельного веса отдельных отраслей в совокупном промышленном производстве, появляются новые отрасли; появляются в старых отраслях

новые по свойствам и назначению виды продукции. В частности, уже начало реконструктивного периода в нашей промышленности отмечается появлением автостроения, тракторо- и комбайностроения, добычей калийных солей и пр. В связи с этим у нас возникает вопрос, как включаются в конструируемую совокупность, в «подсчет» ранее не производившиеся продукты, какая оценка дается этим продуктам, не производившимся и, стало быть, не имевшим оценки в базисном периоде.

Можно допустить (в действительности это не так), что в условиях, когда меняются удельные значения отдельных видов продукции, но остается постоянной их номенклатура, производительность первоначальных оценок не может существенно отразиться на результатах исчисления. Но в случае, указанном выше, вся схема ставится под удар. Невольно напрашивается аналогия с хорошо известными затруднениями при исчислении индексов цен, когда из рыночного оборота выпадают ранее обрабатывавшиеся товары или появляются новые, или резко меняется роль частной и общественной торговли. Но это — только аналогия. В интересующем нас случае эти затруднения имеют неизмеримо большее принципиальное значение.

В самом деле, произвольность в оценке нового, но целиком потребляющегося внутри же промышленности при производстве учитывавшихся уже в базисном периоде изделий продукта — допустим алюминия — исказит только распределение чистой продукции между отраслями, но не затронет конечных результатов исчисления — динамики «продукта годового труда» в промышленности. Но совершенно иное получится, если эти новые для изучаемого периода продукты труда в промышленности, являющиеся конечными продуктами или — как в нашем примере, — предназначенные для производственных целей в других отраслях народного хозяйства (тракторы, комбайны, калийные соли), не были учтены в базисном периоде и войдут в «подсчет» по произвольной оценке. В этом случае устанавливается произвольное распределение чистой продукции уже между отраслями народного хозяйства и тем самым искажается конечный результат исчисления — общественной производительности труда в промышленности.

Мы остановились только на этом вопросе, ибо в нем, оставаясь на исходных теоретических позициях т. Шатана, мы видим одно из самых слабых мест предложенной схемы. И приходиться недоумевать, как мог автор совершенно не коснуться этих затруднений, обойти их молчанием.

Возникают вообще серьезные сомнения, возможно ли вообще построить за длительный период «методологически корректный» индекс общественной производительности труда в промышленности. Эти сомнения отнюдь не беспочвенны. Во всяком случае, в настоящее время для построения такого индекса нет необходимых предпосы-

лок в виде законченной методологии учета и соответствующей ей статистической отчетности. Но нам представляется, что проблема учета динамики общественной производительности труда вообще не разрешима в пределах одной отрасли народного хозяйства, в данном случае в промышленности, и что ее разрешение мыслимо толь-

ко в масштабе народного хозяйства. В этом направлении должны быть переключены усилия экономико-статистической мысли, и в теории народного дохода, динамика его реального объема должен быть найден ключ в разрешении проблемы общественной производительности труда.

Я. Кваша.

«Бюджет рабочих и служащих». Вып. I. «Бюджет рабочей семьи в 1922—27 гг.». Текст. Стр. 100. Цена 2 р. 50 к. Вып. II. «Бюджеты рабочих и служащих в декабре 1922 г.». Таблицы. Стр. 189. Цена 2 руб. Вып. III: 1. «Бюджеты рабочих в ноябре 1923 г.». 2. «Бюджеты рабочих в ноябре—декабре 1924 г.». 3. «Бюджеты рабочих в ноябре 1925 г.». 4. «Бюджеты служащих в ноябре 1925 г.». Таблицы. Стр. 715. Цена 10 руб. Статистическое Издательство. Москва, 1929 г.

Начиная с декабря 1922 г. Центральное Бюро Статистики Труда ежегодно проводит обследование месячных бюджетов рабочих и служащих. Материал этих эпизодических обследований интерпретировался в самых различных экономических изданиях: статьи в центральных и местных органах периодической печати, отдельные публикации табличных сводок в периодических изданиях органов статистики труда, наконец, самостоятельные издания, посвященные освещению материалов обследования. Несмотря на это, предпринятое ЦСУ издание серии, посвященной публикации всего накопленного богатства материалов, не только не является лишним, но его должно всячески приветствовать, ибо в конце-концов все прежние публикации носили более или менее случайный характер и не давали цельного представления обо всей совокупности исследования.

Рецензируемые издания — первые три выпуска серии «Бюджетов рабочих и служащих», с одной стороны, дают табличный материал применительно к каждому обследованию, а с другой, текстовой анализ всего табличного материала, взятого в целом (вып. I). Опубликованная часть табличного материала (2-й и 3-й выпуски серии) охватывает произведенные ЦСУ обследования 1922, 23, 24 и 25 гг.; текстовой анализ динамики рабочего бюджета охватывает пятилетний период 1922/27 г., но касается одной лишь основной группы обследованных: семейных рабочих. Несмотря, однако, на то, что, по видимому, предстоит еще публикации дальнейших выпусков серии, изданная часть дает достаточно полное представление как о характере всего издания, так и по существу освещаемой им проблемы.

С самого начала обследование было поставлено широко, охватив наиболее важные промышленные пункты и вполне достаточное количество объектов наблюдения. Далее, поскольку можно судить по рецензируемым материалам, программа обследований и разработки собранного материала не подвергались существенным изменениям за все эти годы: каждое новое обследование, сохраняя принципы, применявшиеся

при старом, характеризуется лишь большим уточнением и более глубокой проработкой одних и тех же вопросов.

Отличительной особенностью исследований, о которых идет речь, это — месячный отрезок времени, охватываемый каждым из них: декабрь 1922 г., ноябрь 1923 г., от 15 ноября по 15 декабря 1924 г. и ноябрь 1925, 26 и 27 г.

При том интенсивном темпе изменений в уровне жизни рабочего класса, которым особенно характеризуются первые годы восстановительного процесса, каждое из обследований могло дать нечто вроде моментальной фотографии изучаемого явления, со всеми, кстати, отличительными особенностями и дефектами последней. Подчеркивая наиболее характерные и выпуклые элементы рабочего быта, они оставляли в тени все менее яркое, но не менее существенное.

Как видно из публикации табличного материала, относящегося к обследованию 1922 г., авторами была сделана попытка, по данным месячного бюджета и некоторым дополнительным сведениям о годовых нормах потребления, собранным путем опроса обследуемых «объектов», построить годовой расходный бюджет. Но уже в следующем году авторы отказались от этого искусственного приема, совмещающего, с одной стороны, разные методы исследования (приходно-расходную запись и опрос), а с другой, данные месячного и годового бюджета, т. е. данные, несущие в себе всяческую печать сезонности, и данные, свободные от таковой. Своим отказом от построения подобной конструкции авторы как бы подчеркивают временный, сезонный характер каждого исследования в отдельности и динамическую природу всех исследований, вместе взятых.

Вторая установка рецензируемых материалов, с которой приходится считаться читателю, относится уже не к характеру самого исследования, а к системе его публикации: речь идет о территориально обобщенных показателях, в которых преподаны все опубликованные материалы. Только материалы обследования 1922 г. даны в территориальной группировке, соответ-

ствующей пунктам, в которых произведено само обследование, все же остальные материалы сведены к трем основным группам: столицы (Москва и Ленинград), провинциальные города РСФСР и УССР. Само собою разумеется, что когда в одну группу объединены все, например, рабочие УССР, горняки Донбасса и рабочие металлургических заводов Днепропетровска и Харькова, рабочие сахарных заводов мелких населенных пунктов Украины и рабочие Киева и Одессы, — то типичные и характерные для каждой из этих групп черты вытравляются из подобной табличной сводки и остаются лишь наиболее общие для всех рабочих признаки.

Наряду с динамической установкой исследования выделяется и другая его специфическая особенность: установка на изучение только общих, присущих всему рабочему классу тенденций развития.

Такая установка имеет свой безусловный *raison d'être*. Но она имеет и свои неудобства, особенно, когда освещение той или иной общей проблемы может быть дано лишь посредством монографического исследования, ориентированного на тщательную территориальную группировку. Так, например, обстоит дело с такими существенными элементами рабочего быта, как собственное производственное хозяйство, побочные доходы рабочей семьи и даже, хотя и в меньшей степени, жилищный вопрос.

Обе вышеуказанные особенности рецензируемых материалов отражаются отрицательно на характеристике доходной части бюджета. При этом даже динамический характер всего исследования не дает возможности сгладить эти дефекты и принуждает авторов к целому ряду неизбежных оговорок и замечаний об относительной достоверности приводимых показателей и о том влиянии, которое оказал на них месячный период обследования. Особенно много таких оговорок имеется в отношении рассматриваемой роли заработной платы в рабочем бюджете.

Из всего круга вопросов, охватываемых бюджетным исследованием, пожалуй, одна только проблема заработной платы подвергается всестороннему экономическому освещению помимо бюджетов. Преимущественным же источником познания всех остальных проблем является именно бюджетное исследование. Перед автором, который взял бы на себя освещение всей массы большого статистического материала бюджетных исследований, встала бы задача, во-первых, описать всю совокупность условий рабочего быта и его динамику и, во-вторых, показать, в какой связи с общеправовой и экономической обстановкой находят происшедшие изменения. Решение этой задачи осложняется еще месячным периодом бюджетных исследований, ибо автору надлежало бы выделить и элиминировать все временное и случайное, что приписано в материал особенностями данного месяца, и остановить свое внимание на

том общем и характерном, что присуще всему периоду исследования. С этой сложной задачей прекрасно справился автор I выпуска серии, Г. С. Полляк. Со свойственной ему манерой сжатого и краткого изложения он сумел в небольшом относительно очерке дать характеристику динамики всех без исключения элементов рабочего быта, указав двигающие пружины, под влиянием которых происходили в нем изменения.

Отмечая почти удвоение реальных размеров бюджета (прирост на 82%), Г. С. Полляк указывает, что параллельно этому процессу происходила нормализация в строении доходного бюджета: увеличение доли заработной платы в бюджете, уменьшение отрицательных источников дохода, падение доли побочных доходов, в частности, доходов от собственного производственного хозяйства. Чрезвычайно интересно отметить все растущее значение поступлений от органов соцстраха, роль которых вместе с поступлениями от собоа составляет к концу рассматриваемого периода 4—5% всего бюджета и 5—6% от заработной платы.

Рассматривая динамику строения расходного бюджета, автор справедливо указывает, что отмеченное повышение уровня благосостояния не нашло в строении бюджета соответствующего отражения; это — особенно ясно, если исходить из представлений известной формулировки «закона» Энгеля—Шваабе, гласящего, что по мере роста благосостояния расходы на первоочередные потребности (питание, жилище) понижают свою долю в бюджете, а «второстепенные» расходы, наоборот, ее повышают. В действительности же, несмотря на колоссальный рост бюджета, основные его элементы или сохраняют свои позиции (питание, одежда), или, вопреки всяким законам, повышают свой вес (жилище). Автор, однако, не считает, что этим обстоятельством опровергается самый закон, а правильно заключает, что он сохраняет свое действие в статистике или в неизменной экономической обстановке, т. е. при одинаковом уровне цен и т. д. Автор вносит еще одну поправку в формулировку этого закона. Хотя он и оговаривает, что она относится лишь к форме, а не к существу закона, она все же в условиях советской действительности в значительной мере видоизменяет и его содержание. Смысл этой поправки сводится к тому, что в наших условиях этот закон может быть отнесен не только к структуре всего бюджета, но также и к структуре отдельных сложенных его элементов, в частности, к питанию: «Наиболее характерным моментом развития рабочего бюджета в рассматриваемые годы было перемещение центра тяжести питания от объемистых и дешевых растительных продуктов к более ценным в физиологическом отношении и более дорогим продуктам животного происхождения» (стр. 30, вып. I). Именно в силу отмеченного обстоятельства питание и сохраняло

свои позиции в бюджете, несмотря на почти удвоение его абсолютных размеров.

При анализе самого питания автор строит интересную схему определения тех отдельных факторов, под влиянием которых формировалась его динамика. Отмечая количественное и качественное улучшение питания и особенно подчеркивая последнее, автор дает наглядное изображение этого процесса, удачно строя индексы потребления продуктов питания, наглядно, в одном числе, показывающие, как изменялось и насколько улучшалось питание за все рассматриваемое пятилетие. Индекс последней из рассматриваемых автором дат (ноябрь 1927 г.) определяет улучшение питания в 163 (100—декабрь 1922 г.), при чем в последние годы пятилетия темпы прироста, составлявшие вначале 11—22% за год, падают в последние годы до 1,4% (в 1926 г.) и 3,8% (в 1927 г.). Не приходится, конечно, сомневаться, что основным фактором, под влиянием которого происходило это улучшение питания, является рост благосостояния рабочих. Автор построил любопытную таблицу, сравнивающую динамику потребления отдельных продуктов за все рассматриваемые годы и изменение их потребления в различных группах благосостояния на одну из дат обследования. Совпадение происходящих изменений в том и другом рядах почти полное, и там и здесь изменение питания в первую голову происходит за счет улучшения его качества. В той же мере, в какой совпадение не имеет места, обстоятельство это всецело объясняется различной динамикой цен разных групп продуктов. Анализировав влияние цен на уровень питания, автор очень интересным приемом исчисляет, в какой мере рабочее хозяйство, реагируя на повышение цен, видоизменяет свой пищевой рацион без ущерба для уровня питания. Результат этого исчисления формулируется автором нижеследующим образом: «Эти 1,8—2,9% общей стоимости питания и характеризуют приблизительно ту меру приспособления, которую обнаруживает состав потребления под давлением меняющегося уровня цен, иначе говоря, относительную величину той экономии, которую получает хозяйство без ущерба для потребления, приспособляя состав потребляемых продуктов питания к наиболее выгодным при данном уровне потребления ценам» (стр. 42).

Автор далее определяет, как видоизменяется питание под давлением остальных потребностей. Он применяет здесь метод анализа динамики питания в неизменных

по уровню благосостояния группах. Выводы, к которым он приходит, говорят, что, несмотря на сильное давление других потребностей, «питание твердо сохраняет свои позиции в бюджете и даже стремится расширить их за счет других расходных статей» (стр. 44). Мы не можем в рамках рецензии столь же подробно останавливаться на остальных не менее интересных частях обзора Г. С. Поляка, относящихся к рассмотрению других элементов расходного бюджета. Остановимся лишь на наиболее ярком и существенном. Автор весьма убедительно показывает, как протекал эти годы процесс восстановления одежного и проч. вещевого инвентаря. Он показывает, что, первые годы восстановительного процесса приходило именно восстановление инвентаря, а не только приобретение его, ради удовлетворения текущих потребностей. Наконец, чрезвычайно эффектны и показательны используемые автором материалы серии относительно вещевых запасов. Эти таблицы, помимо общей характеристики быта, помимо описания низкого материального уровня этого быта, дают вместе с этим совершенно недвусмысленную картину роста «потребительского накопления».

Ряд прогрессивных явлений динамики рабочего быта не нашел своего отражения в бюджете. Сюда в первую очередь относятся расходы по удовлетворению культурных и др. аналогичных потребностей. Но анализ потребления соответствующих благ, полученных в натуре, показывает, что и здесь за эти годы наблюдается определенный рост.

Вообще проблема влияния предложения на уровень потребления многократно ставится автором на протяжении своего обзора. Но именно ставится, ибо для подробного освещения этого вопроса бюджеты не дают пока достаточного материала. Но в качестве постановки вопроса указания автора и здесь будят мысль и заставляют определенным образом ориентировать будущие исследования.

Если прибавить, что помимо вышеизложенного автором использованы подробные таблицы социальных секторов торговли, обслуживающих потребление рабочего класса, то этим, пожалуй, исчерпывается основной круг вопросов, затронутых как в самом первоисточнике, в табличном материале, так и в текстовом обзоре. Таковы в общих чертах основные моменты рецензируемых материалов.

В. Львов.

«Хозяйство ЦЧО». — Ежемесячный экономический журнал, орган Центрально-Черноземной Областной плановой Комиссии. №№ 1—11 за 1929 г.

Сельское хозяйство во всей экономике ЦЧО занимает преобладающее положение. Вместе с тем, состояние и развитие его в этой области находится в особых условиях по сравнению с другими районами Союза. Естественно, что для областного экономического органа вопросы, связанные с сельским хозяйством, являлись основными темами. Добрая половина всех статей, помещенных в журнале за 1929 г., как раз и относится к сельскому хозяйству.

Из этих статей прежде всего отметим следующие три статьи, посвященные вопросам расслоения: Н. Варгафтика «О расслоении» (№ 1), С. Алексеева «Об изучении процессов расслоения крестьянского хозяйства» (№ 3) и И. Варгафтика «Против смазывания вопросов расслоения ЦЧО».

Построивши свою первую статью на материалах динамического обследования 1927 г., т. Варгафтик берет в основание для своих выводов типологическую схему, разбивающую сельское население на четыре группы: пролетариат, полупролетариат, простые товаропроизводители (с подразделением на бедных, средних и зажиточных) и мелкокапиталистические хозяйства. Главными признаками, определяющими указанные социальные группы по этой схеме, являются — средства производства, работа по найму и наем рабочей силы. Кроме этого Варгафтик разбивает данные обследования на 23 классификационных признака в разрезе 7 групп по стоимости средств производства.

Автор не дает достаточной разработки материала, да и сам материал одной и переписи только за 1927 г. не является достаточной основой для обобщений и решающих выводов, в виду отсутствия показателей в динамике за ряд лет. Кроме того отсутствие в материалах признаков, характеризующих объем продукции отдельных групп крестьянства, и отсутствие дифференцированного анализа по наличию рабочего скота и по площадям посева, уменьшают интерес статьи, делая ее не полной. Правда, для сверки автор приводит некоторые данные по, так называемым, натуральным признакам. Мы считаем, что, взяв в основу средства производства, не мешало бы более подробно остановиться на натуральных признаках. Это во всяком случае не умаляло бы значения статьи.

Однако, надо констатировать, что основное методологическое направление статьи является правильным.

Поэтому мы, вместе с т. Варгафтик, должны высказаться против установок автора второй статьи по данному вопросу — С. Алексеева, стремящегося в своей работе смазать расслоение крестьянства в ЦЧО. С. Алексеев берет в основу своих построений группировку по посевам и по

рабочему скоту в сравнении ЦЧО с Сев. Кавказом. На основе этого сопоставления автор делает ряд выводов, основным из которых является положение о более равном, однородном состоянии крестьянского хозяйства ЦЧО, чем на Сев. Кавказе. Избегая прямо утверждать незначительность дифференциации крестьянства ЦЧО, автор все же в ряде мест говорит о наличии более крупной группы середняков, большей срезанности «крайних флангов деревни» и т. д.

Всякому, кто знаком с экономикой районов СССР, понятно, что ни в коем случае нельзя отождествлять крестьянское хозяйство ЦЧО с крестьянским хозяйством Сев. Кавказа по натуральным признакам. Это два значительно различающихся между собой района. Кроме того нельзя делать выводов на основе одной небольшой таблицы, характеризующей крестьянство по посевной площади и наличию рабочего скота в 1926 г. Совершенно понятно, что такая табличка, да еще в сравнительном разрезе с Сев. Кавказом, не может претендовать на основание для ряда серьезных выводов.

Поэтому попытка С. Алексеева — обосновать свою концепцию потерпела фиаско, и И. Варгафтик с достаточной убедительностью доказал неправильность его установок в своей второй статье, являющейся ответом на статью С. Алексеева.

Указанными тремя статьями исчерпана тема о расслоении. Журналу надо более серьезно осветить этот вопрос, глубже и шире охватить тему.

Вопросам колхозного строительства посвящено несколько статей.

Н. Пешков в статье «Перспективы колхозного строительства» (№ 1), останавливаясь на основных достижениях в этой области, главное внимание уделяет анализу контрольных цифр колхозного строительства на 1928/29 г. Исходя из установок партии о коллективизации сельского хозяйства, автор совершенно правильно заостряет вопрос усиления планового начала в этом деле и усиления руководства массовым движением крестьянства в сторону колхозов, делая правильный прогноз о том, что при условии соблюдения этих моментов можно ожидать более бурного процесса коллективизации. Действительность показала, что установка 1928/29 г. в этой области как по СССР, так и в ЦЧО были превзойдены.

Строительству окружных колхозов ЦЧО посвящена статья А. Андреева в № 9 журнала. Останавливаясь на практике крупного колхозного строительства, автор уделяет особое внимание организационным формам строительства, рекомендуя создание крупных объединений на базе тракторных колонн и совместного ведения сельского хозяйства всем объединением, с со-

хранением самостоятельности отдельных колхозов, входящих в это объединение.

При этом автор не отставляет необходимости оставления этих организационных отношений на все последующее время, наоборот, он видит в этом «процесс перерастания кустового объединения в крупный колхоз».

В статье заостряются также вопросы механизации и специализации колхозов, устанавливается слабость процесса специализации, являющейся в условиях ЦЧО одним из важнейших моментов, благоприятствующих росту колхозов. Кроме того автор разбирает вопросы труда в колхозах.

В № 10—11 помещена статья М. Пьяных «Товарность колхозов ЦЧО». В этой статье приведены интересные данные о товарности отдельных видов колхозов (коммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли). Как и следовало ожидать, товарность резко падает у артелей по сравнению с коммунами и еще более резко у товариществ по совместной обработке земли в сравнении с двумя первыми видами колхозов. «Валовая товарность коммуны, примерно, в пять раз выше валовой товарности товариществ по СОЗ и в два с лишним раза больше товарности артелей».

Выводы, к которым приходит автор, понятны без детальной их обрисовки.

В №№ 2 и 3 помещены статья Г. Прядченко «О поднятии урожайности и проведении весенней посевной кампании в ЦЧО» и А. Ремейко «За поднятие урожайности, за расширение посевных площадей».

Трактую один и тот же вопрос, авторы в общем правильно заостряют внимание на задачах партийного и советского аппарата в области поднятия урожайности и весенней кампании, но в той и другой статье задачи общестроительного сектора и, в частности, коллективизации сельского хозяйства, не получили достаточного отражения. Между тем, в проблеме поднятия урожайности и расширения площадей вопросы коллективизации и обобществления сельского хозяйства имеют большое значение.

В ряде других статей по сельскому хозяйству представляет интерес статья А. Быстрицкого — «Сельское хозяйство ЦЧО требует к себе большего внимания», помещенная в № 9 журнала.

Останавливаясь на нуждах сельского хозяйства ЦЧО и на удовлетворении их в решениях правительственных органов, автор жалуется на недостаточное внимание к ним со стороны общественных органов.

Несколько статей посвящено интенсификации сельского хозяйства и техническим культурам. Эти вопросы в условиях ЦЧО имеют первостепенное значение, и проблема оскудения может быть разрешена наряду с коллективизацией также и за счет интенсификации и специализации сельского хозяйства. Детальную разработку данного вопроса мы находим в статьях: В. Лукина «Картофель» и сахарная свекла

в ЦЧО» (№ 9), А. Долгополова «Роль технических культур в реконструкции сельского хозяйства» (№ 7—8), Е. Полубенского «Культура конопли» (№ 5—6) и в других статьях.

Кроме того, сельскому хозяйству посвящено еще много статей на различные темы (химизация сельского хозяйства, контрактация, ряд статей агрономического порядка и т. д.).

В общем технические вопросы сельского хозяйства получили на страницах журнала должное освещение. Недостаточно внимания уделено совхозам к вопросам сплошной коллективизации.

Ряд статей посвящен также вопросам промышленности. Из них отметим статью П. Царева «Промышленность ЦЧО в 1927/28 г.» (№ 2), содержащую общую характеристику промышленности области.

Настоящее состояние промышленности ЦЧО характеризует невысокое ее развитие. Вся валовая продукция промышленности в 1927/28 г. составляла 332 млн. руб., увеличившись против предыдущего года на 39%. Доля промышленности, перерабатывающей продукты сельского хозяйства (маслобойная, свеклосахарная, мукомольная, винокуренная, крахмалопаточная и т. д.) составляет свыше 60% во всей валовой продукции. Удельный вес металлопромышленности равен 5%.

Вот почему проблема металлургической промышленности, имеющая достаточную базу в области (Липецкие руды, Курская аномалия), выпячивается в журнале во всей широте.

В частности вопросу строительства Липецкого металлургического завода посвящено в № 2 три статьи тт. Ремейко, Покатаева, Нисского. Действительно Липецкий завод, включенный в пятилетку, будет одним из крупнейших заводов СССР, благодаря полной обеспеченности сырьевой базой. Залежи руд в этом районе определяются громадной цифрой — 690.000.000 т.

Кроме этих статей в журнале помещен ряд статей, посвященных другим отраслям промышленности, имеющим в области в настоящий момент большое значение. Из них следует отметить статью Сныткина «Сахарная промышленность ЦЧО в 1928 г.», А. Зазорина (№ 3) «Мукомольная промышленность» и т. д.

Пятилетний план развития хозяйства ЦЧО отражен в ряде статей, напечатанных в нескольких номерах журнала.

В № 1 помещена статья И. Карро «Некоторые основные моменты пятилетнего плана развития ЦЧО». Той же теме, охватывающей основные установки пятилетнего плана, посвящена статья А. Ремейко «Хозяйство ЦЧО в пятилетке» (№ 6), являющаяся переработанным докладом пленуму Облсполкома.

Характеризуя основные показатели пятилетки области, т. Ремейко особо останавливается на том отношении, которое имелось при составлении общесоюзной пятилетки

к ЦЧО. Автор особенно упирает на недостаточность темпов развертывания промышленности и электростроительства в ЦЧО, запроектированных союзной пятилеткой.

Этому же вопросу в основном посвящена и статья И. Варейкиса «Против реакционных предрассудков и предубеждений» (№ 4), в которой автор резко критикует первоначальные установки Госплана в отношении промышленного и электростроительства ЦЧО. К сожалению, т. Варейкис,пуская в ход весьма крепкие слова по адресу Союзного Госплана, совсем не обосновывает своих запросов в отношении, например, электростроительства, на 200.000 мвт.

Как известно, при окончательной сверстке и утверждения союзной пятилетки роль ЦЧО в промышленном строительстве и электростроительстве была поднята в меру возможностей.

Из отдельных проблем пятилетки особое освещение получили: «Пятилетний план развития сельского хозяйства» — статья Б. Базилевского и Н. Воробьева, «Социально-культурное строительство ЦЧО в пятилетке» — Л. Орловского. Кроме того, помещена статья А. Зыкова «О пятилетнем плане развития промышленности» и др.

Все эти статьи детально освещают основные установки пятилетки. Останавливаться на отдельных показателях мы не имеем возможности.

Итогом первого года, истекшего со времени организации области, посвящена статья Г. Прядченко «Год работы» (в № 7/8). Подведя итоги работы, т. Прядченко останавливается на основных моментах предстоящей работы областных органов в разрезе перспективных планов.

Половина № 10/11 отведена статьям, посвященным контрольным цифрам на 1929/30 г.

В десяти статьях, посвященных этому вопросу и принадлежащих тт. Быстрицкому, Базилевскому, Воробьеву, Чеканову,

Наговицину, Зыкову, Грачеву, Власову и др., нашли отражение все основные отрасли народного хозяйства.

Темп коллективизации сельского хозяйства по ЦЧО на 1929/30 г. намечен в 20%, рост посевных площадей — 15%, рост промышленной продукции — 20%, рост рабочих — 11%, зарплат — 8%, капиталовложения составят 240 млн. руб. против 110 млн. в 1928/29 г., снижение себестоимости — 8% и т. д.

Как видим, показатели по промышленности отстают от союзных, но это обстоятельство кроется в объективных условиях данного состояния промышленного хозяйства ЦЧО.

Следует еще отметить статью «Хлебозаготовительная кампания 1929/30 г.» (переводная в № 9). Здесь даются основные установки новой хлебозаготовительной кампании, в соответствии с решениями партии и правительства. Надо сказать, что помещение одной только статьи, посвященной такой важной кампании за весь год, является недостаточным.

В журнале есть постоянный отдел «По округам и районам», содержащий в каждом номере до десяти статей на местные темы. Это делает журнал более интересным и приемлемым для широких слоев районного и окружного актива.

В отделе библиографии помещаются рецензии на книги и журналы, главным образом, связанные с хозяйством ЦЧО.

В дальнейшем надо пожелать журналу не ослаблять внимания к сельскому хозяйству, углубляя разработку социальных вопросов. Кроме того, журналу надо больше уделять внимания другим отраслям народного хозяйства: товарообороту, отдельным видам кооперации и пр.

В общем «Хозяйство ЦЧО» является серьезным, экономическим журналом, сумевшим в течение года занять место в первых рядах нашей районной экономической прессы.

В. Носов.

«Жизнь Сибири» — ежемесячный журнал политики, экономики и краеведения. Изд. Сибкрайисполкома, Новосибирск, 1929 г.

Издающийся Сибирским Крайисполкомом журнал «Жизнь Сибири» следует признать одним из лучших провинциальных экономических журналов. Общеплановые вопросы, постановка и освещение важнейших проблем по всем отраслям народного хозяйства, солидный краеведческий отдел, наконец, довольно высокое качество помещаемых материалов в отношении их содержания — вот, что позволяет сделать этот вывод.

Богатейшие потенциальные возможности Сибири и обилие ее хозяйственных ресурсов требуют внимательнейшего изучения и описания процессов роста в сибирском хозяйстве. С этой точки зрения нельзя не

приветствовать выпуск специального двойного номера журнала (7—8), посвященного итогам 1928/29 г. и контрольным цифрам плана на 1929/30 г.

Основной проблемой в контрольных цифрах Сибири является проблема сельского хозяйства. Юго-западные области богатой хлебом Сибири испытывали недавно неурод и в настоящее время необходимо ликвидировать последствия этого неурода и вместе с тем увеличить рост посевов.

В промышленной области важнейшим явлением надо признать создание Кузнецкого комбината (каменноугольного, металлургического и химического), который будет иметь общесоюзное значение. В 1929/30 г.

строительство этого комбината должно значительно подвинуться вперед. Общая стоимость капитальных работ в промышленности превысит 155 млн. руб. Производительность труда должна повыситься на 22%, снижение себестоимости запроецировано в размере 8%. Сибирские контрольные цифры стоят по своим качественным проектировкам ниже общесоюзных, наметавших по производительности труда повышения на 25%, а по снижению себестоимости — 11%.

Интенсивное развертывание хозяйства обуславливает повышенные требования к работе Сибирских плановых органов. Этот вопрос трактуется в статье М. Реминга — «Перед новым этапом в плановой работе». В деятельности Крайплана можно усмотреть два этапа, разграничиваемые примерно серединой 1926 г. Первый из этих периодов характеризуется ненадежностью плановой работы, особенно в области перспективного планирования. Так, неудалась попытка построить генеральный план и также недостаточно стройным оказался пятилетний план, носивший скорее характер обоснованной заявки. В период же последнего трехлетия составлены несколько вариантов перспективного плана, генеральный план, контрольные цифры (троекратно) и т. д.

Несмотря, однако, на количественные достижения, качество плановой работы автор считает недостаточно удовлетворительным.

Для устранения этого автор настаивает на необходимости осуществления не новой, но верной идеи насчет разграничения оперативных и плановых функций. С этим связан и вопрос о функциях Окрплана.

Еще в 1928 г. «Жизнь Сибири» поместила несколько статей, в которых проводились противоречивые взгляды по вопросу об участии окрпланов в составлении пятилетки. В 1929 г. Сибкрай высказался за полное уничтожение окрпланов. Напротив, С. Рубцов в статье: «Об окрпланах» полагает необходимым укрепить положение окрпланов.

Среди различных отраслей хозяйства, пожалуй, наибольшее внимание уделяется журналом промышленности. Можно отметить статьи: В. Корнева — о снижении себестоимости (№ 5), две статьи о промышленности Кузбасса (№ 6), статью П. Беневоленского о проблеме промкадров (№ 5), статью о семичасовом рабочем дне (№ 4) и т. д.

В первой из перечисленных статей приводятся ряд фактов, на которых стоит остановиться. В области качественных показателей сибирская промышленность дает явно неблагоприятные результаты. В 1927/28 г. снижение себестоимости, взамен утвержденных по плану 4,2%, выразилось всего в 0,6%, при чем по угольной промышленности союзного значения имело даже место повышение в размере 5%. Первое

полугодие 1928/29 г. обнаружило некоторое улучшение, но и эти итоги оставляют желать много лучшего: себестоимость снизилась на 1,7%, при плановом задании 6,5%. При этом производительность труда отставала от плана на 10,3%.

Основной причиной невыполнения директивных заданий по себестоимости автор считает не объективные, а субъективные моменты в производстве. Крайне небрежно используется сырье. В Алтмехтресте, по свидетельству автора статьи, расходуется на десятки тысяч рублей шерсть на внутрененные нужды, много шерсти уносится с фабрики в карманах рабочих и т. п. На обувных фабриках допускается небрежный крой, понижающий выход годной продукции.

Весьма велик процент брака, а на многих неправильно установлены нормы выработки.

Небезинтересные данные приводятся в вышеуказанной статье о промкадрах. В 1928 г. в сибирской промышленности союзного подчинения имелось 268 инженеров и техников, что составляло 1,6% от числа рабочих, а в краевой промышленности 205 инженеров и техников, или 2,8%. К концу пятилетки эти цифры соответственно должны возрасти до 1,352 чел., или 4,7% (в союзных предприятиях).

Из материалов, освещающих вопросы сельского хозяйства, остановимся на помещенной в № 6 журнала статье М. Минеева — «Основные выводы из весенней сел.хоз. кампании». Весенний посев 1929 г. должен был увеличиться по сравнению с 1928 г. на 12,5%; фактическое увеличение выразилось в 10,8%. Особенно интересны данные о социальных сдвигах.

	Посевная площадь в тыс. га				% к итогу
	1926 г.	1929 г.	1928 г.	1929 г.	
Единоличные хозяйства...	8.136,6	8.624	97,8	93,6	
Колхозы...	153,4	5.60,6	1,8	6,1	
Совхозы...	29,2	36,7	0,4	0,4	
	8.319,2	9.221,7	100,0	100,0	

Таким образом, удельный вес колхозов за один год возрос более, чем в три раза.

Рост посевной площади в 1930 г. предполаген по контрольным цифрам в размере 115% от 1929 г.

Отметим хорошо поставленный библиографический отдел, в частности, рецензии на контрольные цифры пятилетнего плана Госплана СССР и ВСНХ СССР и т. д.

Не останавливаясь на материалах по краеведению и на обзорах отдельных районов, выскажем лишь пожелание, чтобы этим последним уделялось больше внимания.

О. К.

«Нижегородское Хозяйство». — Планово-экономический журнал, орган Нижегородского Губплана, 1929 г.¹

Журнал «Нижегородское Хозяйство» оставляет благоприятное впечатление, благодаря разносторонности помещаемого материала и умению своевременно отзываться на актуальные темы.

Материал комплектуется таким образом, чтобы по возможности равномерно освещать все стороны хозяйственной жизни. При этом большое внимание уделяется вопросам планирования как в смысле очередных проблем плана, так и конкретных методов планирования и организации плановых учреждений.

В № 7—8 журнала помещена статья П. Суслова «От Губплана к Облплану», посвященная реорганизации Плановой Комиссии, в связи с образованием Нижегородской области. Автор считает, что Губплан проявил значительную энергию в направлении максимального использования ресурсов губернии; доказательством этому служат решение о постройке в Нижнем автозавода, энергичная достройка «Нигрэс» и т. п.

В области чисто плановых работ Губплан составил генеральный план, выпущенный отдельной брошюрой в 1927 г.; пятилетний перспективный план, представленный на утверждение XIV Губсезда советов; годовые контрольные цифры на 1926/27, 1927/28 и 1928/29 гг. Далее, Губплан подготовил образование Нижобласти.

При Губплане организована в 1925 г. «Нижегородская ассоциация по изучению производительных сил», имеющая свой печатный орган, вышедший уже в количестве 9 выпусков.

Таковы, в общих чертах, результаты деятельности Губернской плановой комиссии. Автор указывает, вместе с тем, на ряд отрицательных моментов в деятельности Губплана; таковы: «недостаточная четкость и разграниченность функций по отдельным частям рабочего аппарата; крайняя загруженность мелкими делами; недостаточная связь с центральными плановыми органами и отсутствие с их стороны руководства плановой работой; неурегулированность взаимоотношений с представителями центрального подчинения».

Мы подробно остановились на данной статье, так как она рисует условия, характерные для большинства провинциальных плановых комиссий.

В том же № 7—8 журнала имеется статья: «На темы пятилетки», освещающая важнейшие моменты перспективного плана. Согласно основному положению этого плана, Нижегородская область должна развиваться как промышленно-лесная. Узким местом в экономике области является транспорт, в соответствии с чем перспективный

план предусматривает постройку жел.-дор. линии Нижний — Шемордан (участок Сибирской сверхмагистрали), Ижевск — Глазов и др. Эти дороги облегчат снабжение нижегородской металлопромышленности уральским сырьем, помогут эксплуатации лесов Вотской области и др.

Наиболее значительные капитальные работы намечаются, однако, в промышленности. Общая сумма их достигает 650—700 млн. руб.; перечисляя главнейшие из этих работ, надо упомянуть о реконструкции Сормовского завода, постройке механизированного стекольного завода, достройке бумажной фабрики, реконструкции Бятского горнозаводского округа и т. п. Около 72% затрат на капитальное строительство в промышленности направляются по линии тяжелой индустрии.

Технико-экономический уровень сельского хозяйства будет повышен с помощью мероприятий по машиностроению, землеустройству и т. д.

Наименее удовлетворительно разработан, как отмечает статья, раздел пятилетки о социально-культурном строительстве. Пользуясь формулировкой автора, — «наметки в области народного просвещения, здравоохранения и т. п. — общи и не развернуты».

В № 5—6 журнала находим обширную статью И. Карбовца «Дробное районирование Нижегородской губернии». Руководствуясь, примерно, теми же принципами, которые были выше рассмотрены, автор статьи объединяет все расположенные на территории Нижегородской губернии рынки (в количестве около 80) в три основные группы: северный лесной район, центральный промышленный кустарный район и южный сел.-хоз. район. По средней величине территории районы Нижегородской губернии будут наименьшими, но по числу жителей они будут стоять впереди большинства районов прочих губерний.

Безусловно интересный вопрос ставит С. Папшев в статье — «Строительство совхозов в Нижегородской губернии» (№ 5—6). Указывая, что уже в течение продолжительного времени трактуется вопрос об организации совхозов в северных уездах Нижегородской губернии, автор развивает широкие перспективы этого дела, рекомендуя для этой цели занять часть территории, находящейся ныне под лесом. «Перевод части зем. территории, занятой лесом, под новые совхозы, — аргументирует автор, — не может ни в какой мере ограничиться ни на водном режиме рек, ни на доходах государства от леса, так как, если даже ответи под новые совхозы (на всем северо-востоке) 2—3 млн. га, разумно вкрапленные в общий массив лесов, то от этого водный режим не пострадает, а государство, наоборот, выигрывает от увеличения экспорта, а также насыщения внутреннего рынка лесоматериалами. От этого мы беднее лесами не будем, а если бы даже и несколько по-

¹ В конце 1929 г., в связи с организацией Нижегородского края, рецензируемый журнал преобразился в орган Крайплана, под названием «Нижегородский Край».

уменьшили свои леса, то социалистическое строительство на данной стадии своего развития обязывает нас и на это пойти».

Автор полагает, что для организации совхоза-комбината потребуется около 3 млрд. руб., каковая сумма получится при продаже леса, вырубленного на очищенной под совхоз площади (около 10.000 га). Продукция же такого совхоза должна составить около 3½ млн. руб. ежегодно.

Изложенный проект, несомненно, заслуживает рассмотрения и в применении к другим губерниям.

Вопросы промышленности находят недостаточно полное отражение на страницах журнала, и при том, главным образом, в отделе обзоров, а не статей.

«Коми-Му — Коми Край». Двухнедельный Обкома и Облисполкома №№ 1—23 за 1929 года.

Журнал «Коми Край» (Коми Му) не является чисто экономическим журналом. Его задачей является освещение вопросов не только хозяйственно-экономической, но и политической и культурной жизни края. В соответствии с этим, в журнале охвачен широкий круг тем, далеко выходящих за пределы экономики. Однако, в середине 1929 г. в этом общем характере журнала произошла некоторая перемена. В течение всего первого полугодия «Коми-Край» отдавал большое внимание статьям узко-краеведческого характера. В это время, наряду с экономическим отделом журнала, важную роль играл «краеведческий отдел», где помещались специальные статьи (например, «Развитие коми-письменности» № 1, «К вопросу о социально-экономических предпосылках обращения Коми в христианство» № 3 и т. д.). Социально-культурный отдел (со статьями: «К вопросу о дефицах в «комизыке» или «Коми-областной музей» № 8).

Начиная с конца лета 1929 г., в связи со специальной резолюцией Бюро Обкома ВКП(б) о журнале «Коми-Му», — наступила перемена. Материалы, не имеющие широкого значения, стали передаваться в специальный краеведческий орган и «Коми-Му» сделался политико-экономическим органом.

Чрезвычайно важная для края проблема лесозаготовок освещена в статьях «Центральная хозяйственная задача» (№ 3), «Состояние лесозаготовок в Коми-области» (№ 2), «О лесозаготовках» (№ 4), «Очередная ударная задача «Лесосплав»» (№ 6), «Своевременно подготовимся к лесозаготовкам» (№ 11), «За готовность к лесозаготовкам предстоящего года» (№ 15), «Организация советских лесных хозяйств» (№ 16-17), «За улучшение лесного аппарата» (№ 21).

Вопросам транспорта уделено внимание в статьях: «Постройка узкоколейки Якша-Устеловка» (№ 3), «О постройке железной

На путях развития нижегородской промышленности не могут не возникать многочисленные серьезные проблемы и остается позавидеть, что они не освещаются достаточно полно в журнале.

Недурно поставлен в журнале отдел критики и библиографии, освещающий как местную литературу, так и книги по общеплановым вопросам.

До сих пор журнал по понятным причинам, освещал по преимуществу хозяйство Нижегородской губернии; ныне надо ожидать значительного повышения удельного веса других губерний, вошедших в область. В общем следует констатировать, что журнал имеет достаточно объективных предпосылок для дальнейшего развития.

О. Куперман.

политико-экономический журнал Коми г., гор. Усть-Сысольск. Шестой год издания.

дотого Пинюг — Усть-Сысольск» (№ 7), «Проблема Камско-Печерского водного пути» (№ 11), «Кама-Печера-Вычегда» (№№ 12 и 13), «К вопросу о выборе направления Ухтинской магистрали» (№ 13), «Заготовки восторженных экспортных товаров» (№ 1).

Много внимания уделено вопросам сельского хозяйства (статьи в № 1 «Тяжесть с.-х. налога в Коми-области», в № 2 — «К весенней посевной кампании»; в № 3 — «О плане весенней посевной кампании не-общественного сектора сел. хозяйства» и «В защиту коллективизации»; в № 4 — «Землеустройство и землепередел» и «К вопросу расселения крестьян»; в № 6 — «Готовы ли мы к посевной кампании» и вновь статья: «Об изучении расселения крестьян»; в № 8 статья «Нужна фуражная база»; в № 9 — «Сельхозналог на 1929 — 30 г.»; в № 10 — «За усиление темпа коллективизации»; в № 15 — «Изучение расселения крестьян в Междорской волости»; в № 18 — 19 — «Некоторые итоги и боевые задачи коллективизации», «О размерах, форме и направлении хозяйств в колхозах», «Делать с.-х. банка или правый уклон на практике»; в № 21 — «К реконструкции сельского хозяйства в области» и в № 22 — «За улучшение качества работы в колхозах» и «Хозяйственная помощь деревенской бедноте».

Таким образом, наиболее важные для области сельское и лесное хозяйство были широко освещены. Всем другим хозяйственным проблемам журнал уделял гораздо менее внимания. Так, «Контрольные цифры Коми-области на 1929—30 год» (№ 18—19), «Очередные задачи хозяйственного строительства» (№ 5), «Пятилетний план культурно-хозяйственного строительства Коми-области» (№ 5) и «Перспективы хозяйственного культурного строительства на 1929—30 г.» (№ 14), — этими четырьмя

статьями исчерпывается освещение общего хозяйственного плана области. Две статьи: «К строительному сезону 1929 г.» (в № 6) и «Нужна деревообделочная фабрика» (№ 22) — исчерпывают освещение вопросов промышленного строительства.

О рыбном промысле в журнале помещен только краткий промыслово-экономический очерк «О рыбном промысле на Средней Печере» (№ 9) и очерк «О хранении и транспортировке речной рыбы на Севере» (№ 14). Большинство помещенных статей невелики по объему.

Таким образом, можно прийти к выводу, что журнал, учитывая особенности области, ставил задачей освещение чисто местных проблем, носящих актуальный характер, и избегал экономического «теоретизирования». Правда, помещаемые в том же журнале статьи на общеполитические темы давали эту общую установку, которой не доставало экономическим статьям.

Переходя к рассмотрению содержания отдельных статей, остановимся в первую очередь на только что отмеченной небольшой группе статей, освещающих общий хозяйственный план Коми-области. Эта область принадлежит к числу наиболее отстающих в экономическом отношении районов РСФСР. Она территориально обособлена от ближайшего крупного центра — Архангельска и раскинулась на громадном протяжении — 434 тыс. кв. км (а после районирования — 550 тыс. кв. км). Малочисленность населения — всего 200 тыс. чел., а после районирования — 258 тыс. чел., малая экономическая мощь, слабость бюджета — все это характерно для Коми-области. Ее экономической базой на ближайшее время является лес и лесопромышленность. Авторы статей ставят вопрос о необходимости энергичного подтягивания области, указывая на необходимость проведения железной дороги в области в течение текущего пятилетия, насаждения лесохимической и целлюлозно-бумажной промышленности, развития сельского хозяйства и особенно животноводства. Более широкие перспективы хозяйственного развития могли бы быть связаны с благоприятными результатами изучения залежей каменного угля, радия, нефти, с целью определения возможности их промышленной эксплуатации. Но такое изучение еще только ставится.

В рассматриваемых статьях нашли отражение старания местных работников превратить Коми-область из сельского-хозяйственно-промыслового района в экономический район с промышленным уклоном. Этим объясняется стремление возможно скорее соединить удобный транспорт Коми-область с внутренними рынками сбыта, так как существующий транспорт (родные пути) имеет направление на север, вследствие чего область может быть лишь районом экспортного сырья.

Статьи, посвященные пятилетнему плану области, очень активно требуют помощи центра для скорейшего преобразования

экономического лица Коми-области. Постройка железной дороги Пинюг — Усть-Сысольск для связи области с центральными промышленным районом, начало постройки Камско-Печерского водного соединения — входят в пятилетний план области. Одновременно, пятилетний план требует начала крупного промышленного строительства, в первую очередь по переработке древесины и расширению эксплуатации леса. В области сельского хозяйства план намечает ряд качественных улучшений, широкое развитие коллективных хозяйств, увеличение площадей полеводства и посева. В итоге, по валовой продукции удельный вес отдельных отраслей хозяйства за пятилетие должен измениться следующим образом: промышленность вырасти с 10,9 до 29,8% и лесоводство увеличиться с 25 до 29,8%, а по сельскому хозяйству упасть с 55,9 до 34,2%, по оленеводству, охоте и рыболовству упасть с 8,9 до 6,2%.

Статьи т. А. Модянова о контрольных цифрах Коми-области на 1929—30 г. (№№ 14 и 18 — 19) показывают быстрый темп развития области. Общая сумма капитальных затрат во все отрасли хозяйства составляет 34,3 млн. руб. против 8,9 млн. руб. в 1928—29 г., т.-е. дает превышение на 28,7%. Особенно резко растут вложения в транспорт, поскольку намечается форсированное строительство железной дороги Пинюг — Усть-Сысольск. В то же время бурно растет валовая продукция области: в % в предстоящем году валовая продукция 1929—30 г. составляет по рыболовству 251%, по ценовой промышленности — 183,9%, по лесному хозяйству — 177,9%. Отстает темп животноводства — 119,7% и растениеводства — 117,6%. Наконец заметно вырастают процессы обобществления хозяйства. Специфические условия отдаленной области таковы, что ряд отраслей (напр., животноводство, оленеводство и охота) ведется единоличными хозяйствами (особенно в северо-восточных районах). Зато в области промышленности, лесного хозяйства и торговли обобществленное хозяйство почти изжило уже единоличное.

В соответствии с общими условиями экономики области, журнал, как отмечено выше, уделял максимум внимания вопросам лесного хозяйства. Целый ряд указанных нами статей отмечает недостатки лесозаготовок, громадные размеры «мертвых» площадей, которые возможно вовлечь в хозяйственный оборот, недостаточное обслуживание лесохозяйственных нужд, недостатки в транспортировке леса, необходимость рационализации лесосплава и т. д. Почти все статьи, посвященные этим вопросам, носят чисто деловой, практический характер. Журнал во время отклонялся на злободневные вопросы лесозаготовительных кампаний.

Та же черта — своевременность освещения актуальных вопросов — характеризует и подбор статей по сельскому хозяйству. Из сделанного выше перечня статей, помещенных в «Коми-Му» по вопросам сель-

ского хозяйства, видно, что журнал широко освещал не только вопросы технического подема сельского хозяйства, но и социальную реконструкцию его, выражающуюся в развитии коллективных хозяйств (см. статьи в №№ 3, 4, 10, 11, 18—19, 21, 22). Вместе с тем, журнал уделит место недостаткам практической работы по кредитованию сельского хозяйства (№ 18—19). Трудности коллективизации в Коми-области, по местным условиям, бесспорно больше, чем в других районах Союза. Так, Ф. Тараканов («Некоторые итоги и боевые задачи коллективизации», № 18—19) справедливо указывает, что если колхоз имеет (в связи с редким расселением) в среднем 14—15 дворов, то это такой «гигантский карлик», который не в силах механизировать и механизировать свое сельское хозяйство и не в состоянии дать товарную продукцию государству. Неотложной задачей поэтому является укрупнение колхозов.

Боязн развития колхозов в Коми-области нашла свое выражение в статье агронома Бутырева в августовском 1928 г. номере журнала. В этой статье «Состояние и перспективы развития кооперативного и колхозного строительства в Коми области» автор предлагал «отбросить сложные кол-

хозы и удовлетвориться лишь первичными сельско-хозяйственными кооперативными организациями». Статья эта вызвала резкую отповедь т.т. Маегова и Потаповой, напечатавших большую (в №№ 3 и 4 за 1929 г.) статью «В защиту коллективизации». Авторы разбили аргументацию Бутырева, доказав допущенные им четыре грубейших ошибки: 1) он абстрагируется от экономики Союза и социалистической индустрии, 2) преувеличивает трудности коллективизации в условиях Коми области; 3) противопоставляет простые формы колхозов сложным формам, и 4) наконец, ведет к ревизии общей политики по вопросу о коллективизации сельского хозяйства. Помещение статьи агр. Бутырева явилось ошибкой редакции, которая лишь с запозданием исправила ее, напечатав ответную статью т.т. Маегова и Потаповой.

Подводя итоги, мы должны отметить, как некоторый недостаток журнала, чрезмерно большую «локальность» помещаемых в нем экономических статей. Даже вопросы экономики Северного края, в который входит по районированию Коми область, не получили в «Кому-Му» никакого освещения.

О. К.

Буржуазные ученые о закате капитализма¹

Буржуазная экономическая наука, развернувшись фронтом подошла сейчас к обсуждению вопросов о судьбах капитализма. Теоретический уровень этого обсуждения, его тон, основные группировки и течения внутри экономико-теоретического штаба буржуазии и, наконец, общее значение этого показательнейшего «крена» буржуазной мысли в сторону таких обычно замалчиваемых проблем, как проблемы конца и гибели капитализма — все это лучшим образом можно проследить по материалам той дискуссии, которая вызвана недавними «еретическими» выступлениями крупнейших буржуазных ученых — Вернера Зомбарта и Э. Шмаленбаха.

Реферат Вернера Зомбарта «о структурных изменениях в капитализме» („Über die Wandlungen des Kapitalismus“), читанный в Союзе социальной политики в Цюрихе и вызвавший там страстную полемику. Затем напущенная на Западе статья Э. Шмаленбаха «Скованный капитализм» („Der gefesselte Kapitalismus“), также являющаяся изложением его доклада в Вене — обе эти работы, формально появившиеся в разное время и внешне касающиеся не одинакового круга вопросов, по существу объединены общим стремлением заглянуть в «завтрашний» день капитализма.

¹ По поводу сборника «Буржуазные ученые о закате капитализма» под ред. М. Ф. Нозловсона и М. И. Баха, с пред. Г. Я. Сокольниковой. М. Л. ГИЗ, 1929 г., стр. 172, ц. 1 р.

В обсуждение вступил огромный комплекс вопросов: о структурных изменениях в строе позднего капитализма (Spatialismus) и в связи с этим об общих законах капиталистического развития в их наиболее абстрактных формулировках, о ближайших перспективах капитализма и в связи с этим о возможности всеобщего революционного взрыва, о роли «антикапиталистической сферы» (т. е. СССР) и т. д.

Фронт буржуазных ученых неоднороден. Здесь и «оптимисты», усматривающие в современном состоянии «эпоху расцвета» высокоразвитого капитализма, где «лет старости и упадка» и где есть широкие возможности дальнейшего географического распространения капитализма (Эккерт); здесь и «пессимисты», «лицо которых устремлено в прошлое» и которые «не видят в процессе развития ничего из того, что считают желательным» (Зомбарт).

Однако, основное и решающее — это несомненное моральное и идеологическое превосходство «пессимистов». На стороне «пессимистов» — крупнейшие представители буржуазной науки, на стороне их наиболее четкие и полновесные аргументы и, наконец, за их спиной — факты капиталистического развития в послевоенное десятилетие. «Оптимисты» отброшены на защитные позиции и вынуждены обороняться. Мы имеем поэтому право остановиться почти исключительно на «пессимистах».

«Пессимисты» исходят из факта несомненного внутреннего перерождения капиталистического общества.

Поздний капитализм принес с собой ряд принципиальных изменений в структуре капитализма.

Шмаленбах усматривает эти изменения в «перемещении производственных расходов внутри предприятия». «Конкретно, говорит он, речь идет о том, что доля пропорциональных, переменных расходов в производстве уменьшается, а доля постоянных расходов увеличивается настолько, что решающим фактором производства становится именно доля постоянных расходов». Это явление, по мнению Шмаленбаха, влечет за собой «переворот во всей хозяйственной системе».

«С превращением большинства издержек в постоянные у хозяйственной системы отнимается возможность приспособления производства к потреблению». А это означает по Шмаленбаху «приближение конца старой эпохи свободного хозяйства и возникновение новой эры связанного хозяйства».

Шмаленбах не видит сил, которые могли бы удержать этот процесс растущей связанности хозяйства. В его представлении этот процесс автоматически приводит к всеобщему монополистически-организованному хозяйству (капиталистическому, конечно) под контролем государства. Такое автоматическое движение сопровождается, по мнению Шмаленбаха, необычайным усилением элементов окаменения, застойности, бюрократизма в народном хозяйстве, в противоположность живому и динамичному развитию свободного хозяйства. Возврат к свободному хозяйству невозможен. И это заставляет Шмаленбаха, который «любит систему свободного хозяйства и восторгается ей» перейти в лагерь «пессимистов», не ожидающих от будущего ничего радостного.

Еще более резкую и отчетливую «пессимистическую» позицию занимает Вернер Зомбарт. Его соображения имеют особую силу высказывания человека, всю свою жизнь посвятившего изучению «развития современного капитализма» и являющегося бесспорным лидером буржуазной экономической мысли. Признания Зомбарта по истине замечательны. «Мы не можем верить в творческую силу капитализма», говорит Зомбарт, «мы знаем, что несмотря на наши громкие слова, из капитализма не возникло ничего, имеющего какое-либо культурное значение, да и в будущем ничего не возникнет». И в качестве общего итога Зомбарт в статье «Перспективы экономического развития Европы» пишет: «Господство капитализма приближается к концу; новая хозяйственная система прокладывает себе путь».

В своем реферате в Цюрихе Зомбарт попытался подробно обосновать это заключение. Он не ограничивается, подобно Шмаленбаху, изучением изменений в самой

структуре капиталистического общества, а пытается выяснить проблемы (и пределы) географического распространения капитализма, взаимоотношения капитализма с другими хозяйственными частями и пр. Но основное внимание он все же уделяет структурным изменениям позднего капитализма. Здесь он опять, в противоположность Шмаленбаху, преобладающее внимание уделяет изменениям в хозяйственном сознании, изменениям капиталистического духа и изменениям хозяйственного строя или порядка. Концентрация и картеллирование губит прежнюю интенсивность предпринимательской энергии. «Ослабевает отвага, исчезает дерзание старого истинного предпринимательства». Происходит «слошная рационализация» капиталистического духа. А «целиком рационализированный дух перестает быть духом капиталистическим».

Только зная исключительное значение, которое Зомбарт всегда придавал вопросам хозяйственного сознания (ср. его прежние книги — «Буржуа», «Развитие современного капитализма») — можно понять всю важность этого его явления.

Хозяйственный порядок все более носит характер связанности. «Предприниматель работает во все более связанной системе, в системе самоограничения, которую он создал путем бюрократизации предприятий, картеллирования и проч.». Темп капиталистического накопления замедляется. Капитализм «не может больше скрыть своей грузности и становится все более спокойным и умеренным».

Такие же безрадостные вещи видит Зомбарт и в других областях. Удельный вес Европы в мировом хозяйстве понижается, поднимаются остальные континенты, в расцвете сопротивление рабочего класса.

В общем, говорит Зомбарт, «я бы не хотел жить через 50—100 лет».

Эта пораженческая перспектива, нарисованная Шмаленбахом и Зомбартом, наглядно толкает буржуазных ученых к конкретизации тех путей, по которым пойдет упадок капитализма. Чрезвычайно интересным и показательным в этом отношении является то, что в сознании буржуазных ученых возможность мировой революции стала восприниматься, как вполне вероятный вариант гибели капитализма.

Даже Эккерт, зайдящий «оптимист», оппонент Зомбарта в Цюрихе, заговорил о возможности того, что «вся Европа и половина Азии станут ареной насильственного преобразования капиталистического хозяйственного строя», утешая себя, впрочем, тем, что даже в этом случае остается еще Америка, руководимая Соединенными Штатами, как мощный противник этого насильственного преобразования. Но и Европа плюс половина Азии — в устах Эккерта — это не так уж мало.

Даже Альфред Вебер, считающий вместе с Эккертом, что капиталистическая сфера находится в состоянии полного расцвета, поставил вопрос о громадном значении для

ближайших судеб капитализма того факта, что «четвертая или пятая часть суши» занята «антикапиталистической сферой» (т. е. СССР) и усмотрел один из роковых вопросов будущности капитализма в том влиянии, которое оказывает антикапиталистическая сфера на докапиталистическую (т. е. СССР на колониальные и остальные народы).

Но наиболее систематическое (если только это слово подходит) изображение возможных «путей упадка» капитализма дает Шулце-Геверниц. Он видит три возможности: — либо окаменение хозяйства, в том смысле, как это характеризовал Шмаленбах; либо поднимающаяся мировая революция, при чем не европейская, а именно мировая, которая будет всерьез угрожать даже титанам англо-американского капитализма (что, по его мнению, приведет к всеобщему хаосу) и, наконец, третья возможность (на стороне которой все симпатии Шулце-Геверница)— это возможность религиозного переворота (?).

«Если нам удастся путем коренного духовного перевоплощения..., путем религиозного движения или возрождения идеалистического движения возмыслить к новой духовности (случаи чего в истории бывали, напомню о пуританской волне, залившей англо-американский мир), тогда перед нашим духовным взором встает совершенно иная картина капиталистической будущности», — тогда... «капитализм преобразуется в высшую, т. е. более ценную экономическую и общественную ступень развития».

Можно ли критиковать по существу этот взрыв глубочайшего поражения, разочарования и мистицизма, который охватывает сейчас руководящую фракцию буржуазной экономической мысли?

Нам кажется, что в этом нет нужды. В концепции «пессимистов» так притуплены элементы правильного понимания отдельных жизненных изменений в строе загнивающего капитализма с элементами искаженных, глубоко индивидуальных и субъективных оценок этих изменений (при решительном преобладании последних над первыми), что попытка аналитически подойти к этому клубку переродившейся идеологии, отбирая отдельные правильные высказывания и очищая отдельные мысли от их полурелигиозной оболочки—представляет собой задачу подлинно неблагодарную.

Дело не в том, что для «пессимистов» осталась книгой за семью печатями мысль Маркса о несоответствии между растущим общественным содержанием хозяйства и его ограниченной капиталистической формой присвоения и тем более осталась непонятой мысль Ленина о гигантском обострении этого основного противоречия в эпоху мо-

нополии; и дело не в том, что, защищая капитализм, «оптимисты» попросту защищают всякое технически и организационно правильно построенное хозяйство вне зависимости от его специфически-капиталистической формы—все это отступает на задний план перед гораздо более важными обстоятельствами.

Корень вопроса заключается в том, что фронт буржуазной науки сейчас силой вещей повернут к самым жизненным вопросам капитализма, к вопросам о его ближайших судьбах, и что перед этими грозными и решающими вопросами буржуазная наука все более теряет реальную жизненную почву, все более наполняется элементами разочарования, пессимизма, религиозно-мистических исканий, все сильнее начинает лепетать о хаосе, окаменении, религиозно-идеалистическом переломе и т. д., т. е. все более перерождается в идеологию эпохи «разложения», в идеологию умирающего класса.

Разложение буржуазной науки происходит на фоне крепнущего и побеждающего марксизма. И это не могло не оказать своего влияния на самый процесс разложения буржуазной науки. Это разложение внешне проходит сейчас под флагом возврата к Марксу, под лозунгом «приятия Маркса». «Что же, собственно, мы сейчас переживаем, как не осуществление предсказаний великого социалиста Маркса?»—спрашивает Шмаленбах. «Если через 70—80 лет из того, что я сегодня говорю, исполнится такая часть предсказаний, какая исполнилась и признана правильной из предсказаний, сделанных Марксом 70—80 лет тому назад, я был бы действительно рад», — говорит Зомбарт.

На первый взгляд эта стопроцентная капитуляция буржуазной науки перед марксизмом. Но это только на первый взгляд. На самом деле прав т. Сокольников, утверждая, что марксизм Зомбарта «есть частичный марксизм, выбрасывающий все революционное, что есть в учении Маркса». «Пессимизм» Зомбарта и Шмаленбаха есть по существу попытка отвести возможность «великой катастрофы» и изобразить закат капитализма в тонах постепенного, дриляющего угасания.

Следует еще раз подчеркнуть, что дискуссия в буржуазном экономико-теоретическом лагере дает только искаженное изображение тех действительных процессов, которые происходят в недрах умирающего капитализма, и поэтому совершенно напрасно отдельные наши видные теоретики предприняли не критический импорт материала в этой дискуссии для развития ряда современных вопросов мирового хозяйства и мировой политики.

В. Красовский.

Die Wirtschaftlichen Kräfte der Welt. Herausgegeben von der Dresdner Bank. — Berlin 1930, стр. 176.

Народно-хозяйственные силы мира. Издание Дрезденского банка. Цена не указана.

Изданная Дрезденским банком книга должна «разочаровать» буржуазный мир, на который она, главным образом, и рассчитана. И по рекламности заглавия, и по внешнему своему виду, она напоминает «деловую» макулатуру, которую в изобилии обогащают книжный мир учреждения, подобные Дрезденскому банку. Но с нашей точки зрения—банк дал ценную работу. В действительности Дрезденский банк выпустил работу, которая заслуживает серьезнейшего внимания. Это—сводка богатого статистического материала, характеризующего народно-хозяйственную силу разных стран и мира в целом и отчетливо, быть может против воли авторов, рисует преимущества СССР. Книга вся состоит из таблиц. Самые данные, включенные в таблицы, имеют разную ценность. Рядом с результатами непосредственного учета широко использованы оценки, экстраполяции и т. п. статистические суррогаты. Однако, от всего этого книга ничего не теряет в своем значении, ибо такой подход к делу дал возможность ее составителям широкими мазками нарисовать всестороннюю картину хозяйственных сил мира как в общих мировых итогах, так и в сравнительном их значении в отношении отдельных стран.

Для характеристики книги достаточно перечислить признаки, которыми она рисует мировое хозяйство. Как для отдельных государств, так и для мира в целом она дает данные о населении, зерновой продукции, потреблении искусственного удобрения, животноводстве, источниках двигательной энергии, производстве электроэнергии, производстве древесной массы и бумаги, судостроении и производстве автомобилей, об основных видах горнодобычи и их обработке, о разных отраслях текстильной промышленности и химической, внешней торговле, состоянии золотого обращения, о народном хозяйстве и народном доходе. По отдельным государствам и отдельным отраслям эти данные дополняются и детализируются. В характеристиках государств даются сведения по машиностроению и дополняются сведения по химической и текстильной промышленности. Из таблиц, характеризующих отдельные отрасли, обращают на себя внимание таблицы о водной энергии разных стран мира, о продукции электричества и тазе, о продукции порландского цемента, красок, текстиля (в том числе по льняной промышленности), о машиностроении и электро-технической промышленности. Добавим, что книга дает не только обширный и разносторонний статистический материал, но этот материал, так умело размещен и обработан, что отпадает всякая необходимость в текстовом использовании

таблиц. Особенно хорошо обработан материал по внешней торговле.

Не останавливаясь на богатом материале, имеющемся в книге, приводим некоторые цифры, рисующие успехи, делаемые СССР по сравнению с другими государствами. Эти успехи книга рисует для 1928 г. (в отдельных случаях для 1927 г.) по сравнению с 1925 г. (иногда с 1924 г.). По добыче угля мировой итог дает увеличение на 4%, при самом высоком для капиталистических стран приросте в Польше (28%); в СССР получилось увеличение на 111%. Производство электроэнергии у нас увеличилось на 121%, при увеличении во всем мире на 25%, и Бельгия (как высшее увеличение для капиталистического мира) на 61%. Чугуна у нас добыто больше на 36%, во всем мире—на 7%, в Англии—на 16%, во Франции—на 9%, в Германии—на 5%, в САСШ—на 1%. То же приблизительно по стали. Исключительно интересны сравнительные наши успехи по химической промышленности. Для всего мира она дала в 1928 г. увеличение сравнительно с 1924 г. на 30%; по отдельным государствам капиталистического мира большее увеличение было в Германии—на 33%, в то же время в СССР продукция химической промышленности увеличилась на 127%, подняв свой удельный вес в мировой продукции с 2,4% до 4,2%. Вне конкуренции мы идем и по электротехнической промышленности, увеличив ее на 84%, в то время, как из капиталистических стран Финляндия стоит на первом месте с увеличением на 40%.

Дрезденский банк всего менее, разумеется, думал в своей книге рекламировать социалистическое строительство СССР. Но достаточно и того, что он не сделал попыток заглушить беспристрастный голос цифр. Как бы то ни было, по темпу развития нашего народного хозяйства, рисуемый книгой, является лучшей иллюстрацией реальности стоящей перед нами задачи, выражаемой формулой «в кратчайший срок догнать и перенять капиталистический мир». В то же время книга ярко определяет всю колоссальность стоящей перед нами задачи. По национальному доходу на душу населения позавидуют только такие страны, как Польша, Болгария, Бразилия, Ост-Индия. По другим сторонам нашей хозяйственной жизни рисуется картина большой нашей отсталости. Но в перспективе делаемых нами успехов самая наша отсталость подчеркивает величие задачи, разрешаемых нашим социалистическим строительством. С ничтожным наследством от прошлого мы повышаем свой удельный вес в мировом хозяйстве. Мы движемся с быстротой, обеспечивающей разрешение стоящих перед нами задач.

С. Зак.

НОВЫЕ КНИГИ

Г. М. Кржижановский, С. Г. Струмилин, Э. И. Квининг, Н. А. Ковалевский, М. И. Боголепов. Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1929/30 г. ГИЗ 1930, стр. 150. Цена 70 коп.

В основу настоящей брошюры положены выступления т. Кржижановского и доклады прочих авторов сборника на VI съезде плановых органов СССР. В виде дополнения к сборнику приложены 4 сводные таблицы, освещающие динамику народного хозяйства Союза по основным отраслям на 1929/30 г.

Проф. П. И. Ляченко. Социальная экономика сельского хозяйства. Т. I. ГИЗ 1930, стр. 400. Цена 3 р.

Настоящая работа посвящена изложению основных моментов системы и метода сельхоз. экономики, как теоретической социальной экономики сельского хозяйства. Содержание книги автором ограничено изложением сущности процесса развития и социальных противоречий общественных отношений сельского хозяйства в условиях капитализма.

А. Рашин. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. Изд. ВЦСПС. М. 1930, стр. 170+XIX.

Приведенная работа подводит предварительные итоги переписи металлистов, горнорабочих и текстильщиков, произведенной в 1929 г. Книга открывается вступительной статьей т. Евреннова, под редакцией которого настоящая работа выпущена.

Материалы по истории аграрной революции в России. Под общей ред. Л. Крицмана. Т. П. Изд. Ком. академии. М. 1929, стр. 363, цена 7 р. 50 к.

Второй том Трудов Аграрного Института Ком. академии является продолжением ранее выпущенного I тома материалов по истории аграрной революции в России. Приведенные в этом томе таблицы включают статистические материалы по крестьянским хозяйствам по ряду уездов б.б. Смоленской, Полтавской, Тверской, Поковской, Пермской, Челябинской и Саратовской губерний.

Проф. П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX в. Прибой 1930, стр. 198, цена 1 р. 70 коп.

Цель настоящей работы—дать характеристику организационной структуры промышленных предприятий в России в XVIII—начале XIX в.в. с точки зрения организационно-производственной. Работа написана главным образом на основе архивных фондов и других неизданных материалов.

Ф. И. Михалевский. К методологии изучения нашего денежного обращения. Изд. Ком. академии. М. 1930, стр. 79+18 графиков.

Работа Ф. И. Михалевского представляет собой попытку разработки методологии изучения денежного обращения с точки зрения определения возможности применения отдельных методов, выработанных в пределах капиталистического хозяйства применительно к экономической структуре СССР.

С. Вишнев. Военная промышленность иностранных государств. ГИЗ. 1930, стр. 150, цена 1 р. 40 к.

Книга С. Вишнева представляет собой краткий очерк состояния и основных тенденций в развитии военной промышленности как крупнейших капиталистических стран, так и соприкасающихся в СССР мелких государств.

Новейшие изменения в экономике Соединенных Штатов Северной Америки. Том первый. ГИЗ 1930, стр. 547, цена 5 р.

Настоящее издание является пятым томом отчета Комитета при Президентской Конференции по безработице по вопросу о новейших изменениях в экономике САСШ под председательством Гувера. Книга переведена с первого американского издания и начинается вступительной статьей Г. Сафарова—«Конец процветания».

Вторая часть этой книги отведена докладом особого кадра сотрудников национального бюро экономических исследований (Гейя, Вольмана, Декстер, Кимболла, Элфорда и др.), посвященным отдельным проблемам экономики САСШ.

И. Витвер. Южная Америка. ГИЗ 1930, стр. 506, цена 4 р.

Настоящая работа является 10-м томом экономической библиотеки, издаваемой под общим названием «Всемирная экономическая география» (ред. Н. Н. Баранского и С. В. Бернштейн-Когана). Автор в этой работе дает краткое экономико-географическое описание Южной Америки и ее отдельных стран.

Гюи Дюваль. Французский империализм в колониях. ГИЗ—Моск. Рабочий. М. 1929, стр. 127, цена 1 р.

Гюи Дюваль в своей работе дает характеристику экономической базы современного французского империализма, обрисовывает роль колоний в системе последнего, методы хозяйничанья французов в этих колониях и состояние национально-освободительного движения в них.

Г. Зиновьев. Учение Маркса и Ленина о войне. ГИЗ 1930, стр. 354, цена 2 р. 20 к.

Работа т. Зиновьева, являющаяся продолжением известной его работы «Война и кризис социализма» ставит себе задачей в целостном виде отобразить учение и взгляды Маркса и Ленина на войну и тем самым облегчить читателю самостоятельное изучение этого вопроса по первоисточникам. Полутон автор останавливается на внешней политике современной социал-демократии.

Как аналитически оформить величину, строение и цикличность темпа роста урожайности¹.

Статистика урожайности зерновых хлебов и технических культур является источником получения абсолютно необходимых для народного хозяйства любой страны и эпохи данных о величине урожайности хлебных злаков на определенный момент времени.

Для народного хозяйства страны имеет и будет иметь колоссальное значение правильное исчисление величины сбора зерновых хлебов и технических культур.

Если мы ошибемся в исчислении валового сбора, то все расчеты в остальных секторах народного хозяйства, которые основаны на данных ЦСУ о размерах валового сбора, будут неверны и поведут к целому ряду трудно поправимых ошибок.

Особенное значение имеют наши просчеты по урожайной статистике при составлении плана экспорта на предстоящий операционный год и для расчетов по доходным статьям госбюджета. Так, например, если при исчислении средней для всего СССР урожайности для всех зерновых хлебов мы ошибемся только на одну шестую центнера, то это составит при посевной площади 1927 г. 1,45 млн. т хлеба, т.-е. около половины возможного размера экспорта зерна из СССР в послевоенные годы. Принятая нами ошибка в $\frac{1}{6}$ центнера не является большой, а наоборот, есть предел точности исчисления размеров урожайности ЦСУ при существующих многочисленных методах исчисления урожайности в сопровождении целой «свиты» сомнительных поправок.

Приемы урожайной статистики у нас очень слабо освещены в печати. В специальных статистических журналах статьи по методологии исчисления урожая появляются чрезвычайно редко, и если М. Н. Смит, со свойственной ей энергией, работает над уничтожением допотопных методов учета промпредприятий и постановкой их учета на основе «Капитала», то же самое нужно сделать в области урожайной статистики.

До самого последнего момента громадное большинство статистиков и агрономов имели представление об урожайности, как о некоторой постоянной величине, значение которой, правда, изменяется от года к году, но в общем она не растет. Это убеждение отразилось и на построении балловой шкалы в ЦСУ СССР, где за значение тройки была принята средняя урожайность за период 1905—1914 г.г. по данным ЦСК. Это убеждение не изменилось до сих пор, хотя жизнь заставила ввести бесчисленное множество поправок. Работники окружных и уездных статбюро также до сих пор верят, что

¹) В порядке обсуждения. *Ред.*

существует незыблемый закон больших чисел, что существует только одна кривая Гаусса — чрезвычайно устойчивая.

Намеченное повышение урожайности на 35%, согласно пятилетнего плана, несомненно не только увеличит наше материальное благосостояние, но и выбьет из консервативных голов статистиков представление об устойчивых средних величинах, о величественной, непоколебимой кривой Гаусса и заставит их диалектически мыслить.

Сейчас перед советской урожайной статистикой стоит чрезвычайно трудная, но безусловно выполнимая задача. Ей нужно: во-первых, выработать такие способы учета урожайности, которые обеспечивали бы точный контроль над проведением в жизнь намеченных пятилетним планом агро-технических мероприятий по повышению урожайности и которые были бы приспособлены к обобществленному, а не индивидуальному хозяйству, во-вторых, точно исчислить урожайность для прошлых лет по отдельным культурам и социально-экономическим формам хозяйств.

Положение же с урожайной статистикой прямо катастрофическое — методы исчисления из года в год меняются. Публикуются такие данные, на основании которых можно делать самые противоречивые выводы¹. Поэтому, необходимо как можно скорее приняться за серьезную исследовательскую работу по разработке методологии урожайной статистики, по изысканию таких методов учета урожайности, с помощью которых можно было бы с точностью до 2% учитывать высоту урожайности.

Но для того, чтобы выработать более точные, более совершенные методы учета урожайности, необходимо в первую очередь, на основе уже имеющихся материалов, изучить урожайность как таковую.

Основными проблемами в урожайной статистике, подлежащими в первую очередь исследованию, по нашему мнению, являются сейчас такие: 1) методология учета урожайности в обобществленном секторе сельского хозяйства, 2) проблема аналитического оформления высоты, цикличности и строения сводного темпа урожайности, 3) проблема пространственной колеблемости урожайности, 4) проблема исчисления вероятного сбора урожая по шкалам урожайности.

Из выше перечисленных проблем мы, в нашей статье, затрагиваем только вторую.

1. Как аналитически оформить темп роста урожайности.

«Основным условием составления народно-хозяйственного плана является достаточное, полное и точное знание эмпирики хозяйственных процессов...

Если нами принято понимание народного хозяйства, как единого целого, где развитие всех элементов связано друг с другом, то этим самым признано и существование количественной меры этих зависимостей. Технически необходимым условием для составления народно-хозяйственного плана является определение именно этих количественных закономерностей... Единственным же методом определения этих зависимостей является наблюдение над динамикой народно-хозяйственного процесса и установление эмпирически-наблюдаемой количественной меры этих закономерностей. Именно этот метод лежал в основе построения основных законов Марксова учения (закон тенденции нормы прибыли к понижению и т. д.)»².

¹ См. издания ЦСУ СССР и УССР за различные годы.

² Зейлингер и Гухман. К методике построения баланса. «Плановое хозяйство» № 4, 1928 г.

Основным характерным отличием последнего варианта пятилетки плана развития народного хозяйства СССР является большая высота темпов роста индустрии в целом и в особенности той части ее, которая производит средства производства. Согласно пятилетнего плана темп роста первичных двигателей в промышленности на отрезке времени—1929—32 г.г. будет равен 19,4% (средне-геометрический процент ежегодного роста) в то время, как мощность двигателей довоенной России ежегодно в среднем увеличивалась только на 7,4%. Темп же роста первичных двигателей обуславливает и находится в полной функциональной зависимости с темпами роста чистой продукции, ростом основного капитала и прочими основными элементами экономики производства. Тот факт, что мы имеем и будем иметь темп роста основных элементов производства больший, чем в довоенной России и чем тот, который имеет сейчас капиталистическая Америка—наиболее развитая технически страна в мире, свидетельствует о том, что социальная революция дает возможность обществу более рационально использовать силы природы и развиваться с большими темпами. Именно в высоте темпа материально овеществляется превосходство новой социалистической экономики над капиталистической.

Соединенные Штаты в начале XIX века были на много ниже Англии по количеству производимой продукции, но благодаря большому темпу развития они сейчас далеко ушли вперед Англии в техническом и материальном прогрессе. Наша промышленность в настоящее время имеет мощность двигателей, равную мощности двигателей индустрии САСШ в 1870 г. и несмотря на это, благодаря тому, что мы имеем вчетверо больший темп роста мощности первичных двигателей, мы догоним САСШ в ближайшие 15 лет.

Для сельского хозяйства проблема роста имеет такое же, если не большее значение. В пятилетнем плане она частично воплотилась в директиву о 35%-м повышении урожайности. В довоенной России урожайность росла с темпом в 1—2% в год (для всех зерновых хлебов по СССР—средне-геометрический процент роста), т.е. чрезвычайно медленно.

В настоящее же пятилетие темп роста урожайности будет в 5 раз больше, а именно—6% (средне-геометрический процент роста).

Такое повышение темпа роста урожайности возможно лишь при том условии, если будет проведен в жизнь агроминимум и брошена на село масса сел.-хоз. орудий, машин, тракторов, минеральных удобрений. Нужна дешевая энергия, металл, дерево, стекло и т. д. Таким образом, мы должны иметь, с одной стороны, точные расчеты: сколько, в какой срок и по какой цене должна доставить промышленность промтоваров в сельское хозяйство, а с другой стороны, в самом сельском хозяйстве должен вестись точный учет эффективности затрат, точный учет повышения урожайности на один гектар. По прошествии очередного хозяйственного года планирующие органы должны суметь точно и надежно оформить темпы роста всех важнейших элементов народного хозяйства для того, чтобы проконтролировать качественное и количественное выполнение плана.

В практике же планирования и статистического учета материальных результатов производства до сих пор господствуют элементарные методы исчисления темпов, с помощью которых нельзя надежно оформить высоту и направление темпа, чего властно требует рост планового хозяйства.

Понятие темпа и способы его исчисления.

Понятие «темпа» есть по существу производное от понятия скорость, которое означает абсолютную величину приращения в единицу времени. Под темпом же понимают не абсолютную величину приращения, а относительную.

Темп роста какого-либо явления—это есть относительное увеличение данного явления в единицу времени. Характерно то, что само понятие темп стало широко употребляться в экономической литературе только после 1917 г. в СССР. Это вполне понятно, так как побеждающая экономика должна иметь не только большие темпы, но и ясное сознание важности их высоты и значения для развития народного хозяйства. Капитализм, хотя и имел большие темпы по сравнению с феодализмом, но тем не менее эта проблема не всплывала на поверхность его экономического сознания.

Темп роста любого элемента народного хозяйства может быть изучен с точки зрения: его величины, направления (знака), строения и изменения во времени.

Под величиной темпа понимается абсолютный размер его. Например, урожайность яровой пшеницы на Украине в 1913 г. равнялась 6,83 центн., а в 1912 г.—6,5 центн. Величина темпа роста урожайности яровой пшеницы с 1912 по 1913 г. равняется $\frac{6,83}{6,5} = 1,05$ или же сокращенно 5%.

Величина темпа, теоретически рассуждая, может колебаться от 0 до ∞ , хотя практически мы не встречаем темпов ежегодного прироста элементов народного хозяйства, больших 1.000%. Исчисляется величина темпа за один год очень просто: берется отношение последующего года к предыдущему. В нашей статистической литературе любимым приемом является также исчисление отношения данных за какой-либо месяц (квартал) текущего года к данным за тот же месяц (квартал) прошедшего хозяйственного года. Кроме того, очень часто употребляется исчисление, так называемого, «цепного процента», т.е. исчисляется темп для каждой последующей точки по отношению к предыдущей. Все эти приемы относятся лишь к технике исчисления темпа роста только для двух временных точек и для ряда точек, а не для совокупности их в целом.

Какие же методы существуют для исчисления величины среднего темпа роста за определенный период времени? Из элементарной статистики известно нашим экономистам и статистикам два способа исчисления величины темпа за определенный отрезок времени: для целого ряда данных, а именно: 1) средне-арифметический темп роста и 2) средне-геометрический.

Средне-арифметический темп роста исчисляется по такой формуле:

$$Y = \frac{N_2 + N_3 + \dots + N_n}{n-1}$$

где N_1, N_2, N_3, N_n —данные величины, а n —их число.

Исчисление среднего темпа по этой формуле очень редко применяется экономистами и статистиками, так как они вполне пока обходятся при анализе временных рядов исчислением только цепных процентов и индексов.

Развитие плановой мысли и рост индустриализации страны, а также наличие определенной прослойки среди населения СССР, отрицающей возможность иметь в СССР темпы большие, чем имела довоенная Россия, вызвало появление в печати книги Мотылева «Проблема темпа развития СССР». Тов. Мотылев, хотя и не является адептом математической статистики, но тем не менее исчислял величину темпа роста валовой продукции промышленности в САСШ, производства чугуна, стали, добычи угля, железной руды в главных капиталистических странах, путем применения формулы среднего геометрического процента роста. Поэтому дадим слово т. Мотылеву для защиты и доказательства преимуществ этого способа исчисления величины темпа роста перед всеми прочими, выше перечисленными.

«В качестве математического показателя темпа мы считаем наиболее целесообразным взять геометрические средние проценты годового прироста за определенный период. Они имеют то достоинство, что выявляют средний темп ежегодного прироста объема производства, народного дохода, народного имущества, учитывая, что этот прирост происходит каждый год по отношению к объему, возросшему в предыдущем году, между тем как средние арифметические проценты не могут учесть этого процесса ежегодного нарастания и преувеличивают тем самым (подчеркнуто мною В. К.), темп годового прироста». Формула для исчисления этим способом величины темпа имеет такой вид:

$$\log Y = \frac{\log N_n - \log N_1}{n - 1}$$

Исчислим по этой формуле средне-геометрический темп роста урожайности озимой пшеницы с 1871 г. по 1913 г. В 1871 г. урожайность озимой пшеницы равнялась 4,5 центн., а в 1913 г.—1 т $\log N_{42} = 7853$; $\log N_1 = 4314$; $\log Y = \frac{7853 - 4314}{42} = \frac{2539}{42} = 00603$; $y = 1,014$ 1,4% в год.

Однако, несмотря на те преимущества исчисления величины темпа вышеуказанным способом, на которые указывал Мотылев, приведенная формула имеет тот недостаток, что в нее включается только два числа—для начала периода и для конца. Это, конечно, ведет к тому, что исчисленная по этой формуле величина темпа не будет являться истинной, так как не приняты во внимание темп временных точек, имеющих определенное материальное овеществление и лежащих внутри данного отрезка времени.

Так, например, если мы примем во внимание данные по урожайности озимой пшеницы за все годы, начиная с 1871 по 1913 г., т.е. включим их в вышеприведенную формулу (см. ниже), то тогда величина темпа будет в 2 раза выше, а именно будет равна 2,74%. Спрашивается, какая из этих двух величин будет надежнее и ближе к действительности. Безусловно вторая, так как исчисляя первую, мы не приняли во внимание величину темпа точек временного ряда, лежащих внутри охватываемого этими двумя точками периода времени.

При составлении контрольных цифр на пятилетие практикуется еще один способ исчисления величины темпа роста. Берут начальный год за 100 и вычисляют, по отношению к нему, последний год. Получают цифры такого рода—205, 306, 470, которые годятся лишь для иллюстрации при популярных изложениях основных идей пятилетки, но ни в коем случае для контроля исполнения плановых директив

и научного анализа экономики СССР. Они дают лишь суммарную характеристику темпа роста за пятилетие, при чем в виде трехзначных цифр, трудно поддающихся анализу и имеющих лишь одно достоинство, что они очень велики.

При исчислении величины темпа урожайности все выше перечисленные приемы можно применять лишь при условии, что отрезок времени будет невелик (не более 5 лет), при чем наиболее верной будет величина темпа, исчисленная по формуле (3).

Если же число данных будет больше пяти и необходимо знать точно величину темпа, то для исчисления ее придется обратиться к высшей статистике.

В арсенале высшей статистики есть много приемов для аналитического описания временных рядов. Из них мы остановимся лишь на одном, на показательной функции типа $Y = AB^x$, или, логарифмируя ее, будем иметь:

$$\log Y = \log A + x \log B.$$

Эта функция наиболее подходит для нашей цели — надежно оформить темп урожайности, ибо, если мы из параметра «В» вычтем единицу и полученное число умножим на 100, то в результате будем иметь величину среднего темпа исследуемого явления, выраженного в процентах (сложные проценты).

Характерное отличие исчисления величины темпа с помощью показательной функции и преимущество перед прочими методами состоит в том, что принимается во внимание темп не только всех без исключения точек, но кроме того темпу каждой точки придается определенный вес в зависимости от ее массы и положения в серии точек. Кроме того, при исчислении параметров показательной функции по методу наименьших квадратов, мы получаем сразу же не только величину темпа, но и знак его (т.-е. направление).

В нашей экономической и статистической литературе показательной функцией почти не пользуются, хотя она очень удобна с познавательной точки зрения, не только для нахождения величины темпа, но и для аналитического описания тренда исследуемого явления.

Базаров утверждает, что наиболее экономически нормальным типом эволюции для физического объема продукции и всех связанных с ней линейной зависимостью народохозяйственных элементов, является прямолинейное направление логарифмической кривой. Экономисты в САСШ широко пользуются показательной кривой. Нанеся эмпирические данные на полулогарифмический график, они сразу же устанавливают, на сколько частей нужно разбить весь ряд, чтобы затем каждую из этих частей потом взять на показательную кривую. К сожалению, у нас полулогарифмические графики и показательная функция очень медленно проникают в обиход статистика и экономиста.

Темп роста урожайности в понятии наших аграрников и сел.-хоз. статистиков

Так как в нашей экономико-статистической литературе существует ряд работ, в которых применялись методы высшей статистики для изучения темпа и эволюции урожайности, то мы считаем необходимым вкратце остановиться на тех методологических ошибках, которые были сделаны авторами этих работ.

Прежде всего несколько слов относительно понятия «выравнивание». Это понятие всюду и везде встречается, где только начинают говорить о математической статистике.

Термин «выравнивание» имеет непосредственное отношение только к результатам применения «движущейся средней» и в некоторых случаях употребляется английскими актуариями, когда они используют кривые Пирсона не для аналитического описания совокупности, а для получения значений частот, освобожденных от случайных наслоений. И только. Абсолютно недопустимо с методологической стороны говорить о выравнивании, когда ищут тип функции для данного ряда; когда хотят не подравнять (садовник подстригает деревья, экономист с помощью движущейся средней срезает все кризисы и революции на кривой временного ряда), а дать точное аналитическое описание ряда. Термин «выравнивание» ни в коем случае нельзя применять, когда ищут тренд или пытаются дать аналитическое описание с помощью синусоиды циклических колебаний в капиталистическом мире.

Термин «выравнивание» необходимо и можно употреблять только тогда, когда имеет место действительно выравнивание. Метод «движущейся средней», типичный технический прием для выравнивания, нужно применять очень осторожно, так как, сглаживая, срезая верхушки и низы с целью освободиться от случайных колебаний, можно «вместе с водой выплеснуть из ванны ребенка», забыв про то, что «при конкретном анализе случайно поднимается до необходимого, а необходимое деградирует до случайного»¹.

Затем у нас широко пользуются коэффициентами корреляции для установления связи между ростом урожайности и «временем», а также исчисляют уравнения регрессии для того, чтобы определить «нормальный» урожай. Обухов, Соловейчик, Милавский, Стамеров и целый ряд других экономистов и статистиков усердно исчисляют коэффициенты корреляции и уравнения регрессии. Желая точно знать эволюцию урожайности, т. Стамеров доходит даже до такого утверждения: «Эту эволюцию урожайности во времени можно считать вполне доказанной, если коэффициент корреляции превышает свою среднюю ошибку в 3 и более раза. В случае, если коэффициент корреляции превышает свою ошибку более чем в 2 раза, возможно, как указывает В. Я. Обухов, считать эволюцию урожайности весьма вероятной»².

Тут мы имеем налицо полное незнание азов высшей статистики. Приходится напомнить т.т. Обухову, Соловейчику, Милавскому, Стамерову и т. д. что:

1) коэффициент корреляции вычисляется только между двумя определенными явлениями (Обухов коррелирует урожайность и «не-что» — время, под которым подразумевают все без исключения факторы, способствующие как росту, так и упадку урожайности);

2) вероятная ошибка коэффициента корреляции исчисляется и имеет смысл только в том случае, если данных не меньше 25 и они являются результатом выборки из генеральной совокупности.

Наши статистики почти совсем не употребляют, так называемых, «корреляционных таблиц», т.-е. того орудия, которое специально пред-

¹ «Вестник Коммунистической Академии» № 20 за 1927 г. Мария Смит «Диалектика количества».

² К. Стамеров, «Движение урожая яровой пшеницы в украинской степи за период с 1889 по 1915 г.», Одесса, 1928 г.

назначено для установления корреляционной зависимости. Это вполне понятно, так как коррелируются большей частью не выборка из генеральной совокупности, а ничтожно малое количество данных. Исчисление коэффициента корреляции, как орудия специально предназначенного для установления зависимости в массовых явлениях, теряет всякий смысл в таких случаях. О том, что неправильно исчислять коэффициент корреляции между урожайностью и иксом, который может влиять одновременно и на рост урожайности, и на упадок ее, не приходится говорить, после того как академиком Бернштейном установлено, что исчисление коэффициента корреляции между двумя определенными временными рядами, в лучшем случае, может дать только представление о ковариации этих рядов. Американские исследователи также все в один голос утверждают, что коэффициент корреляции для временных рядов является показателем только «Covariation».

Альберт Вайнштейн, желая знать эволюцию урожайности, обходится без всяких мистических коэффициентов корреляции, уравнений регрессии и т. д. Он просто исчисляет, пользуясь методом наименьших квадратов, значения параметров «а» и «в» для прямой линии. Конечно, это является более правильным со всех точек зрения. Желая знать, растет ли урожайность или падает, мы должны найти только значения параметра «в» в уравнении $Y = a + vx$. Если этот параметр «в» равен нулю, то значит урожайность не растет, а колеблется вокруг некоторого постоянного значения; если параметр больше нуля, то урожайность растет; если же параметр меньше нуля, то она падает. Таким образом, мы обходимся без всяких ошибок, коэффициентов корреляции и уравнения регрессии, которые зачастую наводят священный трепет на всякого непосвященного в «тайны» математической статистики.

А. Вайнштейн, правильно разрешая вопрос о методах аналитического оформления эволюции урожайности, однако, не вполне точно исчисляет относительный рост урожайности, т. е. ее темп роста (см. «Плановое хозяйство» № 8 за 1927 г.). Делает он это таким путем: имея уравнение прямой линии, он берет отношение параметра «в» к параметру «а» в начальной точке уравнения, т. е. средней урожайности за весь отрезок времени, охватываемый уравнением, и говорит, что полученный % будет являться (?) средним относительным приростом урожайности, т. е. темпом роста ее. Так, например, для урожайности ржи в Германии, по Вайнштейну, мы имеем:

$$Y = 90,14 + 1,867x \text{ — начало 1896 г.}$$

Средний относительный прирост равен

$$\frac{1,867 \times 100}{90,14} = 2,07\%, \text{ т. е. } 2,07\% \text{ в год. Правильно ли будет так}$$

исчислять темп роста урожайности? Ведь, если мы вместо $x=0$, поставим $+10$, то в 1906 г. урожайность ржи с 1 га будет равняться 1,62 т. К 1907 г. она увеличится на 0,027 или же на 1,7%, а не на 2,07, как это предполагает Вайнштейн. Вообще же вправо от начальной точки темп будет уменьшаться, а влево увеличиваться вследствие роста и уменьшения Y . Кроме того, нужно заметить, что гипотеза роста урожайности по прямой линии есть по сути скрытая защита закона убывающего плодородия почвы ибо постоянный абсолютный прирост при росте урожайности означает непрерывное падение относительного прироста, т. е. темпа. Следовательно, экономисты, применяющие эту гипотезу при исследовании

эволюции урожайности, дают хорошее орудие в руки защитников закона убывающего плодородия почвы. Что же касается метода исчисления темпа, то определять темп роста урожайности так, как это делает Вайнштейн, Соловейчик и прочие, нельзя, ибо определенный таким путем темп верен лишь для двух соседних точек около начальной точки. Коэффициенты относительного прироста урожайности, исчисленные Вайнштейном и Соловейчиком, близки к истинным, но не являются таковыми.

Остановимся еще на одном методологическом дефекте в работе А. Вайнштейна по изучению эволюции урожайности. А. Вайнштейн, производя «беглый анализ»¹ динамики урожайности пшеницы в САСШ, ржи в Германии, пшеницы во Франции, везде весь ряд целиком брал на одну кривую (прямую линию или параболу второго порядка), т. е. он игнорировал все качественные сдвиги в экономике сельского хозяйства, влияющие на высоту, темп и колеблемость урожайности. Такой прием «одним махом» (русская натура), взять весь ряд на одну кривую, очень популярен среди наших немногочисленных математиков-статистиков. В самом деле: что им до того, что на протяжении исследуемого отрезка времени происходили крупнейшие социально-экономические сдвиги в экономике страны. Так, например, М. И. Семенов в своей статье «К вопросу о закономерности колебаний урожая», пытаясь установить связь между колебаниями урожая и солнечными пятнами «натянул» столетний ряд урожайности ржи на одну параболу второго порядка. Все сдвиги (резкий прыжок вверх) в высоте урожайности, какие произошли после отмены крепостного права, были стерты параболой.

Вообще нужно отметить факт злоупотребления параболami высших порядков также, как и коэффициентами корреляции. Существует мнение, довольно широко распространенное среди наших экономистов-статистиков, что обработка статистического ряда с помощью парабол высшего порядка является показателем хорошего знания высшей статистики и верхом научного анализа. А. Вайнштейн, следуя этим традициям, взял на одну прямую весь ряд данных урожайности пшеницы в САСШ, в то время как на его же графике (см. «Плановое хозяйство» № 8, 1927 г., стр. 73) отчетливо видно, что урожайность пшеницы до 1890 г. была стабильна (средняя высота), затем резко скакнула вверх и потом стала медленно расти.

Вайнштейн и другие экономисты-статистики, обрабатывающие эмпирические данные без предварительного конкретного изучения их с целью установления скачков, а не только эволюции, конечно не могут получить надежного аналитического описания тренда и правильно исчислить темп роста урожайности.

«В природе могут происходить качественные изменения точно определенным для каждого отдельного случая способом — лишь путем количественного прибавления или количественного убавления материи или движения. Невозможно (подч. В. К.) изменить качество какого-нибудь тела без прибавления или отнимания материи или движения, т. е. без количественного изменения этого тела» (Энгельс «Архив», стр. 221, кн. 2).

М. Смит в своей статье «Диалектика количества» пишет: «При значительных отклонениях количество переходит в качество, и мы

¹ «Эволюция урожайности зерновых хлебов в России и перспективы ее развития в будущем», «Плановое хозяйство» № 8, за 1927 г.

имеем дело уже не со случайным отклонением, а с необходимым качественным отличием...».

«Резкое количественное отклонение есть всегда выражение создавшегося в силу экономической необходимости нового экономического типа»¹.

Таким образом, можно утверждать, что резкие количественные изменения в высоте урожайности свидетельствуют об изменениях в технике и экономике земледелия и социального строя страны. Игнорирование при научном анализе основного положения диалектического метода—перехода количества в качество—неизбежно поведет к скольжению по поверхности вещей, к натягиванию негетерогенных данных на одну кривую, к искажению действительности. Исследуя по всем странам темпы роста урожайности пшеницы (об этом подробнее ниже), мы пришли к твердому убеждению, что не может существовать на протяжении сколько-нибудь большого отрезка времени только эволюция урожайности (конечно нарушаемая колебаниями климатических элементов) и что наряду с эволюцией существуют резкие скачки как вверх, так и вниз, означающие собой крупные сдвиги в экономике страны. Вполне понятно отсюда, что экономисты, признающие только равномерное нарастание урожайности или ее стабильность, отрицают возможность скачка «из царства необходимости в царство свободы»—повышение урожайности на 35% в течение будущего пятилетия. Не замечая скачков урожайности, скользя по поверхности вещей на параболе n -го порядка, они тем самым становятся в ряды неверующих в возможность большего темпа роста сельского хозяйства и промышленности СССР, чем в капиталистических странах.

При конкретном установлении величины темпов роста пшеницы в главнейших странах мира мы для аналитического оформления темпа будем разбивать ряд данных по урожайности на так называемые «эпохи». Термин «эпоха» предложен проф. С. С. Остапенко и под ним понимается тот отрезок времени², в течение которого на наше изучаемое явление действует определенная одна и та же совокупность факторов, при чем сила влияния их на явление не изменялась сильно (на протяжении этого отрезка времени). Как только состав этой совокупности резко меняется, то сразу же резко, скачкообразно меняется самый характер динамики ряда: величина, темп, цикличность данного явления. Все точки одной эпохи гомогенны, а равных эпох гетерогенны. Формальным признаком деления на эпохи является наличие сильного скачка и изменение темпа роста. Этими признаками мы и будем, главным образом, пользоваться в дальнейшем при разбивке ряда данных по урожайности на эпохи.

Темп роста урожайности пшеницы в главнейших сел.-хоз. странах.

Вначале—несколько замечаний по технике исчисления величины темпа.

Нами было выше указано, что для исчисления величины темпа роста урожайности нужно пользоваться показательной функцией типа $Y = a \cdot e^{bx}$. Разбив ряд данных по урожайности пшеницы на эпохи, мы в пределах каждой эпохи должны исчислить значения параметров показательной функции. В инженерных науках для исчисления пара-

метров эмпирических уравнений пользуются следующими методами: 1) метод избранных точек, 2) метод средних, 3) графическое определение параметров, 4) метод наименьших квадратов, 5) метод моментов.

Первые три способа определения параметров для уравнения показательной кривой не годятся, так как они не точны и дают лишь приближенное значение параметров. Последние два метода—наименьших квадратов и моментов—наиболее годятся для нашей цели, и ими обычно пользуются, когда требуется большая точность в исчислении. Применим метод наименьших квадратов для исчисления параметров показательной функции. Для этого приведем сначала ее к виду прямой линии путем логарифмирования ее. В результате тогда будем иметь $\log y = \log a + x \log b$. Согласно метода наименьших квадратов, чтобы найти параметры a и b для уравнения прямой линии $y = a + bx$, необходимо решить такую систему нормальных уравнений:

$$\begin{aligned} \sum y^1 &= an + b \sum x \\ \sum xy^1 &= a \sum x + b \sum x^2 \end{aligned}$$

где: y^1 —эмпирические значения ряда; n —число членов в ряду; x —года. Подставляя вместо y^1 — $\log y^1$, вместо a — $\log a$ и вместо b — $\log b$ мы получим такую систему нормальных уравнений:

$$\begin{aligned} \sum \log y^1 &= n \log a + \log b \sum x; \\ \sum x \log y^1 &= \sum x \log a + \log b \sum x^2, \end{aligned}$$

Если отсчет x^a будет производиться от середины ряда, то $\sum x$ будет равна нулю и система нормальных уравнений примет такой вид:

$$\begin{aligned} \sum \log y^1 &= n \log a \\ \sum x \log y^1 &= \sum x^2 \log b, \end{aligned}$$

решая которые, мы найдем искомые значения параметров¹.

Аналитическое оформление величины темпа роста урожайности пшеницы начнем со стран, вывозящих пшеницу. Согласно данным Римского Сельско-хозяйственного Института², САСШ производили 20,1% из всего мирового производства пшеницы, СССР—14,3%, Британская Индия—9,0%, Канада—8,8%, Аргентина—5,0%, Австралия—3,6%. На долю всех вышеперечисленных стран падает, в среднем за 1924/25 г., 60,8% всего мирового производства. В период 1909—13 г.г. Россия вывозила 42,4.10⁶ квинт., следующей за ней шла Аргентина—24,3.10⁶ квинт. в год, затем Канада с 20,2.10⁶ квинт., САСШ с 14,5 квинт., и Британская Индия, которая имея третье место в мире по производству пшеницы, вывозила всего 13,2.10⁶ квинт.

На графике 1 нанесены данные об урожайности пшеницы в САСШ, Британской Индии, Канаде и Аргентине. Все данные взяты из Французского Статистического Ежегодника (Annuaire Statistique de la France) 1922 г., стр. 222—225 (гр. 1—см. стр. 260).

Как видно из графика, урожайность пшеницы в Канаде выше, чем в САСШ, Британской Индии и Аргентине. Согласно данных того же Римского Сельско-хозяйственного Института средняя урожайность пшеницы в Канаде за период 1924/25 г. равнялась 10,3 квинт. на 1 га, в САСШ—9,9 и Британской Индии 7,4. Превышая по высоте урожайности пшеницы также все остальные главнейшие вывозящие страны СССР, Австралию, Венгрию, Канада имела очень

¹ «Вестник Коммунистической Академии» № 20, 1927 г.

² Длина отрезка времени может колебаться от 3 лет до нескольких столетий.

¹ Подробности техники исчисления величины параметров для показательной функции можно найти у Вихляева и в других статистических пособиях.

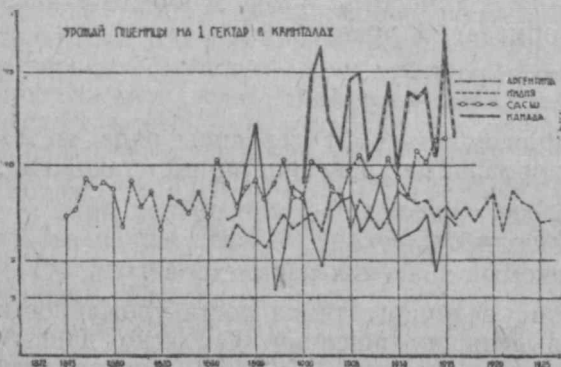
² „La distribution du froment dans le Monde“, Rome, 1927 г.

ничтожный темп роста урожайности за период—1900—16 г.г. Аналитическая обработка статистических данных по урожайности дает следующий результат:

$$U = 12,4 (1,0035)^x \text{ н. } 1900—1916.$$

Параметр «b», являющийся показателем величины темпа равен 1,0035, т.е. темп урожайности пшеницы в Канаде за период 1900—16 г.г. равен всего 0,35% в год (сложных годовых). Иначе говоря, урожайность в Канаде была стабильна за период 1900—16 г.г. и изменялась лишь под влиянием метеорологических условий. Это вполне понятно, так как в Канаде имеется еще очень много свободных земель и фермеру незачем тратить деньги на минеральные удобрения и прочее, когда он может иметь больше продукции путем расширения площади. Очевидно, что, пока в Канаде не истощится запас свободных земель, сколько-нибудь заметного повышения темпа урожайности там не будет.

Во второй—по высоте урожайности—из стран, вывозящих пшеницу, в САСШ мы имеем немного иную картину динамики урожайности.

Граф. 1.

С 1875 по 1890 г.г. урожайность пшеницы в САСШ падает. В 1891 г. происходит резкий скачок вверх, урожайность увеличивается по сравнению с 1890 г. на 39% и затем начинается рост урожайности, который идет непрерывно до начала империалистической войны. Таким образом, мы имеем налицо две эпохи. Первая эпоха—когда урожайность уменьшалась. В этот период еще не закончился захват свободных земель на западе САСШ. Вторая эпоха—с 1891 по 1914 г.г.—характерна окончанием раздела свободных земель в Западных штатах и переходом фермеров в Восточных штатах к более интенсивному культивированию земли. Если стоимость орудий и машин на всех фермах САСШ была равна в 1890 г. 494.10⁶ долл., то в 1910 г. она увеличилась до 1.265 млн. долл. В 1890 г. на 1 акр фермерской земли приходилось 0,79 долл., потраченных на машины и сел.-хоз. орудия, а в 1910 г.—1,44, т.е. почти что вдвое больше. Несмотря на такой сильный рост затраты средств на механизацию сельского хозяйства, урожайность по вторую эпоху росла сравнительно с небольшим темпом. Аналитическая обработка рядов даст нам такие результаты:

$$U = 8,34 (1,0042)^x \text{ н. } 1875—1890$$

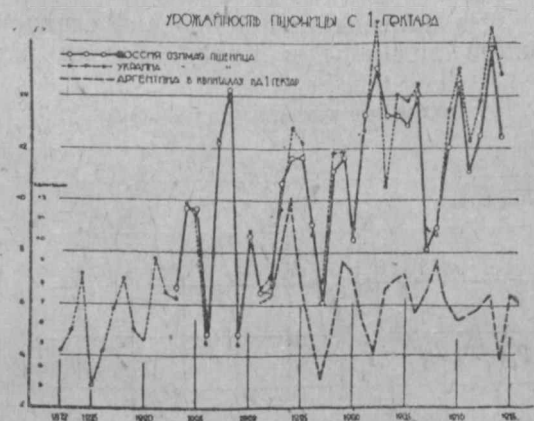
$$U = 8,687 (1,0068)^x \text{ н. } 1891—1914.$$

Из этих уравнений следует, что урожайность пшеницы в САСШ за период 1875—1890 г.г. уменьшалась с темпом 0,42% в год, а за период 1891—1901 г.г. росла с темпом 0,65%, т.е. темп роста ее все-таки несмотря на абсолютную незначительную величину, был вдвое выше, чем темп роста урожайности в Индии. Такой сравнительно небольшой темп роста урожайности, как 0,65% в год, в передовой капиталистической стране, которая наиболее развита в техническом отно-

шении, где в сельском хозяйстве имеют широкое применение двигатели внутреннего сгорания, объясняется тем, что капитализм даже такой страны, как САСШ не в силах дать больший темп развития производительным силам сельского хозяйства. Необходимо отметить, что САСШ, имея меньшую урожайность, чем Канада, имеют вдвое больший темп роста урожайности. А. Вайнштейн взял на прямую линию весь период 1866—1920; пренебрег падением урожайности с 1875 по 1890 г.г. и сбросом в 1915 г. Эта методологическая ошибка привела его к тому, что, исчисляя своим способом относительный прирост урожайности, он получает величину темпа равной 0,5%, т.е. снизил темп урожайности за счет первой эпохи (1875—1890), когда специфические хозяйственные условия в САСШ вызвали некоторое падение урожайности.

Что касается Британской Индии и Аргентины, то первая имеет две эпохи, а урожайность второй остается на одной и той же высоте в течение 1891—1926 г.г., перетерпев некоторое снижение в годы войны. Темп роста урожайности пшеницы в Британской Индии в первую эпоху с 1892 по 1902 г. равен 1,41%, а во вторую—0,02%, т.е. урожайность пшеницы в Индии на отрезке времени 1903—1926 г. не росла и изменялась лишь под влиянием колебаний осадков и тепла.

Перейдем теперь к анализу темпов роста урожайности озимой и яровой пшеницы в СССР, УССР и Австралии. Графическое ове- ществление урожайности пшеницы в этих странах представлено на графиках 2 и 3.

Граф. 2.

Кривые урожайности пшеницы в России и Австралии на этих графиках резко отличаются от кривых урожайности САСШ, Британской Индии и Аргентины. График урожайности в Австралии показывает, что урожайность в Австралии чрезвычайно резко изменяется от года к году. Весь отрезок времени, за который у нас имеются данные по Австралии, мы делим на две эпохи: одна охватывает период с 1875 по 1903 г., когда происходило непрерывное уменьшение урожайности, а другая—период с 1903 по 1914 г., в течение которого происходил рост урожайности. В 1915 г. урожайность пшеницы в Австралии внезапно упала до 1,6 квинт. на 1 га, но затем в следующем году поднялась на прежнюю высоту. Темп урожайности пшеницы в Австралии за период 1875—1903 г.г. был отрицательный. Урожайность падала с темпом 2,19% в год

$$U = 7,45 (1,0219)^x \text{ н. } 1875—1903.$$

На отрезке времени 1904—1914 г.г. урожайность в Австралии росла с темпом 0,86% в год. Резкие колебания урожайности пшеницы в Австралии объясняются своеобразным климатом (наличие пустынь).

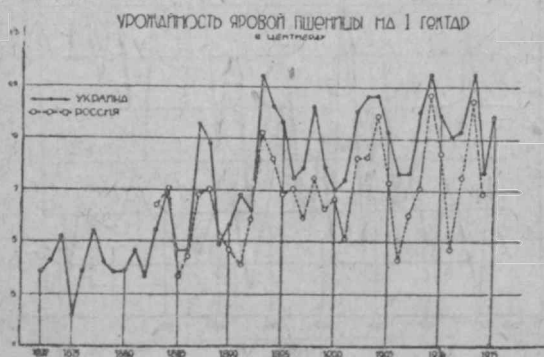
Кривая урожайности озимой и яровой пшеницы в России также резко отличается от всех предыдущих кривых урожайности своим четко выраженным непрерывным ростом урожайности, начиная с 1880 г.

До 1880 г. урожайность не росла, колебалась около средней величины в 4,1 центн. После 1880 г. крестьянство стало применять более совершенные способы обработки земель, переходит с сохи к плугу, лучше унаваживает землю, а в юго-западных губерниях стало применять в значительных количествах минеральное удобрение. Земледельческие орудия стали в огромных количествах покупаться помещиками юга России. Все эти явления, конечно, способствовали росту урожайности в Европейской России.

Аналитическая обработка рядов данных по урожайности пшеницы дает нам такие результаты ¹:

Урожайность озимой пшеницы в Европейской России	$Y=39,37 (1,0175)^x$ н. 1889—1914
„ яровой „ „ „ „	$Y=27,90 (1,0116)^x$ н. 1889—1914
„ озимой „ „ „ „	$Y=25,50 (1,0274)^x$ н. 1871—1915
„ яровой „ „ „ „	$Y=25,02 (1,0302)^x$ н. 1871—1891
„ „ „ „ „	$Y=42,30 (1,0006)^x$ н. 1891—1915

Из приведенных уравнений следует, что темп роста урожайности озимой пшеницы в Европ. России равняется 1,75% в год, яровой

Граф. 3.

из причин уменьшения посевной площади под яровой пшеницей на юге России.

Темпы роста урожайности пшеницы в России и на Украине по своей величине больше, чем темпы роста урожайности пшеницы в САСШ, Британской Индии, Австралии, Канаде. Довоенная Россия имела, таким образом, рекордные в мировом масштабе темпы роста урожайности пшеницы.

Это утверждение для некоторых экономистов может показаться необоснованным и в качестве доказательства они укажут Германию, Бельгию, Англию и другие западно-европейские государства.

«Страны, где применение химических удобрений развивалось не менее сильно, чем в Германии, как, например, в Бельгии, Дании, Голландии, там и прирост урожайности был значителен и абсолютная величина урожайности достигла перед войной громадных размеров» ².

«Нигде (?) в мире многолетний под'ем урожайности не превышал 2% годовых, причем такой высоты он достиг только (подчерк.

¹ Данные для Европ. России взяты из книги „Влияние неурожая на народное хозяйство России“ часть I, стр. 2—3, а для УССР из книги „Сельское Хозяйство Украины“, изд. НКЗ УССР 1923 г. стр. 172.

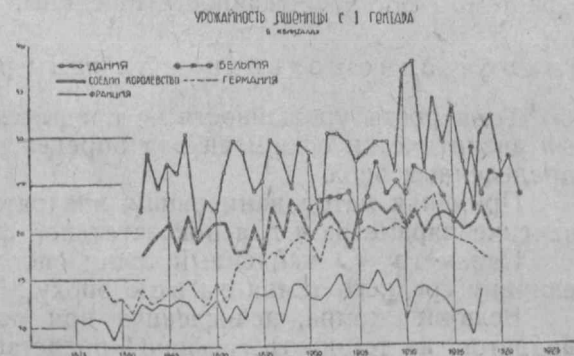
² А. Вайнштейн. Цитируемая статья в журнале „Плановое Хозяйство“.

В. К.) в Германии, благодаря применению минеральных удобрений», категорически утверждает Н. П. Огановский.

Проверим эти утверждения на фактах. Исчислим величину темпа роста урожайности пшеницы для главнейших ввозящих пшеницу стран, каковыми являются: Англия, Германия, Бельгия, Голландия, Франция, Дания. В мировом производстве пшеницы все эти страны вместе составляют не более 5% всего мирового сбора. Что же касается высоты урожайности у них, то по данным Римского Сельскохозяйственного Института на первом месте в мире по урожайности пшеницы стоит Дания—30,3 квнт. на га, затем Голландия—27,4 квнт., Бельгия—26,2 квнт., Англия—22,6 квнт., Германия—18,7 квнт., Франция—15,0 квнт. на га.

Графическое овеществление урожайности пшеницы в этих странах дано в графике 4.

Из графика следует, что: 1) урожайность пшеницы в Англии и Дании очень медленно растет, 2) кривую урожайности пшеницы в Германии можно разбить на три эпохи: первая эпоха — с 1878 г. по 1891 г. (также как и в САСШ), вторая — 1892 г. по 1900 г., период наибольшего темпа роста урожайности пшеницы в Германии, и третья эпоха — с 1902 г. по 1914 г., период резкого снижения темпа урожайности (подготовка к войне 1914 г. — работа химической промышленности на военные нужды), 3) довольно умеренный рост урожайности в Бельгии, Голландии и Франции.

Граф. 4.

Аналитическая обработка данных, взятых из Французского статистического ежегодника („Annuaire Statistique de la France“, 1922), дает такие результаты (в квнталах):

Англия	$Y=19,40 (1,0046)^x$ н. 1882—1914
Дания	$Y=24,37 (1,0058)^x$ н. 1882—1914
Бельгия	$Y=21,60 (1,0155)^x$ н. 1900—1914
Голландия	$Y=17,63 (1,0128)^x$ н. 1885—1920
Франция	$Y=6,149 (1,0148)^x$ н. 1816—1832
	$Y=7,65 (1,0044)^x$ н. 1832—1869
	$Y=10,69 (1,0074)^x$ н. 1875—1913
Германия	$Y=12,39 (1,0010)^x$ н. 1878—1892
	$Y=16,04 (1,0205)^x$ н. 1892—1900
	$Y=49,30 (1,0083)^x$ н. 1902—1914

Из приведенных уравнений следует, что темп роста урожайности пшеницы в Англии на отрезке времени 1882—1914 г.г. равняется—0,46% в год, в Голландии на отрезке времени 1885—1920 г.г. —1,28% в год, в Дании на отрезке времени 1882—1920 г.г. —0,58%, в Бельгии на отрезке времени 1900—1914 г.г. —1,55%, во Франции —0,74%, в Германии до 1892 г. —1%, с 1892 г. по 1900 г. —2,05% и с 1902 г. по 1914 г. —0,83%.

Итак, ни одна из ввозящих стран, в том числе и Германия, не имела темпа роста урожайности большего, чем имела довоенная Россия. Абсолютные приращения у этих стран действительно велики благодаря большим размерам урожая, получаемых с одного гектара.

Но для экономики страны величина темпа имеет большее значение, чем величина абсолютного размера урожайности, особенно на первых шагах развития сельского хозяйства страны. Имея большой темп, но меньшее количество, можно быть твердо уверенным, что мы по абсолютной величине урожайности сравнительно скоро нагоним капиталистические страны. Утверждения же Огановского и Вайнштейна, как следует из оформленных фактов, неправильны.

Таким образом мы можем установить следующее:

1. Темп роста урожайности пшеницы в главнейших странах мира до 1915 г. не превышал 3,0% (сложных годовых).
2. Рост урожайности совершается не только путем ежегодного постоянного относительного наращивания, но и путем скачков, быстрого перехода на иную высоту с переменной при этом темпа.
3. При скачкообразном росте урожайности возможны после скачка как случаи понижения темпа, так и резкого повышения темпа.
4. Довоенная Россия имела максимальные для капиталистического мира темпы роста урожайности пшеницы.

Циклические колебания темпа урожайности пшеницы.

Темп роста урожайности в предыдущих разделах статьи нами был аналитически оформлен для определенных отрезков времени, для определенных эпох.

Применяя метод наименьших квадратов, мы находили численное значение параметра σ для показательной функции вида $a = y\sigma^x$.

Параметр σ , найденный таким способом представляет из себя величину среднего темпа за всю эпоху.

Величина темпа, исчисленная при помощи метода наименьших квадратов, на темповом графике¹ представляется прямой линией, параллельной оси X-ов, если же темп меняется (новая эпоха), то происходит сброс вниз или скачек вверх, и после этого кривая темпа идет опять параллельно оси X-ов, но на ином расстоянии от нее.

Оформленные нами значения величины темпа урожайности представляют, однако, только среднее значение темпа урожайности на взятом отрезке времени.

Если же исчислим темп роста урожайности для каждого года (т.е. относительный прирост каждого года по отношению к предшествовавшему) и нанесем полученные числа на темповый график, то будем иметь совершенно иную картину (см. график 5).

Погодный темп роста урожайности озимой пшеницы в СССР на протяжении 45 лет сильно колеблется от года к году.

В некоторые годы мы имеем, что величина² $\tau^1) = -73$, а в другие $+167$. Очень редко встречается пара лет с одинаковыми значениями для τ . Кривая величины τ для озимой пшеницы ясно показывает, как сильно может изменяться и изменяется значение величины τ от года к году.

Но, если величина τ так сильно меняет свои значения от года к году, то, естественно, возникает такой вопрос. Как можно аналитически описать количественные изменения величины τ для всего ис-

¹ „Темповыми“ графиками мы называем такое графическое изображение величины темпа, когда по оси X-ов мы откладываем года, а по оси Y-ов соответствующей им значения темпа.

² Греческой буква τ (тау) мы будем впредь обозначать средний темп изучаемого экономического явления.

следуемого отрезка времени в целом, учитывая циклические колебания ее? Наиболее пригодным орудием, из арсенала высшей статистики, для точного аналитического описания изменений величины τ во времени является, так называемый, гармонический анализ, которому предстоит в будущем играть большую роль при изучении циклических колебаний в экономике.

Для того чтобы аналитически оформить при помощи гармонического анализа циклическую темп урожайности озимой пшеницы, мы должны найти параметры такого уравнения:

$$y = a_0 \times a_1 \sin \left(\frac{2\pi t}{p} + a \right)$$

Параметры a_0 , a_1 и λ определяем с помощью метода наименьших квадратов, после того как найден будет параметр — p — величина периода, путем построения специальной периодограммы.

Граф. 5.

Для озимой пшеницы значения ординат периодограммы, исчисленные на основании данных о темпе ее за 45 лет (1871—1916), будут такие:

P = период в годах	$\frac{A^2_n}{4}$ ордината периодограммы
3	42910 ³
4	145 ³
5	59 ³
6	81 ³
7	5 ³
8	10 ³

Из приведенных значений ординат периодограммы следует, что наиболее вероятный период колебаний темпа будет 3 года.

Исчисляя значения параметров a_0 , a_1 и λ при $p=3$ для отрезка времени 1878—1910 г.г., мы получаем такое эмпирическое уравнение:

$$y = 110 + 29,1 \sin (120t + 174^\circ 41')$$

Графическое овеществление этого уравнения на 1878 г.¹ дано на графике 5, при чем синусоида продолжена до 1932 г.

Познавательное и практическое значение этого уравнения велико, ибо влияние метеорологических факторов на урожайность в ближайшем пятилетии может быть ослаблено, но не исключено совсем. Поэтому,

¹ Значение a_0 больше, чем параметр σ для озимой пшеницы, потому что она представляет из себя средне-арифметический темп.

нам нужно твердо знать, в каком году будет снижение темпа, благодаря недостатку влаги и неблагоприятному помесечному распределению тепла в течение года. Тогда мы будем в состоянии своевременно подготовиться к преодолению этих „капризов“ природы. Но знание этих „кризисных“ лет возможно (посмотрите на теоретическую синусоиду, как она показывает „кризисные“ годы на протяжении 1915—1932 г.г.) лишь при применении к изучению хода метеорологических элементов во времени и связи с урожайностью методов высшей статистики. Планировать же на 5 лет вперед темп в виде прямой линии на темповом графике, которая проходит выше 0 на „7“ делений, в силу вышеуказанных причин нельзя и поэтому необходимо его задавать в виде синусоиды с $a_0 = 7,0\%$ (сложных).

Цикличность темпа урожайности, равно как и самой урожайности, является тем сложным объектом, познание которого абсолютно необходимо, если мы желаем его устранить из поля социалистического хозяйствования, если мы желаем выполнить на 100% наш пятилетний план.

Строение сводного темпа роста урожайности.

Под „сводным“ темпом урожайности мы понимаем темп, образованный из темпов роста урожайности на отдельных, наименьших по величине, единицах площади.

До сих пор мы, фактически, все время имели дело только со сводными темпами и притом для довольно крупных территориальных единиц. Мы анализировали темп роста урожая пшеницы на Украине в целом, Европ. России и т. д.; оперировали с величинами, полученными в результате сложения валового сбора как в неурожайных местностях (отрицательный темп), так и в урожайных; полученная сумма делилась на посевную площадь—в результате получалась средняя урожайность для всей страны. Таким образом „сводный“ темп урожайности для страны получается из совокупности темпов наименьших административных единиц: районов, уездов, при чем целый ряд этих единиц имеет отрицательный темп роста.

При планировании сельского хозяйства в такой огромной по территории сельскохозяйственной стране, как СССР, недостаточно установить общий темп урожайности в целом для всех культур. Необходимо еще каждой отдельной административной единице задать директивно такой наибольший темп урожайности, какой возможно осуществить в данной местной ситуации. А это требует знания состава всей совокупности темпов роста урожайности в стране в целом, ибо средний темп для всей страны еще очень мало характеризует истинное положение дел внутри страны, по мелким административным единицам. Пользуясь материалами ЦСУ УССР, напечатанными в „Збірнике сільсько-господар. відомостей“, мы попробуем образовать из данных урожайности озимой пшеницы за 1925, 26, 27 и 28 гг. для 41 округа, совокупность темпов и проанализировать ее структуру.

Для этого необходимо сделать кривую распределения округов (лучше было бы районов) по величине темпа роста урожайности.

Используя данные ЦСУ УССР об урожайности пшеницы за два года (1925 и 1926) в поокружном разрезе, мы построили такое распределение округов УССР по величине темпа урожайности пшеницы.

Распределение округов УССР по величине темпа урожайности озимой пшеницы в 1926 г.

Темп (1925 = 100) Y_1		(взвешено по вал. сбору и переведено на 1000) Y_1		
< 60	17			
60,1 — 70	93	110,1 — 120	161	$M = 126,4$
70,1 — 80	23	— 130	6	$\sigma = 35,54$
— 90	56	— 140	165	$V = 28,1\%$
— 100	77	— 150	41	
— 110	23	— 160	52	
		170 > —	276	
			1000	

Распределение величины τ дает нам представление о строении совокупности темпов, о строении сводного темпа. Так как 1926 г. был годом урожайным, то сумма частот влево от значения величины $\tau = 0$, т.е. от 100, составляет лишь 26,6% всей суммы частот. Это значит, что 26,6% всего валового сбора было собрано в округах с отрицательным темпом урожайности, а 73,4% — в округах с положительным темпом урожайности. Распределение ассиметрично.

Наличие больших и глубоких провалов в частотах для некоторых значений величины τ объясняется малым количеством вариантов, хотя нами были приняты специальные меры (взвешивание по сбору), чтобы этот недостаток устранить.

Сравним теперь строение сводного темпа 1926 г. со строением сводного темпа 1928 г. Пользуясь данными того же статистического сборника и применяя тот же метод для построения распределения округов по величине τ , мы получили такие результаты.

Распределение округов УССР в 1928 г. по величине темпа роста урожайности озимой пшеницы.

Темп Y_0		(1927 = 100) Y_1		
10 — 20	17	70,1 — 80	245	$M = 67,48$
20,1 — 30	9	— 90	171	$\sigma = 23,08$
— 40	86	— 100	19	$V = 34,3\%$
— 50	79	— 110	0	
— 60	255	— 120	0	
— 70	53	— 130	66	
			1000	

При сравнении распределения для 1928 г. с распределением 1926 г. мы сразу же замечаем сильное расхождение: во-первых, провалов стало меньше; во-вторых, сумма частот, находящихся над отрицательными значениями величины τ ($\tau < 0$; < 100), увеличилась и составляет 93,4% всех частот. Вправо от значения $\tau = 0$ (100) стоит лишь одна одинокая частота (Волинский округ). Стало быть, и в неурожайные годы часть округов имеет положительный темп урожайности. Если бы мы имели в своем распоряжении порайонные данные, то безусловно сумма частот с положительным τ была бы больше. Итак, для 1928 г. мы имеем, что 93,4% всего валового сбора было собрано в округах с отрицательным значением величины τ . Среднее значение величины τ равно — 32,5, в то время как для 1926 г. оно равнялось + 26,4%.

Коэффициент вариации в 1928 г. стал больше на 19% — очень характерный признак для структуры сводного темпа неурожайного года.

Мы ни для 1926 г., ни для 1928 г. не даем полного аналитического описания кривой распределения, так как это было бы слишком

поспешно и необоснованно по двум распределениям утверждать, что кривая распределения темпов урожайности может быть достаточно удовлетворительно аналитически описана уравнением n -го типа кривых Пирсона. Такой подход к установлению типа функции был бы формальным подходом без предварительного качественного анализа сущности явления и детального исследования кривых распределения темпа для различных стран и изменения их структуры во времени.

Таково строение сводного темпа урожайности озимой пшеницы на Украине в 1926 и 1928 гг.

Какое же строение имеет сводный темп урожайности других культур и в других странах, и как оно изменяется во времени.

Хотя ответить полностью на этот вопрос мы не сможем, ибо в этой работе делаем только первую рекогносцировку в неисследованных уголках проблемы урожайности, но тем не менее мы воспользуемся данными по урожайности пшеницы в 1925 и 1926 г. в САСШ, взятыми нами из американского статистического ежегодника (Statistical Abstract of USA 1928 г.), чтобы сделать распределение штатов по величине темпа урожайности для 1926 г.

Исчислив темп урожайности пшеницы для каждого штата и разгруппировав их по тем же интервалам, как и для УССР, мы получили такие результаты.

Темп роста урожайности пшеницы в САСШ.

(взвешено по валовому сбору и перевезено на 1000)

Темп роста урожайности	x	y ¹	y ¹	
1925=100	60	14	120,1 — 130	8
			— 140	56
	60,1 — 70	94	— 150	62
	— 80	1	— 160	—
	— 90	42	— 170	183
	— 100	169	170,1 — 180	124
	— 110	99		
	— 120	147		
			1000	

M = 123,44
σ = 36,25
V = 29,4%

1925 г. 12,9 бушелей на 1 акр.

1926 г. 14,8

τ = 14,8 (114,8)

Сравнивая распределение для пшеницы САСШ с таким же распределением для УССР, мы должны отметить наличие известного сходства между ними. Тот же „сосулечный“ вид оно (гистограмма) имеет, при чем „сосульки“ наибольшей длины приходятся на одинаковые значения величины. Размах для варианта в обеих совокупностях тождественный. Сигмы разнятся между собой на 1,5%, коэффициенты вариации на 4%, и средние значения величины τ на 2,5%. При этом для САСШ мы имеем превышение сводного темпа, полученного непосредственно из данных по всей Америке, над сводным темпом, взятым из распределения (M) только в 1,6 раза, в то время как в УССР это превышение гораздо больше (6,5 раза).

Аналитическое описание этого распределения мы тоже не приводим по вышевысказанным соображениям.

Результаты нашей первой, небольшой разведки в этой совсем неисследованной области—строения сводного темпа—можно сформулировать так:

1. Проблема строения сводного темпа урожайности является чрезвычайно сложной проблемой, требующей как знания самого явления,

так и знания высшей статистики, чтобы можно было надежно аналитически описать и, при достаточном глубоком изучении, установить закон.

2. Положительный или отрицательный сводный темп еще совсем не означает, что входящие в совокупность отдельные административные единицы, из которых он взят, имеют такой же темп как по величине, так и по направлению.

3. При незначительной величине сводного темпа отдельные точки совокупности имеют значения, в десятки раз превышающие его. Относительная колеблемость (величина коэффициента вариации) довольно велика и в 5 раз превышает колеблемость темпа роста мощности первичных двигателей в САСШ. Этот факт очень важный и свидетельствует о том, что исчисление сводного темпа урожайности нужно производить с величайшей осторожностью, на основе точно установленной урожайности для наименьших административных территориальных единиц (волося, район).

4. Кривая распределения отдельных территориальных единиц по величине темпа сильно асимметрична.

5. Задавая какой-либо зерновой культуре сводный темп в размере 35%, необходимо также дать и строение сводного темпа, т.е. построить кривую распределения из заданных темпов роста урожайности каждому административному району, причем кривая распределения за 5 лет не должна иметь «отрицательной» площади, т.е. в среднем за пять лет в каждом округе должен быть продолжительный темп роста урожайности. Проектировка строения темпа для отдельного года обязательно должна включать предвидение возможного отрицательного темпа для ряда районов.

* * *

Произведенная нами рекогносцировка, с помощью высшей статистики, в области темпов роста урожайности пшеницы должна, по нашему глубокому убеждению, послужить толчком для всестороннего, массового, научного исследования проблемы темпов роста урожайности как остальных зерновых хлебов и технических культур, так и темпов роста важнейших элементов экономики сельского хозяйства. Нужно уметь надежно оформить темп роста урожайности, чтобы иметь материальную возможность проконтролировать выполнение пятилетнего плана развития сельского хозяйства СССР. Зачастую у нас думают, что достаточно иметь точные статистические данные, чтобы можно было сделать верные выводы об истинном положении вещей. Это неверно. Экономическая инженерия требует числовых выражений важнейших явлений, не только в форме «Итого» (статистическая техника), но и в форме довольно сложных математических формул (аналитическое описание). При наличии верных данных и знании лишь элементарной статистики в сделать точные и верные выводы, дать количественную формулировку связи и изменений явлений невозможно. Но этого властно требует растущая, новая наука—наука планирования социалистического хозяйства, и поэтому не может быть никаких сомнений, что это будет сделано.

¹ Обработка материала с помощью приемов элементарной статистики идет у нас очень часто под маркой „научной“ обработки материала. Ниже производим цитату из книги Кауфмана „Теория и методы статистики“ (изд. 1928 г., стр. 307), как иллюстрацию к нашему утверждению: „Научная обработка собранного материала, которая сводится главным образом (подч. нами В. К.) к изучению и сопоставлению рядов абсолютных чисел, и особенно (подч. нами В. К.) средних величин“.

По Кафману учатся сотни молодежи.

Об исчислении валовой и чистой продукции сельского хозяйства.

Чистая продукция за определенный отрезок времени является вполне определенным понятием, не допускающим двух толкований. Чистой продукцией, произведенной людьми, занятыми в какой-нибудь хозяйственной отрасли или хозяйственной единице, мы называем вновь произведенные ценности в данной хозяйственной отрасли или хозяйственной единице за определенный отрезок времени, иначе говоря, количество труда, кристаллизованное в виде вновь произведенных ценностей за определенный отрезок времени.

В противоположность чистой продукции, понятие валового оборота является условным. Условность эта вызывается тем, что в валовой оборот в той или иной мере включается ценность предметов и средств труда, представляющих из себя труд, кристаллизованный в ценностях, произведенных до начала данного производственного процесса, а с другой стороны — в составе валового оборота ценности, произведенные в один и тот же отрезок времени, могут повториться несколько раз (сырье и полуфабрикаты). Так, в ценности зерна содержится перенесенная ценность навозного и минерального удобрения, семян, основного капитала и т. д., в ценности продуктов животноводства содержится перенесенная ценность кормов, основного капитала и т. д.

Под валовой продукцией какой-нибудь отрасли хозяйства следует понимать ценность конечных продуктов производства данной отрасли, при чем конечным продуктом какой-нибудь отрасли хозяйства мы будем называть ту стадию обработки продукции, в которой впервые реализуется главная масса данной продукции. Под валовым оборотом продуктов всего хозяйства следует понимать сумму валовой продукции отдельных отраслей. Таким образом, объем валового оборота продуктов в хозяйстве при таком понимании будет зависеть от степени расчленения хозяйства на отрасли.

В данном случае мы переносим на сельское хозяйство понятия, принятые в промышленности, и по аналогии вводим два понятия валовой продукции для отдельных цехов и валового оборота для всего сельского хозяйства.

Перечень отраслей сельского хозяйства, по которым исчисляется валовая продукция.

Всего по сельскому хозяйству.

А. Всего по растениеводству.

В том числе:

1. Всего по зерновому хозяйству.

В том числе:

- 1) рожь и пшеница (продовольственные хлеба);

- 2) просо и гречиха (крупяные);
 - 3) ячмень, овес, кукуруза (кормовые);
 - 4) солома, колос, мякина всех зерновых культур.
- II. Всего по техническим культурам.

В том числе:

- 1) маслосемена;
 - 2) волокно льна;
 - 3) волокно конопли;
 - 4) хлопок-сырец;
 - 5) табак;
 - 6) махорка;
 - 7) свекла сахарная.
- III. Всего по плодовоовощам.

- 1) картофель;
- 2) овощи и корнеплоды (кроме сахарной свеклы);
- 3) бахчевые культуры;
- 4) фрукты и виноград.

IV. Всего по травосеянию и луговодству:

- 1) сенные травы;
- 2) сено естественных лугов;
- 3) семена посевных трав.

Б. Всего по животноводству.

В том числе:

- 1) мясо;
- 2) молоко и масло;
- 3) птица;
- 4) яйца;
- 5) шерсть;
- 6) кожи крупные;
- 7) кожи мелкие;
- 8) навоз;
- 9) пчеловодство;
- 10) шелководство;
- 11) прочие продукты животноводства;
- 12) прирост скота, с учетом амортизации рабочих лошадей;
- 13) продукция тяги.

Примечание. Дополнительно к исчислению валовой продукции данных отраслей в указанном выше смысле должна быть поставлена задача опытного исчисления наращивания валового оборота и чистой продукции в результате первичной домашней переработки продуктов.

По вопросу о границах, отделяющих сельское хозяйство от прочих отраслей народного хозяйства, существует целый ряд точек зрения. Как известно, отдельные отрасли промышленности выделялись из сельского хозяйства. Метафизикой чистейшей воды являются попытки некоторых авторов наметить границы сельского хозяйства, не конкретизируя этих попыток к определенной данной стадии развития хозяйства. Подходя с диалектической точки зрения, процесс разделения хозяйства на сельское и промышленность следует рассматривать как расщепление одного целого качества на два полярных качества, которые с ходом дальнейшего развития народного хозяйства превращаются в новое качество, где границы сельского хозяйства и промышленности стираются. Аналогичен вопрос о противоречии между городом и деревней, когда в порядке социальной реконструкции поселения, старого типа города и деревни с их полярными качествами

превращаются в социалистические агро-города. Здесь только следует иметь в виду, что «чтобы стать качественным, изменение должно достигнуть известного количественного предела. Кто забывает об этом, тот именно лишается возможности высказывать о определенных суждения о свойствах предметов».

Не вдаваясь в чисто теоретические споры о том, что называется сельским хозяйством, под сельским хозяйством, в узком значении этого слова, мы будем понимать культуру растений и животных, при чем условно намечаются границы, отделяющие сельское хозяйство от промышленности, по каждой отрасли отдельно. Соответственно этому, чистая продукция сельского хозяйства будет расчленена на две крупных отрасли — растениеводство и животноводство. Продукцию лесоводства и рыбоводства, отличающихся рядом особенностей, мы не включаем в продукцию сельского хозяйства.

При исчислении валового оборота продуктов растениеводство должно быть расчленено на отдельные культуры и их группы. Точно так же и животноводство должно быть расчленено на дробные отрасли, с обязательным выделением продукции живой тяги.

Вопрос о чистой продукции тяги должен быть решен в связи с общим вопросом о пассажирском и грузовом транспорте в народном хозяйстве.

Для исчисления чистой продукции из валового оборота продуктов необходимо вычесть стоимость посевного материала, кормов, топлива и смазочных веществ, навозного и минерального удобрения, стоимости тяги, амортизацию капиталов (в инвентаре и хозяйственных постройках, в капитальных вложениях: ирригации, дренаже и т. п.) и прочих материальных затрат (лекарств, снаповязального шпагата и т. д.).

При исчислении амортизации, ремонта и прочих материальных затрат, особое внимание должно быть обращено на выделение части указанных расходов, приходящихся на сельское хозяйство, ибо только эта часть и должна вычитаться из валовой продукции для получения чистой продукции.

При исчислении чистой продукции отдельные элементы в натуральном выражении берутся из соответствующих балансовых работ, построенных на основе всей совокупности статистических материалов, с максимальным привлечением данных сплошного учета, как-то: заготовок, транспортных данных, цензовой промышленности и т. п. Как минимум, для исчисления чистой продукции сельского хозяйства, должны быть построены следующие балансы:

- 1) продуктовые балансы по растениеводству;
- 2) продуктовые балансы по животноводству;
- 3) кормовой баланс;
- 4) силовой баланс живой и механической тяги;
- 5) баланс капиталов сельского хозяйства.

Все мелкие статьи, не предусмотренные перечисленными балансами, должны исчисляться на основе сплошных данных о реализации, и только при недостатке материалов следует обращаться к бюджетному материалу.

Валовой оборот и чистая продукция должны быть исчислены по социальным секторам сельского хозяйства:

- 1) совхозам;
- 2) колхозам;
- 3) индивидуальным крестьянским хозяйствам.

Индивидуальные крестьянские хозяйства должны быть расчленены на три социальных группы:

- 1) пролетарские и полупролетарские;
- 2) простые товаропроизводители;
- 3) мелко-капиталистические хозяйства.

Расчленение получается, в основном, при помощи соотношений коэффициентов, выведенных из разработки полных бюджетов, а также на основе материалов групповых балансов.

Исчисление валового оборота и чистой продукции должно быть произведено за сельско-хозяйственный год, при чем материальные издержки принимаются под урожай того года, по которому исчисляется валовая продукция.

Наиболее сложным вопросом при исчислении валового оборота и чистой продукции является оценка натуральных показателей. Не вдаваясь во всю теоретическую сложность проблемы оценки, здесь все же необходимо указать, что «конкретные цены отдельных товарных групп и товаров отнюдь не совпадают с их трудовой ценностью. Они отклоняются вверх и вниз от своего ценностного уровня, определяемого условиями производства, под влиянием тех или иных условий распределения. В условиях капиталистического хозяйства, как известно, средний уровень цен всей товарной массы, взятой в целом, определяется законом ценности, т. е. суммой общественно-необходимых трудовых затрат, олицетворенных в этой товарной массе». (См. Струмилин «Планов. Хозяйство», № 5, 1928 г. *Подч. автором*).

Таким образом, оценка отдельных элементов производства по любым ценам отразит не действительное соотношение масс чистой продукции, а поверхностные, внешние соотношения, которые появляются на рынке.

В виду вышеуказанного конкретные методы оценок должны быть построены в соответствии с теми основными задачами, которые мы себе ставим при исчислении валового оборота чистой продукции сельского хозяйства.

Одной из главных задач при исчислении валового оборота и чистой продукции мы ставим себе отображение удельного веса продукции сельского хозяйства в народном хозяйстве, а также удельного веса социальных секторов сельского хозяйства и социальных групп крестьянских хозяйств в общей продукции сельского хозяйства как во времени, так и в пространстве. Для этой цели продукция одного качества отдельных секторов и социальных групп должна быть оценена по одним и тем же ценам в пределах одного года.

Для того, чтобы проследить динамику продукции во времени, оценку можно произвести по ценам соответствующих лет и по неизменным ценам. При этом, если мы желаем учесть динамику «физического объема продукции» во времени, мы должны произвести оценку продукции в неизменных ценах базисного года (можно было бы остановиться на исходном для исчисления годе). При таком положении цена является только условным коэффициентом, позволяющим привести разнородные по своему характеру продукты к одному знаменателю. В качестве такой цены по каждому продукту могла бы служить или заготовительная цена или «цена производителя» (средне-взвешенная по всем секторам сельского хозяйства — цена первой продажи).

Таким образом, основной предпосылкой при исчислении динамики физического объема продукции и для правильного отображения

Удельного веса социальных секторов является оценка продуктов одного качества по одной цене.

Что касается оценки продукции по фактическим ценам реализации продуктов производителями в соответствующие исчислению годы, то такая оценка при сопоставлении с оценкой в неизменных ценах, дает представление об общем характере изменения цен произведенных продуктов, с учетом конъюнктурных отклонений.

Сопоставление оценки в конкретных ценах с оценкой в одинаковых ценах по социальным секторам и разрыв между этими двумя оценками даст отчетливое представление, в какой мере частный сектор может получить дополнительное количество денег, реализуя часть своих товаров по спекулятивным ценам. Вместе с тем, оценка продукции разных социальных секторов по одним ценам даст представление о физическом объеме производства, не преуменьшая роли обобществленного сектора. Анализ причин, обуславливающих те или иные ценностные сдвиги, является особой задачей.

Но значительно показательнее изучение таких сдвигов по отношению к товарной части, так как там эти ценностные сдвиги будут взвешены по фактически прошедшим через рынок количествам продуктов, т.е. будут соответствовать фактической оценке товарной массы, прошедшей через рынок.

Все цены первой продажи продуктов производителями в наших условиях можно разбить на две группы цен. Цены обобществленного сектора (заготовительные) и цены частного сектора (все цены, кроме заготовительных). Природа этих двух групп цен совершенно разная. Заготовительные цены в условиях СССР являются «орудием классовой политики», звеном в общей системе планового строительства. Наоборот, частные цены являются антиподом заготовительных цен. Рынок у нас является ареной острой классовой борьбы. Всякие заминки в производстве моментально используются частным сектором для самой беззастенчивой спекуляции, и разрыв между заготовительными и частными ценами достигает чудовищных размеров.

Для иллюстрации приведем разрыв между заготовительными и частными ценами по СССР в целом в 1927—28 гг., который по урожаю можно считать средним:

Продукты	Цена в рублях за декалонну по секторам		Разрыв цен	
	Обобществлен.	Частному	В рубл.	В %
Рожь	464	757	293	63,7
Пшеница	659	1050	391	59,3
Ячмень	501	794	293	58,5
Овес	421	751	330	78,4
Крупяные	458	812	354	77,3
Подсолнечник	755	1009	254	33,6
Льняное семя	1046	1348	302	28,9
Конопляное семя	753	1126	373	49,5
Лен-волокно	3970	4319	349	8,8
Мясо и сало	4182	4499	317	7,6
Масло коровье	14310	15920	1610	11,3

Таким образом, по некоторым продуктам цены частного рынка в два с лишним раза выше заготовительных цен. По главным зерновым хлебам это превышение от 58,5 до 78,4%. Отсюда ясно, что оценка продукции по фактическим ценам отчуждения дала бы неправиль-

ное представление об объеме производства по различным группам производителей. Еще более резкий разрыв между ценами обобществленного и частного секторов должен был иметь место в 1928—29 гг., когда частная торговля хлебом, в силу продовольственных затруднений, носила ярко выраженный спекулятивный характер.

Как уже было указано выше, условность оценки валовой и чистой продукции будет тем больше, чем меньше рыночный оборот по данному продукту, при чем трудности по оценке будут тем больше, чем меньше товарность данного продукта, с одной стороны, и чем меньший процент товарной части охвачен заготовками, с другой стороны. В этом отношении отдельные отрасли сельского хозяйства находятся не в одинаковом положении.

Продукты	Товарность в %			Охват валового сбора заготовками в %		
	1925/ -26 г.	1926/ -27 г.	1927/ -28 г.	1925/ -26 г.	1926/ -27 г.	1927/ -28 г.
Свекла сахарная	95,4	96,4	96,8	95,4	96,4	96,8
Хлопок-сырец	96,6	96,6	96,6	96,6	96,6	96,6
Табак	94,8	94,9	95,7	87,9	96,0	76,3
Махорка	92,6	92,8	93,3	62,9	70,3	62,8
Кожи крупные	83,3	84,9	88,6	53,9	61,0	70,4
Семя прочее	45,3	52,5	60,5	34,9	22,8	20,9
Семя подсолнечное	61,1	56,7	60,1	35,9	28,8	46,1
Масло коровье	51,8	48,1	51,3	13,2	17,1	18,7
Всего маслосемян	50,7	44,4	46,8	30,4	24,1	33,8
Кожи мелкие	39,4	39,3	46,1	26,9	24,1	34,5
Лен-волокно	52,0	42,9	45,3	49,4	39,7	41,9
Яйца	30,9	34,1	39,1	11,7	16,9	22,7
Фрукты и виноград	33,0	35,5	38,3	—	—	—
Семя льняное	47,8	42,3	34,7	33,1	31,6	24,1
Мясо и сало	32,1	30,8	34,0	5,2	7,0	15,5
Крупяные	24,5	26,8	32,3	8,3	9,1	12,1
Пшеница	29,0	29,5	31,2	17,3	24,2	25,3
Кукуруза	19,3	24,3	26,2	7,9	9,5	8,2
Молоко и молоч. пр.	21,3	20,9	23,9	3,7	4,8	5,5
Проч. втор. прод. жив.	23,2	23,0	23,4	7,8	9,0	13,7
Шерсть	16,3	19,3	22,8	7,6	10,2	14,6
Пенька	16,7	18,8	19,1	10,0	11,3	12,8
Рожь	16,1	15,2	16,1	6,6	8,4	9,7
Прочие	24,0	17,6	15,6	6,0	6,0	8,7
Семя конопляное	15,9	12,3	13,7	5,4	3,2	6,0
Овощи	13,9	14,3	13,2	—	—	—
Ячмень	19,1	16,7	12,6	13,8	6,8	5,0
Овес	12,9	11,8	12,5	6,1	7,1	6,0
Бахчевые культуры	5,7	7,6	8,7	—	—	—
Картофель	6,9	6,8	6,8	0,5	0,6	0,4
Луговоеводство	4,6	4,1	4,1	—	—	—
Сеянные травы	5,1	4,1	3,4	—	—	—
Солома, колос, мякина	0,7	0,6	0,7	—	—	—
Навоз	—	—	—	—	—	—

Само собою разумеется, что по таким продуктам, как навоз и солома, товарность которых меньше 1%, оценка продукции будет весьма условной операцией. Что касается некоторых других продуктов — фруктов, овощей, бахчевых культур, сеянных трав и т. п., то здесь качество рыночной продукции и используемой в хозяйстве может весьма разниться, а потому и к оценке здесь необходимо подойти крайне осторожно, с учетом местных особенностей и, весьма возможно, придется пользоваться экспертными оценками.

Следует указать, что в общей валовой продукции сельского хозяйства роль мало-рыночных продуктов очень велика: так, если все продукты разбить по степени их товарности, то получается такая картина удельного веса отдельных групп:

Группы продуктов по размерам и товарности	Стоимость в ценах производителя 1927/28 г.	
	В млн. руб.	В % к итогу
12,5	6527,0	37,2
12,6—25,0	5627,4	32,1
25,1—50,0	4685,6	26,7
50,1 и выше	690,0	4,0
Вся продукция	17530,0	100,0

Таким образом, продукты малой товарности составляют наиболее крупную группу, куда входит больше одной трети стоимости всей продукции сельского хозяйства. Еще более высок удельный вес группы продуктов с небольшим охватом заготовками, т. е. по существу той группы, где заготовительные цены не могут считаться характерными для всей массы продуктов.

Удельный вес разных групп сельско-хозяйственных продуктов по размеру охвата продукции заготовками обобществленного сектора таков:

Группа продуктов по охвату продукции заготовками	Стоимость продуктов в ценах производителя 1927/28 г.	
	В млн. руб.	В % к итогу
5	7.609,3	43,4
5,1—15,0	5.247,4	29,9
15,1—50,0	4.152,2	23,7
50,1 и выше	521,1	3,0
Вся продукция	17.530,0	100,0

Таким образом, свыше 40% всей стоимости продукции сельского хозяйства составляется из продуктов с заготовками меньше 5% и около трех четвертей продукции сельского хозяйства характеризуется охватом заготовками до 15%.

Такая малая товарность многих продуктов сельского хозяйства и небольшой охват этих продуктов заготовками выдвигает две задачи, без разрешения которых немыслимо исчисление чистой продукции сельского хозяйства, которое производится суммарно по всем отраслям.

Во-первых, при исчислении чистой продукции сельского хозяйства совершенно одинаковое значение имеют как исчисления по высоко-товарным продуктам, так и исчисления по малотоварным продуктам. Скажем, с точки зрения исчисления чистой продукции одинаково тщательно должен быть проработан баланс зерна и баланс фруктов, так как динамика чистой продукции (народного дохода) будет в равной мере определяться как той, так и другой отраслью.

Во-вторых, при исчислении чистой продукции необходим тщательный и всесторонний анализ цен по тем продуктам, которые имеют

малую товарность. В некоторых случаях, как скажем, по соломе, навозу, может быть, фруктам и некоторым другим продуктам возможно лучше прибегнуть к экспортным оценкам, которые позволят более правильно подойти к удельному весу в продукции тех отраслей, где рыночная оценка или является очень повышенной, или относится к продуктам другого качества.

Однако, для изучения динамики физического объема продукции сельского хозяйства главнейшим моментом является правильное исчисление натуральных балансов. То же положение, которое существует сейчас, когда по целому ряду продуктов даже не исчисляются натуральные балансы, ставит под вопрос целесообразность исчисления чистой продукции, которая является результатом (итогом) всех частных исчислений.